

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

6(72)'2018

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2018

УДК 81'27
ББК Ш100.621
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. С. В. ИВАНОВА (Санкт-Петербург, Россия)

PhD, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Москва, Россия; Тяньцзинь, Китай)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Республика Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор, кандидат филол. наук, проф. Й. СИПКО (Прешов, Словакия)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Челябинск, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – Вып. 6 (72). – 169 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2018

© Политическая лингвистика, 2018

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

6(72)'2018

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Svetlana V. Ivanova, Ph.D., Prof. (St. Petersburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia; Tianjin, China)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Joseph Sipko, Ph.D., Prof. Ph.Dr. (Prešov, Slovakia)
Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Chelyabinsk, Russia)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Москва, Россия	Новое мышление: начать и углубить. Михаил Горбачев как диегетический нарратор.....	10
Карасик В. И. Москва, Россия Тяньцзинь, Китай	Репортативы в сетевом дискурсе	20

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амиров В. М. Мужиковская В. Р. Екатеринбург, Россия	Холокост и стратегии искажения исторических событий трагедии в материалах российской блогосферы (на примере публикаций «LiveJournal»).....	28
Гольшикина Л. А. Новосибирск, Россия	Система риторических стратегий текстообразования как фактор эффективности политической коммуникации	34
Злобина О. Н. Ижевск, Россия	Реализация предостерегающей коммуникативной стратегии в политическом дискурсе.....	43
Золотайко А. И. Екатеринбург, Россия	Метафорический образ полиции в дискурсе общественного мнения США	49
Калинин О. И. Москва, Россия	Метафорический образ НОАК в СМИ КНР	55
Кислицына Н. Н. Симферополь, Россия	Лексико-стилистический инструментарий моделирования образа государства.....	60
Коптелова И. Е. Москва, Россия	Риторика поражения: предметно-тематический и языковой анализ признания поражения в президентской избирательной кампании в США (1996—2016 гг.).....	65
Милютин М. Г. Ижевск, Россия	Метафоризация мира политики в публицистических текстах А. А. Проханова (на примере статьи «Дама в шёрстке»/«Норка»).....	72
Шумакова А. П. Иваново, Россия	Квазилозунги на выборах президента Франции как лингвистическое и экстралингвистическое явление.....	78

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Дымова А. В. Екатеринбург, Россия	Концептуальное наполнение красного цвета в британском и американском английском (на материале вербального уровня креолизованного рок-текста).....	87
Ерофеева Е. В. Екатеринбург, Россия	Русские реалии в испаноязычной версии политического детектива А. Марининой «Украденный сон»	93
Полончук Р. А. Москва, Россия	Особенности перевода фразеологических единиц военной тематики с китайского на русский язык (на материале китайских периодических военно-политических изданий).....	101

Раздурев А. В. Пятигорск, Россия	Адаптация англоязычных терминов в русском языке (на материале терминосистем сфер нанотехнологий и политологии)	107
Хакиева З. У. Грозный, Россия		
Чепракова Т. А. Нальчик, Россия		
Шашок Л. А. Москва, Россия	Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов)	116
Шилова Е. Н. Екатеринбург, Россия	Театральные и текстовые средства политизации в пьесе Кэрил Черчилл «Это стул»	120

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Коростелева Л. В. Нижевартовск, Россия	Проблема определения признаков вербовки в судебной лингвистической экспертизе	127
--	--	-----

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ван Сяоси Ван Е Далянь, Китай	Тактики и приемы речевого воздействия в тексте выступления В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН	133
Гуань Шаоян Далянь, Китай	Политическая карикатура, или Мультимодальный политический дискурс	140
У Анна Москва, Россия	Характерные синтаксические особенности оформления высказывания в рамках англоязычного и русскоязычного политического дискурса (на примере современных политических выступлений)	144

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Барабаш О. В. Пенза, Россия	О V Международной конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.): итоги и перспективы	150
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия		
Соколова О. Л. Скопова Л. В. Екатеринбург, Россия	Парцелляция в русском и французском медиатексте: опыт корпусного анализа	160

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	166
--	-----

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

<p>Bazylev V. N. Moscow, Russia</p>	<p>New Thinking: Starting and to Deepening (Mikhail Gorbachev as a Diegetic Narrator)</p>	10
<p>Karasik V. I. Moscow, Russia Tianjin, China</p>	<p>Reportatives in Network Discourse</p>	20

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

<p>Amirov V. M. Muzhikovskaya V. R. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Holocaust and the Strategy of Historical Events Distortion in Publications of the Russian Blogosphere (Based on Publications of LiveJournal)</p>	28
<p>Golyshkina L. A. Novosibirsk, Russia</p>	<p>The System of Rhetorical Strategies of Text Production as a Factor of Effective Political Communication</p>	34
<p>Zlobina O. N. Izhevsk, Russia</p>	<p>Warning Communicative Strategy Realization in Political Discourse</p>	43
<p>Zolotaiko A. I. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>The USA Police Force in the Discourse of Public Opinion</p>	49
<p>Kalinin O. I. Moscow, Russia</p>	<p>Metaphorical Image of Chinese People’s Liberation Army in Chinese Mass Media</p>	55
<p>Kislitsyna N. N. Simferopol, Russia</p>	<p>Lexical and Stylistic Tools for Modeling the Image of the State</p>	60
<p>Koptelova I. E. Moscow, Russia</p>	<p>Rhetoric of Defeat: Conventional and Language Analysis of Concession Speeches of US Presidential Elections (1996—2016)</p>	65
<p>Milyutina M. G. Izhevsk, Russia</p>	<p>Metaphorization of Politics in Publicistic Texts by A. A. Prokhanov (Based on the Article «Lady in Fur» / «Mink»).....</p>	72
<p>Shumakova A. P. Ivanovo, Russia</p>	<p>Quasislogans in French President’s Elections as a Linguistic and Extralinguistic Phenomenon</p>	78

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

<p>Dymova A. V. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Conceptual Model of Red Colour in British and American English (Based on the Verbal Level of Creolized Rock-text).....</p>	87
<p>Erofeeva E. V. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Russian Realia in Spanish Version of the Political Detective Story “The Stolen Dream” Written by A. Marinina.....</p>	
<p>Polonchuk R. A. Moscow, Russia</p>	<p>Translation of Military Phraselolgy from Chinese into Russian (Based on Chinese Military Political Periodicals)</p>	101

Razduyev A. V. Pyatigorsk, Russia	Adaptation of English Terms in the Russian Language (on the Basis of Term Systems of Nanotechnologies and Political Science).....	107
Khakieva Z. U. Grozny, Russia		
Cherpakova T. A. Nalchik, Russia		
Shasok L. A. Moscow, Russia	Peculiarities of Military Discourse (on the Basis of Linguistic Research done by Russian Scholars)	116
Shilova E. N. Ekaterinburg, Russia	Theatrical and Textual Means of Politicising in Caryl Churchill's Play "This is a Chair"	120

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Korosteleva L. V. Nizhnevartovsk, Russia	Determining the Signs of Recruitment into an Extremist or Terrorist Organization in Forensic Linguistic Expertise	127
--	--	-----

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Wang Xiaoxi Wang Ye Dalian, China	Techniques of Speech Manipulation in V. V. Putin's Address at the 70th United Nations General Assembly.....	133
Guan Shaoyang Dalian, China	Political Cartoon or Multimodal Political Discourse	140
Wu Anna Moscow, Russia	Syntactic Peculiarities of Statements in the Framework of the English-Russian Political Discourse (Based on Contemporary Political Speeches).....	144

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Barabash O. V. Penza, Russia	The Vth International Conference "Language. Law. Society" (Penza, May 22—25, 2018): Results and Prospects.....	150
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia		
Sokolova O. L. Skopova L. V. Ekaterinburg, Russia	Parcelling in Russian and French Mediatext: Corpus Analysis	160
Manuscripts requirements		166

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев
Москва, Россия

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: НАЧАТЬ И УГЛУБИТЬ. МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ КАК ДИЕГЕТИЧЕСКИЙ НАРРАТОР

АННОТАЦИЯ. *Статья продолжает серию примеров психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие статьи автора были посвящены таким партийным и государственным деятелям, как Лазарь Каганович и Никита Хрущев, Леонид Брежнев и Эрих Хонеккер. Данная статья — это первая попытка автора обратиться в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива М. С. Горбачева — последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и единственного Президента СССР (1990—1991). Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Создание автобиографического нарратива определяет главное: политический лидер выступает в истории страны как диегетический нарратор. Анализируются интенциональные речевые действия политика в рамках нарративной повествовательной стратегии с использованием интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Исследование выполнено в парадигме современной нарратологии, которая интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленности) и фактуальности (действительности), а также типами нарраторов (повествователей), образом автора. Материал исследования — нарративный контекст, который М. С. Горбачев создавал вокруг себя начиная с 1967 года.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиография автобиографии политиков; автобиографический нарратив; политические деятели; политический дискурс; политическая лингвистика; лингвоперсоналогия; языковая личность; политические тексты; «новое мышление».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

Михаил Горбачев спрашивает у переводчика: «А как будет по-английски начать?» — «To begin», — отвечает переводчик^[1].

Советский анекдот 80-х гг. XX в.

Введение

Нарративный поворот — одно из важнейших явлений гуманитарной мысли рубежа XX—XXI вв., проявившееся во многих науках, от лингвистики и литературоведения до социологии и психологии. Нарратология интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленность) и фактуальности (действительность), а также типами нарраторов (повествователей), иерархией повествовательных инстанций (реальный и абстрактный автор, нарратор, идеальный и конкретный читатель, образ читателя), образом автора (наделение повествователя или персонажа-повествователя личностными, биографически выверяемыми чертами с целью игры с читателем). Кроме того, интерес обращен к тому, как автор провоцирует читателя, играя на акцентировании вымышленности или, наоборот, достоверности повествуемой истории [Борисенкова 2010; Шмид 2008].

Нарративный поворот в лингвистическом изучении политического дискурса еще не произошел в полной мере, и это представляется нам несправедливым, поскольку использование теоретического аппарата нарратологии (лингвистической, риторической и т. д.) обладает очевидным потенциалом

для исследования такого рода текстов. Ведь для массового адресата политический лидер был и остается одним из главных «рассказчиков». И это не просто метафора. Чуть-чуть перефразируя Е. А. Ямбурга [Острова утопии 2015: 603], скажем: все значительные политики, оставившие свой след в истории, — великие сказочники. Все они так или иначе стремились сконструировать свой мир, в основе которого — гармония человеческих отношений, гармония человека и государства, гармония между государствами. Другое дело, что эту гармонию они представляли себе по-разному, в соответствии со своими убеждениями, духом и стилем переживаемой эпохи. Но свои утопии, в отличие от писателей или художников, они строят не на холсте или бумаге, где возможен свободный полет ничем не ограниченной фантазии, а в реальных, порой чрезвычайно жестких условиях дисгармоничного мира.

Биографическая справка

Михаил Сергеевич Горбачев (род. 2 марта 1931 г.) — советский и российский государственный, политический и общественный деятель. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985—1991). Последний Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1988—1989). Первый председатель

© Базылев В. Н., 2018

Верховного Совета СССР (1989—1990). Первый и единственный Президент СССР (1990—1991) [Грачев 2001].

Материал к исследованию: Горбачев-нарратор в окружении своих текстов

Как и полагалось советскому политическому лидеру, к 1990 г. М. С. Горбачев удостоился публикации своего политического наследия — в семи томах вышли «Избранные речи и статьи». Таким образом, М. С. Горбачев активно начал создавать вокруг себя своеобразный нарративный контекст. Помимо названного семитомного собрания «выступлений и речей», которое начиналось с текстов 1967 г., он состоит из обширной серии интервью. От интервью газете «Совершенно секретно» в декабре 1991 г. до интервью газете «La Repubblica» в марте 2016 г. под заголовком «25 лет назад я пытался спасти СССР, но Ельцин меня предал» и серии бесед-интервью на радио «Свобода». За четверть века, прошедшие с момента его ухода с советского политического Олимпа, М. С. Горбачев напишет ряд автобиографических книг: «Декабрь-91. Моя позиция» (1992), «Годы трудных решений» (1993), «Жизнь и реформы» (1995), «Реформаторы не бывают счастливы» (1995), «Хочу предостеречь...» (1996), «Размышления о прошлом и будущем» (1998), «Наедине с собой» (2012), «Жизнь после Кремля» (2014), «Остаюсь оптимистом» (2017). Сегодня все это М. С. Горбачев собирает в единое многотомное собрание сочинений — на начало 2018 г. издано 27 томов. Свой исследовательский материал мы, однако, сознательно ограничиваем 1990 г., так как, во-первых, пишем о советском периоде нашей политической истории и о советском политическом дискурсе. Во-вторых, изменения дискурсивных практик в постсоветском лингвокультурном пространстве в целом приводят, естественно, к преобразованию дискурсивных практик даже тех политиков, которые, как М. С. Горбачев, формировались в советскую эпоху.

Автопортрет Михаила Горбачева как динамичная нарративная структура

Далее пойдет речь о портретном монологе, основанном на рассказе от лица героя. Как будет сказано в предисловии к «Избранным речам», «для читателя они ценны тем, что показывают, как формировался политический и теоретический стиль мышления автора, как складывались его подходы к назревшим общественным проблемам, к партийно-политической, экономической и идеологической работе» [Горбачев 1987, т.

1: 5].

Повествовательная природа большинства таких произведений очевидна, поскольку здесь имеется и нарратив, и нарратор. Автопортрет в данном случае допускает не столько статичное описание (дескриптивность), сколько динамику событий, т. е. динамичную нарративную структуру. В опубликованной статье 1978 г. «Передовой опыт — важный резерв» это уже проявляется со всей очевидностью. Напомним, что М. С. Горбачев с 1968 г. был вторым секретарем, а с 1970 по 1978 г. — первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Ставрополье является районом самой высокой концентрации овец в стране... Край является крупнейшим в Российской Федерации поставщиком тонкой шерсти, одним из главных производителей баранины... Значение Ставрополья состоит еще и в том, что здесь выращиваются для распространения ценные породы тонкорунных племенных овец... В конце 60-х годов в развитии этой отрасли обнаружилось довольно серьезное противоречие. Возможности экстенсивного развития овцеводства к этому времени были практически исчерпаны, особенно в связи с ликвидацией отгонных пастбищ и интенсивной распашкой угодий... Надо было искать выход в такой организации дела, которая обеспечила бы дальнейший рост продуктивности овец, полнее отвечала современным требованиям, лучше удовлетворяла запросы людей с точки зрения условий труда и быта... Благодаря широкому использованию передового опыта краевой партийной организации удалось провести коренную перестройку крупнейшей отрасли сельского хозяйства края — овцеводства [Горбачев 1987, т. 1: 207—208].

По мнению В. Шмида, как только в текст вводится временное измерение, история становится диегетической, т. е. относящейся к предстоящему в повествовании миру, и перестает быть историей экзегетической, т. е. относящейся к акту повествования или описания, историей повествования, излагающей изменения в сознании нарратора [Шмид 2008: 20].

Так, на встрече с избирателями Ипатовского избирательного округа Ставропольского края в феврале 1984 г. М. С. Горбачев откровенно скажет: *Мне как председателю Комиссии законодательных предложений Совета Союза^[2] хотелось бы сказать о совершенствовании законодательства. После утверждения Конституции СССР^[3] Верховный совет СССР принял ряд важнейших общесоюзных законов. Они еще более упро-*

чивают нашу социалистическую государственность, способствуют повышению роли Советов, ярче выявляют глубокий демократизм и гуманность нашего строя. Так, всенародно обсужденный и одобренный Закон о трудовых коллективах^[4] расширил полномочия основных ячеек нашего общества в решении производственных, социальных и воспитательных задач. Подлинно демократическим характером, огромной заинтересованностью отличается и обсуждение проекта школьной реформы^[5], идущей по все стране [Горбачев 1987, т. 2: 7—8].

Полностью признавая оправданность оппозиции диегетического и недиегетического нарратора, о которой пишет В. Шмид, мы считаем, что в автопортрете политика присутствует именно диегетический нарратор — во всяком случае, в портретном аутомонологе. Одним из оснований для этого является, на наш взгляд, утверждение самого В. Шмида: «Решающим для описательного или нарративного характера текста является не количество содержащихся в нем статистических или динамических элементов, а их итоговая функция. Функциональность произведения может быть смешанной, в большинстве случаев доминирует та или иная основная функция» [Шмид 2008: 19].

Исходя из данной формулировки, мы получаем теоретическое право говорить об автопортретах политиков как о нарративах, поскольку их доминантной функцией, несомненно, является наррация как речевое действие, т. е. процесс повествования о событиях, пережитых самим нарратором, а не их описание.

Как это звучит в Выступлении на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода в июне 1985 г.: *Встречи с трудящимися для партийного работника имеют огромное значение... В начале хотелось бы поделиться впечатлениями от знакомства с работой и жизнью вашего трудового коллектива. Скажу откровенно: у меня большое впечатление от бесед с трудящими предприятия, от всего, что увидел, что узнал...* [Горбачев 1987, т. 2: 282].

Или в ответе на вопрос журналиста в Выступлении по французскому телевидению в сентябре 1985 г.: **Вопрос.** *Господин Горбачев. Вы, похоже, практикуете новый метод общения, новый метод руководства. Есть ли „стиль Горбачева“? Если да, то как бы Вы могли определить этот стиль?* **Ответ.** *Я думаю, нет „стиля Горбачева“. Я уже говорил об этом. Если говорить о методах нашей работы и, в частности, о стиле моей работы, то это не что-то такое, что появилось вчера, месяц, два, три*

назад. Я всю свою жизнь так работал. Стиль, который мы культивируем в своей партии, мы определяем как ленинский стиль работы. Для него характерны такие черты, как широкое общение с трудящимися, гласность в работе, изучение реальных процессов, лежащих в основе формирования политики. Это все то, чему учил Ленин нашу партию. Я — горячий сторонник именно такого подхода. Пример Ленина — лучший пример. Мы идем по пути Ленина [Горбачев 1987, т. 2: 446].

Разумеется, итоговую функцию нужно определять всякий раз индивидуально, но в целом сомневаться в доминирующем нарративном характере большинства текстов, собранных для политика или самим политиком о самом себе, нет оснований. Если попробовать определить характер наррации в автопортрете политического деятеля, то ее с полным правом можно квалифицировать как автобиографическую, поскольку нарратор рассказывает именно о себе — своей жизни.

Нам посильно ставить и решать большие задачи. Надо только в своем мышлении перестроиться и идти широким шагом вперед. (Аплодисменты.) Надо отказаться от философии подражания. Не годится во всем идти по чужим следам, проторенными дорогами. Воспитывались мы на иных традициях и должны открывать новые перспективные направления... [Горбачев 1987, т. 3: 339].

Исторические и идеологические причины здесь понятны. Автобиографическая наррация порождается для массовой аудитории — адресата и воспринимается ею. Что касается 1980-х, то это та самая аудитория, которая восторженно ждала «перемен»^[6], приняв в эйфории «горбачевскую перестройку и гласность». Что вполне естественно, поскольку, теперь можно об этом говорить, индуцированные массовые психозы оправданы иерархической природой социума [Ефремов 2008].

В своих дальнейших рассуждениях я хотел бы взять за исходную очень глубокую ленинскую мысль, которая произвела на меня большое впечатление еще при первом чтении. С тех пор она, как одна из руководящих мыслей В. И. Ленина, определяет мои поступки и действия. Это положения я хочу напомнить, потому что оно может быть ключом к пониманию вопроса <...> Теперь мы имеем действительно научную, продуманную, я бы даже сказал, глубоко продуманную политическую линию — стратегию на ускорение социально-экономического развития страны [Горбачев 1987, т. 4: 86—87].

Мы живем с вами в переломное время.

Страна проходит в своем развитии очень важный этап. Происходит крутой поворот в жизни советского общества. И если все мы будем всегда помнить о важности нынешнего момента, о переломном его значении для наших судеб, для нашей страны, легче будет осознавать значение самой будничной работы, которую каждый из нас выполняет... [Горбачев 1987, т. 4: 88].

Диегетический нарратор очевидно фигурирует в двух планах — и в повествовании (как его субъект), и в рассказываемой истории (как объект).

В партии было ощущение необходимости перемен... Проблемы надо было решать... Я задумывался над этими проблемами, когда работал в Ставрополе... Это можно сказать о многих товарищах, которые работали в те годы на периферии... Мы видели реальные процессы, происходившие в обществе, чувствовали, что так дальше нельзя... Апрельский Пленум ЦК КПСС осуществил крупнейший прорыв в методах мышления, в подходах, в оценках. Но давайте сравним этот Пленум с недавним январским Пленумом. И мы увидим, как далеко мы продвинулись вперед... Это значит, что мы сами меняемся в ходе перестройки... [Горбачев 1988, т. 5: 56—57].

Когда говорят о популярности Горбачева (обратим внимание на с. 12, где приводится автохарактеристика Горбачева из его интервью. — В. Б.), речь идет, по-видимому, не о конкретном человеке, а о той политике, которую осуществляет советское руководство... [Горбачев 1988, т. 5: 58].

Встречи и беседы в эти дни с ленинградцами убеждают меня в том, что советские люди хорошо это понимают, готовы сделать все, чтобы задачи такого ответственного этапа перестройки, как бы они ни были сложны и трудны, как бы ни были новы, были успешно решены... [Горбачев 1988, т. 5: 354].

Верность приводимого выше утверждения о диегетическом нарраторе становится особенно наглядной, если обратиться к тому, как М. С. Горбачев рассказывает о событиях своей жизни в интервью корреспонденту «Известий КЦ КПСС» в мае 1989 г., выступая в роли повествующей инстанции в мире своего нарратива.

Корреспондент. Михаил Сергеевич, многие наши читатели обращаются к Вам с просьбой подробнее рассказать о себе, о Ваших родителях.

М. С. Горбачев. Должен признаться, что такие письма приходят и ко мне. Прежде всего, хочу сказать, что сейчас, в условиях гласности, о деятельности выс-

ших органов партии и государства, их руководителей рассказывается довольно-таки много — так, как это никогда еще не делалось. Выступления руководителей, их поездки по стране, встречи и беседы с трудящимися — все это уже прочно вошло в общественную жизнь. Благодаря этому советские люди — по крайней мере те из них, кто интересуется, — имеют возможность знакомиться с работой членов руководства страны, знать их позиции по тем или иным вопросам, судить об их политических, деловых и человеческих качествах [Горбачев 1990, т.7: 497].

Это воспринимается адресатом в своей полноте как реальная жизнь. Вот пример из Выступления по советскому телевидению 14 декабря 1987 г.

Визит в США очень ясно показал, с каким вниманием весь мир следит за нашей перестройкой. Задают бесчисленное количество вопросов, самых разнообразных. Что такое перестройка? Есть ли ей сопротивление? Насколько решительно мы с вами настроены в пользу перестройки? Не остановимся ли мы на полпути? Принимает ли народ столь глубокое обновление советского общества?

Это действительно неподдельный, искренний интерес к тому, что происходит в советском обществе на путях перестройки. Он свидетельствует о признании роли нашей страны в современном мире. А для нас с вами это еще одно напоминание о том, что чем успешнее мы будем вести революционное дело перестройки, тем успешнее пойдут дела и на международной арене.

Такова сегодняшняя реальная ситуация, такова диалектика мирового развития, еще одно свидетельство взаимосвязанности и целостности современного мира при всем его разнообразии и противоречивости. Это мы с вами должны хорошо понимать, иметь в виду, когда решаем конкретные, практические задачи в любом городе, в любой деревне, в каждом трудовом коллективе и в целом в стране.

Позвольте высказать слова признательности советским людям за нарастающий вклад в перестройку, за ответ делом на призыв партии к революционному обновлению общества, за активное участие в начавшихся преобразованиях, за поддержку усилий Центрального Комитета и правительства в борьбе за утверждение мира. Без всего этого не было бы успеха на прошедших переговорах, да и сами они едва ли могли бы состояться [Горбачев 1988, т. 5: 555—556].

Будучи партийным активистом, М. С. Гор-

бачев, естественно, привык говорить достаточно откровенно (по тем временам), рассуждая о поворотах собственной судьбы, которую можно признать вполне удачной. Напомним вехи его биографии: в 1956 г. — первый секретарь Ставропольского горкома комсомола, затем с 1958 г. — второй и в 1961—1962 гг. — первый секретарь крайкома ВЛКСМ; в 1962 г. — парторг крайкома КПСС, делегат XXII съезда КПСС, в 1963 г. — заведующий отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС, в 1966 г. — первый секретарь Ставропольского горкома КПСС.

Как и всем крестьянским детям, мне пришлось рано заняться хлеборобским трудом. С тринадцати лет я начал периодически работать в колхозе, а с пятнадцати — помощником комбайнера. В общей сложности в МТС проработал пять лет, совмещая учебу и труд в поле.

Атмосфера и весь уклад крестьянской семьи, с ранних лет совместный труд со старшими — все это, безусловно, не могло не повлиять на выработку характера, личной жизненной позиции. Школу я окончил успешно и в 1950 году поступил в Московский университет на юридический факультет [Горбачев 1990, т. 7: 498].

С другой стороны, адресат может и не посчитать нарратора «счастливчиком», идентифицируя его с собой: «он почти не бывает дома, так и остался всю жизнь „работягой“».

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, в тех письмах, которые приходят в журнал, есть вопросы, связанные с Вашим личным временем. Как складывается Ваш рабочий день? Задаются также вопросы об условиях жизни и быта, зарплате, гонорах и т. п. Можете ли Вы ответить на эти вопросы?*

М. С. Горбачев. *Коль скоро такие вопросы интересуют читателей — надо отвечать. О режиме работы... Трудный вопрос. Мой режим труда определяется и временем, в котором мы живем, и теми задачами, которые решает сегодня общество, и, конечно, теми обязанностями, которые возложены на руководителей партии и государства. Практически, кроме тех нескольких часов, которые уходят на сон, отключаться от дел не удастся. Неважно — нахожусь ли я в данный момент в ЦК, или в Президиуме Верховного Совета, или дома. Да чего греха таить — и во время отпуска работа не отпускает [Горбачев 1990, т. 7: 498].*

Конечно, не всегда тексты М. С. Горбачева можно квалифицировать как автобиографическую наррацию. Например, когда он выступает

на сессии Верховного Совета, встречается с молодежью, выступает на приеме в честь советских спортсменов, отвечает на вопросы журналистов, это речь внутри событий, включенная автором в свой нарратив.

Не могу согласиться с тем, как порой говорят, что курс на обновление социализма связан персонально с именем Горбачева. Это противоречило бы истине. Формирование нового курса является выражением того, что в советском обществе и в советском народе существовало и существует широкое понимание необходимости перемен. Иными словами, не было бы Горбачева, был бы кто-нибудь другой. Наше общество созрело для перемен, и необходимость перемен пробилась себе дорогу. Эти перемены потребовали определенных кадровых перестановок. И это произошло и в ЦК партии, и в правительстве. К руководству пришли новые люди, которые и последние годы остро чувствовали ситуацию, формулировали идеи относительно того, что надо делать. После марта 1985 года обновилось высшее руководство партии, а на апрельском Пленуме ЦК был обдуман план действий. Еще раз хочу сказать, что это было не прозрение, не озарение, а понимание объективной необходимости перемен в нашем обществе, на основе чего и была сформулирована линия на обновление и ускорение развития общества [Горбачев 1988, т. 5: 57—58].

Надо заметить, что у диегетического нарратора собственно биографический событийный ряд, представленный в речевом повествовании, не так и велик. Особенно если судить по его ответам на вопросы корреспондента «Известий ЦК КПСС» в мае 1989 г., приводившимся выше:

Как и всем крестьянским детям, мне пришлось рано заняться хлеборобским трудом. С тринадцати лет я начал периодически работать в колхозе, а с пятнадцати — помощником комбайнера. В общей сложности в МТС проработал пять лет, совмещая учебу и труд в поле. Школу я окончил успешно и в 1950 году поступил в Московский университет на юридический факультет. Все пять лет учебы в университете занимался комсомольскими делами. Здесь же в 1952 году вступил в члены КПСС [Горбачев 1990, т. 7: 498]. Это — все, и именно в таком порядке. Добавим, реплику можно воспринимать как очевидное и нескрываемое свидетельство бедности представлений и узости кругозора. То же самое демонстрирует интервью журналу «Шпигель», данное в октябре 1988 г.

Р. Аугштайн. *Вопрос такой: кто сей-*

час возглавляет таблицу первенства Советского Союза по хоккею? — **М. С. Горбачев.** Я люблю хоккей больше всего за мужество, за темперамент. — **Р. Ауштайн.** Сами играли? — **М. С. Горбачев.** Нет. Я жил на юге. Когда появился хоккей, я забросил все другие спортивные интересы. Но теперь я не знаю, что там в хоккее происходит. — **Р. Ауштайн.** Тогда я бы хотел подарить Вам второй вопрос. Скажите нам, посещаете ли Вы театр? — **М. С. Горбачев.** Да, регулярно. — **Р. Ауштайн.** Какой особенно любимый театр? — **М. С. Горбачев.** Я посещаю многие театры, основательно знаком с достижениями нашего театра. Наш театр интересный. Не все одинаково масштабно, на одинаковом художественном уровне. Есть и просто слабые вещи. Но театр наш, как таковой, мне думается, перестроится и еще скажет свое слово. Думаю, что самый интересный для нас сейчас „театр“ — об этом я говорю на своих встречах с актерами, режиссерами — это сама перестройка. Вот настоящая драма, где идет столкновение характеров, острая борьба того, что отжило, с новым, идет ломка сознания. Вот о чем надо писать. Ничего нет сильнее, чем драма самой жизни [Горбачев 1990, т. 7: 55—56].

Безусловно, это проявление нарратора как скрытого субъекта повествования, который, впрочем, в нескольких местах и открыто выступает с дополняющей информацией или комментарием, используя композиционный прием, демонстрирующий открытость к диалогической коммуникации. И если первое воспринимается как органичная часть истории, то второе, очевидно, нарушает цельность документальной автобиографической наррации, привнося в нее элемент игры. Как, например, в беседе с корреспондентом газеты «Унита» 18 мая 1987 г.

Когда говорят о популярности Горбачева, речь идет, по-видимому, не о конкретном человеке, а о той политике, которую осуществляет советское руководство. Это политика, которую оно разработало и предложило советскому народу, обществу. В международной сфере это политика, которую советское руководство проводит на основе наших известных внешнеполитических концепций. В этом, по-видимому, основы авторитета советской политики. Если мы будем последовательны в ее осуществлении, как внутренней, так и внешней, авторитет сохранится и возрастет. Если нет, то никакой стиль, никакое личное обаяние нас не спасут. Мы трезво смотрим на такие вещи,

сознаем, что именно это особенно важно. Кстати сказать — и не только для советского руководства. Не надо преувеличивать. Надо честно служить своему народу и делу социализма, идти той дорогой, которую ты однажды выбрал [Горбачев 1988, т. 5: 58].

Отметим также, что диегетического нарратора мы всегда видим в процессе жизни, занятого привычными для него делами.

Я всегда считал своей „слабостью“ интересоваться очень многим в различных областях. Не могу даже сказать, к каким дисциплинам был у меня особый интерес в школе, какие науки мне нравились больше, какие меньше. Я, например, поступил на юридический факультет, но сначала хотел на физический. Очень любил математику, но и историю, и литературу. До сих пор помню наизусть стихи, которые учил в школе [Горбачев 1988, т. 5: 60].

Если говорить об интересах, то в зрелые годы я больше интересовался вопросами экономики, читал и писал по этим вопросам. Можно сказать, что здесь я кое в чем разбираюсь. Но меня продолжают по-прежнему интересовать философские вопросы, а сейчас особенно. Кстати сказать, это сейчас помогает мне теоретически осмысливать тот этап развития советского общества, на котором мы находимся, проблемы современного мира, его взаимосвязи. Это дает возможность не на основе каких-то желаний, а на основе серьезного анализа и реалистичных выводов бороться за улучшение жизни советских людей [Горбачев 1988, т. 5: 61].

При этом в нарративной ситуации воспоминания о далеком прошлом — о событиях детства или юности — происходит определенное расслоение двуплановости нарратора, поскольку «повествующий голос» принадлежит человеку сегодняшнему, а объект повествования, рассказываемой истории, хоть и остается им самим, но установление их идентичности требует определенных усилий узнавания.

Все пять лет учебы в университете занимался комсомольскими делами. Здесь же в 1952 году вступил в члены КПСС. Я благодарен Московскому университету — и преподавателям, и партийной, комсомольской организациям, и моим товарищам по учебе (с многими из них я поддерживаю связь до сих пор) за науку, дружбу, товарищество. Это были неповторимые годы — годы, без которых просто невозможно представить, как сложилась бы моя дальнейшая судьба... После окончания университета работали на Ставрополье, на мо-

ей родине. Так получилось, что по специальности мне пришлось трудиться недолго. Вскоре рекомендовали на работу в комсомол. И с тех пор — на комсомольской и партийной работе. Много лет проработал в краевом комитете партии, в том числе почти девять лет — первым секретарем крайкома КПСС. Это тоже были значительные и важные годы в нашей жизни.

Поскольку приходилось очень много заниматься вопросами сельского хозяйства, то я заочно окончил еще и экономический факультет сельскохозяйственного института, что оказалось хорошим дополнением к моему юридическому образованию [Горбачев 1990, т. 7: 499].

Здесь следует сказать еще об одном общем моменте. Речь идет об интертекстуальности: М. С. Горбачев постоянно и сверхопыльно цитирует Ленина.

Могу сказать, что у нас в Советском Союзе наступила как бы „эпоха Возрождения“, возрождения творческого духа ленинизма. Мы перечитываем, переосмысливаем ленинские работы, чтобы глубоко понять ленинский метод. Понимание этого метода помогает нам в наших серьезных делах. Здесь цитирование не спасет. Ведь если мы не овладеем творческим методом Ленина, то не сможем дать анализ современности, выработать правильные решения.

Я, например, часто повторяю слова Ленина о том, что для того, чтобы понять мировое хозяйство, нужно 70 Марксов. Но это было сказано много десятилетий назад. А каково сейчас!

Ленин надеялся на своих последователей, которые будут преданы делу социализма, делу, которому он посвятил свою яркую жизнь. Он верил, что они будут творчески развивать его учение [Горбачев 1988, т. 5: 59].

По сути это принцип «цитатного» сюжетосложения. По мере приближения к нашим дням объем цитат растет. С точки зрения статистики показательны данные Предметного указателя к 1—7 томам Избранных речей и статей, если взять даже только такие пункты, как «Ленин», «ленинизм», «ленинский стиль партийной и государственной работы». Если в 1972 г. освоение наследия Ленина начиналось с ленинских лозунгов и упоминания Ленина в качестве прецедентного имени, то в 1988 г. уже наблюдается включение большого количества прямых цитат в текст выступления.

Из выступления на краевом слете отличников учебы вузов и техникумов: *Ваш слет проходит под девизом „Учиться, работать и бороться по Ленину“. Для совет-*

ских юношей и девушек, для всей прогрессивной молодежи мира имя Ленина, вся его жизнь — яркий пример беззаветного служения народу... [Горбачев 1987, т. 1: 60].

Из Речи на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 г.: *Напомню, что уже в первые, труднейшие послереволюционные годы В. И. Ленин считал строительство новой, советской школы одним из самых неотложных дел партии... Разрабатывая свой план, Ленин указывал: „...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм“. Но мы знаем, какие усилия пришлось приложить для этого партии. Свидетельство тому — дискуссии тех лет. Потребовался авторитет и гений Ленина, чтобы новый подход к социализму получил поддержку в партии и в стране... Богатство и гуманизм „старой“ культуры — а мы знаем, как высоко ценил ее Ленин, — стали крупнейшим вкладом в мировую цивилизацию. Именно на ней воспитывались люди, возглавившие нашу революцию. Иначе говоря, и сегодня не утратила значение ленинская постановка задачи — обогащать себя „знанием культуры, созданной всем развитием человечества...“. В этом — проявление реальной диалектики классового и общечеловеческого в нынешних конкретных условиях* [Горбачев 1989, т. 6: 70—71].

Как интертекст, цитаты влияют и на развитие рассказываемой истории, делая ее дискретной, и на эмоциональное восприятие адресатом: сложность жизненных ситуаций, драматичных коллизий, серьезных неудач как бы «снимается» цитатами, имплицитно свидетельствующими об успехе повествователя. Такие «нарезки» из цитат определяют в конечном итоге логику, которой в то же время характеризуется повествующее «я» автора. Диегетический нарратор демонстрирует себя в качестве конечной ответственной инстанции, всеведущей и вездесущей.

Из выступления на советском телевидении в декабре 1987 г.: *Добрый вечер, дорогие товарищи! Завершился визит в Соединенные Штаты Америки. Путь к нему был непростым: были Женева, Рейкьявик, интенсивный диалог между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов, напряженные дипломатические переговоры.*

Мы постоянно взаимодействовали со своими союзниками, происходил активный обмен мнениями с руководителями других государств. Мы особенно внимательно прислушивались к настроениям международной общественности, деятелей науки и культуры, представителей различных по-

литических течений, выступающих за мир. Все это обогащало наше представление о происходящих в мире процессах, придавало уверенность в том, что мы действуем в правильном направлении.

Таким образом, мы ехали в Вашингтон, имея мандат своего народа, своих союзников и учитывая настроения и чаяния миллионов людей доброй воли во всем мире.

Направляясь в США, мы очень основательно готовились, всесторонне взвешивали и не раз обсуждали в Политбюро принципиальную позицию, с которой будем там выступать, еще раз просчитали все с военно-технической точки зрения. Философско-политической основой этой подготовки были решения XXVII съезда нашей партии и провозглашенная 15 января 1986 года программа безъядерного мира.

Содержание и результаты визита известны. Мы подписали с Президентом США Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Достигнутое соглашение по этому вопросу — крупное событие в мировой политике, победа нового политического мышления [Горбачев 1988, т. 5: 552].

Автобиографический нарратив при этом оказывается цельным, не разорванным чужеродными ему элементами, так как есть полноценный диегетический нарратор, активно повествующий и, безусловно, являющийся субъектом повествования. Это подтверждают слова, прозвучавшие в ответах на вопросы газеты «Вашингтон пост» и журнала «Ньюсуик» 18 мая 1988 г.:

Р. Смит. Дело в том, что нам показалось, что многие из Ваших же горячих сторонников, людей, которые поддерживают перестройку, обеспокоены возможностью возникновения политического раскола. В газете „Советская культура“ было письмо, автор которого волновался: вот, мол, „соберется Пленум ЦК и сбросит М. С. Горбачева“ (я процитировал). И он предложил провести референдум по вопросу о Вашем руководстве, о Вашей политике, в котором приняли бы участие все. Хотел бы спросить Вас: слышали ли Вы об этом письме и что Вы думаете относительно идеи референдума?

М. С. Горбачев. Не только об этом письме слышал. (Смех.) Я в появлении таких фактов вижу только позитив. Значит, обществу небезразлично, кто в руководстве страны. Значит, у людей огромный интерес ко всему, что происходит. Наверное, в том, о чем вы говорите, — интересный символ, который тоже демонстрирует достижения перестройки: значит,

народ включился в политический процесс, хочет в нем участвовать, высказывает свои мнения, суждения. И это прекрасно. Это, может быть, пока самое главное, что принесла перестройка. Потому что в экономике, в социальной сфере еще предстоит много работы. И тут есть позитивные изменения. Но для того чтобы произошли крупные перемены, которые бы все общество основательно почувствовало, нужно время.

Что же касается упомянутых вами опасений, то ничего в партии и в обществе не происходит такого, что бы подтверждало их обоснованность.

И говорю в данном случае не о себе, я имею в виду вопрос в целом. Надо знать наш политический процесс, чтобы понять, что, если бы Генеральный секретарь не пользовался поддержкой своего ближайшего окружения, товарищей, которые работают рядом, ничего бы не произошло у нас после апреля. Все, что родилось в нашем обществе, в нашей партии, в Центральном Комитете, произошло с участием нынешнего руководства.

И еще. Перестройка уже выдвигает новых, интересных людей во всех сферах: и в политическом процессе, и в сфере экономики, и в духовной сфере. Развертывание демократии, ее углубление, думаю, будет все больше выдвигать на политическую арену новые, свежие силы, интересных людей. Смысл перестройки и в том, что она создает механизмы, которые будут регулировать, самонастраивать наше общество в рамках демократического процесса. А значит, будут включать в управление обществом и государством народ и, конечно, его лучшую часть, его интеллектуальную мощь, способных, талантливых его представителей на всех уровнях и во всех эшелонах.

Наше общество уже не будет таким, каким было. Оно меняется. Механизмы уже заработали в этом направлении. Многого еще потребует сделать. Но поезд пошел, и он набирает скорость [Горбачев 1989, т. 6: 247—248].

Заключение

Читая тексты М. С. Горбачева сегодня, мы понимаем, почему их адресат так восторженно их воспринимал в свое время. Дело в том, что все они воспроизводили континуальную традицию жанра социалистического романтического реализма, в которой воспитывался и формировался советский человек [Добренко 1977].

Разница на идейно-тематическом, ком-

позиционно-сюжетном и стилистическом уровнях разных текстов, относящихся к этому жанру, безусловно, есть, но однотипная, «формульная» задача — создание автобиографического нарратива — определяет главное: политический лидер, М. С. Горбачев, герой советской и постсоветской истории выступает в ней как диегетический нарратор. При этом автор, интенционально действующий в рамках данной повествовательной стратегии, обладает достаточной свободой в использовании различных способов наррации — с помощью интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Это, на наш взгляд, подтверждает известное высказывание Вальтера Беньямина, сделанное еще в 1970-е гг.: «Искусство рассказа не вымирает, точно так же, как не вымирает героический эпос» [Беньямин 2000: 348].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Этот анекдот с точки зрения языковой игры воспринимался в 80-х гг. XX в. носителями русской лингвокультуры как минимум двупланово: с отрицательной коннотацией как пародия на произносительные особенности речи М. Горбачева, а также как аллюзивная отсылка к смежной политической персоналии — Менахему Бегину, урожденному Мечиславу Вольфовичу Бегуну из Брест-Литовска, видному политическому деятелю Израиля, премьер-министру Израиля с 1977 по 1983 г.

[2]. В 1979—1984 гг. М. С. Горбачев был председателем Комиссии законодательных предложений Совета Союза Верховного Совета СССР. Верховный Совет СССР — высший орган государственной власти в 1938—1989 гг., высший представительный и законодательный орган СССР.

[3]. Речь идет о Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 г.; ее особенностью стало, помимо прочего, то, что легальными общественными организациями в стране были признаны

трудовые коллективы.

[4]. Речь идет о Законе СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» от 1983 г.

[5]. Речь идет об «Основных направлениях реформы общеобразовательной школы» (1983—1984 гг.), в рамках которых предлагалось введение 11-летней школы, упорядочение учебной нагрузки учащихся, снижение наполняемости классов, улучшение положения и повышение оплаты труда учителей.

[6]. «Хочу перемен!» — песня советской рок-группы «Кино» на слова Виктора Цоя. Широкая советская публика впервые услышала песню «Перемен!» в 1987 г., когда ее ранняя версия вошла в финальную сцену полнометражного фильма «АССА» режиссера Сергея Соловьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. Рассказчик // Озарения / В. Беньямин. — М.: Мартис, 2000. 376 с.
2. Борисенкова А. Н. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 327—332.
3. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 1. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 463 с.
4. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 510 с.
5. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 511 с.
6. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 511 с.
7. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. — М.: Изд-во полит. литературы, 1988. 576 с.
8. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 6. — М.: Изд-во полит. литературы, 1989. 606 с.
9. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 7. — М.: Изд-во полит. литературы, 1990. 624 с.
10. Грачев А. С. Горбачёв. — М.: Вагриус, 2001. 446 с.
11. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. — СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.
12. Ефремов В. С. Индуцированные бредовые расстройства и смежные с ними феномены. Историко-культуральный подход. — М.: Нестор-История, 2008. 584 с.
13. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). — М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
14. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2008. 312 с.

Vladimir N. Bazylev
Moscow, Russia

NEW THINKING: STARTING AND TO DEEPENING (MIKHAIL GORBACHEV AS A DIEGETIC NARRATOR)

ABSTRACT. The article continues a series of psychopolitical analysis of Soviet-era politicians' profiles. The previous articles were devoted to Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Erich Honnecker, etc. The paper derives from the feeling of unrest that the narrative turn in the study of the political linguistics has not happened yet, although the concept level (linguistically, rhetorically, and so on) has obvious potential for the research. The article is the first attempt to address within the research paradigm of political linguistics the self-profile of Mikhail Gorbachev, the last General Secretary of the Central Committee of the CPSU, the first and the only President of the USSR (1990-1991). The purpose of research is to show the strategy of reading and understanding an autobiography of a political leader as a communicative act, which authorizes his self-awareness and self-representation. The creation of an autobiographical narrative determines the main thing: the political leader acts as a diegetic narrator in the history of the country. The intentional actions, the narrative strategy and the intertextuality of politician's texts are analyzed. The intentional actions of speech policy in the framework of the narrative, the narrative strategies with the use of intertextuality, collective narrative and the author's text are studied as well. The research is carried out in the paradigm of modern narratology, which is interested in the text from the point of view of its fictionality (fiction) and factuality (reality), as well as the types of narrators. The material of the study is the narrative context that M. S. Gorbachev created around him since 1967.

KEYWORDS: politicians' autobiographies; autobiographic narrative; political leaders; political discourse; political linguistics; linguoperonology; language persona; political texts; "new thinking".

ABOUT THE AUTHOR: *Bazylev Vladimir Nikolayevich, Professor, Dr.habil. of Philology, The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Ben'yamin V. Rasskazchik // Ozareniya / V. Ben'yamin. — M. : Martis, 2000. 376 s.
2. Borisenkova A. N. Narrativnyy povorot i ego problemy // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. S. 327—332.
3. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 1. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 463 s.
4. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 2. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 510 s.
5. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 3. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 511 s.
6. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 4. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 511 s.
7. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 5. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1988. 576 s.
8. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 6. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1989. 606 s.
9. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 7. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1990. 624 s.
10. Grachev A. S. Gorbachev. — M. : Vagrius, 2001. 446 s.
11. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelya. — SPb. : Akademicheskii proekt, 1997. 320 s.
12. Efremov V. S. Indutsirovannye bredovye rasstroystva i smezhnye s nimi fenomeny. Istoriko-kul'tural'nyy podkhod. — M. : Nestor-Istoriya, 2008. 584 s.
13. Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940—1980-e). — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 696 s.
14. Shmid V. Narratologiya. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2008. 312 s.

В. И. Карасик
Москва, Россия; Тяньцзинь, Китай

РЕПОРТАТИВЫ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается речевой жанр «репортатив» — перепост материала о социально значимых событиях в сетевом дискурсе. Такие тексты функционально соответствуют репортажам профессионального медийного дискурса, но отличаются от них маркированным персональным (неинституциональным) характером, вторичностью сообщаемой информации, сокращенной дистанцией общения, реальной диалогичностью как единством инициального информационного блока и комментариев к нему, высокой степенью эмоциональности в подаче материала. Они тематически делятся на универсальные и профессионально-специфические: в первых обсуждаются актуальные проблемы политики, экономики, морали, затрагивающие жизнь всего сообщества, во вторых — вопросы, интересные для определенной профессиональной группы участников сетевого общения. Репортативам присущи высокая степень критичности по отношению к обсуждаемым вопросам, активное использование аллюзий, ироническая тональность в комментариях. Материалом для данной работы послужили публикации, размещенные в социальной сети «Фейсбук» в 2018 г. Рассматриваются комментарии к сообщениям, вызывающим живой отклик сетевого сообщества: социально-экономическая информация; зарубежные новости (на примере Венесуэлы; подтекст перепоста: всегда есть худший вариант, чем у нас); явления социальной несправедливости; культурные новости, получившие политическую окраску. Анализируется обсуждение инициативы о присвоении аэропорту Калининграда имени великого философа Иммануила Канта. Хорошая идея — приобщить граждан к культуре и истории нашей страны — привела к бурному столкновению мнений. Перепосты свидетельствуют о том, что позиции университетской общественности и военных оказались противоположными. Отмечается, что при обсуждении в Сети профессиональных проблем сферы образования критический пафос комментаторов направлен против констатаций общеизвестных истин и безмерного увеличения бюрократической отчетности в цифровую эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репортативы; сетевой дискурс; медийный дискурс; интерактивная коммуникация; оценка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва); Тяньцзиньский университет иностранных языков (Тяньцзинь, Китай); 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, к. 235; e-mail: vkarasik@yandex.ru.

Стремительное разрастание жанров медийного дискурса стало яркой характеристикой нашего времени. Изначальная функция этого типа общения — информирование широкой аудитории о новостях — всегда была тесно связана с воздействием на адресатов. В эпоху электронного режима общения газеты и журналы уступили место основному источнику такого информирования сначала телевидению, а затем Интернету. Возможность выбора информации и источника информирования, а также возрастание значимости игровой составляющей в культуре закономерно привели к тому, что к числу ведущих функций медийного дискурса прибавилась развлекательная функция. В качестве институционального общения медийная коммуникация достаточно долго развивалась, реализуя триединую функцию воздействия, информирования и развлечения, но в наши дни сетевое общение внесло существенное дополнение в эту триаду: к названным функциям добавилось самовыражение. В условиях постмодерна карнавальная составляющая медийного дискурса многократно усилилась [Бахтин 2000; Негрышев 2005], игровая презентация событий привела к тотальному доминированию неофициального общения [Дементьев 2016; Сиротина 2018].

Тексты массовой коммуникации весьма разнообразны и включают собственно журналистские тексты, писательскую публицистику, рекламу и PR-тексты [Шестакова 2005; Добросклонская 2008; Дускаева 2013]. Электронный режим общения внес существенные коррективы в понимание как форм,

так и норм медийного дискурса: «...изобилие (точнее — избыточность) информационного меню и авторских предложений, а также понижение уровня квалификации сотрудников неизбежно сопровождается деформацией профессиональных стандартов. Уже несколько лет назад эта проблема во весь рост встала из статистических замеров. Так, по данным, полученным Webscan Technologies в ходе исследования, не менее 38 % новостей являются дословными перепечатками с других ресурсов» [Корконосенко 2012: 237].

В сетевом дискурсе, важнейшей характеристикой которого является личностно ориентированный тип коммуникации, появились новые жанры, возникшие на базе традиционных ситуативных форматов общения, одним из таких жанров являются репортативы — перепосты, посвященные социально значимым событиям, в определенной мере соответствующие репортажам в традиционной прессе. Репортаж как жанр медийного дискурса неоднократно становился предметом лингвистического анализа [Мчедlishvili 1966; Солганик 1975; Абдурахманов 1977; Прохорова 1990; Шаповалов 1998; Мисонжников 2004; Басков 2006; Истрате 2006; Ленкова 2009; Пром 2011; Никитина 2014; Гаврилюк 2015; Солнцева 2015; Исакова 2016].

Традиционно в журналистике выделяют информационные, аналитические и художественно-документальные жанры. Репортаж считается одним из информационных жанров наряду с заметкой, корреспонденцией, информационным отчетом, интервью, блиц-

опросом и некрологом (печать) и видеосюжетом и оперативным устным сообщением (телевидение) [Борецкий, Юровский 1966; Тертыйный 2000; Третьяков 2016]. Репортаж признается синтетическим жанром, пересекающимся с разными информационными жанрами; его характерные особенности состоят в оперативности, достоверности, наглядности, документальности, достоверности [Ким 2004]. Репортаж содержит не только факт, но и некоторые подробности и подразумевает, что журналист лично находился на месте события [Третьяков 2016]. Отмечены важные признаки репортажа: социальная значимость освещаемого события, идеологический потенциал сообщения, драматургическая выразительность подачи материала, высокая степень жанровой интерференции и многоуровневая информационная структура текста [Мисонжников 2004]. Маркированная идеологичность репортажа закономерно приводит к его оценочному редуционизму, к явному и неявному противопоставлению своих и чужих — характерной черте политического дискурса [Чудинов 2012]. Ситуативно и тематически выделяются военные, спортивные, торжественные и другие типы репортажей.

Репортатив совпадает с репортажем по признаку личностной подачи информации, но отличается от него по признакам непрофессиональной позиции говорящего, нескрываемой вторичности информации (перепост) и возможности откликов на эту информацию от участников социальной сети. Подчеркну: перепост — это способ подачи материала, но жанровые характеристики репортатива включают и другие важные признаки. В основу данной работы положено предположение о том, что репортатив является жанром сетевого дискурса, распадается на определенные типы и выражает определенные характеристики тех, кто участвует в репортативном диалоге.

Заслуживает внимания отмеченное исследователями различие между обратной связью и интерактивностью в интернет-дискурсе: «...обратная связь — это реакция, отклик субъекта на информационное воздействие, а интерактивность предполагает большие возможности — контроля пользователя над содержанием (оценка и запрос информации), обсуждение, инициатива в обсуждении, обмен мнениями и прочее. Функция обратной связи в чистом виде реализуется исключительно в посещаемости сайта, лайках и возможности написать личное письмо в редакцию. Все остальные формы участия, такие как „комментарии“, „блоги“ дают возможность писать собствен-

ные тексты, делать репортажи, форумы и даже шейры (англ. share — перепосты текста на страницы в социальных сетях) в социальных сетях, предполагают публичность, а, следовательно, они интерактивны» [Горошко, Каверина 2013]. Содержание массовой информации в интернет-коммуникации делится на три типа по признаку отправителя речи: профессиональное, любительское и создаваемое роботами (новостными агрегаторами). Граница между этими типами информации в ряде случаев размывается.

Тематически репортативы можно разделить на универсальные и профессионально-специфические. К первым относятся перепосты и сопровождающие их комментарии на экономические, политические, морально-этические и общекультурные темы, ко вторым — перепечатываемые и обсуждаемые новости, интересующие представителей той или иной профессиональной группы, хотя в любом случае перепост посвящен актуальной проблеме, которая затрагивает многих людей.

Материалом для данной работы послужили публикации, размещенные в социальной сети «Фейсбук» в 2018 г. Ники комментаторов даны в аббревиатурах, вульгаризмы элиминированы.

Социально-экономическая информация вызывает живой отклик участников сетевого сообщества:

С. Б. 43792 рубль. Средняя зарплата жителя края в 2018 г., по данным Красноярскстата. www.tvk6.ru

Цифра дня ☺

Комментарии:

Г. Б. Я тоже туда хочу!

С. Б. Все красноярцы туда хотят, в этот Красноярский край в параллельной вселенной.

К. С. Всё та же история про „в среднем они все едят голубцы“.

Перепост представляет собой официальную информацию государственного учреждения статистики. Инициатор репортатива сопровождает эти сведения емким обозначением «Цифра дня» и смайликом, свидетельствующим о скептическом отношении к этим данным. Комментаторы разделяют этот скепсис, доминирует ироническая тональность в высказываниях. Используется аллюзия к типовым анекдотам о среднем показателе тех или иных сведений (красная икра и отбросы — в среднем голубцы, температура находящегося в морге и в горячке — в среднем нормальная и т. д.).

Информация о новостях за рубежом не оставляет участников сетевого дискурса равнодушными:

Д. Е. *Инфляция в Венесуэле будет более 1000000% — миллиона процентов. А мы тут жалуемся на стоимость проезда... ☺*

Комментарии:

К. К. *Вы что, хотите как в Венесуэле?*

А. Ч. *Поможем Венесуэле.*

Е. Н. *Тут просят рассказать, что происходит сейчас на венесуэло-колумбийской границе. ... В стране товарный дефицит, дичайшая инфляция и несколько курсов валюты, за доллар на чёрном рынке дают 3000 местных боливаров, на белом — в сотни раз меньше. На среднюю зарплату можно купить 7 бутылок рома — как раз хватит, чтобы напиться и умереть, закусывать-то всё равно нечем.*

Инициатор репортажа затрагивает болезненную для всех тему инфляции, сообщая читателям о ситуации в далекой латиноамериканской стране. Читатели разделяют его ироничное отношение к этой проблеме, при этом в обсуждение включается специалист, объясняющий положение дел и приводящий факты, которые заставляют нас с тревогой и сочувствием отнестись к этой информации. Подтекст перепоста понятен: всегда есть худший вариант, чем у нас.

Резко отрицательная оценка дана явлениям социальной несправедливости:

С. Б. *110 млн руб. украл глава Красноярской энергокомпании, сын вице-губернатора Василий Кузичев. На эти деньги он возвел себе VIP-базу отдыха на берегу водохранилища, летал бизнес-классом с семьей и друзьями и выписал себе зарплату 1,6 млн в мес. Суд дал Кузичеву младшему 4 года условно.*

Комментарии:

Д. К. *Вот если бы он курицу украл...*

А. З. *Да здравствует наш советский суд! Самый гуманный суд в мире!*

А. К. *Стоило наградить ☺*

Е. П. *Это он только учился*

Т. К. *Ну молодой еще, ну что вы*

Информация о чересчур мягком наказании для провинившегося чиновника вызывает саркастические комментарии участников интернет-сообщества. Используется известная аллюзия к популярной кинокомедии «Кавказская пленница» («Да здравствует наш советский суд!»). Обратим внимание на дополнительные сведения относительно родственных связей осужденного. Выводы комментаторов весьма пессимистичны. Заслуживает комментария пунктуация высказываний: отсутствие точки во многих случаях отражает знаковый канон коммуникации в СМС, точка свидетельствует о желании субъекта увеличить дистанцию между собой

и адресатами, о педантичности и о возрасте отправителя сообщения.

Актуальная информация касается ежедневной жизни наших соотечественников:

М. Г. *Глава Минздрава упрекнула россиян за неправильное питание.*

Министр здравоохранения России Вероника Скворцова назвала выбор продуктов питания россиян нерациональным. Глава ведомства отметила, что мужчины стали вдвое чаще страдать ожирением. Слова министра из доклада на президиуме Совета законодателей в Совете Федерации передает RNS.

Комментарии:

Г. В. *Не до жиру — быть бы живу)))*

А. В. *И почему это наши люди лопают хлеб, картошку, макароны, чай с сахаром? Есть же полезные ананасы, авокадо, манго... Семга неплоха, форель (речная)... Масло — оливковое. И свежавыжатый сок — обязательно! Это же витамины. Как люди не понимают? Ленивые. Лишь бы брюхо набить пельменями. А повозиться с осетриной лень.*

Э. И. *Согласен с министром полностью. Еще многие просто объедаются вечером после работы, объясняя свое желание, что он в обед только успел перекусить на работе.*

Д. Д. *Поменьше б добавляли химии в продукты и меньше было бы онко и страдающих поражением печени. А министр „подтвердила“ свою бесшабашность еще когда заявила, что «Продление пенсионного возраста способствует продлению жизни россиян».*

Е. П. *Это от макарон все*

Б. Н. *На что хватает, то и едим. Есть вопросы?*

Г. В. *Министру полезно было бы пожить 1 месяц на 14 тысяч рублей.*

Участники сетевого сообщества демонстрируют высокий уровень критического отношения к представителям власти, тональность высказываний варьируется от иронии до открытого возмущения. Тема социального неравенства, как можно видеть, является самой значимой для активных пользователей Рунета. Вместе с тем в комментариях видны и попытки рационально отреагировать на размещенную информацию, хотя такие комментарии составляют незначительное меньшинство в общем ряду откликов.

Обратим внимание на знаки интимизации сообщения в перепосте:

О. П. *Печальные новости перед Новым годом. Шампусик скоро подорожает (Лента.ру).*

Минимальная розничная цена шампан-

ского в 2019 году может вырасти на 23 процента, пишут „Известия“ со ссылкой на расчеты Ассоциации производителей игристых вин (АПИВ). По данным организации, минимальная розничная цена бутылки шампанского объемом 0,75 литра в следующем году может составить 202 рубля. На данный момент она равняется 164 рублям — на таком уровне она была установлена в 2016 году.

Комментарии:

А. М. И пускай, не пью

И. М. Вообще ...это уже не шампанское, шипучая кислятина

М. Б. Лишь бы макарошки с картошкой не подорожали. Нам не до глупостей.

Интимизация выражается в уменьшительно-ласкательном обозначении предмета речи (окказионализм «шампусик» вместо стандартного «шампанское»). Реакции комментаторов показывают, что эти сведения не являются чересчур значимыми для них, есть более важные вещи в жизни, включая обычные продукты питания.

Заслуживает внимания информация о культурных новостях, получившая политическую окраску:

„МХАТ имени Моторолы“ — поводом для этого мема стала самая громкая культурная новость недели — смена руководства в МХАТе имени Горького. Новым художественным руководителем театра назначен режиссёр Эдуард Бояков. Его заместителем по литературной части — Захар Прилепин. Пользователи интернета предложили называть Прилепина в новой должности „замхудрукполитом“, а также выразили опасения, не будут ли теперь расстреливать в театре опоздавших после третьего звонка (Эхо Москвы).

Критическую оценку либеральной общественности вызвало назначение известного писателя и общественного деятеля З. Прилепина на должность заместителя руководителя театра. Обыгрывается его участие в боевых действиях на востоке Украины.

Участники сетевого дискурса высоко оценивают деятельность власти, направленную на повышение уровня жизни населения:

М. Г. Она другая: мэр Якутска Сардана Авксентьева снизила стоимость проезда на общественном транспорте.

Комментарии:

Р. Б. Это просто отлично, есть же такие искренние честные люди

С. И. Главное, чтоб не „съели“ ... вся страна с интересом наблюдает за действиями мэра Якутска и желает успехов в ее работе и окружении.)

Э. Р. Побольше бы ей единомышленни-

ков!!! Местные, поддержите ее!!! Она для Вас старается!!!

В. Ж. Не первый раз читаю про нее, заслуживает уважения.

С. У. Найдите частную охрану, её надо охранять. Я серьёзно.

Можно видеть, что критику вызывает не власть как таковая, а отклонения от главного функционального назначения власти — заботиться о народе.

Известно, что в компании «Аэрофлот» воздушные суда получают имена известных ученых, деятелей культуры, политиков и спортсменов России. Недавно появилось предложение присвоить аэропортам страны имена великих людей, которые внесли существенный вклад в историю России. Такая практика принята, как известно, за рубежом. Появилось предложение о присвоении аэропорту Калининграда имени великого философа Иммануила Канта, жившего в Кенигсберге (бывшее название этого города). Балтийский федеральный университет в Калининграде носит имя этого философа. Но вопрос об увековечении Канта применительно к аэропорту вызвал неоднозначную реакцию в нашем обществе:

„Небезызвестный какой-то там Иммануил Кант“ — так вице-адмирал Игорь Мухаметшин, возглавляющий штаб Балтфлота, выразил свое возмущение тем, что имя великого философа вошло в финальный список голосования по выбору названия для аэропорта Калининграда. Пользователи Интернета сначала замерли в изумлении, а затем отрефлексовали потоком шуток и мемов. „Сегодня ты читаешь Канта, а завтрапустишь оккупанта“, „Товарищ, я Канта не в силах читать!“ — сказал адмирал адмиралу“, „Этого бы Канта — да на Соловки“ (medusa.io). „Все говорят Кант, Кант, философ, там еще чего-то — это человек, который предал свою родину, который унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру, понимаете, в университете — чтобы он там преподавал, писал какие-то непонятные книги, которые никто из здесь стоящих не читал и никогда читать не будет“, — говорит человек, похожий на начальника штаба Балтийского флота (Новый Калининград).

Хорошая идея — приобщить граждан к культуре и истории нашей страны — привела к бурному столкновению мнений. Перепопы свидетельствуют о том, что позиции университетской общественности (она активно участвует в сетевом дискурсе) и военных (им по долгу службы такая коммуникативная практика не разрешается) оказались

противоположными. Вспомним, что в Советском Союзе труды великих философов Германии, Гегеля и Канта, считались одним из оснований марксизма. Для адмирала ключевым словом в характеристике Канта является определение «непонятные книги». Это честное признание вызвало насмешливую критику его оппонентов. Комментаторы используют аллюзии к известной рифмовке «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст», к текстам, напоминающим героический стиль Николая Асеева и Константина Симонова, а также к пародированию обывателей, которые всех, кто им неприятен, сослали бы в лагерь на Северном острове. Пародируется и выражение «человек, похожий на ...», которое стало штампом в медийном дискурсе при описании грязной истории с бывшим генеральным прокурором Юрием Скуратовым. Отмечу, что конфликт вокруг имени Иммануила Канта возник фактически на пустом месте, но затронул болевую точку общества.

Если репортативы на политическую и экономическую тему вызывают столкновение мнений (это соответствует ключевой ценности политического дискурса — борьбе за власть), то перепосты, в которых речь идет о моральных приоритетах, характеризуются принципиально иной тональностью:

Л. М. Вдруг кто не знает. В гипермаркетах „Лента“ стоит ёлка желаний, на ней висят не особо приметные открытки от детишек из детского дома. Каждая открытка именная, от одного ребенка. В ней написано, что малыш хочет от Деда Мороза в подарок, подарки простые, детишки много не хотят. Вы можете взять открытку, купить подарок и передать его на стойку информации. И малыш получит свой подарок в новый год.

Пожалуйста, сделайте хотя бы репост. Это всего лишь пара секунд.

Комментарии:

Т. З. Лента не везде есть.

А. С. Подарок только в „Ленте“ покупать, или можно в другом магазине, или из дома принести? Не маркетинговый ли ход?

Б. А. Акция супер. Скажите, в каких есть еще магазинах.

Комментаторы одобрительно оценивают инициативу гипермаркета «Лента», задают уточняющие вопросы.

Профессионально-специфические репортативы разнообразны, и в них доминирует тот стиль общения, который присущ соответствующему сообществу. Приведу примеры, в которых обсуждаются проблемы образования:

М. К. Виктор Садовничий на съезде пар-

тии „Единая Россия“: „будущие студенты прекращают учить предметы, которые не нужны им для поступления, в восьмом-девятом классе, после чего начинают готовиться к тем экзаменам, которые необходимо предъявить приемной комиссии университетов“. Это проблема ЕГЭ? Надо заставлять учить все? Тогда появятся Келдыши и Колмогоровы? Это уровень понимания задач системы образования ректора самого титульного университета страны?

Комментарии:

М. П. Описана немецкая система Абитура (только она — 11-13 классы, а не 10-11).

А. Я. Это убийственная для приобретения необходимой для полноценной жизни навыков базы, выбранная модель образования. 90 % знаний в жизни не используется и забывается через какое то время, нужна ранняя профориентация, ориентированная на запросы рынка, и выработка тех навыков, которые будут нужны всю жизнь — память, умение усваивать и обрабатывать информацию, принимать решения, здоровье.

Ч. Р. Мне нравятся эти коллоквиумы про реформы образования. Они напоминают научную фантастику, когда экипаж звездолёта, заблудившись во Вселенной, дискутирует: куда теперь лететь — на Альдебаран или на 3-ю планету созвездия Гончих Псов? Люди, у которых есть на чем лететь, могут и поспорить. Особенно, если топливо ещё не закончилось. Но есть ли свой транспорт у почтеннейших реформаторов отечественного просвещения? Владеют ли они дидактическими технологиями, позволяющими менять систему? Без такого „приложения“ все балажки про реформы педагогики — пустой треп. А технологической конкретики я в подобных умственных турнирах не наблюдаю. Почему-то. Вот, к примеру, сказано: „нужна ранняя профориентация... на запросы рынка“. А как вы это собираетесь делать? Конкретно?

О. С. Соотношение читающих и нечитающих такое же, как и при советах. Ленивых, нерадивых, неспособных и просто ограниченных в каждом поколении одинаковая часть. Если взять учеников 70-х годов и дать каждому интернет, соцсети и возможность публиковать свои записи, вылезут все те же -тся и -ться, не и ни, нн и н. Мультик про полтора землекопа не сегодня придуман. Никогда никто не учил аж всё, кроме пары отличников (такие усердные в каждом классе во все времена случаются).

Перед нами академическая дискуссия, но в ней активно используются разговорные

выражения, свидетельствующие о сокращенной дистанции между участниками общения. В отличие от преимущественно эмоциональных реакций, характеризующих политические репортажи, в академическом дискурсе в большей мере прослеживается рациональная аргументация. Вместе с тем и в нашем профессиональном сообществе есть весьма острые проблемы для обсуждения:

В. Т. *„Если сегодня вы читаете те же лекции, что и пять лет назад, значит, или ваша дисциплина умерла, или вы“* (Ноам Хомский).

Комментарии:

Ю. С. *Интересно, какая у него нагрузка...*

Е. Р. *Да, и что у него с публикациями в Скопус? Просто ВАК не пройдет...*

А. Г. *Они не в курсе, сколько надо читать у нас на ставку.*

О. К. *Уж ваши лекции, В. И., никогда не повторялись, и каждая была по-своему интересна, важна и полезна для нас...*

В качестве инициального перепоста отправитель текста использует цитату известного американского лингвиста. Комментаторы воспринимают ее критически, поскольку в этих словах содержится упрек ко всем, кто поступает иначе. Понятно, что наука не стоит на месте, но суть обсуждения переносится на сегодняшние недостатки в организации и учете труда российских ученых.

Участники сетевого дискурса активно обсуждают профессионально значимые проблемы своей деятельности в новых условиях:

А. М. *„...никогда педагогам не было так сложно, как сейчас. Они имеют дело с первым поколением, которое родилось в эпоху интернета“.* (Ирина Потехина).

На самом деле об этом все говорят очень давно, и что дети пришли в мир, когда тут были интернет и смартфоны, и что учителям надо возлекать эти средства в работу на уроке, и что методики работы с этими детьми должны быть другими, ибо ценностная картина мира у них иная... Но, хорошо, очень хорошо, что это уже звучит из уст руководителей минпросвещения. Ждем изменений. Сильно.

Комментарии:

А. Б. *А разве есть варианты, кроме как сократить количество учителей и перевести большую часть образования (особенно, профильный компонент старшей школе) в цифровой формат? ☺*

П. П. *Чтобы выпустить личность, сперва надо ее запереть.*

Л. П. *Кому это — нам? Им? Кто именно нужен им, меня совершенно не интересует. Трудно учителю было всегда — профессия такая. Пустые слова, ни о чем.*

Н. Г. *„Нам нужен не просто образованный человек“. Не просто образованный — это и есть личность, нет?))) Ну, просто образованный, это когда бессмысленно, что ли?))) Типа, просто ходил в школу, а вот взял или нет — вопрос... не просто, а осмысленно образованный, понимающий, я полагаю уже — личность. „Никогда педагогам не было так сложно“ — ну, однозначно, это не про интернет и детей. На мой взгляд, никогда не было столько бюрократии, сколько в условиях развития цифровых технологий. Это ооочень трудно!))) „у нас уже нет такого опыта, как у них“ — обожаю обобщения!)))*

Можно заметить, что критический пафос комментаторов направлен против констатаций общеизвестных истин и безмерного увеличения бюрократической отчетности в цифровую эпоху.

Подведем основные итоги.

В составе жанров сетевого дискурса выделяются репортажи — перепосты сообщений о социально значимых событиях, функционально соответствующие репортажам профессионального медийного дискурса, но отличающиеся маркированным персональным (неинституциональным) характером, нескрываемой вторичностью сообщаемой информации, сокращенной дистанцией общения, реальной диалогичностью как единством инициального информационного блока и комментариев к нему, высокой степенью эмоциональности в подаче материала. Репортажи тематически делятся на универсальные и профессионально-специфические, в первых обсуждаются актуальные проблемы политики, экономики, морали, затрагивающие жизнь всего сообщества, во вторых — вопросы, интересные для определенной профессиональной группы участников сетевого общения. Для репортажей характерны высокая степень критичности по отношению к обсуждаемым вопросам, активное использование аллюзий, ироническая тональность в комментариях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов А. Событийный репортаж в системе жанров советской телевизионной журналистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. 18 с.
2. Басков В. Я. Аналитический репортаж. — М. : ВК, 2006. 238 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
4. Борецкий Р. А., Юровский А. Я. Основы телевизионной журналистики. — М. : Изд-во МГУ, 1966. 338 с.
5. Гаврилюк О. О. Текстова трансляція як нова форма спортивного репортажу (на матеріалі англійської мови) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Київ, 2015. 19 с.
6. Дементьев В. В. Аксиологическая генерика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9—24.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие для вузов. — М. : Флинта : Наука, 2008. 264 с.

8. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // *Жанры речи*. 2013. № 1 (9). С. 51—58.
9. Исакова Е. А. Субжанры современного репортажа в аспекте текстовых категорий (на материале российских СМИ и рунета) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 24 с.
10. Истрате П. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ (на материале футбольного репортажа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. 22 с.
11. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004. 335 с.
12. Корконосенко С. Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // *Учен. зап. Забайкал. гос. пед. ун-та. Сер.: Филология, история, востоковедение*. 2012. № 2(43). С. 234—239.
13. Ленкова Т. А. Текстообразующие стратегии создания письменного дискурса репортажа в современной немецкой прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. 24 с.
14. Мисонжников Б. Я. Современный репортаж (проблема и топика жанра) // *Жанры в журналистском творчестве : материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов»* (19 марта 2003 года, С.-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 104—124.
15. Мчедлишвили И. Н. Репортаж : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тбилиси, 1966. 25 с.
16. Негрышев А. А. О ситуации постмодерна в коммуникативном пространстве СМИ: к проблеме экологии массовой коммуникации // *Inter-Cultural-Net : междунар. (электронный) науч.-практ. журн.* — Владимир : ВФ НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. Вып. 4. С. 67—81.
17. Никитина Э. Г. Язык спортивного репортажа регионального телевидения и специфика его воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ижевск, 2014. 24 с.

V. I. Karasik

Moscow, Russia; Tianjin, China

REPORTATIVES IN NETWORK DISCOURSE

ABSTRACT. *The article analyzes the genre of “reportative” – repost of some information about socially important events in a network. Functions of such texts are similar to those of professional media discourse, but they differ in the following: marked personal (non-institutional) nature, indirectness of information, shorter distance between communicators, dialogic nature of communication due to the unity of the text and comments to it, and emotional coloring of information. These texts are divided into universal and professional: texts of the first group discuss the urgent issues of politics, economics and morals that affect the life of society; texts of the second group cover the questions interesting for a certain professional community who meet online. Reportatives are characterized by the high degree of criticism towards the discussed issues, the use of allusions, and ironic tone in comments. The material for this research consists of posts from the social network “Facebook” published in 2018. Comments to posts that arouse interest are studied: social and economic information; foreign news (for instance Venezuela news; implication of repost: there is always a much worse situation than ours); social inequality; cultural news of political coloring. The initiative to name Kaliningrad airport after the great philosopher Immanuel Kant is analyzed. A good idea to give knowledge about the culture and history of our country led to numerous arguments. Reposts prove that the views of the men of science and military men are totally different. It is noted that the problems of education are discussed in the net and criticism of comments addresses trivial facts and growth of bureaucratic load of papers in the digital age.*

KEYWORDS: *reportative; network discourse; media discourse; interactive communication; evaluation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.*

REFERENCES

1. Abdurakhmanov A. Sobytiynyy reportazh v sisteme zhanrov sovetskoy televizionnoy zhurnalistiki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 1977. 18 с.
2. Baskov V. Ya. Analiticheskii reportazh. — М. : VK, 2006. 238 с.
3. Bakhtin M. M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. — SPb. : Azbuka, 2000. 336 с.
4. Boretskiy R. A., Yurovskiy A. Ya. Osnovy televizionnoy zhurnalistiki. — М. : Izd-vo MGU, 1966. 338 с.
5. Gavrilyuk O. O. Tekstova translyatsiya yak nova forma sportivnogo reportazhu (na materialy angliys'koï movi) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kiïv, 2015. 19 с.
6. Dement'ev V. V. Aksiologicheskaya genristika: aspekty problemy «otsenka i zhanr» // *Zhanry rechi*. 2016. № 2. С. 9—24.
7. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI : ucheb. posobie dlya vuzov. — М. : Flinta : Nauka, 2008. 264 с.
8. Dускаева Л. Р. Zhurnalistskiy diskurs v aspekte rechevykh

18. Пром Н. А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2011. 22 с.
19. Прохорова Е. Д. Стилиевые разновидности репортажа в современной публицистике (функциональный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990. 24 с.
20. Сиротинина О. Б. Современная коммуникация: достижения и потери в погоне за эффективностью // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой.* — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. 2. С. 5—11.
21. Солганик Г. Я. Стиль репортажа. — М. : Изд-во МГУ, 1970. 75 с.
22. Солнцева Е. С. Журнальный репортаж в современном медиадискурсе: лингвистическое исследование на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2015. 22 с.
23. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2000. 312 с.
24. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. — М. : Ладомир, 2016. 536 с.
25. Хорольский В. В. Медийность текстов в средствах массовой коммуникации : моногр. 2-е изд. — М. : Флинта, 2015. 242 с.
26. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2012. № 2 (40). С. 53—59.
27. Шаповалов А. В. Политический репортаж в динамике развития современной журналистики России: 1985—1998 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. 33 с.
28. Шестакова Э. Г. Теоретические аспекты соотношения текстов художественной литературы и массовой коммуникации: специфика эстетической реальности словесности Нового времени. — Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2005. 441 с.

zhanrov // *Zhanry rechi*. 2013. № 1 (9). С. 51—58.

9. Isakova E. A. Subzhanry sovremennogo reportazha v aspekte tekstovykh kategoriy (na materiale rossiyskikh SMI i runeta) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 24 с.
10. Istrate P. Lingvostilicheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha kak zhanra SMI (na materiale futbol'nogo reportazha) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2006. 22 с.
11. Kim M. N. Zhanry sovremennoy zhurnalistiki. — SPb. : Izd-vo Mikhaylova V. A., 2004. 335 с.
12. Koronosenko S. G. Zhurnalistika setevykh SMI: smena issledovatel'skikh paradigim ili prodolzhenie traditsiy? // *Uchen. zap. Zabaykal. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologiya, istoriya, vostoковедение*. 2012. № 2(43). С. 234—239.
13. Lenkova T. A. Tekstoobrazuyushchie strategii sozdaniya pis'mennogo diskursa reportazha v sovremennoy nemetskoй presse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2009. 24 с.
14. Misonzhnikov B. Ya. Sovremennyy reportazh (problema i topika zhanra) // *Zhanry v zhurnalistskom tvorchestve : materialy*

nauch.-prakt. seminar «Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov» (19 marta 2003 goda, S.-Peterburg) / otv. red. B. Ya. Misonzhnikov. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. S. 104—124.

15. Mchedlishvili I. N. Reportazh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tbilisi, 1966. 25 s.

16. Negryshev A. A. O situatsii postmoderna v kommunikativnom prostranstve SMI: k probleme ekologii massovoy kommunikatsii // Inter-Cultural-Net : mezhdunar. (elektronnyy) nauch.-prakt. zhurn. — Vladimir : VF NGLU im.N. A. Dobrolyubova, 2005. Vyp. 4. S. 67—81.

17. Nikitina E. G. Yazyk sportivnogo reportazha regional'nogo televideniya i spetsifika ego vozdeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Izhevsk, 2014. 24 s.

18. Prom N. A. Sovremennyy gazetnyy sportivnyy reportazh: zhanrovo-stilisticheskiy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2011. 22 s.

19. Prokhorova E. D. Stilevye raznovidnosti reportazha v sovremennoy publitsistike (funktsional'nyy aspekt) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1990. 24 s.

20. Sirotinina O. B. Sovremennaya kommunikatsiya: dostizheniya i poteri v pogone za effektivnost'yu // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. : v 2 kn. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotininy. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta,

2018. Vyp. 18. Kn. 2. S. 5—11.

21. Solganik G. Ya. Stil' reportazha. — M. : Izd-vo MGU, 1970. 75 s.

22. Solntseva E. S. Zhurnal'nyy reportazh v sovremennoy mediadiskurse: lingvisticheskoe issledovanie na materiale nemetskogo yazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2015. 22 s.

23. Tertychnyy A. A. Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie. — M. : Aspekt Press, 2000. 312 s.

24. Tret'yakov V. T. Kak stat' znamenitym zhurnalistom. — M. : Ladomir, 2016. 536 s.

25. Khorol'skiy V. V. Mediynost' tekstov v sredstvakh massovoy kommunikatsii : monogr. 2-e izd. — M. : Flinta, 2015. 242 s.

26. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59.

27. Shapovalov A. V. Politicheskii reportazh v dinamike razvitiya sovremennoy zhurnalistiki Rossii: 1985—1998 gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1998. 33 s.

28. Shestakova E. G. Teoreticheskie aspekty sootnosheniya tekstov khudozhestvennoy literatury i massovoy kommunikatsii: spetsifika esteticheskoy real'nosti slovesnosti Novogo vremeni. — Donetsk : NORD-PRESS, 2005. 441 s.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.01.10

В. М. Амиров, В. Р. Мужиковская
Екатеринбург, Россия

ХОЛОКОСТ И СТРАТЕГИИ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ТРАГЕДИИ В МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ (на примере публикаций «LiveJournal»)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено рассмотрению проблематики отражения трагедии Холокоста в публикациях российских блогеров на популярной в Российской Федерации блог-платформе «LiveJournal». На основе анализа значительного количества блогговых материалов выявлены и подробно описаны некоторые стратегии искаженного переосмысления событий геноцида еврейского населения в годы Второй мировой войны. Выборка анализируемых публикаций осуществлялась по ключевому слову «Холокост». В ходе работы установлены и представлены имеющиеся в российской блогосфере тенденции к намеренному снижению исторического масштаба катастрофы Холокоста, его частичному оправданию с использованием псевдоаргументации исторического, религиозного и политического характера. Учитывая бурное развитие российской блогосферы и ее политического сегмента, необходимость идеологического противостояния и противодействия проявлениям экстремизма и национализма, проведенный анализ видится принципиально значимым для выработки у журналистов и представителей других гуманитарных дисциплин контраргументов в борьбе с искажением истории войны и Победы. Полученные результаты могут быть использованы для профессионального обучения и воспитания журналистов, а также для последующих научных исследований в области журналистики, истории, политологии и филологии, в качестве научной основы для борьбы с проявлениями антисемитизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вторая мировая война; нацизм; геноцид; антисемитизм; Холокост; искажение истории; исторические события; блогосфера; журналистика; медиадискурс; медиатексты; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Мужиковская Вероника Романовна, студентка 4 курса, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: nikulka154@gmail.com.

Выглядит вполне обоснованным, что трагедия Холокоста как целенаправленный геноцид еврейского населения стран Европы и Советского Союза во время Второй мировой войны не снимается с повестки дня российских и мировых СМИ. Однако принципиально важно, что причины, масштабы, трагичность и уроки Катастрофы обсуждаются и в медиапространстве российской блогосферы, где имеют возможность высказаться представители самых разных возрастов, социальных слоев и профессий.

Можно констатировать, что в последнее время происходит определенная радикализация суждений по теме Холокоста, и усматривается она в нескольких контекстах, которые имеет смысл тщательно проанализировать.

Прежде всего приведем некоторые данные, которые позволяют представить общую политическую обстановку в России, сложившуюся вокруг чувствительной национальной проблемы. Судя по последним исследованиям «Левада-центра», число людей, не желающих видеть евреев среди населения страны, составляет 15 % [Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года [http](http://www.levada.ru)]. Несмотря на то, что ранее организация отмечала снижение уровня антисемитизма в России за последние годы и рост благожелательного отношения российского населения к евреям, примеры нетерпимости прослеживаются и не являются единичными.

Ксенофобия присутствует в том числе и в сети Интернет, где нередко появляются материалы антисемитского характера. По данным Роскомнадзора на 2017 г., в стране закрыто 1022 «экстремистских» ресурса. Среди них есть и такие платформы, как «Ревизионизм Холокоста», «Юрген Граф. Миф о Холокосте (текст книги)» и другие. Все они были закрыты после обращений граждан в Генеральную прокуратуру РФ и соответствующих судебных решений [«Экстремистские ресурсы» в Едином реестре запрещенных сайтов [http](http://www.fkie.ru)].

Российскими руководителями неоднократно с самых высоких трибун подтверждалась четкая и ясная позиция относительно борьбы с отрицанием трагедии Холокоста. Президент Владимир Путин отмечал в своем послании, адресованном гостям церемонии открытия Еврейского музея и центра толерантности в Москве, что одной из важнейших задач современности является защита истории от подобных пересмотров: «Мы должны четко понимать, что любые попытки пересмотреть вклад нашей страны в Великую Победу, отрицать Холокост — позорную страницу мировой истории — это не просто цинично и беспринципная ложь, это забвение уроков истории, которое может привести к повторению трагедии. Поэтому наш общий нравственный долг — защитить правду, отстаивать честь, достоинство, доброе имя жи-

вых и павших» [Попытки пересмотра итогов Второй мировой войны... 2012]. Президент заявил также о необходимости «противодействия попыткам фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны, отрицания Холокоста и умаления решающего вклада Советского Союза в победу над нацистской Германией. Такие попытки необходимо решительно пресекать» [Попытки отрицания Холокоста надо пресекать... http].

Несмотря на это, на просторах Рунета достаточно легко можно найти материалы, авторы которых занимаются ревизией исторических событий Холокоста, полностью или частично отрицают их или сознательно искажают имевшие место драматические факты. Часть таких сообщений находится в авторских блогах, которые целенаправленно ведутся людьми с подобной аморальной позицией. Кроме того, в блогах предусмотрена возможность обсуждения материалов лояльными к общей концепции пользователями, что в определенной степени дополняет негативный авторский замысел.

Обратимся к некоторым стратегиям намеренно искаженной трактовки различных аспектов трагедии Холокоста. Проиллюстрируем выделяемые стратегии соответствующими примерами из тематических блогов, созданных на лидирующей в России по числу пользователей блогговой платформе «LiveJournal» («Живой журнал»).

В 2017 г. газета «Коммерсантъ» привела данные, основанные на исследовании «Медиаскоп», согласно которым «Живой журнал» объединяет 25 миллионов пользователей в мире и более 15 миллионов россиян. На данной блогговой платформе по ключевому слову «Холокост» нами были найдены и проанализированы публикации с антисемитским содержанием из 10 блогов, в которых мы обнаружили несколько стратегий переосмысления (ревизии) трагедии геноцида евреев в период Второй мировой войны. Выделенные нами стратегии описаны далее.

Теория функционирования стратегий в политическом дискурсе подробно изложена в работах российских и зарубежных ученых, среди которых прежде всего нужно назвать М. Фуко, предложившего понимание дискурса как «совокупности высказываний, которые подчиняются одной и той же системе формирования» [Фуко 2008: 162]. Эти идеи были развиты в работах Т. А. ван Дейка [Dijk 1998], Х. Бухштайна [Buchstein 2009], А. П. Чудинова [Чудинов 2012], Э. В. Будаева [Будаев 2010] и многих других.

Существует несколько научных подходов к трактовке использованного выше термина. Так, например, П. Серิโอ выделяет восемь

значений термина *дискурс*, в числе которых «эквивалент понятия „речь“, т. е. любое конкретное высказывание» [Серิโอ 1999: 26]. Д. Шифрин, подчеркивая активное взаимодействие формы и функции, определяет *дискурс* как «высказывание» [Schiffrin 1994: 21]. Н. Д. Арутюнова определяет его как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; ...речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие...» [Арутюнова 1990: 36, 37].

Предметом системного и структурного научного анализа являются и коммуникативные стратегии, изучавшиеся в работах таких авторов, как Д. А. Бокмельдер [Бокмельдер 2000], Т. Ю. Давыдова [Давыдова 2006], В. З. Демьянков [Демьянков 1982], С. А. Сухих [Сухих 1986], Т. Е. Янко [Янко 2001].

При анализе текстов российской блогосферы мы понимали под стратегиями «совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает коммуникация» [Акопова 2013: 403].

Во-первых, в анализируемых публикациях реализована **стратегия отрицания или искажения Катастрофы как исторического события**. Другими словами, некоторые блогеры совершенно сознательно не хотят признавать сам факт массового уничтожения еврейского населения во время Второй мировой войны. Они приводят несколько тезисов в поддержку своего утверждения. Так, например, пользователь с никнеймом «vena45» в своем блоговом материале «Иудаизм — абсолютно не религия, а сугубо криминальная идеология. Часть 1» утверждает, что Холокост является *современной вариацией древней лжи*, которая пришла на смену *фальшивого „исхода из Египта“*. По мнению, изложенному в публикации, евреи сами придумали все события своей истории и *сейчас льют глицериновые слезы и постоянно посыпают солью несуществующую рану*. Кроме того, в другой публикации, которая является рефлексией на некое эссе американской студентки о Холокосте как о *всемирно распространенной лжи*, блогер выражает уважение учителю, поставившему за эту работу высокую оценку. Автор подчеркивает, что преподаватель является *взрослым человеком, понимающим, что в условиях тоталитарной всеобщей лжи он неминуемо подвергнется давлению со стороны иудейской „полутайной“ власти*.

Эту точку зрения поддерживает и блогер *roexaligota*, создавший публикацию в «Жи-

вом журнале» под кричащим, ориентированным на кликбейт названием «Иудейский ЛОХОКОСТ БЫЛ! А ХОЛОКОСТА НЕ БЫЛО!!!». Отметим, что такое переименование слова «Холокост» в Сети является не редкостью — на блогерской платформе существует даже хеш-тег **«холокост-лохокост»**, под которым некоторые «исследователи» выкладывают материалы подобного содержания. В данном блоге автор часто делает репосты материалов из других блогов или с авторских сайтов. В приведенном случае это публикация Алексея Токаря «Миф о Холокосте», сделанная в 2012 г. на сайте «Перуница». Его материал предваряет сделанное *roexaliroma* определение слова «Лохокост»: *...это нас/вас разведение/одурачивание как ЛОХОВ*. Алексей Токарь приводит несколько доводов, почему Катастрофа, по его мнению, является **«неправдой»**. По словам блогера, история Холокоста имеет *сплошные неувязки и нестыковки*. Все факты трагедии он называет **байками** и **холокостными легендами**, утверждая, что они состоят из **преувеличений, выдумок, подделок и фальсификаций**. Автор подвергает критике и научно обоснованное число жертв Холокоста, а также утверждает, что сейчас эта трагедия очень *„раскручена“* в информационном пространстве: *Быстрое распространение информации в интернете и свободный обмен мнениями лишил их холокостников (людей, отстаивающих реальность трагедии. — В. А., В. Р.) монополизма в СМИ. Тем не менее, они будут до конца защищать свою ложь, потому что холокост — это клей, соединяющий всех евреев* (здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены).

Такой же стратегии отрицания фактов, относящихся к геноциду еврейского населения, придерживается и другой автор блога — *ajbolit444*. Он, подобно предыдущему блогеру, подвергает критике **выдуманный „Еврейский Холокост“**. По его мнению, печи, находящиеся в лагерях смерти, были *непригодны для массового уничтожения Евреев*, так как для уничтожения такого огромного количества Евреев, о котором принято считать, немцы наверняка бы сделали печи намного шире и просторнее и имели бы совсем другую конструкцию! Похожим способом, т. е. не приводя никаких документальных или экспертных доказательств, блогер отрицает факт существования Циклона Б и газовых камер: *А вот ещё один факт. Сотня очевидцев подтверждает массовое уничтожение Евреев в газовых камерах Дохау* (так в тексте. — В. А., В. М.), *хотя официально доказано, что в лагере Дохау газо-*

*вых камер не было! Слишком преувеличенными являются „Еврейские факты“ о так называемом „Еврейском Холокосте“ представляются лагеря как некие фабрики сжигания и удушение бедных и несчастных евреев... Стоит обратить внимание, что комментарии под этой записью носят совершенно противоположный характер. Многие комментирующие вступают в острую дискуссию с блогером и приводят конкретные цифры и данные в опровержение его слов: *Насчет печей Освенцима тех самых из нескольких лагерей в количестве 52 то погибли примерно 1200000 человек правда всего и часть их закопали, часть сжигали в штабелях, часть в печах, часть переработали на костную муку, и не конкретно евреев, а всего и калькулятор есть <...> Вообще евреев убивали в первых рядах так же как и коммунистов и комиссаров. Так что холокост был, правда советских граждан,* — пишет *jeteraconte*.*

Во-вторых, в некоторых публикациях «Живого журнала» реализуется **стратегия**, смысл которой состоит в попытке **понижить масштаб трагедии**, коварно и беспринципно противопоставляя Холокост огромным потерям среди граждан, представляющих другие народы Советского Союза. В таких блогерских публикациях не отрицаются факты как таковые, но подвергается сомнению право евреев на отношение к Холокосту как к национальной катастрофе.

Как отмечается в комментарии *jeteraconte*, приведенном нами выше, массовое уничтожение еврейского населения имело место, однако оно ставится в один ряд с аналогичными действиями фашистов по отношению к другим национальностям. Такой взгляд разделяет и блогер под ником *ANT_63*. В своей публикации автор обращает внимание на то, что *евреи все время всем тычут в лицо тему холокоста: Но и мы память о своих убитых тоже не дадим забыть. Нормально! Но только надо все объективно учесть, чтобы не было перекосов*.

То, что Холокост является лишь примером геноцидов, утверждает и следующий автор — владелец блога «Солдат Империи» (*cardinalpavel*). Блогер констатирует, что ему *смешно говорить о какой-то ключевой роли Освенцима и особых страданиях еврейского народа, которые как-то должны были бы изменить мир*.

Учитывая тот факт, что отрицание Холокоста может быть юридически квалифицировано как попытка реабилитации нацизма (статья 354 УК РФ), большинство авторов ЖЖ выражают несогласие с официально принятым в России и в мире пониманием

трагедии Холокоста через **стратегию критики преувеличений в политических целях**. *Зачем продолжать эту ложь? Эти отвратительные фабрикация и преувеличения являются для евреев способом вечно оставаться „потерпевшими“ и использовать это для государства Израиль,* — пишет в своем блоге Светлана Волкова (sofya1444).

Этот постулируемый автором принцип выгоды несколько раз упоминается в найденных нами материалах. Блогеры, сосредоточенные на данной теме, дают образное определение трагедии Холокоста, называя ее **священной коровой**. Другими словами, они утверждают, что геноцид был **«выгоден»** еврейскому народу, так как после случившегося образовалось новое государство — Израиль, а пострадавшим от геноцида людям выплачиваются дотации.

Еще одну точку зрения в рамках определяемой нами стратегии выражает Александр Никишин (*who_is2012*). В своем блоге он заявляет, что *постоянно возрастающее количество жертв Холокоста является всего лишь инструментом пропаганды*. Блогер полагает, что **главным для всего человечества является факт, что культура Холокоста стала инструментом разрушительного воздействия на всю западную цивилизацию**... Автор также утверждает, будто такая тенденция в скором времени может привести к уничтожению всех наций, относимых к так называемому „белому человеку“ (*Caucasian people*), их ассимиляции и в конечном итоге исчезновению. Кроме того, блогер убежден в том, что Холокост является бизнесом, который установил весь социальный и политический порядок современного Запада, основанный на ложных представлениях о расовом равенстве и предполагаемых достоинствах расового разнообразия и мультикультурализма. Автор ссылается на историка Питера Новика и соглашается с его словами о том, что *Холокост не является стихийным явлением, а происходит из целенаправленных, хорошо финансируемых усилий еврейских организаций и отдельных евреев*. Имея такой взгляд на события Катастрофы, блогер делает упор на другие факты истории и утверждает, не приводя никаких более или менее легитимных подтверждающих сведений, что *евреи в Европе захватили немцев, поместили их в лагеря и начали их убивать. От 60 000 до 80 000 немцев были убиты, а два или три миллиона немцев подверглись преследованиям и пыткам со стороны евреев*.

Пожалуй, наиболее ярким отрицателем Холокоста на просторах платформы «Live

Journal» является Антон Благин. Весь его блог посвящен ярко выраженной критике фактов Катастрофы. В публикации «Они придумали Иегову и Холокост и теперь хотят, чтобы весь мир верил и в их Иегову, и в их Холокост!» автор обращается к первоначальному определению слова «Холокост» — от греческого «всесожжение». Приводя цитаты из Торы, блогер утверждает, что данный «ритуал» является «важной частью» жизни евреев, изложенной в писании: *Жиды — „сыны Аароновы“ (сыны Аарона Левитянина, брата легендарного Моисея) как тут написано — с давних пор изображают из себя священников, приносящих многочисленные жертвы Господу, богу евреев. В их задачу входило (и входит до сих пор) регулярно устраивать евреям так называемые всесожжения <...> Всесожжение жертвы — это благоухание, приятное Господу*. В конце концов, автор констатирует, что Катастрофа является частью *постепенного захвата ими (евреями. — В. А., В. М.) планеты земля через генетическую экспансию, через ростовичество (ссудный процент), через революции и организацию мировых войн, всегда приводящих к уничтожению лучших представителей самых разных народов и в конечном итоге к переделу мира строго в соответствии с планами жидов*.

Таким образом, в результате исследования текстов российской блогосферы, отобранных нами по ключевому слову «Холокост», нам удалось выделить и охарактеризовать стратегии искажения исторической правды об одной из крупнейших катастроф XX века: «отрицание или искажение Катастрофы как исторического события», «понижение масштаба трагедии», «критика преувеличений в политических целях».

Приводя примеры реализации стратегий намеренного отрицания или искажения фактов, связанных с трагедией Холокоста, следует отметить, что анализируемые тексты, разумеется, не являются доминирующей точкой зрения в российской блогосфере вообще и «Живом журнале» в частности. Такого рода публикации осуждаются большинством блогеров. Доминанта публикаций, посвященных теме Холокоста, — выражение сочувствия еврейскому народу и надежды на то, что Катастрофа никогда больше не повторится.

Вместе с тем анализ стратегий отрицания или искажения фактов Холокоста в блогосфере как открытом медиапространстве видится нам необходимым как для понимания критической важности борьбы с проявлениями антисемитизма, так и для формирования морально-ценностной аргументации для новых поколений россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аكوпова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 136—137.
3. Бокмельдер Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2000. 210 с.
4. Будаев Э. В. Методология политической лингвистики // Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. — С. 33—56.
5. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
6. Давыдова Т. Ю. Коммуникативные стратегии, используемые при формировании политического имиджа (обзор концепций) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 2006. № 3. С. 96—107.
7. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 4. С. 327—337.
8. Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/> / (дата обращения: 13.09.2018).
9. Попытки отрицания Холокоста надо пресекать, считает Путин [Электронный ресурс] // РИА. 2018. URL: <https://ria.ru/society/20180129/1513542672.html> (дата обращения: 20.10.2018).

10. Попытки пересмотра итогов Второй мировой войны и отрицание Холокоста являются циничной ложью, считает Путин [Электронный ресурс] // ТАСС. 2012. 8 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/646406> (дата обращения: 18.09.2018).
11. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. — М., 1999. С. 26.
12. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. — Калинин, 1986. С. 159—189.
13. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 162.
14. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.
15. «Экстремистские ресурсы» в Едином реестре запрещенных сайтов. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2016/04/d34421/> (дата обращения: 18.09.2018).
16. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. — М.: Яз. славян. культуры, 2001. 382 с.
17. Buchstein H. Jürgen Habermas and Critical Policy Studies // Critical Policy Studies. 2009. № 3. P. 421—425.
18. Dijk Teun A. van. Discourse // Ideology. A multidisciplinary approach. — London : SAGE, 1998. P. 191—312.
19. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford, Cambridge, Mass., 1994. P. 21.

V. M. Amirov, V. R. Muzhikovskaya
Ekaterinburg, Russia

HOLOCAUST AND THE STRATEGY OF HISTORICAL EVENTS DISTORTION IN PUBLICATIONS OF THE RUSSIAN BLOGOSPHERE (based on publications of LiveJournal)

ABSTRACT. *The research is devoted representation of the tragedy of the Holocaust in publications of the Russian bloggers on LiveJournal blogging platform popular in the Russian Federation. On the basis of the analysis of a significant amount of blogging materials some strategies of the distorted reconsideration of events of genocide of the Jewish population in the years of World War II are revealed and described in detail. Selection of the analyzed publications was carried out using a keyword «Holocaust». During the research we found the tendencies in the Russian blogosphere to intentionally decrease the historical scale of the Holocaust, to partially justify it using pseudo-arguments of historical, religious and political nature. Taking into account rapid development of the Russian blogosphere, and its political segment in particular, the need for ideological opposition and counteraction to extremism and nationalism, the analysis we have carried out seems essentially significant for development of counterarguments journalists and the Humanities specialists might use in their fight against distortion of the history of war and the victory. The received results can be used for vocational education and education of journalists and also for the subsequent scientific research in the field of journalism, history, political science and philology as a scientific basis for fight against anti-Semitism manifestations.*

KEYWORDS: *World war II; Nazism; genocide; anti-Semitism; Holocaust; history distortion; historical events; blogosphere; journalism; media discourse; media texts; political discourse.*

ABOUT THE AUTHORS: *Amirov Valery Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Periodicals, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Muzhikovskaya Veronika Romanovna, 4th Year Student, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Akopova D. R. Strategii i taktiki politicheskogo diskursa // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 6 (1). S. 403.
2. Arutyunova N. D. Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M., 1990. S. 136—137.
3. Bokmel'der D. A. Strategii ubezhdeniya v politike: analiz diskursa na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2000. 210 s.
4. Budaev E. V. Metodologiya politicheskoy lingvistiki // Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2006. — S. 33—56.
5. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.
6. Davydova T. Yu. Kommunikativnye strategii, ispol'zuemye pri formirovanii politicheskogo imidzha (obzor kontseptsiy) // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 12, Politicheskie nauki. 2006. № 3. S. 96—107.
7. Dem'yankov V. Z. Konventsii, pravila i strategii obshcheniya (interpretiruyushchiy podkhod k argumentatsii) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1982. T. 41. № 4. S. 327—337.

8. Monitoring ksenofobskikh nastroyeniy, iyul' 2018 goda [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/> / (data obrashcheniya: 13.09.2018).
9. Popytki otritsaniya Kholokosta nado presekat', schitaet Putin [Elektronnyy resurs] // RIA. 2018. URL: <https://ria.ru/society/20180129/1513542672.html> (data obrashcheniya: 20.10.2018).
10. Popytki peresmotra itogov Vtoroy mirovoy voyny i otritsanie Kholokosta yavlyayutsya tsinichnoy lozh'yu, schitaet Putin [Elektronnyy resurs] // TASS. 2012. 8 noyab. URL: <https://tass.ru/obschestvo/646406> (data obrashcheniya: 18.09.2018).
11. Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla. — M., 1999. S. 26.
12. Sukhikh S. A. Rechevye interaktsii i strategii // Yazykovoe obshchenie i ego edinitsy. — Kalinin, 1986. S. 159—189.
13. Fuko M. Diskurs i istina // Logos. 2008. № 2 (65). S. 162.
14. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59.

15. «Ekstremistskie resursy» v Edinom reestre zapreshchennykh saytov. Ch. 2 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2016/04/d34421/> (data obrashcheniya: 18.09.2018).

16. Yanko T. E. Kommunikativnye strategii russkoy rechi. — M. : Yaz. slavyan. kul'tury, 2001. 382 s.

17. Buchstein H. Jürgen Habermas and Critical Policy Studies // Critical Policy Studies. 2009. № 3. P. 421—425.

18. Dijk Teun A. van. Discourse // Ideology. A multidisciplinary approach. — London : SAGE, 1998. P. 191—312.

19. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford, Cambridge, Mass., 1994. P. 21.

Л. А. Гольшкина
Новосибирск, Россия

СИСТЕМА РИТОРИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ТЕКСТОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена осмыслению в риторическом аспекте феномена текстообразования. Цель исследования состоит в системном описании реализованных в политической коммуникации риторических стратегий текстообразования на материале текста обращения Президента России к гражданам по вопросам пенсионной реформы. Система риторических стратегий задается риторическим каноном как технологией создания эффективного текста. Базовым методом исследования выступает риторическая реконструкция, позволяющая последовательно рассматривать в президентском обращении способы и средства актуализации инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий, как создающие персуазивный эффект, так и снижающие его. Инвентивная стратегия инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, формирование его концепции. Диспозитивная стратегия связана с дальнейшей разработкой содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочением, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Элокутивная стратегия нацелена на селекцию и комбинацию языковых и речевых средств. В статье подробно описываются механизмы аргументации и средства выражения интерперсональных отношений, определяющие специфику исследуемого текста. В результате устанавливаются соответствия между определенной риторической стратегией и критериями эффективности текста, такими как актуальность, перформативность, персуазивность, которая основывается на аргументированности и диалогичности. Проведенный анализ выявляет функциональные возможности текста, позволяющие ему выступать в качестве действенного инструмента изменения действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текстообразование; политическая риторика; риторические стратегии; политическая коммуникация; российские президенты; политическая речь; политический дискурс; языковая личность; теория аргументации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гольшкина Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации, Новосибирский государственный технический университет; 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; e-mail: ludmila200273@mail.ru; lag@fpk.nstu.ru

Описание реализованной в политической коммуникации системы риторических стратегий текстообразования, являющееся целью настоящей статьи, развивает продолжительную и актуальную в лингвистике и коммуникативистике практику изучения политического дискурса [Badaloni 1984; Benoit 2014; Bevitori 2015; Coseriu 1987; Блакар 1987; Водак 1997; Гаврилова 2004; Дейк ван 2013; Серию 2002; Чудинов, Будаев и др. 2016; Шейгал 2004 и др.]. При этом избранный ракурс исследования проливает свет не столько на типологические и лингвоперсонологические особенности исследуемого феномена, сколько на механизмы построения текстов, обеспечивающих действенность и эффективность политической коммуникации, выступающих «инструментом социальной власти» (Р. Блакар).

Очевидно, что критерии эффективности коммуникативного взаимодействия определяются относительно цели того или иного типа дискурса. Так, В. З. Демьянков отмечает: «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость „политически правильных“ действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения...» [Демьянков 2002: 37].

Такая цель предписывает осознанное отношение как к отдельному коммуникативному действию, так и к коммуникативной практике в целом, требует риторического подхода к моделированию речевой коммуникации, поскольку «риторический взгляд...

усматривает в ней коммуникацию действенную, эффективную, оптимальную, целенаправленную, с осознанием говорящим собственной или партнера речекоммуникативной деятельности и ее продукта/объекта (текста)» [Земская, Качесова, Панченко, Чувакин 2000: 11]. Философия успешности, присущая риторике, определяет ее технологическое отношение к «производству текстов».

Представления о текстообразовании могут быть сформированы путем переосмысления идеи риторического канона — классической технологии создания текстов, отражающей универсальный идеоречевой цикл и фиксирующей базовые этапы «трансформации мысли в слово» — инвенцию, диспозицию и элокуцию [Безменова 1991; Ворожбитова 2005; Ключев 1999]. Следование риторическому канону трактуется как залог успешного построения текста, который, в свою очередь, способен достигать необходимого персуазивного эффекта.

А поскольку «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван 2015: 171], то считаем обоснованным связывать каждый этап текстообразования с актуализацией соответствующей риторической стратегии — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная стратегия инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, формирование его концепции, ориентированной на реализацию прагматических интенций субъекта речи.

Диспозитивная стратегия связана с дальнейшей разработкой содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочением, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста.

Элокутивная стратегия нацелена на селекцию и комбинацию языковых и речевых средств, которые в ситуации публичной коммуникации ясно, точно, доступно и выразительно эксплицируют замысел автора, а также устанавливают и поддерживают интерперсональные отношения.

Отметим, что структура разработанного в Античности риторического канона коррелирует с современными психолингвистическими концепциями продуцирования речи. Проведенные сопоставительно-аналитические процедуры [см. Голышкина 2017] позволяют скорректировать традиционные наименования риторических стратегий текстообразования: так, инвентивная есть мотивационно-побуждающая, диспозитивная — смыслоформирующая, элокутивная — стратегия словесного оформления (вербализации).

Исследовательская потребность в анализе риторических стратегий текстообразования сопряжена с необходимостью осмысления феномена так называемого эффективного, или риторического текста, когнитивно-коммуникативная природа которого программируется структурой коммуникативного акта [см. Голышкина 2015]. Способен ли текст выступать продуктивным инструментом изменения действительности при условии следования риторическим процедурам текстообразования? Обозначенная проблема требует риторической реконструкции на материале таких текстов, которые оказали очевидное влияние на определенную социально-историческую или социально-экономическую ситуацию.

Материал настоящего исследования подведен всколыхнувшей российское общество летом 2018 г. пенсионной реформой: им выступил текст Обращения Президента России В. В. Путина к гражданам от 29 августа 2018 г. [Путин 2018]. Известно, что появлению Обращения предшествовали широко обсуждаемые и в значительной степени негативно оцениваемые гражданами предлагаемые Правительством изменения в пенсионном законодательстве.

К выбранному формату прямого телеобращения к гражданам России, исключая традиционные новогодние, Президент в своей практике прибегает довольно редко — в тех случаях, когда надо продемонстрировать свое отношение к знаковым, а порой и трагическим событиям (например, штурм школы

в Беслане, захваченной террористами 1 сентября 2004 г.).

Естественно, что на Обращение отреагировали практически все действующие СМИ (от телеканалов до интернет-изданий): «Газета.ru», «РБК», «Lenta.ru», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Garant.ru», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Meduza.io», BBC, «Сноб» и многие другие.

Реакции как политиков и политологов, так и широкой общественности на сам акт обращения Президента оказались полярными: от «лапша на уши» до «смелый поступок» [Русская служба BBC NEWS]. В этой ситуации значима не только дифференциация оценки, но и сам факт коммуникационной активности населения: по сведениям газеты «Коммерсантъ», опирающейся на данные «Mediascope», 70 % из тех, кто смотрел телевизор 29 августа 2018 г., следили именно за выступлением первого лица государства [Корченкова, Миронова, Самохина 2018].

Таким образом, социально-экономический контекст определил общественную значимость интересующего нас в риторическом аспекте текста. Рассмотрим в свете вышеобозначенных проблем текстовой эффективности, может ли Обращение Президента России к гражданам от 29 августа 2018 г. иметь статус риторического текста, т. е. созданного по определенной технологии текстообразования, воплощающей систему соответствующих стратегий.

Инвентивная, или мотивационно-побуждающая стратегия

Инвентивная стратегия открывает текстообразование: здесь происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста, осуществляется разработка его замысла. Иначе говоря, первый этап речемыслительного процесса направлен на построение образа результата действия [Залевская 2000: 216].

Предлагаемая реконструкция данной риторической стратегии связана: 1) с определением практической цели говорящего, в значительной степени отражающей представления о том результате, который субъект речи предполагает достичь в рамках того или иного типа социальной деятельности; 2) с позиционированием типа аудитории, которой адресован текст; 3) с выявлением триады «тема — проблема — тезис», обуславливающей диктумное содержание текста.

Так, практическая цель Президента, воплощенная в тексте анализируемого Обращения, очевидна: *реализовать в России*

пенсионную реформу. Однако такая цель не получает вербализации в тексте (что никак не является нарушением риторических требований), а вводится в него путем констатации задач, связанных между собой отношениями разъяснения: *Его* (законопроекта — Л. Г.) *главная, основная задача — обеспечить устойчивость и финансовую стабильность пенсионной системы на долгие годы вперед. А значит, не только сохранение, но и рост доходов, пенсий нынешних и будущих пенсионеров* [Путин 2018].

Однако далее следует логическое заключение, которое соотносится с поставленными задачами исключительно имплицитным способом и сигнализирует о несоблюдении закона достаточного основания: *Именно для достижения этих целей законопроектом наряду с другими мерами предусматривается постепенное повышение пенсионного возраста* [Там же]. Здесь для восстановления причинно-следственных связей необходима непростая ментальная работа граждан. Направивается заключение, что В. В. Путин позиционирует свою аудиторию, а именно граждан России, как подготовленную, хорошо разбирающуюся в тонкостях пенсионного законодательства и, соответственно, без труда восстанавливающую имплицитную информацию, что, к сожалению, не соответствует действительности.

Такие компоненты инвентивной организации текста, как тема и проблема, представлены во вступительной части Обращения и имеют, по сути, в смысловой структуре данного текста статус ключевых знаков: *изменения в пенсионной системе* (тема) и *повышение пенсионного возраста* (проблема). Эксплицитное воплощение в тексте темы и проблемы, несомненно, наделяет текст выраженной актуальностью, «привязывает» его к ситуации «здесь и сейчас», что, в свою очередь, подтверждается высокими рейтингами просмотра Обращения. Так, политолог А. Макаркин на страницах интернет-газеты «Коммерсантъ», указывая, что выступление Президента началось в 12 часов — не в прайм-тайм, замечает: «Это ситуация, когда люди включили телевизоры специально ради этого, из-за значимости темы» [Корченкова, Миронова, Самохина 2018].

Что касается тезиса, который представляет собой суждение (нередко ценностное), выступающее концептуальным стержнем риторического текста, выполняющим функцию сохранения его структурно-смыслового единства, то он оказывается невербализованным в исследуемом тексте.

Очевидно, что вербализация и публичное предъявление тезиса облегчают про-

цессы восприятия и понимания текста. Но главное, они не оставляют слушающему возможности альтернативного конструирования тезиса, отличного от исходного замысла продуцента.

Здесь можно было бы говорить об определенном риторическом недочете, но отсутствие обозначенного тезиса отчасти компенсируется речевым актом обращения, где говорящий субъективирует очевидную практическую цель акта коммуникации, делает текст личностно ориентированным, принимает «огонь на себя»: *...обращаюсь к вам напрямую, чтобы подробно рассказать обо всех аспектах изменений, предлагаемых Правительством, обозначить свою позицию и поделиться с вами своими предложениями, которые считаю принципиальными* [Путин 2018].

Кроме того, вербальное предъявление тезиса, который может быть реконструирован в виде суждения *Пенсионная реформа — назревшая необходимость в сложившихся в России экономических условиях*, не позволило бы говорящему реализовать интенцию смягчения ситуации, сделало бы текст более прямолинейным и категоричным.

Замещение тезиса речевым актом обращения позволяет говорить о перформативном характере прозвучавшего в эфире текста.

Осмысление перформативности текста было инициировано Ю. Хабермасом, который перенес принцип перформативности с отдельного высказывания на текст в целом, обосновав при этом понимание перформативности как способа существования индивидуальности в коммуникации, а перформатива как «заинтересованной саморепрезентации» [Хабермас 1989: 37], что актуально в первую очередь для политической практики.

Перформативность мы трактуем как равнозначность текста и действия в рамках конкретного типа социальной деятельности. Для продуцента важно первоочередное понимание реципиентом самого действия текста, а лишь затем того, о чем этот текст. Перформативность обеспечивает возможность вписать текст в действительность, сделать его частью реальности в статусе инструмента, управляющего коммуникативной ситуацией.

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что реализация инвентивной стратегии наделяет текст актуальностью и перформативностью.

Диспозитивная, или смыслоформирующая стратегия

Сформированная в рамках инвентивной стратегии концепция текста требует своего дальнейшего содержательно-смыслового раз-

вития и организации в рамках действия диспозитивной стратегии, нацеленной на формирование структуры текста. Конструирование текстовой структуры позволяет субъекту речи эксплицировать необходимую коммуникативную цель, которая может быть собственноручно убеждающей, информационной, протокольно-этикетной, развлекательной и т. п. Иначе говоря, диспозитивная стратегия диктует необходимость построения композиции текста, актуализирующей коммуникативные интенции говорящего.

Специфика текста риторического типа заключается в двуплановости его диспозитивной организации. С одной стороны, существуют традиционные требования к формальной организации такого текста: он должен иметь трехчастную композицию, включающую вступление, основную часть и заключение. Риторическая композиция отражает принцип объемно-прагматического членения текста, которое, согласно И. Р. Гальперину, учитывает объем части текста и установку на внимание читателя [Гальперин 2004: 52].

С другой стороны, текст риторического типа не мыслится без его аргументационной организации, которая как раз и демонстрирует пути смыслоформирования. Аргументация — интеллектуальная речевая деятельность, которая осуществляется через построение текста, адресованного некоторому лицу (или группе лиц) и имеет целью достичь принятия адресатом тезиса речи [Алексеев 2005: 448]. Аргументация зиждется на выдвигании тезиса, который делится в смысловой структуре текста на подтезисы-суждения разных уровней, вокруг которых, в свою очередь, формируются микросистемы аргументов, направленные на доказательство истинности тезиса.

Таким образом, этот этап риторической реконструкции предполагает: 1) определение коммуникативной цели говорящего; 2) выделение композиционных частей текста, определение их специфики и функционала; 3) анализ аргументационной организации текста в корреляции с его композиционным воплощением. Предложенная формализация указанных процедур не исключает их синтеза в практике аналитического описания.

Очевидно, что коммуникативная цель соотносится с практической целью субъекта речи и может быть квалифицирована как убеждающая. Необходимость утверждения в общественном сознании мысли об обоснованной неизбежности пенсионных изменений предъявляет к тексту требование быть воздействующим, или персуазивным. Именно этому требованию в первую оче-

редь и подчиняется моделирование структуры текста риторического типа. При этом персуазивность в рамках диспозитивной стратегии основывается на аргументированности.

В исследуемом тексте выявляется традиционная трехчастная композиция. При этом вступление и заключение лаконичны, а основная часть чрезвычайно развернута.

В качестве сверхфразовой единицы структурной организации основной части текста примем микротему — законченный по смыслу и структурно фрагмент речи, состоящий из отдельного суждения, полученного в результате деления тезиса и аргументов в его защиту [Анисимова 2003: 159].

Диспозитивная специфика Обращения к гражданам России по вопросам пенсионной реформы заключается в особом микротематическом моделировании, которое осуществляется в рамках двух методов изложения информации — хронологического и дедуктивного.

Хронологическое повествование позволяет говорящему рассмотреть проблему в исторической процессуальной последовательности: *...дискуссия о необходимости повышения пенсионного возраста началась не вдруг, не сегодня (подтезис-суждение). Об этом говорили и в советский период, и в 90-е годы. Но решения не принимались, по тем или иным причинам откладывались (аргумент 1). В начале двухтысячных годов и члены Правительства России, и многие представители экспертного сообщества вновь настойчиво стали ставить вопрос о пенсионной реформе и повышении пенсионного возраста (аргумент 2)* [Путин 2018].

Такой способ предъявления информации, опирающийся на исторические основания, вызывает, несомненно, доверие аудитории в силу кажущейся объективности аргументов, верифицировать которые может любой желающий путем обращения к историческому контексту.

Особый интерес в исследуемом тексте представляют микротемы, выражающие отношение Президента к обсуждаемой пенсионной реформе. Так, после достаточно обширного исторического экскурса в период дискуссий по поводу изменений в пенсионном законодательстве говорящий вводит наконец в структуру текста суждение *Но тогда, в 2000-х, я был против них (изменений в пенсионном законодательстве — Л. Г.)* [Там же], которое аргументирует путем апелляции к конкретному, имевшему не так давно в его жизни место событию: *Например, в 2005 году на одной из „Прямых линий“ прямо сказал, что до окончания срока моих*

президентских полномочий подобных изменений не будет (аргумент 1) [Там же]. Далее в хронологии представляемых аргументов появляется ссылка на условно называемый непрезидентский период: *В 2008 году, когда я оставил пост Президента России, базовые положения пенсионной системы полностью сохранялись* (аргумент 2) [Там же].

Затем представленные аргументы усиливает авторский комментарий, субъективирующий фактуальную информацию модусным компонентом с включенным приемом апелляции к собственному авторитету, что повышает кредит доверия аудитории, влияет на формирование персуазивного эффекта: *И сейчас считаю, что на тот момент времени такая позиция с экономической точки зрения была обоснованной, а с социальной — абсолютно оправданной и справедливой. Убежден, повышать пенсионный возраст в начале и середине 2000-х было категорически нельзя* [Там же].

В исследуемом тексте хронологический принцип микротематического моделирования чаще всего связан с актуализацией такой аргументации, как сочинительная, которая, согласно типологии структур аргументации Ф. Снук Хенкеманс, представляет собой связанное рассуждение, когда каждый из приводимых аргументов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения [Снук Хенкеманс 2006: 123].

Другой принцип микротематического моделирования, представленный в тексте Обращения Президента к гражданам по вопросам пенсионной реформы, связан с реализацией дедуктивного метода, который направлен не столько на воспроизведение события, сколько на анализ сущности произошедшего или происходящего в направлении от общего к частному.

При этом в дедуктивно организованных компонентах текста выявляется любопытная тенденция к трансформации открывающего микротему суждения-подтезиса в проблемный вопрос: *...рассматривало ли Правительство какие-то другие варианты, другие резервы для обеспечения устойчивости пенсионной системы без повышения пенсионного возраста?* Далее вводится единственный аргумент с последующим умозаключением: *По моему поручению Правительство вплоть до последнего времени проводило эту работу. Все возможные альтернативные сценарии были тщательно изучены и просчитаны* (аргумент). *Оказалось, что, по сути, ничего кардинально они не решают* (вывод) [Путин 2018].

Очевидная неубедительность такой аргументации заставляет говорящего далее реализовывать микротемы, условно называемые нами «Альтернативное решение 1», «Альтернативное решение 2», «Альтернативное решение 3» и т. п., предлагающие варианты решения проблемы: *...вроде бы эффективная, кажущаяся справедливой мера — введение прогрессивной шкалы подоходного налога. По оценкам Минфина, применение повышенной ставки налога, к примеру, в 20 процентов к высоким доходам, может дать, и то не наверняка, порядка 75—120 миллиардов рублей в год. Этих средств в лучшем случае хватит на шесть дней. Потому что... ежедневная потребность на выплату пенсий в России составляет 20 миллиардов рублей.*

Другой вариант — продать часть госсобственности, например, как некоторые предлагают, все здания Пенсионного фонда, включая его региональные отделения. <...> Это тоже не выход.

Или предлагается обложить дополнительными налогами нефтегазовые компании, топливно-энергетический комплекс <...> [Там же].

В представлении альтернатив используются как аргументы традиционного типа (например, данные Минфина), так и гипотетические утверждения, которые по своей природе функционируют в умозаключении как посылки и обычно выражаются эксплицитно [Герритсен 2006: 79].

Концептуально-содержательной основой текста выступает микротематический блок, представляющий ряд мер, предлагаемых Президентом для смягчения предложений Правительства. Невозможность представить в формате статьи полное микротематическое описание этого блока компенсируем указанием его сверхфразовых составляющих: микротема 1 «Снижение предложенного для женщин пенсионного возраста», микротема 2 «Постепенность повышения пенсионного возраста», микротема 3 «Гарантии защиты граждан старших возрастов на рынке труда», микротема 4 «Учет особых условий жизни и труда людей», микротема 5 «Пенсионные преференции особым категориям граждан», микротема 6 «Сохранение федеральных льгот до выхода на пенсию по возрасту».

В структуре указанных микротем доминируют гипотетические утверждения, лишь претендующие на статус аргументации, основанной на авторитетном мнении первого лица страны. Учитывая отнесенность предлагаемых мер к плану будущего, В. В. Путин для создания «эффекта настоящего» прибе-

гает к использованию директивных речевых актов: *Предлагаю начать эти выплаты уже с 1 января 2019 года; ...поручаю Правительству утвердить для граждан предпенсионного возраста специальную программу по повышению квалификации* [Путин 2018].

Заключение текста предельно лаконично и может быть отнесено к суммирующему типу, подытоживающему вышесказанное: *Я предельно объективно, подробно и абсолютно искренне доложил вам о сегодняшнем состоянии и о предложениях по устойчивому развитию пенсионной системы в нашей стране. Но при этом оно содержит и апеллирующий компонент, усиливающий воздействие на аудиторию: Прошу вас отнестись к этому с пониманием* [Там же].

Сделанные наблюдения над диспозитивной организацией текста свидетельствуют о том, что реализация смыслоформирующей стратегии обеспечивает тексту персуазивные возможности в первую очередь за счет аргументации.

Элокутивная, или стратегия вербального оформления

Сформированная в рамках диспозитивной стратегии текстообразования композиционно-аргументационная структура текста требует своего развернутого вербального оформления. Элокутивная стратегия текстопостроения нацелена на отбор и комбинаторику языковых и речевых средств, которые способствуют достижению запланированного субъектом речи персуазивного эффекта. Воздействующий потенциал текста риторического типа обусловлен коммуникативными установками говорящего на публичность общения и создание эксплицитных интерперсональных отношений.

Не имея возможности в формате статьи описать весь арсенал языковых и речевых средств, использованных в тексте Обращения Президента к гражданам России от 29 августа 2018 г., рассмотрим релевантные для текста риторического типа средства интерперсонального взаимодействия, а именно авторизации и адресации.

Потребность Президента в демонстрации своей причастности к решению вопросов пенсионного законодательства, в выражении чувства личной ответственности эксплицируется средствами авторизации: предложениями с местоимениями 1-го лица единственного и множественного числа и соответствующими глагольными формами (я- и мы-высказываниями), где особую группу составляют перформативные высказывания; сложноподчиненными предложениями с изъяснительными придаточными, модальная

рамка которых выражает субъективно-модальное значение; средствами выражения эпистемической и деонтической модальности: *...тогда, в 2000-х, я был против них* (изменений в пенсионном законодательстве — Л. Г.). *Говорил об этом и на закрытых совещаниях, и публично; Убежден, повысить пенсионный возраст в начале и середине 2000-х было категорически нельзя; Знаю, что...; Хорошо понимаю, что...; Повторю, на протяжении многих лет я очень осторожно, а подчас даже с недоверием относился к любым предложениям по изменению пенсионной системы; Может быть, следует продолжить наращивать финансирование Пенсионного фонда?; Поддерживаю, безусловно, этот подход; ...предлагаю ряд мер, которые позволят максимально смягчить принимаемые решения; Обращаю внимание, механизм ежегодного увеличения пенсий должен быть заложен в законопроект по изменениям пенсионной системы;...мы должны предусмотреть право досрочного выхода на пенсию для многодетных матерей; ...мы обязаны сделать для них исключение...; ...поручаю Правительству предложить реальные стимулы для бизнеса; Я так не думаю* [Там же].

Особенностью авторизации в исследуемом тексте является доминирование определенно-личных предложений. Как отмечает Н. С. Валгина, употребление определенно-личных односоставных предложений придает повествованию большую динамичность, энергичность, делает его более лаконичным [Валгина 2003: 156], что расширяет спектр воздействующих возможностей текста.

Потребность говорящего в завоевании доверия аудитории требует использования средств адресации. Так, М. А. Кормилицина, рассматривая проблемы риторической организации речи, отмечает: «Хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата, речь, в которой автор учитывает уровень культуры, знаний, интересов, социальный статус и другие качества адресата, вовлекает его в процесс общения, стремится достигнуть определенного (в подготовленной речи заранее запланированного) уровня воздействия на адресата. Адресат при этом (даже в монологической речи) становится существенным участником общения» [Кормилицина 2007: 211—212].

Это аксиоматическое по сути положение выступает своего рода коммуникативной нормой для Президента, реализующего жанр обращения к гражданам. В тексте можно найти обширный арсенал средств адресации: обращения к аудитории, вы-высказы-

вания, а также мы-высказывания, где личное местоимение выражает общенациональное «мы», побудительные конструкции, вопросы и вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог в монологической речи: **Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! ...обращаюсь к вам напрямую...; Могу вам сказать...; Что же изменилось за прошедшие годы? Мы не тратили времени зря. Мы, мы все — граждане, власть, страна — работали;...все мы не очень-то привыкли доверять статистике. Мы делаем выводы, как правило, из того, что сами видим в реальной жизни, вокруг себя; Но давайте посмотрим, какие у нас есть варианты; Ну посмотрите...; Смириться с низкими доходами пенсионеров и ждать, когда пенсионная система затрещит и окончательно развалится? Переложить непопулярные, но необходимые решения на плечи следующего поколения или, понимая, что ждет страну через 15—20 лет, учитывая реальную ситуацию, действовать?; А куда их снижать-то? Пенсии и так сегодня довольно скромные...** [Путин 2018].

Отметим, что вы-высказываний в Обращении немного. Но зато в тексте достаточно частотны мы-высказывания, в которых определение значения местоимения «мы» затруднено в силу неясности референциальной отнесенности индексального знака: **Конечно, нам еще очень многое нужно сделать; Но ведь мы знаем, что постепенно наступит время, когда для индексации пенсий у государства не будет хватать средств...; ...если мы сейчас проявим нерешительность, это может поставить под угрозу стабильность общества, а значит, и безопасность страны; Мы должны развиваться. Должны преодолеть бедность, обеспечить достойную жизнь для людей старшего поколения...** [Там же].

Возникает естественный вопрос: кто стоит за вышеприведенными «мы»? Здесь имеется в виду коллегиальное «мы», относящееся непосредственно к Президенту и Правительству, либо все-таки «мы» воплощает семантику единения нации в сложившихся экономических условиях? Из последнего следует, что ответственность за обеспечение достойной жизни должен взять на себя каждый гражданин. Такая референциальная «замутненность» снижает, на наш взгляд, персуазивные возможности текста.

В заключение текста средства выражения интерперсональных отношений в свете выполняемой ими апеллирующей функции высвечивают принцип диалогичности как условие успешности совместной деятельности Президента и граждан: **Еще раз под-**

черкну, нам предстоит принять трудное, непростое, но необходимое решение. Прошу вас отнестись к этому с пониманием [Там же].

Реализация элокутивной стратегии наделяет текст диалогичностью, без которой в условиях его публичного предъявления немислимо продуктивное коммуникативное взаимодействие.

Проведенный анализ текста Обращения Президента к гражданам от 29 августа 2018 г. свидетельствует о том, что последовательная риторическая реконструкция проливает свет на механизмы воплощения риторических стратегий в текстообразовании, выявляя как технологические соответствия, так и коммуникативно-речевые сбои и недочеты. Проведенный анализ выявил «зону риска» текстовой эффективности, в которую попали такие явления, как невербализация тезиса, частотность гипотетических утверждений в аргументации, размытость семантических границ мы-высказываний.

Таким образом, система риторических стратегий текстообразования задает критерии эффективности текста: актуальность, перформативность, персуазивность, которая основывается на аргументированности и диалогичности. Подчеркнем, что только системный принцип воплощения стратегий в практике текстообразования позволяет продуценту пройти весь технологический путь от формирования замысла текста до его осознанной вербализации, что, безусловно, выступает фактором эффективности текстовой деятельности.

Естественно, что эффективность текста как инструмента конструирования необходимой политической реальности не исчерпывается описанными риторическими параметрами, не может рассматриваться вне обширного социально-экономического и культурно-исторического контекста. Но тот факт, что, согласно сентябрьскому опросу «Левада-центра», доля россиян, желающих лично принять участие в массовых протестах против пенсионной реформы, сократилась с 53 % респондентов в августе до 35 % в сентябре [Мухаметшина, Дидковская 2018], свидетельствует так или иначе в пользу риторического подхода к созданию текстов политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. П. Аргументация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. — М. : КРПА Олимп, 2005. С. 448—450.
2. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. — М. ; Воронеж, 2004. 432 с.
3. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. — М. : Наука, 1991. 215 с.

4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 88—125.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис : учеб. 4-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 2003. 416 с.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
7. Воровжитова А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2005. 367 с.
8. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2004. 296 с.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
10. Герритсен С. Невыраженные послышки // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2006. С. 64—98.
11. Голышкина Л. А. Об уровнях моделирования и стратегиях формирования риторического текста // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 54—60.
12. Голышкина Л. А. Система типологических свойств риторического текста // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 31—37.
13. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : Либроком, 2013. 344 с.
14. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. — М. : Ленанд, 2015. 320 с.
15. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 31—44.
16. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М. : РГГУ, 2000. 382 с.
17. Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Панченко Н. В., Чувакин А. А. Основы общей риторики : учеб. пособие. — Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. 110 с.
18. Клоев Е. В. Риторика (Инвенция). Диспозиция. Элокуция. — М. : ПРИОР, 1999. 272 с.
19. Кормилицина М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь. — Саратов, 2001. С. 211—222.
20. Корченкова Н., Миронова К., Самохина С. Пенсионная реформа охватила аудиторию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 31 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3727266>.
21. Мухаметшина Е., Дидковская А. Число желающих протестовать против пенсионной реформы резко снизилось [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 27 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/26/782135-prativ-pensionnoi-reformi>.
22. Путин В. В. Обращение Президента России В. В. Путина к гражданам [Электронный ресурс]. 2018. 29 авг. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>.
23. Русская служба BBC NEWS [Электронный ресурс] : Британская русскоязычная общественная служба новостей. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45344716>.
24. Серюи П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 2002. С. 337—384.
25. Снук Хенкеманс А. Ф. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2006. С. 123—161.
26. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35—40.
27. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. — Екатеринбург, 2016. 303 с.
28. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 326 с.
29. Badaloni N. Politica, persuasione, decisione // Linguaggio, persuasione, verita. — Padova : Cedam (Milani), 1984. P. 3—18.
30. Benoit W. A functional analysis of presidential television advertisements. — Lanham : Lexington Books, 2014. 284 p.
31. Bevitori C. Discursive Constructions of the Environment in Presidential Speeches 1960—2013: A Diachronic Corpus-Assisted Study // Corpora and Discourse Studies. — London : Palgrave MacMillan, 2015. P. 110—133.
32. Coseriu E. Lenguaje y politica // El lenguaje politico. — Madrid : Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. P. 9—31.

L. A. Golyshkina
Novosibirsk, Russia

THE SYSTEM OF RHETORICAL STRATEGIES OF TEXT PRODUCTION AS A FACTOR OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article discusses the phenomenon of text production in rhetorical aspect. The goal of this research is to describe rhetoric strategies of text production in political communication on the basis of Russian President's address to people about pension reform. The system of rhetoric strategies is based on rhetoric canon as a technology of a good text production. The basic method of this research is rhetoric reconstruction that allows to study one by one ways and means of inventive, dispositional and elocutive strategies in President's address, which can create persuasive effect or, on the contrary, reduce manipulative potential of a text. Inventive strategy initiates text production: its activation presupposes development of the content and conception in the mind of an author. Dispositional strategy is connected with the further development of content and meaning components of a text, with their arrangement, the result of which is compositional and argumentative structure of the text. Elocutive strategy is aimed at selection and combination of language and speech means. The article describes in detail the mechanisms of argumentation and means of expression of interpersonal relations that determine the specificity of the analyzed text. As a result it is possible to find correlations between a certain rhetoric strategy and criteria of text effectiveness such as urgency, performativity, persuasion which is based on argumentativeness and dialogic nature. The undertaken analysis revealed functional potential of a text that allows it to become a powerful tool to transform reality.*

KEYWORDS: *text production; political rhetoric; rhetoric strategies; political communication; Russian presidents; political speeches; political discourse; language persona; argumentation theory.*

ABOUT THE AUTHOR: *Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology, Dean of In-service Training Faculty, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseev A. P. Argumentatsiya // Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika : slovar'-spravochnik / pod red. M. I. Panova. — М. : KRPA Olimp, 2005. S. 448—450.
2. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. Sovremennaya delovaya ritorika. — М. ; Voronezh, 2004. 432 s.
3. Bezmenova N. A. Ocherki po teorii i istorii ritoriki. — М. : Nauka, 1991. 215 s.
4. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — М., 1987. S. 88—125.
5. Valgina N. S. Sovremennyy russkiy yazyk: sintaksis : ucheb. 4-e izd., ispr. — М. : Vysshaya shkola, 2003. 416 s.
6. Voda R. Yazyk. Diskurs. Politika. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.

7. Vorozhbitova A. A. Teoriya teksta: antropotsentricheskoe napravlenie : ucheb. posobie. Izd. 2-e, ispr. i dop. — M. : Vysshaya shkola, 2005. 367 s.
8. Gavrilova M. V. Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V. V. Putina i B. N. El'tsina). — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2004. 296 s.
9. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Editorial URSS, 2004. 144 s.
10. Gerritsen S. Nevyrazhennyye posylki // Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii. — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2006. S. 64—98.
11. Golyshkina L. A. Ob urovnyakh modelirovaniya i strategiyakh formirovaniya ritoricheskogo teksta // Mir russkogo slova. 2017. № 1. S. 54—60.
12. Golyshkina L. A. Sistema tipologicheskikh svoystv ritoricheskogo teksta // Mir russkogo slova. 2015. № 3. S. 31—37.
13. Deyk van T. A. Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : Librokom, 2013. 344 s.
14. Deyk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Izd. 2-e. — M. : Lenand, 2015. 320 s.
15. Dem'yankov V. Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya. — M., 2002. № 3. S. 31—44.
16. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku. — M. : RGGU, 2000. 382 s.
17. Zemskaya Yu. N., Kachesova I. Yu., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. Osnovy obshchey ritoriki : ucheb. posobie. — Barnaul : Izd-vo Altaysk. un-ta, 2000. 110 s.
18. Klyuev E. V. Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya). — M. : PRIOR, 1999. 272 s.
19. Kormilitsyna M. A. Ritoricheskaya organizatsiya rechi (adresovannost' rechi) // Khoroshaya rech'. — Saratov, 2001. S. 211—222.
20. Korchenkova N., Mironova K., Samokhina S. Pensionnaya reforma okhvatila auditoriyu [Elektronnyy resurs] // Kommersant". 2018. 31 avg. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3727266>.
21. Mukhametshina E., Didkovskaya A. Chislo zhelayushchikh protestovat' protiv pensionnoy reformy rezko snizilos' [Elektronnyy resurs] // Vedomosti. 2018. 27 sent. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/26/782135-protiv-pensionnoi-reformi>.
22. Putin V. V. Obrashcheniya Prezidenta Rossii V. V. Putina k grazhdanam [Elektronnyy resurs]. 2018. 29 avg. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>.
23. Russkaya sluzhba BBC NEWS [Elektronnyy resurs] : Britanskaya russkoyazychnaya obshchestvennaya sluzhba novostey. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45344716>.
24. Serio P. Russkiy yazyk i analiz sovetского politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. — M. : Progress, 2002. S. 337—384.
25. Snuk Khenkemans A. F. Struktury argumentatsii // Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii. — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2006. S. 123—161.
26. Khabermas Yu. Ponyatie individual'nosti // Voprosy filosofii. 1989. № 2. S. 35—40.
27. Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondrat'eva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhentseva N. B., Solopova O. A. Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta. — Ekaterinburg, 2016. 303 s.
28. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.
29. Badaloni N. Politica, persuasione, decisione // Linguaggio, persuasione, verita. — Padova : Cedam (Milani), 1984. P. 3—18.
30. Benoit W. A functional analysis of presidential television advertisements. — Lanham : Lexington Books, 2014. 284 p.
31. Bevitori C. Discursive Constructions of the Environment in Presidential Speeches 1960—2013: A Diachronic Corpus-Assisted Study // Corpora and Discourse Studies. — London : Palgrave MacMillan, 2015. P. 110—133.
32. Coseriu E. Lenguaje y politica // El lenguaje politico. — Madrid : Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. P. 9—31.

О. Н. Злобина
Ижевск, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие коммуникативной стратегии, анализу подвергаются способы реализации предостерегающей коммуникативной стратегии. Исследование проведено на материале выступлений американских политиков Дональда Трампа и Берни Сандерса, относящихся ко времени их участия в предвыборной кампании за право занять пост президента США. Основной целью выступлений является оказание определенного воздействия на адресата, с целью чего политики используют различные коммуникативные стратегии. Под коммуникативной стратегией в статье понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение глобальной коммуникативной цели, зависящих от личности вступающих в общение людей, отношений и условий коммуникации. Политики стремятся достичь наиболее выдающихся результатов, в связи с чем их речи включают в себя целенаправленно отобранные средства, которые помогают эффективно достичь поставленных целей. Проведенный лингвистический анализ текстов выступлений политиков позволил выявить наличие большого количества специальных языковых средств, с помощью которых говорящие манипулируют сознанием слушающих. Для достижения целей в рамках коммуникативной стратегии предостережения политики используют различные вербальные средства. В качестве скрытого воздействия авторами используется манипулирование. Тексты выступлений насыщены коннотативной лексикой с негативно-оценочной семантикой с целью указания на негативные последствия каких-либо действий. Оценочные характеристики в текстах политических деятелей выражаются как имплицитно, так и эксплицитно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; коммуникативные стратегии; политическая коммуникация; политические деятели; американские президенты; манипуляция сознанием.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злобина Ольга Николаевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: onyakov@gmail.com.

В настоящее время политическая сфера играет важную роль в жизни общества и привлекает к себе внимание представителей различных общественных наук — экономической теории, права, социологии, психологии, а также лингвистики. В последнее время активно исследуются языковые средства выразительности, используемые в политическом дискурсе, и проблемы их передачи при переводе [Чудинов 2003; Шутова 2004: 142—144; Злобина 2017: 71—75], концептосфера политического дискурса [Рябокова 2011: 273—278].

Как отмечает А. П. Чудинов, такой интерес вызван тем фактом, что объем понятия «политическая коммуникация» окончательно не определен [Чудинов 2012: 53]. Существует несколько подходов к определению политической коммуникации: этот термин трактуется как коммуникация, связанная с политическими проблемами [Баранов 2001], как коммуникация, субъектом которой являются политики или журналисты, пишущие о политике [Шейгал 2004], и как коммуникация, посвященная политическим проблемам, в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата [Чудинов 2006; Будаев 2010 и др].

Нередко исследователи к политическому дискурсу относят и дипломатический дискурс. Однако мы вслед за В. М. Пронькиной и И. В. Сединой разграничиваем данные понятия, понимая под политическим дискурсом «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традициями, проверенных опытом». При этом задачами политического дискурса

остаются «завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Седина, Пронькина 2017].

В нашей статье мы придерживаемся широкого понимания политической коммуникации. Наиболее значимыми текстами общественно-политического характера являются выступления различных общественных лиц, политических деятелей, государственных представителей, в которых особо значимы темы экономики и политики.

В основе мировой политики лежат проблемы, которые касаются всего населения какой-либо страны, в том числе внутренние экономические проблемы, и чисто экономические конфликты между государствами, если они представляют опасность для государства и могут подорвать его безопасность, выступать угрозой национальной независимости.

Материалом исследования выступают речи Дональда Трампа и Берни Сандерса. Рассматриваемые выступления Дональда Трампа и Берни Сандерса относятся ко времени их участия в предвыборной кампании за право занять пост президента США. Основной целью выступлений политиков является оказание определенного воздействия на адресата, для чего политики используют различные коммуникативные стратегии. По мнению некоторых исследователей, лингвистический анализ даже небольшого отрывка из выступления политика позволяет выявить наличие большого количества специальных языковых средств, с помощью которых говорящий манипулирует сознанием слушающих. Он скрыто внедряет в психику адресата цели, мнения, установки, необходимые в его

борьбе за власть [Михалева 2003: 225].

В словаре С. И. Ожегова стратегия определяется как наука о ведении войны, искусство ведения военных действий, а также как «искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [Ожегов 1994: 543]. Философский словарь определяет стратегию как форму организации человеческих взаимодействий, максимально учитывающую возможности, перспективы, средства деятельности субъектов, проблемы, трудности, конфликты, которые препятствуют осуществлению взаимодействий [Философский словарь 2013: 413]. Таким образом, можно сделать вывод, что стратегия предполагает планирование действий, связанных с социальными отношениями.

Основным видом взаимодействия между людьми является социальная коммуникация. Подобное взаимодействие рассматривают в качестве деятельности, в основе которой лежат конкретные приемы и средства коммуникации.

Следует заметить, что в современной лингвистике представлено достаточно много точек зрения на суть понятия «коммуникативная стратегия». Однако в основе большинства определений лежит признак цели высказывания.

Например, О. С. Иссерс под речевой стратегией понимает «весь комплекс действий, направленный на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2002: 54].

Коммуникативная стратегия как совокупность речевых действий, определяемых той или иной целью собеседника, рассматривается и в характеристике И. Н. Борисовой. По ее мнению, коммуникативная стратегия есть способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией участников общения. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего. Коммуникативная стратегия речи есть способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [Борисова 1999: 85—86].

Похожее определение находим и у Ю. В. Сорокиной: «...коммуникативная стратегия — это комплекс речевых действий, направленных на достижение глобальной коммуникативной цели, зависящих от личности вступающих в общение людей, отношений между ними и условий между ними. Коммуникативная цель реализуется в определенной коммуникативной (речевой) стратегии, подчи-

няющей себе процесс речевой коммуникации, в процессе которой автор текста решает ряд практических задач, имеющих промежуточную цель» [Сорокина 2014: 89].

Научная литература последнего десятилетия, посвященная исследованию управляющих возможностей языка, в качестве одного из объектов рассмотрения определяет манипулирование. Манипулирование обычно понимают как скрытое воздействие. При этом сразу становится ясно, что степень манипуляции прямо зависит от уровня наблюдательности объекта воздействия. Если человек не замечает, что им управляют, то любое воздействие на него может быть названо манипуляцией. С другой стороны, проницательный человек вообще не может быть объектом манипуляции — ведь он замечает, что на него оказывают воздействие.

Однако при разговоре о манипуляции чаще всего полагают, что это некий набор тактик или стратегий, при овладении которыми управление чужим сознанием становится стопроцентно осуществимым. Так, часто подчеркивается, что манипулируют мнением адресатов политики.

Особенности политического стиля речи давно и хорошо изучены. В качестве средств оказания речевого воздействия в выступлениях политиков применяются многочисленные приемы, с помощью которых не только передают информацию. Так, допускается и даже рекомендуется применение слов, которые откладываются в памяти слушателя или читателя и оказывают на него глубокое эмоциональное воздействие.

Эффективность коммуникации можно оценить в зависимости от того, была ли достигнута основная задача. Если основная цель коммуникации не достигнута, то можно говорить о том, что говорящий человек или не осознал, чего он хочет, или выбрал не ту речевую стратегию для достижения задуманного.

Стратегия предостережения, например, от чего-либо опасного, может осуществляться с помощью целого ряда тактических ходов (тактик). Но основная тактика предостерегающей коммуникативной стратегии состоит в том, чтобы указать адресатам выступления на негативные последствия возможного поступка.

В своих выступлениях Трамп часто поднимал тему действий Китая в сфере экономики. Например, это *China's unfair subsidy behavior* («несправедливые действия Китая по субсидированию своих производителей»). Суть в том, что Китай поддерживает свой экспорт. Экспорт предполагает вывоз за границу товаров, которые были проданы иностранному покупателю или были предназна-

чены для продажи на зарубежном рынке. Таким образом, для китайских компаний часто бывает выгодным продвигать свой продукт именно на внешнем рынке.

Трамп в своей речи предостерегает Китай от продолжения прежней экономической политики:

China's unfair subsidy behavior is prohibited by the terms of its entrance to the WTO, and I intend to enforce those rules. If China does not stop its illegal activities, including its theft of American trade secrets and intellectual property, I will apply countervailing duties until China ceases and desists [Read Donald Trump's Speech on Jobs and the Economy 2016]. — *Нечестные действия Китая в отношении субсидирования своих производителей противоречат правилам вступления в ВТО (Всемирную торговую организацию), а я собираюсь настаивать на ужесточении данных правил. Если Китай не остановит свои нелегальные действия, включая воровство американских торговых секретов и интеллектуальной собственности, я введу пошлины на их товары до тех пор, пока они не прекратят свои противоправные действия* (здесь и далее перевод наш. — О. З.).

Через использование слов *I will apply countervailing duties* (я введу пошлины на их товары) Д. Трамп предупреждает китайцев об опасности продолжения нарушения правил ВТО. В данном примере Д. Трамп вместе со стратегией предостережения использует стратегию презентации себя избирателям. Д. Трамп использует словосочетание *ceases and desists*, что переводится как «прекратить продолжение противоправных действий» [Новый англо-русский словарь 2006]. Однако это словосочетание может использоваться также и как военный термин — это военная команда «прекратить действие!» [Новый англо-русский словарь 2006]. Таким образом, Д. Трамп использует по отношению к экономическим действиям Китая военную лексику, что сразу показывает избирателям степень его решительности, т. е. презентует кандидата как решительного человека. Он готов начать торговую войну с Китаем.

Но большинство его предостережений касается опасности продолжения действующей в США экономической политики. Это понятно, так как у власти в момент произнесения речей кандидата находилась демократическая администрация.

Прежде всего политик должен разобратся, от чего конкретно он собирается предостеречь адресатов своих выступлений. Он должен обоснованно рассказать им о том, почему какие-то экономические явления будут для них опасными. Д. Трамп видит

угрозу в существовании большого числа торгово-экономических соглашений, которые, по его мнению, нарушают интересы США.

Во-первых, это NAFTA — Североамериканское соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой. NAFTA (НАФТА) на самом деле оказалась плохой сделкой для большинства американцев. Обещанный профицит торгового баланса с Мексикой на практике обернулся дефицитом, несколько сотен тысяч рабочих мест были потеряны, и вместо предполагавшегося американскими экономистами повышения заработной платы в США произошло ее понижение. Это соглашение не было похоже на экономическую интеграцию Европейского союза (до еврозоны), когда ЕС выделил сотни миллиардов долларов помощи более бедным странам Европы в целях развития, чтобы поднять их уровень жизни до среднего уровня жизни в ЕС.

Идея NAFTA была в том, чтобы обеспечить интересы американских корпораций (автомобильных заводов и др.). Им разрешалось переносить свои предприятия в Мексику, где дешевле рабочая сила. В результате потеряли работу многие американцы.

Но NAFTA оказалась плохой идеей и для Мексики. С 1960—1980-х гг. ВВП Мексики на душу населения почти удвоился. Это привело к значительному повышению уровня жизни подавляющего большинства мексиканцев. Если бы страна продолжала расти такими темпами, то сегодня у нее был бы европейский уровень жизни. Это то, что произошло, например, в Южной Корее. Но в Мексике начался длительный период либеральных политических изменений, которые были связаны с ужесточением бюджетной и денежно-кредитной политики. Мексиканское правительство перестало вкладывать деньги в свою экономику. В этих условиях NAFTA, которое связало Мексику с экономикой США, стало проблемой, так как на Мексике стали отражаться американские кризисы в экономике. Повышение процентных ставок ФРС в 1994 г., обвал фондового рынка США (2000—2002 гг.) и рецессия (2001 г.), и особенно обвал жилищного рынка и финансовый кризис 2008—2009 гг. оказали большое негативное влияние на Мексику.

Миллионы мексиканцев были вытеснены из сельского хозяйства после того, как были вынуждены конкурировать с субсидируемым и высокопроизводительным фермерским бизнесом в США. То есть NAFTA более выгодна для американского фермерства.

Дональд Трамп обвиняет NAFTA в экономических проблемах американцев: *...the trade deals like NAFTA that have shipped your*

jobs to Mexico and other countries [Donald Trump's economic speech, annotated]. — ...торговые соглашения вроде НАФТА, которые отправили ваши рабочие места в Мексику и другие страны.

Кроме того, Д. Трамп выступает против такой организации, как Trans-Pacific Partnership, Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Основной целью ТТП является открытие друг для друга рынков стран-членов: Австралии, Брунея, Канады, Чили, Японии, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура и Вьетнама. Торговые тарифы должны быть значительно снижены. Сделка устраняет ряд торговых барьеров, открывая доступ к общему рынку. Сделка позволяет снизить или отменить тарифы на многие продукты стран-членов. Но при этом в рамках ТТП любые действия стран по защите прав своих производителей расцениваются как нарушение соглашения.

Трамп выдвигает защиту прав американских производителей как одну из главных целей своей экономической политики. Поэтому НАФТА и ТТП становятся в его выступлениях практически главными врагами американской экономики. Для того, чтобы предостеречь американцев от поддержания этих сделок, Трамп использует коннотативную лексику: *The next betrayal will be the Trans-Pacific Partnership* [Donald Trump's economic speech, annotated]. — Следующим предательством станет Транстихоокеанское партнерство; *Trans-Pacific Partnership (TPP) will be an even bigger disaster for the auto industry. In fact, Ford Motor Company has announced its opposition to the deal* [Donald Trump's economic speech, annotated]. — Транстихоокеанское партнерство (ТТП) будет еще большей катастрофой для нашей автомобильной индустрии. Фактически, компания „Форд“ уже выразила свое несогласие с этой сделкой.

Слова **betrayal** и **disaster** имеют сильную негативную коннотацию. Через использование данных слов Д. Трамп предупреждает американцев о возрастающей угрозе со стороны НАФТА и ТТП. Чтобы показать их опасность, он все время повторяет, что эти торговые соглашения несут угрозу сокращения рабочих мест: *Just imagine how many more automobile jobs will be lost if the TPP is actually approved* [Donald Trump's economic speech, annotated]. — Только вообразите себе, как много рабочих мест в автомобильной отрасли будет потеряно, если ТТП действительно получит одобрение.

Заодно Трамп предостерегает избирателей от поддержки Х. Клинтон: *Hillary Clinton will never withdraw from the TPP* [Donald

Trump's economic speech, annotated]. — Хиллари Клинтон никогда не выйдет из ТТП.

Таким образом, он предостерегает избирателей от голосования за Х. Клинтон, так как она никогда не выйдет из вредной для США торговой сделки.

Особенно часто Д. Трамп использует стратегию предостережения в своей речи в Геттисберге 22 октября 2016 г. И это вполне объяснимо. Речь является предвыборной, и в ней Д. Трамп очерчивает широкий круг проблем, которые, по его мнению, существуют в стране:

1) *Deals like this destroy democracy. And we'll look at breaking that deal up and other deals like that.* — Подобные сделки разрушают демократию. И мы собираемся аннулировать не только их, но и любые подобные им сделки;

2) *But we'll find out about their involvement at a later date through litigation and I look so forward to doing this.* — Мы выясним в судебном порядке, кто стоит за этими беспорядками, и накажем виновных;

3) *They're defective and they knew they were defective. And they were done for a reason and believe me, they will be unwound so fast.* — Это плохие сделки, о чем властям было прекрасно известно. Они неспроста заметили все это, но, поверьте мне, мы их быстро отменим;

4) *My ethics plan will end the corruption in our government. We will...* — Мои моральные принципы диктуют покончить с коррупцией — гигантской коррупцией — в правительстве. Мы с этим покончим... [Trump Gettsburg Speech].

В первом предложении речь идет о сделках по слиянию компаний «AT&T» и «Time Warner», о приобретении компании «Comcast NBC», а также о компании «Amazon», которые, по мнению Д. Трампа, приведут к чрезмерной концентрации власти в одних руках. Д. Трамп предупреждает, что он этого не допустит.

Во втором предложении речь идет о беспорядках «на некоторых моих митингах в Чикаго», когда сильно пострадали полицейские и митингующие. Данные возмущения, как утверждает Д. Трамп, были организованы платными агентами Национального демократического комитета и штаба Клинтон, и он предупреждает о недопустимости подобных действий в будущем и о наказании, говоря о том, что виновных необходимо привлечь к ответу.

Третье предложение касается торговых соглашений с Китаем, которые Д. Трамп называет чудовищными и предупреждает об их скорой отмене и недопустимости такого

положения в дальнейшем.

В последнем предложении Д. Трамп призывает покончить с коррупцией.

Для реализации стратегии предупреждения используются различные лексические и синтаксические средства: повторы *We will end... We will...*, *defective*, лексика с ярко выраженной негативной коннотацией *corruption*, *defective*, *destroy*, а также апеллирование к национальным американским ценностям: *democracy*, *litigation*, *ethic plan*.

Яркий пример стратегии предостережения можно увидеть в речи кандидата от Демократической партии Берни Сандерса, для которого главным врагом американской экономики выступала экономическая элита самих США. Так, текст выступления в Нью-Йорке в январе 2016 г. насыщен лексическими единицами с отрицательными значениями, причем преобладают среди них прилагательные *wrong* (неверный), *greed* (алчный), *illegal* (нелегальный).

Something is profoundly wrong when, in our country today, the top one-tenth of 1 percent own almost as much wealth as the bottom 90 percent and when the 20 richest people own more wealth than the bottom 150 million Americans — half of our population [Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech]. — *Что-то глубоко неправильно в нашей стране, если одна десятая процента населения владеет такими же богатствами, как и 90 процентов населения, и когда 20 богатейших людей владеют большим богатством, чем 150 миллионов американцев — половина населения страны; In 2008, the greed, recklessness and illegal behavior on Wall Street nearly destroyed the U.S. and global economy* [Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech]. — *В 2008 алчное, безрассудное и нелегальное поведение на Уолл-стрит почти разрушило экономику США и глобальную экономику.*

К ним добавляются существительные с негативной оценочной семантикой *greed* (алчность), *fraud* (мошенничество), *dishonesty* (нечестность), *arrogance* (самонадеянность): ***Greed, fraud, dishonesty and arrogance, these are the words that best describe the reality of Wall Street today*** [Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech Jan 5, 2016]. — ***Алчность, мошенничество, нечестность и самонадеянность — вот те слова, которые в наилучшей степени описывают реальное положение дел на Уолл-стрит сегодня.***

То есть американские финансисты Уолл-стрит начисто забыли про простой американский народ и всеми способами зарабатывают деньги. Будучи политиком, Берни Сан-

дерс отталкивается от тех ценностей, которые наиболее понятны американцам. В частности, национальной идеологии близки принципы умеренности и честности. США — протестантская страна, где популярна протестантская этика (важны скромность, трудолюбие, справедливость), вот почему Б. Сандерс подчеркивает именно то, что действия американских финансистов можно определить как *dishonesty* (нечестность) и *arrogance* (самонадеянность). Эти качества наиболее неприятны его аудитории.

Говоря о последствиях такого поведения, Б. Сандерс предостерегает: *So, to those on Wall Street who may be listening today, let me be very clear. Greed is not good. In fact, the greed of Wall Street and corporate America is destroying the fabric of our nation. If you do not end your greed, we will end it for you. We will no longer tolerate an economy and a political system that has been rigged by Wall Street to benefit the wealthiest Americans in this country at the expense of everyone else* [Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech Jan 5, 2016]. — *Итак, для тех на Уолл-стрит, кто меня слушает сегодня, позвольте мне высказаться ясно. Алчность — это не хорошо. Фактически алчность Уолл-стрит и корпораций США разрушает основы нашей нации. Если вы не поставите предел вашей алчности, то предел поставим мы. Мы более не станем терпеть экономическую и политическую систему, которую нам навязывает Уолл-стрит и которая защищает интересы богатейших американцев и ущемляет интересы всех остальных.*

Таким образом, политики могут предостерегать тех, кто наносит ущерб экономике страны. Так как от политиков ждут действий, то стратегия предостережения реализуется в выступлениях политиков через конкретные угрозы для тех, кто вредит экономике США. Кроме того, так как рассматриваются речи политиков, участвующих в предвыборной кампании, то, конечно, политики стараются предостерегать слушателей от поддержки своих политических противников.

ИСТОЧНИКИ

1. Donald Trump's economic speech, annotated // The Washington Post. 2016. 8 Aug.
2. Read Donald Trump's Speech on Jobs and the Economy // Time. 2016. 15 Sept.
3. Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech [Electronic resource]. 2016. 5 Jan. URL: www.marketwatch.com.
4. Trump Gettsburg Speech [Electronic resource]. URL: <http://educate-yourself.org/cn/Trump-Gettsburg-Speech-Full-Text-24oct16.shtml#top>.

ЛИТЕРАТУРА

5. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов: Колледж, 1999.

С. 81—96.

7. Будаев Э. В. Методология политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2010. № 1.

8. Злобина О. Н. Средства рациональной аргументации в американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 71—75.

9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.

10. Михалева О. Л. Языковые способы манипулирования сознанием в политическом дискурсе // Актуальные проблемы русистики: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. А. Демешкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 2. С. 225—232.

11. Новый англо-русский словарь / под ред. В. К. Мюллер. 9-е изд. — М., 2006.

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Азъ, 1994. 928 с.

13. Рябкова И. П. Концептосфера политического дискурса (переводческий аспект) // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. С. 273—278.

14. Рябкова И. П. Когнитивная составляющая «траектория движения» в рамках концепта «Путь» в речах российских и американских лидеров: сопоставительно-переводческий аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 126—131.

15. Седина И. В., Пронькина В. М. Способы передачи оценочной лексики в переводе текстов дипломатических документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79). С. 363—365.

16. Сорокина Ю. В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 89—92.

17. Философский словарь. — М., 2013. 455 с.

18. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.

19. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. — М.: Флинта: Наука, 2006.

20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.

21. Шутова Н. М. Метафора в политической коммуникации как объект перевода (на материале инаугурационных речей американских президентов) // Язык и межкультурная коммуникация: материалы науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19—20 апр. 2004 г.). — СПб., 2004. С. 142—144.

O. N. Zlobina

Izhevsk, Russia

WARNING COMMUNICATIVE STRATEGY REALIZATION IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the concept of communicative strategy, the means of warning communicative strategy realization are being analyzed. The research was made on the speeches of American politicians Donald Trump and Bernard Sanders of the time of their election campaign. The main aim of the speeches is to influence upon the recipient. To achieve this, the speakers use different communicative strategies. Communicative strategy in the article is defined as the combination of verbal acts aimed at the achieving of the global communicative goal and which are dependent both on the people in communication, and the relations between them. Politicians try to achieve the most prominent results in their speeches and this is the reason for using result-focused means which help to achieve their goals efficiently. Linguistic analysis of politicians' speeches has revealed a great number of special language means that are used to manipulate and persuade. Politicians use different verbal means under the warning communicative strategy. Manipulation is used as a subtle influence. The speeches are full with connotative vocabulary with negative appraisive meanings. The aim of their usage is to point out the negative consequences of some actions. Appraisive characteristics in the texts of politicians are expressed both implicitly and explicitly.*

KEYWORDS: *political discourse; communicative strategies; political communication; political leaders; American presidents; mind control.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zlobina Olga Nikolaevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Translation and Applied Linguistics (English and German Languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

RESOURCES

1. Donald Trump's economic speech, annotated // The Washington Post. 2016. 8 Aug.

2. Read Donald Trump's Speech on Jobs and the Economy // Time. 2016. 15 Sept.

3. Text of Bernie Sanders' Wall Street and economy speech [Electronic resource]. 2016. 5 Jan. URL: www.marketwatch.com.

4. Trump Gettsburg Speech [Electronic resource]. URL: <http://educate-yourself.org/cn/Trump-Gettsburg-Speech-Full-Text24oct16.shtml#top>.

REFERENCES

5. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku. — М.: Editorial URSS, 2001.

6. Borisova I. N. Kategoriya tseli i aspekty tekstovogo analiza // Zhanry rechi. Vyp. 2. — Saratov: Kolledzh, 1999. S. 81—96.

7. Budaev E. V. Metodologiya politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1.

8. Zlobina O. N. Sredstva ratsional'noy argumentatsii v amerikanskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 71—75.

9. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — М.: Editorial URSS, 2002. 284 s.

10. Mikhaleva O. L. Yazykovye sposoby manipulirovaniya soznaniem v politicheskom dis-kurse // Aktual'nye problemy rusistiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. / отв. ред. Т. А. Демешкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 2. S. 225—232.

11. Novyy anglo-russkiy slovar' / pod red. V. K. Myuller. 9-e izd. — М., 2006.

12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. — М.: Az", 1994. 928 s.

13. Ryabkova I. P. Kontseptosfera politicheskogo diskursa (perevodcheskiy aspekt) // Poli-ticheskaya kommunikatsiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. S. 273—278.

14. Ryabkova I. P. Kognitivnaya sostavlyayushchaya «traektoriya dvizheniya» v ramkakh kontsepta «Put'» v rechakh rossiyskikh i amerikanskikh liderov: sopostavitel'no-perevodcheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6. S. 126—131.

15. Sedina I. V., Pron'kina V. M. Sposoby peredachi otse-nochnoy leksiki v perevode tek-stov diplomaticheskikh dokumentov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i prak-tiki. 2018. № 1-2 (79). S. 363—365.

16. Sorokina Yu. V. Strategiya samoprezentatsii kak element effektivnogo rechevogo voz-deystviya v ramkakh pedagogicheskogo diskursa // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 6 (335). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 88. S. 89—92.

17. Filosofskiy slovar'. — М., 2013. 455 s.

18. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Poli-ticheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59.

19. Chudinov A. P. Politicheskaya kommunikatsiya. — М.: Flinta: Nauka, 2006.

20. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М.: Gnozis, 2004.

21. Shutova N. M. Metafora v politicheskoy kommunikatsii kak ob"ekt perevoda (na mate-riale inavguratsionnykh rechey amerikanskikh prezidentov) // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: materialy nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 19—20 apr. 2004 g.). — SPb., 2004. S. 142—144.

А. И. Золотайко
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОЛИЦИИ В ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ США

АННОТАЦИЯ. В статье автор рассматривает проблему восприятия гражданами США сотрудников правоохранительных органов. Определяется сущность термина «общественное мнение», а также рассматриваются его характеристики. Изучение общественного мнения осуществляется посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафоры как ментальной операции, способа познания, объяснения, структурирования и моделирования окружающего мира. Исследование метафорических словоупотреблений проводится в рамках дискурса общественного мнения на основе интернет-статей, блогов, форумов, комментариев к видеосюжетам, а также графических источников. Автор выделяет в числе особенностей интернет-коммуникации открытость и неограниченность пользователей в метафорической экспрессии и приводит примеры способов выражения мнения и личной позиции комментаторов. Наиболее яркую эмотивную окраску приобретают высказывания в адрес полиции, поскольку ее сотрудники оказываются на передовой в решении конфликтных и опасных ситуаций, требующих корректного поведения и юридической грамотности в регулировании правовых вопросов. Методом широкой выборки автор группирует наиболее частотные и продуктивные метафоры в следующие метафорические модели: «ПОЛИЦИЯ — ЭТО ПРЕСТУПНОСТЬ», «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ», «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ» — и представляет их характеристику посредством ряда примеров. В статье отмечается, что в подавляющем большинстве метафорические словоупотребления, связанные с восприятием правоохранительных органов гражданами, носят негативную эмоциональную окраску. Автор связывает данное явление непосредственно с характером деятельности полиции, а также с тем фактом, что наиболее широкой осласке подлежат именно те ситуации, в которых сотрудники правоохранительных органов проявляют себя не с лучшей стороны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественное мнение; дискурс общественного мнения; интернет-коммуникация; метафорические модели; метафорическое моделирование; когнитивные метафоры; образ полиции; полиция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; аспирант третьего курса обучения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: Liani@list.ru.

Общественное мнение — это способ существования массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. Под ним также понимается форма использования языка в процессе формирования и выражения отношения граждан какой-либо страны к явлениям социальной жизни в совокупности содержания высказывания с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов [Общественное мнение].

Общественное мнение характеризуется стремительной изменчивостью, полярностью и зависимостью от социально-политической обстановки в стране. Формирование общественного мнения может быть целенаправленным (под воздействием каких-либо государственных структур, СМИ) или стихийным (при влиянии традиционных общественных установок, слухов, социального опыта или жизненных обстоятельств). В качестве объектов общественного мнения выступают процессы, факты, явления, попавшие в сферу социально значимых суждений или интересов социального субъекта.

Изучение общественного мнения осуществляется посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафоры как ментальной операции, способа познания, объяснения, структурирования и моделирования окружающего мира. Ведь как отметил А. П. Чудинов, «метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тес-

ной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов 2013: 39].

Дискурс общественного мнения — особенное дискурсивное образование, объединяющее в себе черты институционального, медийного и бытового дискурсов, ввиду того что возникает как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный, а по природе своей складывается в рамках бытового личностного общения [Современная политическая лингвистика 2011: 211].

По М. Стаббсу [Stubbs 1983: 1] дискурсу общественного мнения присущи следующие основные признаки и характеристики дискурса: 1) в формальном аспекте дискурс общественного мнения — это единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном аспекте дискурс общественного мнения связан с использованием языка в социальном контексте, 3) наконец, дискурс общественного мнения интерактивен, поскольку не только возникает в ответ на институциональный и медийный дискурсы, но и формирует сеть коммуникативных связей внутри себя.

Общение в рамках дискурса общественного мнения представляет собой оценочную

лингвистика 2011].

Учитывая особенности интернет-среды и неограниченность способов самовыражения пользователей в ней, исследователь в рассматриваемом дискурсе неизбежно столкнется с необычайно яркой эмотивной окраской метафорических словоупотреблений. И чем актуальней и ближе изучаемое явление для пользователей Сети, авторов интернет-статей, блогеров и комментаторов, тем богаче и разнообразней получаемый лингвистический материал.

Среди бесконечного множества социальных проблем, обсуждаемых на просторах Всемирной паутины, одной из наиболее острых и устойчивых с течением времени является взаимодействие граждан с правоохранительными органами. Именно полицейские, а не видные представители общественной элиты или политики, оказываются наиболее «близки» к обычному человеку. В связи с этим неудивительно, что граждане, оценивая государство в целом, судят о нем на основании личного опыта взаимодействия с полицией по месту жительства, на улицах и на дорогах.

Неэффективная и неуважаемая гражданами полиция создает многочисленные проблемы: снижает доверие к государству и его основным институтам, формирует в обществе атмосферу страха и ощущение незащищенности, подавляет экономическую активность, лишает граждан стимулов платить налоги и тем самым подрывает фискальную политику и т. п. Наоборот, полиция, пользуясь уважением и доверием граждан, является непременным условием эффективного государства и социального благополучия. Не случайно отношение к ней коррелирует с различными показателями здоровья государства и общества: «...общественное мнение по отношению к полиции может рассматриваться как барометр прогресса в том, как правительство служит интересам и нуждам населения» [Сао, Jihong 2005: 403—412].

На этом фоне проблема отношения граждан к служащим правоохранительных органов становится одной из наиболее важных в политической и социально-экономической сферах жизни общества, в том числе потому, что сотрудники полиции в условиях развития демократии являются объектом особого внимания со стороны всего социума и уровень доверия населения к ним и к их деятельности в наибольшей степени обуславливает социальную стабильность общества [Мерсиянова, Якимец, Пахомова 2012: 99].

Следует отметить, что в подавляющем большинстве метафорические словоупо-

требления, связанные с восприятием правоохранительных органов гражданами, носят негативную эмоциональную окраску, но данный факт можно списать на саму специфику работы полиции: ее помощь и участие необходимы отнюдь не в радостных обстоятельствах. Так, например, весьма распространена и продуктивна среди пользователей сети Интернет метафорическая модель «ПОЛИЦИЯ — ЭТО ПРЕСТУПНОСТЬ». Источником метафорической экспансии служат апелляции комментаторов к криминальному миру, в результате чего возникает своего рода оксюморон: служители закона, чьей задачей является поддержание и соблюдение правопорядка, приравниваются к представителям общества, род деятельности которых им диаметрально противоположен.

Примером данной модели могут послужить комментарии к видеосюжетам о полиции с канала «YouTube»:

Whenever I see a cop lately, first thing that goes through my mind is: wonder if he's a racist thug? [Can a Murder Verdict Help Reform Chicago Police? [http](http://)]. — В последнее время, когда увижу копа на улице, первая мысль, что приходит мне в голову: а не расист-головорез ли он случайно?

Выражение примечательно тем, что подтверждает навязчивость и популярность образа «полицейского-расиста» в такой степени, что он становится естественной и мгновенной ассоциацией в сознании человека. Негативная коннотация подкрепляется лексемой **головорез**, что указывает на отождествление офицера с опасным человеком, вызывая страх и недоверие. Подобного рода оксюморон — «опасность от того, кто должен защищать» — вносит разлад в целостное восприятие полицейских.

Обвинения в расизме можно проследить даже в том, как комментаторы трансформируют названия правонарушений:

Hope this guy has a good lawyer. He got harassed with DWB, (Driving while black) [BlackLivesMatter Official Facebook Page [http](http://)]. — Надеюсь, у этого парня хороший адвокат. К нему прикопались из-за ЕВЧС (Езды в Чернокожем Состоянии).

Так аббревиатура DWD, расшифровываемая как *Driving While drunk* — «езда в состоянии алкогольного опьянения», превращается в DWB — *Driving While Black*, «езда в чернокожем состоянии». На взгляд адресанта высказывания, это также является веским основанием для задержания человека, поскольку в глазах нетолерантных полицейских «столь же опасно» для общества.

Cops are just gangbangers with badges on [Michigan Cop Shatters Car Window...

http]. — *Копы — просто бандиты с жето-нами!*

Высказывание обладает выраженной негативной коннотацией. Дисфемизм *gang-bangers* указывает не только на то, что полицейские отождествляются с преступниками, но и на их общность, поскольку корень **-gang** подразумевает принадлежность к какой-либо группировке, как правило, с противоправными интенциями.

Уподобление полицейских преступным организациям встречается также в комментариях, где используются лексемы **сундикат** и **мафия**, чем подчеркивается системность и упорядоченность их действий и подчинение «главарям»:

This is why the police are disliked by the majority. They lie, intimidate, enforce made up laws, protect each other when they commit crimes and in general operate like an organized crime syndicate [Michigan Cop Shatters Car Window... http]. — *Вот почему большинство не любит полицейских. Они лгут, закупают, навязывают выдуманные законы, покрывают друг друга, когда совершают преступления, и в целом действуют, как организованный преступный синдикат.*

Не менее частотной и продуктивной является метафорическая модель «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ», основанная на переносе образов представителей флоры и фауны на полицейских. При этом зачастую пользователи не обращают внимание на статус или ранг сотрудников:

Oh, now the hyenas are gathering! [Filming a police officer is legal http]. — *О, а вот и гиены подбираются.*

В данном случае адресант высказывания отождествляет окружающих злоумышленника полицейских с гиенами. В схожем высказывании сквозь метафорическую призму можно увидеть, как пользователи канала «YouTube» отмечают тягу полицейских к жестокости, сродни инстинктивному желанию хищников убить добычу: *Feels like surrounded by wild lions who want meat* [Filming a police officer is legal http]. — *Ощущение, будто окружен львами, жадущими мяса.*

Однако не всегда сотрудники правоохраны выступают в образе опасных животных. Наоборот, для того, чтобы приуменьшить их вес и значимость в обществе, комментаторы могут сравнить их с мелкими грызунами:

When did the Chipmunks become cops? [Police state vs citizen http] — *Когда это бурундуки копами стали?*

Апелляция к бурундукам содержит аллюзию к комедийному фильму «Элвин и бурундуки». Автора смешит то, как полицейские взаимодействуют с гражданами.

Не менее продуктивна метафорическая модель «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ». В ее основе лежит метафорическая экспансия из источников, связанных с объектами окружающей действительности.

As long as "The blue wall of silence" continues, police will be mistrusted and feared [Can a Murder Verdict Help Reform Chicago Police? http]. — *Пока „голубая стена молчания“ существует, полиции не будут доверять, а будут ее бояться.*

Адресант данной реплики по поводу статьи из «Нью-Йорк таймс» (*The New York Times*) метафорически отождествляет правоохранительные структуры США с неприступной стеной, а определение «голубая» указывает на цвет униформы полицейских. В целом выражение «голубая стена молчания» обладает следующими прагматическими смыслами: замалчивание позорящих служащих дел, связанных с полицией, неразглашение подробностей дел или инцидентов с участием сотрудников полиции.

Среди множества негативно окрашенных метафор примечательны те, что апеллируют к образам из фильмов или мультфильмов и передают положительную оценку деятельности полиции. Так, полицейский в США может стать героем культового боевика в глазах общественности:

That professional police looks like Terminator [Beverly Hills police use unlawful intimidation tactics on Lamborghini owner http]. — *Тот полицейский-профи выглядит, как Терминатор.*

В рамках дискурса общественного мнения метафорическое восприятие сотрудников правоохраны гражданами крайне подвижно и носит рефлексивный характер: события, освещаемые на просторах интернет-журналов, блогов и видеоканалов, находят незамедлительный отклик среди тысяч людей. Принимаемые меры по улучшению и эффективному урегулированию взаимодействия населения с представителями правоохранительных структур США часто зависят от взглядов правящей партии, что приводит к разгласиям и на политической почве и разделению общества на лагерь: людей, выступающих в поддержку полиции, и тех, кто недоволен ее действиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерсиянова И. В., Якимец В. Н., Пахомова Е. И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98—119.
2. Общественное мнение // Философский словарь. URL: <http://www.philosophydic.ru/obshhestvennoe-mnenie> (дата обращения: 25.09.2017).
3. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; под ред. А. П. Чудинова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

4. Филиппова Т. В. Интерактивная коммуникация в эмпирической социологии : автореф. дис. ... канд. социол. — М., 2000. 22 с.
5. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
6. Cao L., Zhao Jihong Solomon. Confidence in the police in Latin America // Journ. of Criminal Justice. 2005. № 33. P. 403—412.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford : Blackwell, 1983. 272 p.
8. Can a Murder Verdict Help Reform Chicago Police? [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/11/opinion/Laquan-McDonald-verdict-chicago-police.html> (date of access: 15.10.2018).
9. BlackLivesMatter Official Facebook Page [Electronic resource]. URL: <https://www.facebook.com/BlackLivesMatter> (date of access: 02.10.2018).
10. Michigan Cop Shatters Car Window After Driver Refuses To Give ID [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbBFaWzMHAQ> (date of access: 19.08.2018).
11. Filming a police officer is legal: An uber driver happens to be also a Lawyer tells Police Officer [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UpT-SAunuLk> (date of access: 22.02.2018).
12. POLICE STATE VS CITIZEN. Officers get caught harass-

- ment abuse misconduct profiling [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6XjNwr4USg> (date of access: 12.09.2018).
13. WTF ...!! When You Mess With The Wrong People [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ooKqY3t3sgs> (date of access: 12.09.2018).
14. Beverly Hills police use unlawful intimidation tactics on Lamborghini owner [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3dqeZq1wJ6k&app=desktop> (date of access: 06.04.2018).
15. Police Dashcam Captures Chase of Reckless Driver in Louisiana [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZCotzs3xjM> (date of access: 29.08.2018).
16. Killer Cops Get Rich More Than They Get Punished [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mPspMFDteIQ> (date of access: 16.04.2018).
17. Las Vegas Police Shoot Stabbing Suspect Fleeing Officers [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lnUdmVWEC9A> (date of access: 30.04.2018).
18. The anti-police movement in America [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SvRD0jqzkHE> (date of access: 22.09.2018).
19. Do Blue Lives matter? Protests against cop killings anyone? [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sowSYKeIonQ> (date of access: 16.07.2018).

A. I. Zolotaiko
Ekaterinburg, Russia

THE USA POLICE FORCE IN THE DISCOURSE OF PUBLIC OPINION

ABSTRACT. *The article deals with the problem of perception of law enforcement officers by the USA citizens. The term “public opinion” is defined, and its characteristics are given. The study of public opinion is carried out through the cognitive-discursive analysis of metaphor as of a mental operation, a way of cognition, explanation, structuring and modeling of the surrounding world. The study of metaphor uses is conducted within the discourse of public opinion on the basis of Internet articles, blogs, forums, comments on video fragments, and graphic sources. Among the basic features of Internet communication the author distinguishes the openness and absence of any limitations for users in their metaphorical expression and gives examples of ways of expressing one’s opinion and personal views of commentators. Statements about the police acquire the most vivid emotive coloring, since its employees are at the forefront in conflict resolution and dangerous situations that require proper behavior and legal literacy in regulating legal issues. Using a wide sample method, the author groups the most frequent and productive metaphors into the following metaphorical models: “POLICE IS CRIME”, “POLICE IS A WORLD OF LIVING NATURE”, “POLICE IS A WORLD OF INANIMATE NATURE” and presents their characteristics through a series of examples. It is stressed in the article that the vast majority of metaphors depicting the attitude of citizens toward the police bear a negative emotional coloring. The author connects this phenomenon directly with the nature of the police activity, as well as the fact that the most widely publicized events are those in which law enforcement officers are presented in a negative light.*

KEYWORDS: *public opinion; public opinion discourse; Internet communication; metaphorical models; metaphorical modeling; cognitive metaphors; image of police; police.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zolotaiko Anastasia Igorevna, Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Internal Affairs of the Russian Federation; Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Mersiyanova I. V., Yakimets V. N., Pakhomova E. I. Doverie grazhdan k deyatelnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. 2012. № 4. S. 98—119.
2. Obshchestvennoe mnenie // Filosofskiy slovar'. URL: <http://www.philosophydic.ru/obshchestvennoe-mnenie> (data obrashcheniya: 25.09.2017).
3. Sovremennaya politicheskaya lingvistika / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; pod red. A. P. Chudinova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011.
4. Filippova T. V. Interaktivnaya kommunikatsiya v empiricheskoy sotsiologii : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. — М., 2000. 22 s.
5. Chudinov A. P. Oчерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
6. Cao L., Zhao Jihong Solomon. Confidence in the police in Latin America // Journ. of Criminal Justice. 2005. № 33. P. 403—412.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford : Blackwell, 1983. 272 p.
8. Can a Murder Verdict Help Reform Chicago Police? [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/11/opinion/Laquan-McDonald-verdict-chicago-police.html> (date of access: 15.10.2018).
9. BlackLivesMatter Official Facebook Page [Electronic resource]. URL: <https://www.facebook.com/BlackLivesMatter> (date of access: 02.10.2018).
10. Michigan Cop Shatters Car Window After Driver Refuses To Give ID [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbBFaWzMHAQ> (date of access: 19.08.2018).
11. Filming a police officer is legal: An uber driver happens to be also a Lawyer tells Police Officer [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UpT-SAunuLk> (date of access: 22.02.2018).
12. POLICE STATE VS CITIZEN. Officers get caught harassment abuse misconduct profiling [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6XjNwr4USSg> (date of access: 12.09.2018).
13. WTF ...!! When You Mess With The Wrong People [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ooKqY3t3sgs> (date of access: 12.09.2018).
14. Beverly Hills police use unlawful intimidation tactics on Lamborghini owner [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3dqeZq1wJ6k&app=desktop> (date of access: 06.04.2018).
15. Police Dashcam Captures Chase of Reckless Driver in Louisiana [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZCotzs3xjM> (date of access: 29.08.2018).

16. Killer Cops Get Rich More Than They Get Punished [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mPspMFDteIQ> (date of access: 16.04.2018).

17. Las Vegas Police Shoot Stabbing Suspect Fleeing Officers [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lnUdmVWEC9A> (date of access: 30.04.2018).

18. The anti-police movement in America [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SvRD0jqzkHE> (date of access: 22.09.2018).

19. Do Blue Lives matter? Protests against cop killings anyone? [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sowSYKeIonQ> (date of access: 16.07.2018).

О. И. Калинин
Москва, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НОАК В СМИ КНР

АННОТАЦИЯ. *Метафоричность — один из важнейших признаков имиджевого политического медиатекста как основы для формирования политического имиджа, поскольку метафора обладает особой силой воздействия. Автор использует основы контент-анализа и дискурс-анализа для выявления наиболее характерных метафор, описывающих повседневную деятельность и развитие вооруженных сил Китая. Анализ публикаций СМИ за ограниченный промежуток времени позволяет делать темпоральный срез вектора формирования общественного мнения относительно государственных институтов. Материалом исследования послужили около 200 текстов информационно-аналитического характера из изданий, выбор которых обусловлен тематической направленностью и высокой популярностью среди китайских граждан. Определены наиболее частотные темы статей, посвященные вооруженным силам: вооружение и военная техника; процесс развития и улучшения армии; новый облик НОАК после последних военных реформ; роль и место и место НОАК в государстве; участие в спасательно-поисковых операциях; неагрессивная внешняя политика; армия и народ; торжественные военные парады. Отмечается метафоричность посвященных армии статей, особенно заметная на фоне в основном стилистически нейтрального стиля информационных сообщений. Анализируются наиболее популярные метафоры («детище народа», «Армия и народ неотделимы, как рыба и вода», «позвоночник страны», «железная, стальная стена» — по аналогии с защищавшей много веков страну Великой Китайской стеной, «поборник суверенитета», «милые люди»). На основе эпитетов определяется формируемый в информационных сообщениях СМИ КНР образ НОАК: это одна из передовых, мощных армий мира, укрепляющая влияние страны на международной политической арене.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический имидж; язык СМИ; СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; общественное мнение; политические метафоры; политическая метафорология; метафорические образы; вооруженные силы; контент-анализ; дискурс-анализ.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Калинин Олег Игоревич, кандидат филологических наук, преподаватель, 40 кафедра (дальневосточных языков) факультета иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, 1; e-mail: kallini4@yandex.ru.*

Народно-освободительная армия Китая в последнее время находится в процессе динамичного развития, что подразумевает под собой модернизацию вооружения и организационно-штатную реформу. В реформе вооруженных сил немаловажной является и роль китайских СМИ, которые непосредственно формирует образ НОАК. Через средства массовой информации транслируются новые представления об армии, ее военном потенциале и положительных сторонах службы в армии, что, вне всякого сомнения, повышает престиж военнослужащих, авторитет армии и вызывает у простого народа чувство патриотизма и гордости за отечество.

Выбирая имидж вооруженных сил КНР как объект изучения в данной статье, мы понимаем, что сталкиваемся с процессом формирования институционального политического имиджа, т. е. с «целенаправленно создаваемым в процессе речевой коммуникации абстрактным, частотным, эмоционально окрашенным образом субъекта политического процесса, обладающим высокой степенью информативности, возможностью развертывания в большой текст и обусловленностью политическим дискурсом, ретранслируемым медиа-посредниками от непосредственного субъекта политического процесса к опосредованному субъекту восприятия речевого сообщения» [Калинин 2017: 47].

Одним из важнейших признаков имиджевого политического медиатекста как основы для формирования политического имиджа является метафоричность.

Метафора обладает семантической и эмоциональной силой воздействия, в полной мере отражает коммуникативные интенции автора коммуникативного сообщения, и потому этот прием широко употребляется в текстах политического дискурса.

Н. Д. Арутюнова писала, что метафора — неотъемлемый компонент политического текста, а «всеприсутствие» метафоры в речи делает возможным ее использование в качестве средства для обозначения намерений автора в политическом дискурсе [Арутюнова 1990: 18].

По мнению А. П. Чудинова, «политическая метафора — это важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Политическая метафора необычайно динамична, она понятна и действенна только „здесь и сейчас“, она вместе с тем согласована с основными понятиями данной культуры, имеет национальные корни» [Чудинов 2001: 14].

С нашей точки зрения, изучение метафоры является действенным средством анализа интенций в политическом дискурсе.

Материалом исследования стали около 200 текстов информационно-аналитического характера, вышедших в печать с мая 2015 г. по март 2018 г., освещающих разные аспекты деятельности НОАК, из следующих изданий: «*解放军报*», «*新华*», «*人民日报*», «*中华网军事*», «*中国共产党新闻网*». Выбор данных источников обусловлен тематической направленностью и высокой популярностью среди китайских граждан.

В отобранных текстах методом сплошного текстологического анализа были выделены предложения и синтагмы, наиболее полно характеризующие образ НОАК. Полученные результаты показали, что наиболее частотными темами статей, посвященных вооруженным силам, стали:

- вооружение и военная техника;
- процесс развития и улучшения НОАК;
- новый облик НОАК после последних военных реформ;
- роль и место НОАК в государстве;
- участие в спасательно-поисковых операциях;
- неагрессивная внешняя политика;
- армия и народ;
- торжественные военные парады.

Важно отметить, что вне зависимости от непосредственного тематического содержания статьи все они глубоко метафоричны. Это особенно заметно на фоне обычно стилистически нейтрального стиля информационных сообщений.

Частое использование метафорических понятий обуславливает намеренное воздействие на воображение читателей через влияние на их эмоции, а через эмоции — на следующие формирующиеся образы. Н. Д. Арутюнова утверждает, что метафора не вычленяет абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета [Арутюнова 1990: 12]. Таким образом, используя метафорические понятия, авторы публикаций пишут не столько о реальном объекте — в нашем случае НОАК и ее военной деятельности, — сколько об образе НОАК, сложившемся в сознании самих авторов. Таким способом формируется целостный образ Китая и происходит воздействие на массовое сознание читателей.

Охарактеризуем наиболее яркие и частотные метафоры, раскрывающие образ НОАК.

1. Детище народа.

中国人民解放军是**人民的子弟兵** — *zhōngguó rénmin jiěfàngjūn shì rénmin de zǐdìbīng* — *Народно-освободительная армия Китая является детищем народа.*

Была зафиксирована высокая частота употребления данного выражения в различных китайских источниках: в 100 текстах эта метафора встретилась 15 раз. Используя метафору «детище народа», китайские СМИ подчеркивают, что именно народ создал армию во время Наньчанского восстания под руководством Мао Цзэдуна 1 августа 1927 г., и главное назначение армии состоит в службе народу.

Например:

演员们真情实感的表演汇聚了各界群众对人民子弟兵的真挚热爱，表达了对建军91周年这一光辉节日的美好祝愿。

Артисты сердечно передали искренние поздравления военнослужащим (сынам народа) от лица представителей всех социальных слоев общества, выразили самые теплые поздравления с 91-й годовщиной светлого праздника образования НОАК.

2. Рыба и вода.

Метафора 军民**鱼水情** — *jūnmín yúshuǐqíng* — *армия и народ неразделимы, как рыба и вода* встретилась в 8 текстах. Использование *рыбы* и *воды* как аналогов *армии* и *народа* указывает на их сильную взаимозависимость. Как известно, для рыб вода является жизненно необходимым ресурсом, так как они дышат кислородом, который растворен в воде, и не могут дышать воздухом. В данном случае рыба — это армия, а народ представляется в образе жизненно важного компонента, жизненно важной для армии среды.

Например:

“红军的一天”让实践团的成员们体验到了红军当年的艰难困苦，也感受了淳朴的军民鱼水情。

День Красной армии позволил членам практических коллективов в полной мере ощутить все тяготы и лишения военнослужащих и прочувствовать единение армии и народа.

3. Позвоночник страны.

军队是国家民族的**脊梁** — *jūnduì shì guójiā mínzú de jǐliang* — *Армия — это «позвоночник» страны и нации.* Эта метафора встретилась 5 раз. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, «позвоночник — основная часть осевого скелета позвоночных животных и человека...» [Ожегов, Шведова 1992]. Тем самым образно демонстрируется, что армия для Китая является главной составляющей всей структуры, или скелетом государства.

既然说要改革体制编制，那就要下功夫动真格，就像李克强说的那样，壮士断腕的决心，军队是国家民族的脊梁。

Если говорить о необходимости реформирования системы комплектации, то нужно приложить усилия и взяться за этот вопрос по-настоящему. Премьер Ли Кэцян говорил, что мы можем пойти на крайние шаги, ведь армия — это скелет нации.

4. Железная стена.

保卫领土完整的**钢铁长城** — *bǎowèi lǐngtǔ wánzhěng de gāngtiě chángchéng* — *«Стальная стена», которая сохраняет территориальную целостность.* Эта метафора встречалась чаще всего — 21 раз, т. е. бо-

лее чем в 15 % исследованных новостных сообщений.

Обратим внимание на метафорическое выражение «стальная стена», которое в данном контексте является синонимом слова НОАК. Здесь НОАК предстает в образе «Великой Китайской стены» (长城), которая, как известно, на протяжении многих столетий являлась для китайцев своеобразным щитом от внешних врагов. Таким образом, «стена» стала символом защиты от врагов. Определение «стальная...» говорит о ее высочайшей устойчивости и нерушимости. В сознании китайцев это выражение интерпретируется как «Нерушимая и несокрушимая оборонная сила в лице НОАК, которая обеспечивает сохранность территориальной целостности».

Необходимость эмоционального воздействия на сознание адресатов приводит к использованию именно такого рода метафор. Авторы вольно или невольно заставляют реципиентов рисовать в воображении определенные образы.

Регулярное появление в СМИ метафоры 钢铁长城 — *gāngtiě chángchéng* («стальная стена») позволяет определить данную метафору как языковой штамп, воздействующий на массовое сознание китайцев.

Например:

强大的国防力量, 强大的人民, 铸就了和平时期的铁长城, 这是一座能够绝对保卫祖国和人民安全的钢铁长城。

Мощные вооруженные силы, сильный народ отлили железную стену новой эпохи. Это железная стена народной безопасности, способная в полной мере защитить наше Отечество.

5. Поборник суверенитета.

解放军是国家主权捍卫者 — *jiěfàngjūn shì guójiā zhǔquán hànwèi zhě* — НОАК является «поборником» суверенитета страны. Эта метафора используется немного, всего 5 раз.

Еще один пример, где интересно использование слова «поборник». Этимологическое значение слова 捍卫者 — *hànwèi zhě* — «лицо, которое охраняет, оберегает...». В данном контексте НОАК представляется в образе защитника, который стоит на страже суверенитета всего государства. Пример:

按照新的历史使命的要求, 我军不仅要维护国家的 «领土边疆», 还要维护国家的 «利益边疆»; 不仅要成为国家安全利益的捍卫者, 还要成为国家发展利益的捍卫者。

Согласно требованиям исторической миссии, наша армия должна не только защищать территориальную целостность границ государства, но также границы

наших интересов. Армия должна быть не только поборником интересов безопасности государства, но и поборником интересов развития государства.

6. Милые люди.

他们 (解放军) 是新时代最可爱的人 — *tā men (jiěfàngjūn) shì xīn shídài zuì kě'ài de rén* — Они (НОАК) являются самыми «милыми людьми» новой эпохи. Это метафорический неологизм, который, правда, довольно часто встречается в китайских СМИ — 13 раз.

Данное выражение впервые было употреблено журналистом Вэйвей (魏巍) 4 ноября 1951 г. в китайской газете «Жэньминь жибао», в статье, которая называлась «谁是最可爱的人» («Кто же самые „милые люди“?»), где так ласково называлась армия. Это выражение сразу же укоренилось в народе и сейчас является устойчивым синонимом НОАК. Слово 可爱 — *kě'ài* переводится на русский язык как «очаровательный, милый, прелестный, славный». В сознании людей создается образ культурной, вежливой и неагрессивной армии, которая ни в коем случае не станет агрессором и провокатором войны или военных действий.

Интересно наблюдать аналогию с российской прессой, где с недавних пор, а именно после событий в Крыму в 2014 г., появилась фраза «Вежливые люди». Так назывались военнослужащие без опознавательных знаков, блокировавшие стратегические объекты в Крыму. Во время «Прямой линии» 17 апреля президент РФ Владимир Путин подтвердил, что это были представители Российской армии. С этого времени выражение «вежливые люди» прочно вошло в политический и бытовой лексикон всей страны в качестве нового обозначения Вооруженных сил РФ.

Пример:

致敬! 新时代最可爱的人 — Смирно! Равнение на самых милых людей эпохи!

Проанализируем уровень метафоричности исследованных текстов. Для этого простым количественным подсчетом установим, в скольких из 100 текстов используется метафора, связанная с образом НОАК. Наши расчеты показали, что метафоричность характерна для 89 % текстов данной тематики, а это достаточно высокий показатель для текстов информационной направленности.

Можно прийти к выводу, что метафора играет безусловно важную роль в процессе формирования образа НОАК в качестве информационной модели в сознании граждан КНР. Это сложный психолингвистический прием, влияющий на сознание реципиента. Являясь моделью выводного знания, моделью выдвижения гипотез, метафора создает

конкретный устойчивый образ НОАК в массовом сознании. Несомненно, метафора является сложным и важным явлением, поскольку не только помогает изучить и установить создаваемые СМИ образы, но и раскрывает менталитет китайской нации, так как пронизывает язык, культуру и остальные компоненты, способствующие формированию мировосприятия. Являясь универсалиями сознания, метафоры формируют наиболее точные и конкретные образы, обладающие высокой степенью устойчивости.

Графически представим распределение метафор по употребительности (рис.).

Как мы видим, наиболее употребительными являются метафоры «детище народа», «железная стена» и «рыба и вода», которые подчеркивают единение армии и народа, их неразрывную связь. Очевидно, что именно это направление формирования имиджа НОАК является наиболее важным и перспективным для нынешней политической ситуации КНР. Показать величие и мощь армии тоже важно, но эта задача вторична и менее важна.

Мы также провели контент-анализ эпитетов, которые наиболее часто встречались в новостных сообщениях для описания НОАК. Наиболее частотными стали прилагательные со значением «мощный, сильный» — 强盛的, *qiángshèng de*, 强大的 — *qiángdà de*, 强有力的 — *qiáng yǒuli de*, 强壮的 — *qiángzhuàng de*.

Например:

— 现今世界上总体实力军事第一 **强大** 的军队 — *wèi xiànjīn shìjiè shàng zǒngtǐ shíli jūnshì dì yī*

qiángdà de jūnduì — Самая (первая) **мощная** армия в мире по военному потенциалу;

— 只有把这些基础但重要的条件做好, 才能建设一支 **强有力的** 国家军队 — *zhǐyǒu bǎ zhèxiē jīchǔ dàn zhòngyào de tiáojiàn zuò hǎo, cáinéng jiànshè yī zhī qiáng yǒuli de guójiā jūnduì* — Только когда эти основные и важные условия будут созданы, сможем строить **мощную** национальную армию;

— 中国军队现在成长为 一支 **强壮** 的世界级武装力量 — *zhōngguó jūnduì xiànzài chéngzhuàng wéi yī zhī qiángzhuàng de shìjiè jí wǔzhuāng lìliàng* — Армия Китайской Народной Республики сегодня превратилась в **мощные** вооруженные силы мирового масштаба;

— 作为支撑中国成为新世纪 **强盛** 大国的镇国利器, 中国军队正在不断强壮自己的实力, 以期成为一支在世界舞台上举足轻重的 **强大** 力量 — *zuòwéi zhīchēng zhōngguó chéngwéi xīn shìjì qiángshèng dàguó de zhèn guó lìqì, zhōngguó jūnduì zhèngzài bùduàn qiángzhuàng zìjǐ de shíli, yǐqǐ chéngwéi yī zhī zài shìjiè wǔtái shàng jǔzúqīngzhòng de qiángdà lìliàng* — В качестве государственного инструмента, который поддерживает Китай в становлении **мощной, процветающей** державы, армия Китая непрерывно усиливает свою мощь, для того чтобы стать **влиятельной** силой, которая бы играла ключевую роль на международной арене;

— 没有 **强壮** 的军队, 就没有 **强盛** 的中国 — *méiyǒu qiángzhuàng de jūnduì, jiù méiyǒu qiángshèng de zhōngguó* — Без **сильной** армии нет и **процветающего** Китая.

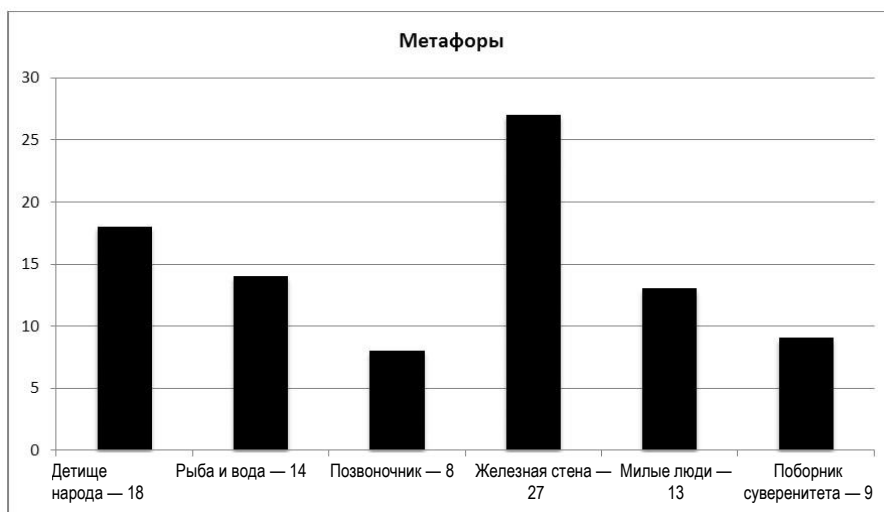

Рис. Частотность основных метафор

Анализ вышеуказанных эпитетов позволяет определить формируемый в информационных сообщениях СМИ КНР образ НОАК. В совокупности они дают представление о НОАК как об одной из передовых, мощных армий мира, которое, в свою очередь, укрепляет влияние страны на международной политической арене. При этом метафоры, имеющие более мощное воздействие на массового читателя, больше направлены на подчеркивание тесной связи армии и народа. Таким образом, создается комплексный образ армии сильной и мощной, но близкой и родной для каждого жителя Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. С. 5—32.
2. Балашова Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken, 2011. 534 с.
3. Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 12—17.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — Екатеринбург, 2008. 248 с.

O. I. Kalinin

Moscow, Russia

METAPHORICAL IMAGE OF CHINESE PEOPLE'S LIBERATION ARMY IN CHINESE MASS MEDIA

ABSTRACT. *Metaphoricity is one of the key features of image-building political media texts as metaphors have a great manipulative potential. The research employs content analysis and discourse analysis to reveal the typical metaphors describing everyday activity and development of the military forces of China. The analysis of articles published in mass media at a certain time allows identifying a temporal statistics of public opinion on the state institutions. The material for this research includes 200 texts published in information and analytical media, having the same topic and popular among the Chinese. The most frequent topics of the articles about the military forces are: armament and military equipment; development and perfection of army; new image of Chinese People's Liberation Army (PLA) after reforms; role and place of PLA in the state; participation in rescue operations; non-aggressive foreign policy; army and the people; ceremonial military parades. Metaphoricity of the articles devoted to the Chinese army is especially obvious on the background of stylistically neutral news. The most wide-spread metaphors are analyzed ("people's offspring", "Army and people are inseparable as fish and water", "the backbone of the country", "iron, steel wall" – similar to the Great Chinese Wall that protected the country for many centuries, "advocate of sovereignty", "nice people"). Epithets create the image of PLA in Chinese media: it is one of the leading, powerful armies of the world that strengthens the influence of the country on the international political arena.*

KEYWORDS: *political image; mass media language; media; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; public opinion; political metaphors; political metaphorology; metaphorical images; army; content analysis; discourse analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinin Oleg Igorevich, Candidate of Philology, Lecturer, Department of Far Eastern Languages, Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory : sbornik / pod obshch. red. N. D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi. — M. : Progress, 1990. S. 5—32.
2. Balashova L. V. Istoriya russkoy metafory: kognitivnyy aspekt. — Saarbrücken, 2011. 534 s.
3. Budaev E. V. Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6. S. 12—17.
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2008. 248 s.
5. Van Tsin'i, Tao In. Imidzh Kitaya v politicheskikh tekstakh Si Tsin'pina // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 4 (70). S. 147—154.
6. Volkova T. A. Modeli i strategii perevoda v rossiyskom i kitayskom perevodovedenii: opyt sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 158—165.
7. Kalinin O. I. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki imidzhevo politicheskogo mediateksta (na materiale kitayskikh SMI) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — M., 2017. 174 s.
8. Mukhin M. Yu., Yan I. Proekt sozdaniya kitaysko-russkogo parallel'nogo korpusa ofitsial'no-delovykh tekstov s diskursivno-

5. Ван Циньи, Тао Ин. Имидж Китая в политических текстах Си Цзиньпина // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 147—154.

6. Волкова Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 158—165.

7. Калинин О. И. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (на материале китайских СМИ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — М., 2017. 174 с.

8. Мухин М. Ю., Ян И. Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 23—31.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1992. 955 с.

10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. — М. : ЛКИ, 2008. 224 с.

11. Ульманн Ст. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1970. Т. 5. С. 250—299.

12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. — Cambridge, MA : MIT Press, 1985.

14. Koller V. Brothers in arms: Contradictory metaphors in contemporary marketing discourse // Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach. — Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 103—126.

15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 276 p.

структурной разметкой // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 23—31.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1992. 955 с.

10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. — М. : ЛКИ, 2008. 224 с.

11. Ульманн Ст. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1970. Т. 5. С. 250—299.

12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. — Cambridge, MA : MIT Press, 1985.

14. Koller V. Brothers in arms: Contradictory metaphors in contemporary marketing discourse // Confronting Metaphor in Use: An Applied Linguistic Approach. — Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 103—126.

15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 276 p.

Н. Н. Кислицына
Симферополь, Россия

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию лексико-стилистических средств, наиболее часто применяемых при создании текстов, относящихся к жанру политического выступления. Работа выполнена в соответствии с методическими принципами лингвистической экспертизы текста и критической лингвистики. Отмечается, что исследование лингвистической специфики текстов выступлений политических лидеров (ТВПЛ) не может быть сведено исключительно к функционально-семантическому анализу отдельных языковых единиц, но требует привлечения знаний из области прагматики, теории речевых актов, речевого воздействия, стилистики, риторики, теории коммуникации и информации, принципов проведения пиар-кампаний. Подчеркивается особая значимость конвергирования в процедуру анализа текста знаний и методов когнитивной науки, так как ТВПЛ нацелены на коррекцию мировоззрения и мировоззрения адресатов, воздействие на сознание реципиентов. Материалом исследования послужили речи Б. Обамы, изданные в виде сборника, включающего все его основные выступления как до вступления в должность президента, так и заключительное выступление в качестве президента Соединенных Штатов перед собранием Объединенных Наций в 2016 году. В работе на репрезентативном материале показан алгоритм комплексного использования имплицитных и эксплицитных приемов языкового/речевого воздействия на адресата, утилитарно-прагматический характер которых позволяет автору определить их как инструментарий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; политические тексты; критическая лингвистика; коммуникативная манипуляция; когнитивные метафоры; политическая метафорология; языковая игра; языковая личность; образ государства; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кислицына Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4; e-mail: nkislitsyn@rambler.ru.

Выступления политических лидеров стран, занимающих важное положение в мировом сообществе, привлекают внимание не только их сторонников или оппонентов, но и специалистов из различных областей знания, тех, на чью жизнь содержание этих речей может оказать прямое или косвенное воздействие. Среди наиболее «заинтересованных» и «вовлеченных» участников политической коммуникации, помимо собственно политиков, можно назвать военных, бизнесменов, людей, связанных с хозяйственно-экономической, культурной, образовательной сферами жизни государства.

Особый интерес тексты выступлений политических лидеров вызывают у лингвистов — теоретиков и практиков. Последние, как правило, входят в коллективы, которые готовят речь политического лидера к публичной презентации. Лингвистов-теоретиков больше занимают вопросы искусства использования языковых средств для достижения требуемого прагматического эффекта, так как «языковые формы и категории» играют активную роль в формировании, репрезентации и «структурировании сознания в целом» [Болдырев 2016: 37]. Настоящая работа посвящена исследованию лексико-стилистических средств, наиболее часто применяемых при создании текстов, относящихся к жанру политического выступления.

Использованное в заголовке слово *инструментарий* выбрано автором не случай-

It is the responsibility of intellectuals to speak the truth and to expose lies...

Noam Chomsky

но: метафорическое переосмысление основного значения данной лексемы («совокупность инструментов (орудий, преимущественно ручных, для производств каких-л. работ), употребляемых в какой-л. специальности» [СРЯ 1985: 670]) актуализирует фактор утилитарно-прагматического подхода к выполнению творческой работы, когда создание идеального, возвышенного, политически корректного, того, что в англосаксонской лингвистической традиции называется «sensitive information», или «sensitive texts» [Sims 1997: 10—26], превращается в поточное производство информационно-новостного продукта, так же как производится любой другой товар.

Выбор в качестве языкового материала выступлений известных политиков обусловлен критерием «значимости авторитета», когда оратором выступает личность, внушающая доверие и ассоциируемая с национальными ценностями и идеалами. Известно, что, как правило, выступающий с речью политик не является автором текста, однако он представляет интересы правящей партии или страны в целом, озвучивает приоритеты электората, выражает общие взгляды определенного социума, поэтому внимание уделяется не только каждому слову и фразе, но и логике подачи информации, структуре текста. Авторитет презентатора выступления оказывается важным фактором в потоке

пропаганды и оказания идеологического воздействия на сторонников и оппонентов. Язык как мощнейшее коммуникативное оружие политика всегда является идеологически маркированным: «language is never neutral, is always bound up with particular ways engaged in a politically and ideologically embedded activity» [McCarthy 2001: 131], поэтому одной из задач критического анализа текста является выявление языковых средств, используемых для оказания идеологического воздействия, или средств так называемой «коррекции» мировоззрения адресатов.

Важно отметить, что исследование лингвистической специфики текстов выступлений политических лидеров (ТВПЛ) не может быть сведено исключительно к функционально-семантическому анализу отдельных языковых единиц. Во-первых, такое исследование предполагает целостный анализ текста с учетом лексической и синтаксической семантики, прагматики, а также знаний в области теории речевых актов, речевого воздействия, стилистики и риторики. Замечательным образцом интерпретации текста в таком ракурсе может служить книга А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика», в которой автор представляет методы, используемые для анализа текстов СМИ, ставших предметом судебных разбирательств [Баранов 2009]. Во-вторых, необходимо привлечение данных теории коммуникации и информации, принципов проведения пиар-кампаний. В-третьих (по очередности, но не по значимости), в такое исследование следует конвергировать знания и методы из когнитивной науки, так как ТВПЛ нацелены на коррекцию мировоззрения и мировоззрения адресатов, воздействие на сознание реципиентов. В этом аспекте совершенно справедливыми представляются рассуждения В. З. Демьянкова о когнитивном статусе понимания как «интерпретативной деятельности», аксиологически и культурно обусловленной. При этом интерпретация текста «предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи — с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного» [Демьянков 2016: 8].

Важным представляется также учет культурной составляющей, так как ТВПЛ часто нацелены не только на внутреннего «потребителя», но и на внешнего. В этом аспекте знание этноспецифических концептов, «культурогенных» феноменов, аксиологических констант является ключом для постижения «иной ментальности». В одноименной коллективной монографии высказывается созвучная мысль о том, что «Сопостави-

тельные лингвокультурные исследования по своей гуманитарной сущности представляют собой разновидность критической лингвистики, т. е. науки о языке, направленной на разоблачение предубеждений и построенных на предубеждениях коммуникативных манипуляций» [Иная ментальность 2005: 5], что сближает данный труд с лингвистической экспертизой текста. Таким образом, одним из принципов, которым руководствуется автор данной статьи, является принцип интердисциплинарности, без которого немыслима современная наука и который позволил преодолеть барьеры, существовавшие «between the humanities and social sciences» [Payne 2004: XI].

Исследования в области политической лингвистики и политического дискурса стали особенно значимыми в связи с глобализацией информационного пространства и результирующим воздействием ТВПЛ на жизнь народов, стран и целых континентов. В этом аспекте особо репрезентативным представляется анализ подборки выступлений Барака Обамы. Сборник включает все основные речи Обамы начиная с произнесенных до вступления в должность президента вплоть до заключительного выступления в качестве президента Соединенных Штатов Америки перед собранием Объединенных Наций (United Nations) в 2016 г.

Составители сборника особо отмечают способности Б. Обамы как оратора и его харизматичность как первого афроамериканца — президента Соединенных Штатов. По уровню, которого достиг риторический талант Обамы, последнего часто сравнивают с Ф. Рузвельтом, Дж. Ф. Кеннеди, Р. Рейганом и Б. Клинтон, умело манипулировавшими общественным мнением во время своего президентства.

Хотя взгляды этих политиков по отдельным вопросам кардинально различались (достаточно вспомнить, например, расовые предрассудки А. Линкольна), то общее, что их объединяло, можно выразить следующими клише, ассоциируемыми с Соединенными Штатами Америки: *land of freedom, land of opportunity, American Dream, perfection of America, democracy*. Интересно отметить, что факт претворения в жизнь этих идеалов и ценностей подвергается жесткому критическому анализу в книге Н. Хомского «Requiem for the American Dream», последовательно анализирующего имплементацию этих, по словам Б. Обамы, базовых принципов существования Америки [Chomsky 2017]. При этом в выступлениях Б. Обамы образы других стран умело моделируются в нужном направлении с помощью различных языко-

вых средств, часто с игнорированием или нарушением сложившейся англо-американской традиции написания текстов (*writing tradition*), требований к их композиции (*composition instructions*) и объективной подаче материала (*Anglo-American notions of objectivity writing*). В последний пункт входит все то, что специалисты в области написания и построения текста определяют как рациональная аргументация, объективность авторской позиции и точки зрения, приведение фактов и доказательств [Hinkel 2007: 106—107].

Рассмотрим, каким образом лексико-стилистический инструментарий используется авторами текстов выступлений для создания имиджа определенного государства.

Все содержание речей Б. Обамы свидетельствует об однозначной фокусировке на внутренних проблемах Америки и ее внешних интересах. Доминирующими темами являются превосходство американцев над другими нациями, Америка как пример для подражания для других стран, ценности (свобода, демократия, независимость), экономическое процветание Америки, религиозные и расовые предрассудки.

Что касается других стран, то в сборнике речей Б. Обамы, насчитывающем более 322 страниц, согласно Предметному указателю, подготовленному составителями, Россия упоминается пять раз. Отметим, что согласно этому же Предметному указателю отдельные европейские страны (такие как Германия, Франция, Италия, Польша и др.) не упоминаются ни разу; вместо них фигурирует собирательное понятие «Европейский союз» или «Европа». Помимо названных стран, упоминаются Иран, Ирак, Израиль, Индия, Кувейт, Северная Корея, Палестина и Сирия. Перечисленные страны упоминаются в речах Б. Обамы от одного (Индия) до двух-трех раз, Израиль упоминается четыре раза, а «рекордсменом» по частотности упоминания является Иран — десять раз. Соответственно во время президентства Б. Обамы согласно статистике, представленной авторами сборника его публичных выступлений, Россия является второй по значимости страной, на которую распространяется влияние политики США.

Каким образом это влияние должно оказываться и в каком виде в речах Б. Обамы предстает Россия, можно судить по следующим цитатам.

*I will also renew the **tough, direct diplomacy** that can prevent Iran from obtaining nuclear weapons and **curb Russian aggression** [We are the change we seek 2017: 82].*

В данном фрагменте наблюдается комплекс приемов для создания специфическо-

го образа России. Так, учитывая, что Иран в публичных выступлениях Б. Обамы представлен чуть ли не как «вселенское зло» («Iran is against..., Iran is opposed to my country (US), Iran and North Korea flout the law, the Iranian leaders are afraid of the inspiration of their own people, Iranian nuclear issue» [Там же 2017: 132—133, 159, 161, 304]), помещение России в один контекст с Ираном соответствует приему, который называется «замазывание» [Баранов 2009: 179]. Адресат — американец, чья когнитивная система уже подготовлена, принимает новую информацию, которая хорошо согласуется с предыдущими знаниями. Данный прием можно отнести к имплицитным приемам воздействия, он подсознательно создает ассоциативный ряд с отрицательно окрашенными единицами.

Отрицательная коннотация в контексте усиливается и за счет эксплицитного использования языковых единиц: слово *агрессия*, толкуемое как «нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [СРЯ 1985: 24], однозначно создает отрицательную семантическую импликацию, которая закрепляется на синтаксическом уровне благодаря употреблению сочетания слов «*Russian aggression*».

Свои действия Б. Обама определяет как *curb*, т. е. он планирует сдержать агрессию и агрессора, а по отношению к Ирану проводить жесткую (*tough*) и прямолинейную (*direct*) политику. Использование метафоры открывает бесконечные просторы для понимания и прочтения мысли автора (подробнее о когнитивно-дискурсивной теории метафоры см.: [Коновалова, Зейферт 2018]). Сила метафоры заключается в ее поистине неограниченном семантическом потенциале. Слово *tough* может быть проинтерпретировано адресатами (а к ним относятся не только вольные или невольные слушатели, но и подчиненные, непосредственные исполнители воли президента) и как издание закона, ограничивающего, например, экономические возможности страны-оппонента, и как претворение в жизнь сценария, известного, например, в связи с событиями гражданской войны 2011 года в Ливии.

В следующем фрагменте Россия оказывается в ряду стран, обладающих значительным ядерным потенциалом, который президент Б. Обама пытается сократить. На этот раз используется синоним глагола *curb* — *reduce*:

*And I am working with President Medvedev to **reduce America's and Russia's nuclear stockpiles** [We are the change we seek 2017: 159].*

Регулярное повторение одной и той же информации определяется как прием концентрации, который приводит к «успешной онтологизации знания» [Баранов 2009: 223]:

At the same time, we'll engage Russia to seek further reductions in our nuclear arsenals, and continue leading the global effort to secure nuclear materials that could fall into the wrong hands — because our ability to influence others depends on our willingness to lead and meet our obligations [We are the change we seek 2017: 227].

Если попытаться представить Россию исходя из содержания речей Б. Обамы, то получается, что это страна-агрессор, обладающая большим ядерным арсеналом. Нет России культурной, научной, нет достижений в области спорта, медицины, космоса и других областей, в которых в не смоделированной Б. Обамой реальности Россия занимает одно из ведущих мест.

Создание намеренно выстроенного ассоциативного ряда с имплицитной отрицательной коннотацией вводит адресата в семантическое пространство намека, когда реципиент должен сам прийти к выводу, что протестовать против высмеивающих пророка Мухаммеда карикатур плохо, стремиться возродить утраченную славу — плохо, так же как пытаться ответить на вызовы, бросаемые ходом истории, или желать сохранить свою культуру и самобытность:

We see protests responding to Western newspaper cartoons that caricature the Prophet Muhammad. We see that Russia attempting to recover lost glory through force. Asian powers debate competing claims of history. And in Europe and the United State, you see people wrestle with concerns about immigration and changing demographics, and suggesting that somehow people who look different are corrupting the character of our countries [Там же 2017: 315].

Вводимый с показателем условности «*If*» в следующем предложении факт вмешательства в дела соседних государств делает предположение о вмешательстве почти аксиомой, которая не только тут же комментируется с показателем модальности «*may*»: «*it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time*», но и завершается фразой с явным дополнительным планом содержания: «*make its borders less secure*». Почему границы России станут менее безопасными? Аллюзия на события, происходящие в Южно-Китайском море, упоминаемые в качестве примера для подражания, подкрепляемая литотой «*the militarization of a few rocks and reefs*», представляет последствия разоружения, которое необходимо всем.

If Russia continues to interfere in the affairs of its neighbors, it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time, but overtime it is also going to diminish its stature and make its borders less secure. In the South China Sea, a peaceful resolution of disputes offered by law will mean for greater stability than the militarization of a few rocks and reefs [Там же 2017: 319].

Подобная агрессивная условная модальность стала не так давно объектом шуток со стороны российских журналистов-аналитиков, когда множество аргументов в пользу отравления химическим препаратом «Новичок», якобы созданным в России, вводилось фразами *highly likely* и *highly probably*.

Проанализированные фрагменты выступлений Б. Обамы представляют собой прекрасный пример языковой игры политика, которая предполагает формирование множественных смыслов, концентрированное повторение информации с отрицательной коннотацией, выстраивание искусственных ассоциативных рядов, нацеленных на «замыывание» объекта речи, вмешательство в его ментальное пространство — «*mental space*» [Fauconnier 1994]. Комплексный анализ ТВПЛ позволяет систематизировать знания об «использовании ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [Чудинов 2006: 5]. Изучение лексико-стилистического инструментария, используемого при создании ТВПЛ, способствует развитию навыков аналитического чтения, лучшему пониманию смысла сказанного и предупреждает коммуникативные манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. — М.: Флинта: Наука, 2009. 592 с.
2. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Личность. Язык. Сознание. — 2016. Вып. 24. С. 35—48.
3. Демьянков В. З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5—9.
4. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Граборова. — М.: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Коновалова Т. А., Зейферт А. Д. Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 158—166.
6. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 А — Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985. 696 с.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
8. Chomsky N. Language and politics / ed. by C. P. Otero. 2-nd ed., rev. and expended. — Oakland, Calif.: AK Pr., 2004. 802 p.
9. Chomsky N. Requiem for the American Dream: the 10 Principles off Concentration of Wealth and Power / ed. by Peter Hutchinson, Kelly Nyks and Jared P. Scott. — New York: Seven Stories Pr., 2017. 172 p.

10. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. 240 p.

11. Hinkel E. *Objectivity and Credibility in L1 and L2 Academic Writing // Culture in Second Language Teaching and Learning*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 90—108.

12. McCarthy M. *Issues in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. 175 p.

13. Payne M. *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2004. 644 p.

14. Sims K. *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. — Amsterdam : Rodopi, 1997. 333 p.

15. *We are the Change we Seek. The Speeches of Barack Obama* / ed. by E. J. Dionne Jr. and Joy-Ann Reid. — London : Bloomsbury Publ., 2017. 339 p.

N. N. Kislitsyna
Simferopol, Russia

LEXICAL AND STYLISTIC TOOLS FOR MODELING THE IMAGE OF THE STATE

ABSTRACT. *The article studies lexical and stylistic means used to create texts related to the genre of political speech. The work was carried out in accordance with the methodological principles of linguistic expertise of a text and critical linguistics. It is noted that the study of the linguistic specificity of the texts of speeches of political leaders (TSPL) should not be reduced to the functional and semantic analysis of individual language units, but requires the involvement of knowledge from the field of pragmatics, the theory of speech acts, speech impact, style, rhetoric, communication and information theory, the principles of PR campaigns. The special importance of converging the knowledge and methods of cognitive science into the analysis procedure is emphasized, as TSPL are aimed at the correction of the addressees' worldviews, and the impact on the consciousness of the recipients. The material of the research is represented by the collection of B. Obama's major speeches. The paper shows the algorithm of integrated usage of implicit and explicit methods of language/speech influence on the addressee, the utilitarian and pragmatic nature of which allows the author to define them as tools.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; political texts; critical linguistics; communicative manipulation; cognitive metaphors; political metaphorology; word play; language persona; image of the state; American presidents.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kislitsyna Nataliya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages № 1, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika*. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 592 s.

2. Boldyrev N. N. *Yazyk i struktura soznaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Lichnost'. Yazyk. Soznanie*. — 2016. Vyp. 24. S. 35—48.

3. Dem'yankov V. Z. *O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. № 4. S. 5—9.

4. *Inaya mental'nost' / V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, Ya. V. Zubkova, E. V. Graborova*. — M. : Gnozis, 2005. 352 s.

5. Konovalova T. A., Zeyfert A. D. *Metafora kak kognitivno-diskursivnoe sredstvo reprezentatsii obraza sovremennoy Rossii v arkhitekturnoy kartine mira // Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 1 (67). S. 158—166.

6. *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 1 A — Y / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy*. — M. : Russkiy yazyk, 1985. 696 s.

7. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika*. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.

8. Chomsky N. *Language and politics* / ed. by C. P. Otero. 2-nd ed., rev. and expanded. — Oakland, Calif. : AK Pr., 2004. 802 p.

9. Chomsky N. *Requiem for the American Dream: the 10 Principles of Concentration of Wealth and Power* / ed. by Peter Hutchinson, Kelly Nyks and Jared P. Scott. — New York : Seven Stories Pr., 2017. 172 p.

10. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. 240 p.

11. Hinkel E. *Objectivity and Credibility in L1 and L2 Academic Writing // Culture in Second Language Teaching and Learning*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 90—108.

12. McCarthy M. *Issues in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. 175 p.

13. Payne M. *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2004. 644 p.

14. Sims K. *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. — Amsterdam : Rodopi, 1997. 333 p.

15. *We are the Change we Seek. The Speeches of Barack Obama* / ed. by E. J. Dionne Jr. and Joy-Ann Reid. — London : Bloomsbury Publ., 2017. 339 p.

И. Е. Коптелова
Москва, Россия

**РИТОРИКА ПОРАЖЕНИЯ: ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ
ПРИЗНАНИЯ ПОРАЖЕНИЯ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В США (1996—2016 ГГ.)**

АННОТАЦИЯ. Автор статьи исследует предметно-тематические нормы выступлений с признанием поражения на выборах. Выступление победителя и побежденного — это ритуал американской политики, характеризующий П. Коркораном как «обряд капитуляции», в котором оба кандидата, завершая выборы, соглашаются с их исходом, придают легитимность результату и запускают смену политической власти. Особое внимание привлекает выступление проигравшего кандидата, выбранный им тон, длительность выступления, темы, отдельные целевые аудитории, к которым он или она обращается. Помимо ритуальности, выступление с признанием поражения отличается клишированностью. На основе сравнительного анализа составлен список повторяющихся тем и определены способы индивидуализации этих выступлений. Дана попытка объяснить необходимость таких выступлений с точки зрения американцев, при том что данная процедура не накладывает на выступающего никаких правовых обязательств. Тем не менее комментатор CNN, около 8 часов ожидая выступления Хиллари Клинтон с признанием поражения, подчеркнул, что для здоровой демократии публичное признание поражения зачастую гораздо важнее объявления о победе. Мы не можем согласиться, что речь с признанием поражения не более чем жест, который забудется через неделю; произнесенная в момент особого напряжения нации, она вновь и вновь привлекает к себе и широкую публику, и исследователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: признание поражения; клишированная речь; политический дискурс; политическая риторика; американские президенты; политические речи; предвыборные кампании.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коптелова Ирина Евгеньевна, кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка, факультет «Международные отношения и международное право», Дипломатическая академия МИД России, Москва; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1; e-mail: ms.koptelova@list.ru.

Коммуникация — процесс социальный. Это процесс кругового взаимодействия, который состоит из таких элементов, как отправитель информации, ее получатель и само сообщение. С точки зрения направления распространения информации в современном массовом обществе возрастает значение вертикальной коммуникации, где движение идет сверху вниз. В руках людей, стремящихся овладеть толпами, коммуникация является чрезвычайно действенным инструментом. Как пример следует указать на широкомасштабную трансформацию политической, социальной и культурной жизни под влиянием новых, электронных средств массовой информации. За период, меньший смены одного поколения, стиль и темп речей изменились, резко обострилось соперничество словесного и образного времени.

Когда слушаешь выступления многих современных публичных деятелей, создается впечатление, что они просто следуют определенным шаблонам, освещая ту или иную тему. Это относится к различным публичным выступлениям, будь то доклад о положении в стране, адресованный парламенту, инаугурационная речь или интервью по тем или иным актуальным вопросам: кажется, что говорящий не ставит перед собой задачи передачи значимой информации, а просто произносит слова, чтобы успокоить аудиторию [Коржева 2017: 94—95].

Американскую избирательную кампанию можно рассматривать как последовательность ритуалов. И избиратели, и средства массовой информации оценивают кандидатов в значительной степени по тому, насколько удачно они проходят через эти

ритуалы [Афанасьева 2015: 179]. И последний из них, финальный — выступление победителя и побежденного в ночь выборов, после подсчета голосов. Речь с признанием поражения с точки зрения демократии представляет собой важный момент, когда участники выборов подтверждают результат и делают первый шаг для преодоления противостояния, возникшего в ходе избирательной кампании [Corcoran 1994]. Для политиков в этот момент впервые появляется возможность интерпретации результатов выборов, когда один намечает путь вперед, а другой старается восстановить свой имидж, пострадавший в результате поражения.

В политике признание поражения — это действие проигравшего кандидата, когда он публично признает победу другого кандидата на выборах после подведения итогов голосования. На самом деле нет необходимости в том, чтобы проигравший кандидат признал свое поражение перед победившим кандидатом, особенно в случае отсутствия сомнения в честности победы и поражения.

Признание поражения — совершенно добровольный акт, и иногда кандидаты отказываются признавать поражение, несмотря на то, что подсчет голосов подтверждает его; такое чаще происходит, когда есть подозрения в подтасовке результатов голосования. В этом случае кандидат может потребовать пересчета голосов или расследования возможного мошенничества. Иногда кандидат отказывается признать поражение просто из-за неприязни.

Довольно редко случается, что, признав поражение, кандидат затем отказывается от своего заявления. Так произошло в США во

время выборов президента в 2000 г., когда кандидат от демократов Альберт Гор поздравил республиканскому кандидату Дж. Бушу и поздравил его с победой. Однако ситуация с подсчетом голосов в штате Флорида, который оказался ключевым в определении победителя президентской гонки, привела к тому, что он позднее отозвал признание своего поражения до завершения пересчета голосов.

Ритуал признания поражения, характерный для американской политической системы, все больше берется на вооружение и в других странах, причем не только с широко развитой системой демократии, но и в ряде развивающихся стран [Okoye Adaobi Ngozi, Mmadike Benjamin Ifeanyi 2016]. Поэтому заявленная в статье тема представляется **актуальной**: представляет интерес выявление, с одной стороны, повторяющихся особенностей данного ритуала, клишированных тем, с другой — элементов индивидуализации.

Объектом настоящего исследования являются выступления кандидатов в президенты США с признанием их поражения в выборах (concession speeches). **Предметом** — предметно-содержательные темы таких выступлений и языковые средства их реализации. **Материалом** исследования послужили речи кандидатов, проигравших президентские выборы в США в период с 1996 по 2016 г.

Цель исследования — выделить предметно-содержательные темы, повторяющиеся в выступлениях, установить примерный порядок их реализации в тексте и определить средства индивидуализации клишированного текста.

Присутствие СМИ остается незаменимым элементом ритуала выступления с признанием поражения и объявления победы. Связь между политиками и общественностью всегда была опосредована СМИ [Bimber, Davis 2003]. Достижения в области медиатехнологий, как правило, заставляют политиков изменять способ связи, который они используют в своем последнем ритуале [Murphy 2008]. Распространение телеграфа, радио, телевидения, Интернета — это трансформационные моменты в медиатехнологиях, которые меняли и продолжают менять политические практики. Если когда-то было достаточно телеграммы, то с 1990-х гг. благодаря широкому распространению Интернета политики стали активно использовать и его, особенно сайты социальных сетей, таких как «Twitter» и «Facebook».

Первую «телеграмму с признанием поражения» послал Уильям Дженнингс Брайан вновь избранному президенту Уильяму МакКинли через два дня после президентских

выборов 1896 г. [Scott Farris 2013]. До этого для подведения итогов голосования требовалось много дней, и кандидаты старались оставаться в стороне от этого процесса. Так, проигравший президентские выборы в 1876 г. Самюэл Тилден выступил с признанием поражения через 8 месяцев после выборов. Альберт Смит в 1928 г. впервые использовал радио для трансляции речи с признанием поражения, а Эдлай Стивенсон в 1952 г. был первым, кто признал свое поражение в телевизионном обращении.

В эру телекоммуникаций речь о признании поражения транслируется на широкую аудиторию и рассматривается как «лебединая песня» избирательной кампании проигравшего. Как правило, победитель выступает после проигравшего кандидата.

Проигравший кандидат обычно благодарит своих сторонников за героические усилия и подчеркивает успех кампании в укреплении партии и привлечении внимания к вопросам, которые в противном случае оказались бы вне внимания общественности. Также частью традиции является поздравление победившего кандидата и пожелание ему всего наилучшего, возможно даже какой-то совет, если кампания не была особенно ожесточенной.

Когда-то публичному признанию поражения придавали мало значения, но сегодня оно является обязательным компонентом избирательной кампании. Это выступление, вместе с выступлением победителя, уникальны в том, что они представляют собой не только образцы ораторского искусства, но и обращение к избирателям: одним — очень расстроенным и недовольным, другим — счастливым и воодушевленным. Это тот из немногих моментов, когда миллионы людей слушают выступление кандидата от начала и до конца в режиме реального времени.

П. Коркоран, исследовав выступления кандидатов, проигравших президентские выборы в период 1952—1992 гг., обнаружил: «Почти совсем не было изменений. Вот что меня поразило. Вот почему я решил рассмотреть ее [речь о признании поражения] как жанр дискурса, риторики, из-за того что она настолько клишированная» (здесь и далее перевод наш. — *И. К.*) [Corcoran 1994].

Классическим в литературоведении считается следующее определение жанра: «Жанр: литературный (от французского genre — род, вид), исторически складывающийся тип литературного произведения (роман, поэма, баллада и т. д.); в теоретическом понятии в жанре обобщаются черты более или менее общей группы произведений» [ЛЭС 1990: 10].

Таблица 1. Общепринятые нормы признания поражения

Тип общепринятых норм	Способ выражения
Предметно-содержательные темы	<ul style="list-style-type: none"> ● Официальное объявление результатов ● Призыв к единству ● Дань уважения демократии ● Позитивная оценка избирательной кампании ● Официальное изменение роли ● Благодарность сторонникам
Процедурные шаги	<ul style="list-style-type: none"> ● Проигравший кандидат выступает первым ● Кандидаты признают поражение публично ● Проигравший кандидат не признает поражения, пока не закроются все избирательные участки

Существуют и другие определения. Например, Н. М. Разинкина считает, что жанр — это «разновидность функционально-речевого стиля, определяемая тремя факторами: а) формой построения; б) характером наличной информации; в) эмоциональной окраской этой информации» [Разинкина 2004: 85].

Говоря о принадлежности дискурса к тому или иному жанру, В. И. Карасик считает, что «жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения» [Карасик 1998: 189]. Эти категории характеризуют тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, вариативность, степень компрессии) [Карасик 1998: 187].

В настоящем исследовании мы принимаем определение речевого жанра, данное В. И. Карасиком: «...жанровый канон — стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах» [Карасик 1998: 192].

Если говорить об исследовании речи о признании поражения как отдельного жанра риторики, то одной из основных работ в этой области до сих пор остается анализ Рут Энн Уивер [Weaver 1982], включающий также разбор выступления победителя. Исследовательница проследила эволюцию «взаимного ритуала», которым символически завершаются выборы, начиная с 1952 г. Этот ритуал включает в себя как процедурные нормы (например, как правило, проигравший кандидат выступает с признанием поражения раньше, чем победивший), так и предметно-содержательные нормы (т. е. повторяющиеся темы, которые кандидаты озвучивают в своих выступлениях, например призыв к единству). В таблице 1 представлены выделенные в работе Р. Э. Уивер нормы.

Мы считаем, что первым процедурным

шагом данного «взаимного ритуала» следует считать контакт проигравшего кандидата с победившим после подсчета голосов и выявления победителя. Проигравший поздравляет победителя в частном порядке и лишь потом через прессу обращается к нации с признанием поражения.

Чесебро и Хамшер [Chesebro, Hamsher 1974: 39] заявляли: «Речь о признании поражения — чрезвычайно полезная форма для изучения и оценки из-за устойчивых и самогенерируемых диалектических конфликтов, обнаруженных в этих символических актах». Они отмечали, что «любая ситуация, связанная с конфликтом, в котором выигрывает одна сторона, а другая проигрывает, является первым шагом к речи о признании поражения» [ibid: 39].

Уэлч [Welch 1999] в своем исследовании показал, что использование отдельных предметно-содержательных тем варьируется у разных кандидатов. В основном это зависит от разницы в их результатах. Если разрыв небольшой, то кандидаты предпочитают подчеркивать единство, а в случае значительного разрыва в результатах они делают упор на продолжение борьбы по тем вопросам, которые они ставили во время своей избирательной кампании.

Исследования выступлений с признанием поражения, проводившиеся после 2000 г., еще раз подтвердили наличие в текстах таких речей тем, выделенный Р. А. Уивер, даже несмотря на чрезвычайные обстоятельства. Например, когда Альберт Гор выступил с признанием поражения через пять недель после выборов, он посвятил больше времени вопросам единства и преемственности демократии, чем любой другой кандидат [Ritter, Howell 2001]. Дж. Лакофф [Lakoff 2001] указывал, что Джордж У. Буш в своей победной речи затронул те же темы, подчеркнув необходимость восстановления единства и устранения раскола. На президентских выборах 2004 г. впервые с публичным обращением выступили кандидаты на пост вице-президента. Несмотря на историче-

ский характер выборов 2008 г., выступления Барака Обамы и Джона Маккейна включали всё те же традиционные темы [Howell 2011].

В США помимо президентских выборов аналогичные ритуалы, как показывают исследования, сопровождают и выборы на других уровнях. Так, Л. Девлин [Devlin 1982], не обращавшийся к типологии Р. Уивер, при анализе речи сенатора Эдварда Кеннеди с признанием поражения на Национальном съезде Демократической партии в 1980 г. выделил ряд тех же самых предметно-содержательных тем. Уступив право выдвижения Джимми Картеру, Э. Кеннеди, по словам Л. Девлина, «воспользовался моментом на съезде для того, чтобы произнести эффектную и воодушевляющую речь, которая скрепила процесс и придала законность [выдвинутой] кандидатуре».

Такой же ритуал начинает использоваться и в других странах. В 1998 г. П. Коркоран провел исследование выступлений с признанием поражения на материале Вестминстерской системы Австралии [Corcoran 1998]. Он же в своей статье *Democracy's Rhetoric of Defeat* [Corcoran 2010] указал на тенденцию политиков в различных странах выступать с речью о признании поражения, приведя в качестве примера речь лидера Консервативной партии Великобритании Майкла Ховарда в 2005 г., когда консерваторы потерпели поражение на парламентских выборах, что привело к третьему сроку правления Тони Блэра, и признание поражения Сеголен Руаяль во время президентских выборов во Франции в 2007 г. В 2015 г. впервые в истории Нигерии такую речь произнес проигравший выборы президент Гудлак Джонатан [Okoye, Ifeanyi 2015].

П. Коркоран выделил следующие темы и их порядок в речи о признании поражения.

1. Перифраз, т. е. разновидность паралепсиса: говорящий не упоминает само слово «поражение», но слушатели понимают, что он признает его (исключением была речь А. Гора по итогам выборов 2000 г., в которой он прямо признал свой проигрыш). Кандидат ссылается на свершившийся факт, зачитывая телеграмму, как было раньше, или сообщая о телефонном звонке победителю. По мнению исследователя, это ключевой перформативный элемент, который в какой-то мере дает возможность сгладить поражение за счет того, что проигравший кандидат первым объявит победителя.

2. Призыв объединиться вокруг победителя — следующий шаг проигравшего.

3. Торжественная ода в честь американской демократии по умолчанию снимает бремя поражения и придает законность про-

игранной кампании.

4. Призыв к продолжению борьбы превращает поражение в борьбу за праведное дело и дает надежду на будущую победу [Corcoran 1994: 115].

Риттер и Хауэлл [Ritter, Howell 2001] выделили шесть отличительных критериев речи о признании поражения, некоторые из которых совпадают с теми, что описывались в работах Р. Э. Уивер и П. Коркорана. Они проиллюстрировали эти характеристики на примере анализа речи Альберта Гора о признании поражения и победной речи Джорджа Буша на чрезвычайно спорных президентских выборах 2000 г. В частности, Риттер и Хауэлл использовали свои критерии, чтобы определить, действительно ли речь А. Гора представляла собой признание поражения. Характеристики, сформулированные Риттером и Хауэллом, включают: 1) официальное заявление о поражении, 2) призыв к национальному единству, 3) дань уважения американской демократии, 4) подтверждение законности кампании кандидата, 5) признание трансформированных ролей для кандидатов и 6) выражение благодарности сторонникам.

Чрезвычайные обстоятельства президентской кампании 2000 г. привели к тому, что кандидаты, победивший и проигравший, постарались усилить традиционные темы своих обращений, т. е. темы победы и поражения, призыва к национальному единству и прославления американской демократии, одновременно уменьшив значимость других тем. Возможно, те же чрезвычайные обстоятельства привели к тому, что и в одном, и в другом выступлениях было больше ссылок на Бога и религию, чем обычно.

Мы полагаем, что в любом случае следует добавить еще одну тему к вышечисленным, а именно «Бог и молитва», поскольку все кандидаты, к какой бы конфессии они ни принадлежали, включают ее в свою речь о признании поражения.

Таким образом, обобщив все темы, выделенные исследователями, можно предложить следующий список:

- 1) перифраз признания поражения;
- 2) положительная оценка противника;
- 3) выражение благодарности сторонникам;
- 4) призыв к единству;
- 5) важность демократии;
- 6) заявление о продолжении борьбы;
- 7) Бог и молитва.

Существуют общие вспомогательные темы, например специальное обращение к молодежи (или иной группе населения, которую говорящий считает необходимым выделить) и ссылки на физическую уста-

лость.

Таблица 2

Год	Кандидат	Предметно-содержательные темы
1996	Роберт Дойл	1; 3; 6; 4; 7
2000	Альберт Гор	1; 2; 5; 3; 4; 6; 7
2004	Джон Керри	1; 4; 3; 5; 6; 7
2008	Джон Маккейн	1; 2; 5; 4; 3; 7
2012	Митт Ромни	1; 2; 3; 4; 6; 5; 7
2016	Хиллари Клинтон	1; 4; 3; 6; 5; 7

Таблица 3

Год	Кандидат	Количество слов
1996	Роберт Дойл	1080
2000	Альберт Гор	1053
2004	Джон Керри	1618
2008	Джон Маккейн	1216
2012	Митт Ромни	659
2016	Хиллари Клинтон	1169

В таблице 2 указаны темы и порядок их упоминания в выступлениях с признанием поражения.

Что касается объема, то речь о признании поражения довольно краткая, в среднем состоит из 1050—1200 слов (см. табл. 3).

Особняком здесь стоит речь Митта Ромни. Говорят, что в день выборов 2012 г. он был настолько уверен в себе, что подготовил только одну речь — с объявлением победы. И хотя его команде якобы пришлось срочно писать прямо противоположное и речь получилась непривычно краткой, она тем не менее точно следует проверенному десятилетиями шаблону: *Нация выбрала другого лидера, и Анна и я присоединяемся к вашим усердным молитвам за него.*

Из-за эмоциональности момента произнесения речи ее синтаксис может быть бесвязным, искаженным:

...I was just thinking on the way down — I was thinking on the way downstairs — I was just thinking on the way downstairs, I was thinking on the way down the elevator tomorrow will be the first time in my life I don't have anything to do (Robert Dole).

...So here — so with a grateful heart — I leave this campaign... (John Kerry).

...A little while ago, I had the honor of calling Senator Barack Obama to congratulate him. To congratulate him on being elected the next president of the country that we both love (John McCain).

...Now, I — I know — I know we have still not shattered that highest and hardest glass ceiling... (Hillary Clinton)

Длинная или короткая, но соответствующая общим требованиям к данному жанру речь о признании поражения должна быть вежливой и сдержанной. Избирательная кампания часто описывается в военных ме-

тафорах. Избирательная кампания — это символическая гражданская война, наносящая ущерб политическому истеблишменту. Она не только ожесточает и раскалывает, она отвратительна; Джордж Буш назвал ее «мерзкой» или «нечистоплотной» [приводится по: Согроган 2010]. И именно проигравший кандидат обладает привилегией заявить, что военные действия закончены, наступил мир и нация должна опять объединиться, чтобы продолжить работу, направленную на достижение счастливого будущего. И для этого речь проигравшего должна быть очень взвешенной.

Выступления с признанием поражения быстро забываются. Общепринятые нормы речи о признании поражения почти не оставляют авторам возможности по-настоящему «индивидуализировать» тексты. Индивидуализация происходит либо путем выбора определенной лексики, чтобы отразить чувства говорящего, либо путем отказа от той или иной темы или, наоборот, внесения дополнительной темы, либо явной эмфазы одной из традиционных тем. По крайней мере, три выступления из тех, о которых идет речь в статье, пришлось на знаковые выборы в США. Выборы 2000 г. запомнились необходимостью пересчета голосов в штате Флорида, в связи с чем произошла задержка в признании одного из кандидатов победителем. В результате выборов 2008 г. в США появился первый президент-афроамериканец. В 2016 г. президентом США впервые могла бы стать женщина. Кроме того, один из кандидатов еще до выборов заявил, что не признает своего поражения. Причем в двух из трех упомянутых выборах победил не тот кандидат, который набрал наибольшее количество голосов избирателей, а тот, что получил наибольшее количество голосов выборщиков.

Окончательное решение о победителе президентской кампании 2000 г. принимал Верховный суд США. Альберт Гор смирился с этим решением, но в первом же предложении своей речи поздравил Джорджа У. Буша с тем, что тот «стал» (becoming) президентом, но не «был избран» (being elected). Также в своей речи А. Гор, которого многие считали чопорным и лишенным чувства юмора (что, возможно, уменьшило число его сторонников), дважды пошутил над собой, причем довольно жестко.

Многие считают, что речь, с которой выступил Джон Маккейн, — одно из лучших признаний поражения за последние годы. Он неоднократно подчеркивал историческое значение победы Б. Обамы и не уставал хвалить его.

In a contest as long and difficult as this campaign has been, his success alone commands my respect for his ability and perseverance. But that he managed to do so by inspiring the hopes of so many millions of Americans who had once wrongly believed that they had little at stake or little influence in the election of an American president is something I deeply admire and commend him for achieving (John McCain).

Митт Ромни всего лишь раз упоминает имя победителя: *I have just called President Obama to congratulate him on his victory.*

Хиллари Клинтон стала первым кандидатом в президенты, которая, обращаясь к своим сторонникам с признанием поражения, сказала: «Я сожалею...» (*...and I'm sorry we did not win this election...*).

Еще одним способом придать индивидуальность выступлению с признанием поражения может быть либо апофегама, краткое и меткое наставительное изречение или нравоучительная сентенция, либо включение в речь исторического примера:

...A century ago, President Theodore Roosevelt's invitation of Booker T. Washington to dine at the White House was taken as an outrage in many quarters (John McCain).

Almost a century and a half ago, Senator Stephen Douglas told Abraham Lincoln, who had just defeated him for the presidency, "Partisan feeling must yield to patriotism. I'm with you, Mr. President, and God bless you" (Al Gore).

При этом в последнем случае исторический пример зеркально отражен в речи победителя, Дж. У. Буша:

Two hundred years ago, after a difficult election, President Thomas Jefferson reminded his fellow citizens that "every difference of opinion is not a difference of principle."

И если Джордж Буш ссылается на Томаса Джефферсона, победителя президент-

ских выборов (видимо, ассоциируя себя с ним), то Альберт Гор в качестве исторического примера выбрал проигравшего выборы Стивена Дугласа.

Сентенцию — краткую апофегму, в данном случае из Библии [Коптелова 2017: 7], — вставила в свою речь Хиллари Клинтон:

...Your know, scripture tells us, let us not grow weary in doing good, for in due season we shall reap if we do not lose heart. So, my friends, let us have faith in each other. Let us not grow weary. Let us not lose heart, for there are more seasons to come, and there is more work to do.

Заключение

Публичное признание поражения стало обязательным ритуалом избирательной кампании. Оно знаменует (по крайней мере, официально) прекращение жесткой, а иногда и жестокой борьбы кандидатов, согласие признать результаты выборов и призыв к единению. Но оно же — благодаря СМИ — стало вторжением в личную жизнь, еще одним «перетряхиванием» частных надежд и амбиций.

Несмотря на клишированность, речь признания поражения включает в себя сложные духовные проблемы: катарсис, покаяние и прощение. Личная трагедия несбывшихся надежд, публично озвученная, призвана произвести, с одной стороны, целительный эффект на общество, а с другой — узаконить результат этой трагедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева О. Н. Среда и ее конструирование в ритуализованных коммуникативных практиках // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 177—186.
2. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: лингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград, 1998. С. 185—197.
3. Коптелова И. Е. Признать поражение и объявить о победе [Электронный ресурс] // Apriori. Сер.: Гуманитарные науки. — Краснодар, 2017. №1. URL: www.apriori-journal.ru (дата обращения: 16.08.2018).
4. Коржева Л. Б. Смена политического дискурса в США: от Обамы к Трампу // Язык как фактор культурной дипломатии : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. (Дипломатическая академия МИД РФ). — М., 2017. С. 91—97.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энцикл., 1990. 685 с.
6. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика английского языка. — М. : Высшая школа, 2004. 271 с.
7. Bimber B., Davis R. Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections. — New York : Oxford Univ. Pr., 2003.
8. Chesebro J. W., Hamsher C. D. The concession speech: The MacArthur-Agnew analog // Speaker and Gavel. 1974. № 11(2). P. 39—51.
9. CNN.com [Electronic resource]. URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0012/13/bn.23> (date of access: 28.08.2018).
10. Corcoran P. E. Democracy's Rhetoric of Defeat [Electronic resource]. 2010. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2010/01/20100125192106mlenuhret0.4451061.html> (date of access: 17.06.2018).
11. Corcoran P. E. Presidential Campaign Discourse / ed. K. Kendall. — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 255—291.

12. Corcoran P. E. Presidential concession speeches: The rhetoric of defeat // *Political Communication*. 1994. Vol. 11. Iss. 2. P. 109—131.
13. Corcoran P. E. The rhetoric of triumph and defeat: Australian Federal Elections 1940—1993 // *Australian Journ. of Communication*. 1998. Vol. 25 (1). P. 69—86.
14. Devlin L. P. An analysis of Kennedy's communication in the 1980 campaign // *Quarterly Journ. of Speech*. 1982. No 68. P. 397—417.
15. Farris Scott. *Almost President: The Men Who Lost the Race but Changed the Nation*. — Lyons Pr., 2013. 374 p.
16. Howell B. W. Change and continuity in concession and victory speeches: Race, gender, and age in the closing statements of the 2008 presidential campaign // *American Behavioral Scientist*. 2011. No 55 (6). P. 765—783.
17. Lakoff R. T. The rhetoric of the extraordinary moment: The concession and acceptance speeches of Al Gore and George W. Bush in 2000 presidential election // *Pragmatics*. 2001. No 11 (3). P. 309—327.

I. E. Koptelova
Moscow, Russia

RHETORIC OF DEFEAT: CONVENTIONAL AND LANGUAGE ANALYSIS OF CONCESSION SPEECHES OF US PRESIDENTIAL ELECTIONS (1996—2016)

ABSTRACT. *The author analyses conventions of electoral concession speeches. The article highlights the ceremonial and formulaic character of concession. The concession and victory speech is a ritual in the US politics, described by Corcoran as a "rite of capitulation," in which both candidates at the end of an election agree on the outcome, lend the legitimacy of the process, and start the political transition. Speeches by losing candidates, the chosen tone, length, message, and target audience — all of those attract attention. Besides being ceremonial, concession is of formulaic character. A list of recurring conventions is made up on the basis of the comparative analysis; the ways of individualization of such speeches are singled out. The author also tries to explain the necessity of concession from the point of view of the Americans through it is of non-binding character. Nevertheless waiting for about 8 hours for Hillary Clinton to deliver her concession speech, a CNN commentator claimed that the concession speech is often more important for the health of democracy than the victory speech. We can't agree that concession speech is nothing more than a graceful gesture that may be forgotten in a week: delivered at the peak of the nation's tension it appeals to general public and scholars time and again.*

KEYWORDS: *concession speech; conventional speech; political discourse; political rhetoric; American presidents; political speeches; election campaign.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptelova Irina Evgenievna, Candidate of Philosophy, Head of Department of the English Language, Faculty of International Relations and International Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Afanas'eva O. N. Sreda i ee konstruirovaniye v ritualizovannykh kommunikativnykh praktikakh // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2015. № 2. S. 177—186.
2. Karasik V. I. O kategoriyakh diskursa // *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* : sb. nauch. tr. — Volgograd, 1998. S. 185—197.
3. Koptelova I. E. Priznat' porazhenie i ob'yavit' o pobjede [Elektronnyy resurs] // *Apriori*. Ser.: Gumanitarnye nauki. — Krasnodar, 2017. №1. URL: www.apriori-journal.ru (data obrashcheniya: 16.08.2018).
4. Korzheva L. B. Smena politicheskogo diskursa v SSHA: ot Obamy k Trampu // *Yazyk kak faktor kul'turnoy diplomatii* : sb. materialov mezhyuz. nauch.-prakt. konf. (Diplomaticheskaya akademiya MID RF). — M., 2017. S. 91—97.
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* / pod red. V. N. Yartsevov. — M. : Sovetskaya entsikl., 1990. 685 s.
6. Razinkina N. M. Funktsional'naya stilistika angliyskogo yazyka. — M. : Vysshaya shkola, 2004. 271 s.
7. Bimber B., Davis R. *Campaigning Online: The Internet in U.S. Elections*. — New York : Oxford Univ. Pr., 2003.
8. Chesebro J. W., Hamsher C. D. The concession speech: The MacArthur-Agnew analog // *Speaker and Gavel*. 1974. № 11(2). P. 39—51.
9. CNN.com [Electronic resource]. URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0012/13/bn.23> (date of access: 28.08.2018).
10. Corcoran P. E. Democracy's Rhetoric of Defeat [Electronic resource]. 2010. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/publication/2010/01/20100125192106mlenuhret0.4451061.html> (date of access: 17.06.2018).
11. Corcoran P. E. *Presidential Campaign Discourse* / ed. K. Kendall. — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 255—291.
12. Corcoran P. E. Presidential concession speeches: The rhetoric of defeat // *Political Communication*. 1994. Vol. 11. Iss. 2. P. 109—131.

13. Corcoran P. E. The rhetoric of triumph and defeat: Australian Federal Elections 1940—1993 // *Australian Journ. of Communication*. 1998. Vol. 25 (1). P. 69—86.
14. Devlin L. P. An analysis of Kennedy's communication in the 1980 campaign // *Quarterly Journ. of Speech*. 1982. No 68. P. 397—417.
15. Farris Scott. *Almost President: The Men Who Lost the Race but Changed the Nation*. — Lyons Pr., 2013. 374 p.
16. Howell B. W. Change and continuity in concession and victory speeches: Race, gender, and age in the closing statements of the 2008 presidential campaign // *American Behavioral Scientist*. 2011. No 55 (6). P. 765—783.
17. Lakoff R. T. The rhetoric of the extraordinary moment: The concession and acceptance speeches of Al Gore and George W. Bush in 2000 presidential election // *Pragmatics*. 2001. No 11 (3). P. 309—327.
18. Okoye Adaobi Ngozi, Mmadike Benjamin Ifeanyi. A Study of the Concession Speech by President Goodluck Jonathan [Electronic resource] // *UJAH: Unizik Journ. of Arts and Humanities*. 2016. Vol. 17. № 1. URL: <http://dx.doi.org/10.4314/ujah.v17i1.8> (date of access: 08.07.2018).
19. Murphy C. The evolution of the modern rhetorical presidency: A critical response // *Presidential Studies Quarterly*. 2008. No 38 (2). P. 300—307.
20. Ritter K., Howell B. W. Ending the 2000 presidential election: Gore's concession speech and Bush's victory speech // *American Behavioral Scientist*. 2001. No 44. P. 2314—2330.
21. The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (date of access: 15.09.2018).
22. Weaver R. A. Acknowledgment of victory and defeat: The reciprocal ritual // *Central States Speech Journ.* 1982. No 33(3). P. 480—489.
23. Welch R. L. The rhetoric of victory and defeat: Victory and concession addresses of presidential candidates // *The Communication Annual*. 1999. No 13. P. 85—101.

М. Г. Милютина
Ижевск, Россия

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ МИРА ПОЛИТИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. А. ПРОХАНОВА
(на примере статьи «Дама в шёрстке»/«Норка»)**

АННОТАЦИЯ. В статье проанализирован публицистический текст известного писателя и политического публициста А. А. Проханова, посвященный предвыборной президентской кампании 2017 года в России. Одним из главных фигурантов этой публикации является К. А. Собчак, которая изображается Прохановым как хищный пушной зверек (норка). Удалось подтвердить аргумент о том, что метафоры — излюбленный способ изображения Прохановым политических событий. Они являются образно-смысловым стержнем, формирующим каркас его текстов. Нередко метафоры строятся по принципу «метафорической матришки»: доминирующая текстовая зооморфная метафора как бы вбирает в себя (подключает к себе) другие метафоры, реализующиеся на уровне предложений (в анализируемой статье зооморфная метафора сопровождается театральной и монархической; вторая оказывается нагружена интертекстуальными ассоциациями — отсылает к прецедентной исторической ситуации — захвату престола Екатериной II с помощью гвардейцев). В рассмотренном автором статьи тексте доминирующей оказалась зооморфная метафорическая модель. Анализ фактического материала позволил продемонстрировать, что А. А. Проханов не боится быть гипертрофированно метафоричным, наоборот, стремится к метафорической насыщенности текста, к акцентированию метафоры на разных уровнях — как вербальном, так и невербальном. Метафорический потенциал его публицистических текстов значительно возрастает за счет использования средств невербальной семиотики. Можно констатировать, что прохановские публикации построены по всем правилам создания текстов третьего уровня с точки зрения их культурогенной значимости (классификация Дж. Лемке) и отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; публицистика; А. Проханов; текстовая метафора; графическая метафора; заголовочная метафора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Милютина Марина Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2; e-mail: russistoria@mail.ru.

Меня не оставляет вот это желание создавать большие метафоры сегодняшнего дня.

А. А. Проханов

В современной лингвистике аксиоматично считать метафору естественным атрибутом творческого мышления, позволяющим наиболее эффективно познавать окружающий мир и представлять его в таком, метафорически осмысленном виде, другим. Специалисты по политической коммуникации отмечают огромную роль метафоры в политическом дискурсе. В. С. Виноградов полагает даже, что по семантике метафор можно изучать политическую историю страны [Виноградов 1994: 47].

Предвыборная ситуация в России 2017 г. оказалась отражена в серии публикаций главного редактора газеты «Завтра»¹ А. А. Проханова: «Норка»/ «Дама в шёрстке» (от 19 окт. 2017 г.), «Храм и вертеп» (от 8 нояб. 2017 г.), «Революция „Собчак“» (от 9 дек. 2017 г.). Одним из основных фигурантов этих публикаций является кандидат в президенты РФ К. А. Собчак. Небезынтересно, что во всех указанных публикациях метафора представлена не только на уровне текста, но также на уровне заголовка и на уровне иллюстрации.

Метафора, функционирующая в креолизованном тексте и получившая в нем вопло-

щение в разных видах, является интересным предметом для исследования. Поэтому обозначенная выше серия статей попала в фокус нашего внимания. Одна из указанных выше публикаций А. А. Проханова («Храм и вертеп») проанализирована в статье [Милютина, Сальнов 2018]. В данном случае обратимся к публикации, имеющей вариативное название: «Дама в шёрстке»/«Норка».

Александра Андреевича отнюдь не случайно причисляют к весьма заметным медиаперсонам, входящим в политический истеблишмент [Степанов 2008: 89]. Реакция критиков на произведения А. А. Проханова, его стилистику весьма противоречива: одни «пугают» им «детей в приличных литературных домах» [Никифоров 2009], другие сравнивают его с храмом Василия Блаженного [Беляков 2013]. Согласимся, однако, с мнением Аркадия Никифорова о том, что А. А. Проханова «можно презирать или ненавидеть, но игнорировать не получается» [Никифоров 2009].

Неординарная языковая личность А. А. Проханова не раз становилась объектом лингвистических исследований. См., например, работы Е. В. Ардатовой [Ардатова 2015а, 2015б], Ю. В. Балышевой [Балышева 2015], Г. В. Поповой, И. С. Цвыровой [Попова, Цвырова 2016] и других исследователей.

В публицистической статье «Великий русский державник», посвященной 80-летию

¹ «Завтра» — еженедельная газета, выходящая под девизом «Газета Государства Российского». Выпускается с 1993 г., главный редактор — А. А. Проханов. Тираж — 100 000 экземпляров. Сайт: zavtra.ru.

Александра Андреевича, Владимир Бондаренко отмечает природную метафоричность Проханова, его способность выстроить «парад метафор» [Бондаренко 2018].

А. А. Проханов явно предпочитает не сухой логический путь к сознанию реципиента, а аналогический, одновременно воздействующий на его эмоционально-образную и когнитивную сферы. Риторике давно знаком этот путь. Считается, что метафора является удобным и привлекательным инструментом коммуникации именно благодаря своей образности и обобщенности, ведь она, по мнению В. С. Виноградова, «освобождает от бремени строго рационального и логически последовательного описания какого-либо объекта и оставляет простор для множественной интерпретации сказанного» [Виноградов 1994: 46].

По мнению А. П. Чудинова, политические тексты бывают часто организованы таким образом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели (или ряда взаимосвязанных моделей) [Чудинов 2008а: 149—150]. Для публикаций А. А. Проханова такая организация отнюдь не исключение. Метафоры, выстроенные в «парадные ряды», становятся тем образно-смысловым стержнем, который организует его тексты. Ключевые метафоры в его публикациях акцентируются с помощью метафорических заголовков и графических метафор.

Заголовочная метафора является сильной позицией текста. Это отмечают многие исследователи; см., напр.: [Арнольд 1978; Афанасьева 2014; Лютая 2008; Чудинов 2008а] и др. По мнению И. Р. Гальперина, заголовок представляет собой компрессированное, нераскрытое содержание текста. Его можно сравнить с закрученной пружиной, раскрывающей свои возможности в процессе текстового развертывания [Гальперин 1981: 133]. И Проханов умело пользуется такой «закрученной метафорической пружиной».

Известно, что креолизация¹ — важный инструмент коммуникации, который используется для привлечения и удержания внимания адресата и является способом выражения смысловой организации современного медиатекста [Корда 2013: 3]. Этот инструмент активно используется в публикациях

газеты «Завтра», в том числе сопровождает передовицы Проханова. Креолизованная метафора создается руками талантливого художника-графика Геннадия Животова.

Рассмотреть способы реализации и акцентирования текстовой метафоры на примере указанной статьи А. А. Проханова тем более интересно, что «метафора — это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» [Чудинов 2008б: 86]. Публикация А. А. Проханова увидела свет в сорок третьем номере газеты «Завтра» 2017 г. Она по-разному представлена в печатном и электронном изданиях.

В более позднем печатном варианте (от 25 октября) эта статья размещена на второй странице газеты в разделе «Блиц» и имеет заголовок «**Дама в шёрстке**». В более ранней электронной версии (от 19 октября) тот же самый материал размещен в разделе «Слово дня» и подан как одна из экспертных оценок (вторая экспертная оценка принадлежит перу М. Делягина). Обе экспертные оценки предваряет сугубо информационный блок о выдвижении К. А. Собчак на пост президента. Общее название электронной серии публикаций тоже несколько иное, хотя и синонимичное печатной версии статьи Проханова: «**Норка**».

В печатной версии статьи («*Дама в шёрстке*») нет иллюстрации, имеется только подзаголовок: *Ксения Собчак заявила о выдвижении своей кандидатуры на президентские выборы 2018 года в Российской Федерации*, — из которого становится очевидно, о какой даме идет речь. Электронную версию на предтекстовом уровне сопровождают иллюстрация Г. В. Животова и эпиграф в виде комментария, представляющий собой дефиницию лексемы *норка* из толкового словаря Н. Ю. Шведовой и С. И. Ожегова. Попутно отметим, что и рамочное название серии, и эпиграф, и иллюстрация Г. Животова по смыслу более явно сцеплены именно с экспертной оценкой А. Проханова.

Заголовок «**Дама в шёрстке**» в печатной версии издания является не просто метафорой, но метафорой гротескной, поскольку заостряет внимание на жизненных отношениях «посредством причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры» [СРЯ 1985: 350]. Гротескный характер публикации, заданный заголовочной метафорой, в тексте статьи актуализируется с помощью метаморфозы: метафорическая норка (К. А. Собчак) фантастическим образом превращается в норку реальную: *Но дизай-*

¹ Термин «креолизация» связан с понятием «креолизованный текст», который истолковывается как «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17].

неры сказали мне, что она якобы (в это трудно поверить) перед началом своей реальной кампании собирается принять какие-то специи, медикаменты, может быть, даже стволовые клетки, которые будут способствовать прорастанию на её ногах, а потом на всём теле меха норки. И она постепенно во время выборной кампании будет превращаться в пушного зверя.

Помимо этого, заголовочная метафора создает определенную интригу: без дальнейшего контекста непонятно, почему кого-то можно назвать *дама в шерстке*. Кто она: снежный человек? Из заголовка статьи ясно только одно — перед нами человек с признаками животного. Поэтому рассматриваемую единицу, очевидно, можно отнести к метафорам-загадкам (типология Ю. Левина) [Левин 1965: 293]. Метафоры этого типа будят читательское воображение, втягивают читателя в языковую игру, заставляя обратиться за разгадкой к последующему контексту. Заголовочная метафора описанного типа как нельзя лучше подходит для выполнения своих задач, ведь, по мнению Г. Г. Хазагерова и И. Б. Лобанова, одна из основных функций газетного заголовка — интригующая функция. Заголовок должен привлечь внимание слушателя, заинтриговать его, заставить прочесть весь материал [Хазагеров, Лобанов 2004: 192].

Заголовок к серии статей электронной версии издания менее интригующий — «**Норка**». Однако и его переносный (метафорический) смысл становится понятным только из дальнейшего контекста (экспертная оценка Проханова размещена первой). Кроме того, основной негативно-оценочный смысл метафорической модели «КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ РФ КСЕНИЯ СОБЧАК — ХИЩНЫЙ ПУШНОЙ ЗВЕРЁК» дополнительно высвечен в электронном варианте издания на уровне комментария, представляющего собой, как уже было отмечено, дефиницию из толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: **Норка** — хищный пушной зверёк семейства куньих с густой блестящей шерстью, а также мех его. Воротник из норки. **Норковая шуба**. **Норочья клетка**.

Из текста статьи (он идентичен в обоих случаях) становится понятно, почему Проханов использует именно эти заголовочные метафоры (*дама в шерстке*, *норка*): *Тогда она* (Ксения Собчак. — М. М.) *сказала, что начинает революцию норковых шубок* — и пришла на площадь в *норковой шубке*. Публицист опирается на образную метафору (первоначально метонимию) самой К. Собчак, введенную ей и подкрепленную

на уровне невербальной семиотики, однако разворачивает ее прагматический (явно положительный изначально) потенциал в прямо противоположную сторону, используя готовое метафорическое оружие против его же создателя. К. Собчак, очевидно, имела в виду, что революцию сегодня может осуществлять не обязательно обездоленный пролетарий-мужчина, но и интеллигентная, вполне состоятельная и уважаемая леди. Важным атрибутом такой леди является норковая шубка. В руках умелого фокусника Проханова¹ атрибут уважаемой леди (норковая шубка) не только замечает саму эту леди, но и превращает ее в хищного зверька, принадлежащего к элитарной политической породе. По мнению американского исследователя Дж. Чартерис-Блэка, политик или публицист, опираясь на тот же тип метафоры, что и у политического оппонента, может придать ей совершенно другую значимость [Charteris-Black 2011: 28].

Иллюстрация Г. В. Животова развивает мысль о норке как хищнице, только охотится этот зверек на человека. Примечательно, что эта графическая метафора является антифрастичной, переворачивающей классическое представление о том, что шкурка норки висит на плечах женщины-модницы. На иллюстрации всё наоборот — тело голого человека «болтается» на плечах красавицы-норки (рис. 1).

Рис. 1

¹ В. И. Карасик в одной из публикаций [Карасик 2011], посвященных типологизации языковых личностей в антропологической лингвистике, создателя современного креолизованного текста (культурогенный тип языковой личности) называет *фокусником*, противопоставляя его *жрецу* и *ремесленнику*

Исследователи не случайно считают графическую метафору одним из самых востребованных инструментов анализа креолизованного текста, неким ключом к интерпретации его вербальной и невербальной информации [Ворошилова, Пашкова 2016: 91]. Норка на иллюстрации — самодовольная хищница, которая охотится на людей и самозабвенно «пиарится». Таким образом уже на предтекстовом уровне оказывается сформированной и дополненной по смыслу как заголовочная метафора печатной публикации, так и доминирующая метафора публикации Проханова, размещенная в электронной серии экспертных оценок первой.

Зооморфная метафорическая модель является в анализируемом тексте хорошо разработанной. Она разворачивается с помощью перифрастической номинации (вместо норки — пушной зверь) и опорой на гиперо-гипонимические отношения: Кремль видел всё <...> Но пушных зверей в Кремле не было еще никогда. И вот появляется настоящий породистый пушной зверь <...> Если норка станет президентом России, то она наверняка будет формировать кабинет из других пушных зверей: из нутрий, из ондатр... Там будут выдры, выхухолы, будут белки, будут всевозможные полёвки, зайцы и кролики. Это будет первый в истории России пушной кабинет. Проханов использует прием гипонимизации, чтобы сделать речь более образительной¹. Представляется оправданным предположить, что каждая персонифицированная номинация с более конкретным значением имеет в приведенном отрывке определенную прагматическую нагрузку: не случайно перечислены названия животных с более ценным — менее ценным мехом; диких — прирученных человеком; хищных — не хищных и др. В том числе очевидна опора на фоносемантические (выхухоль) и негативные/иронические смысловые ассоциации (выдра, заяц).

Указанная модель далее разрабатывается также с помощью других слотов: названий профессий, связанных с охотой и звероводством; способов охоты на пушных зверей — которые помогают выполнить основ-

ную, сугубо прагматическую задачу автора публикации, высмеять политический поступок К. Собчак: *И вот появляется настоящий породистый пушной зверь. А поскольку у меня есть масса знакомых среди охотников и звероводов, я сделаю всё, чтобы заставить их отказаться от охоты на пушных зверей, чтобы не вздумали расставлять капканы на пути у Ксении Анатольевны Собчак, не вздумали стрелять ей из „мелкашки“ в глаз, как это делают настоящие добытчики-охотники.*

К зооморфной метафоре успешно присоединяются театральная (цирковая) и монархическая метафоры, усиливающие впечатление от первой: *Когда на канате будет балансировать крупный, в черных очках пушной зверь, влияние его на избирателей будет колоссальным и неотразимым <...> впервые в Кремле на президентском престоле, а может быть, даже и на каком-то более высоком престоле появится пушной зверь. Я думаю, что многие из избирателей — конечно, я в том числе — пойдем к избирательным урнам и проголосуем за эту Семёновско-Преображенскую пушную норковую гвардию.* Нетрудно заметить, что метафоры в приведенном отрывке строятся по принципу «метафорической матрешки» (С. И. Виноградов): доминирующая текстовая зооморфная метафора как бы вбирает в себя (подключает к себе) другие метафоры, реализующиеся на уровне предложений. А монархическая метафора, буквально контаминированная с зооморфной, «вросшая» в нее в последнем предложении (Семёновско-Преображенская пушная норковая гвардия), оказывается нагружена еще и интертекстуальными ассоциациями: она отсылает нас к прецедентной исторической ситуации — захвату престола Екатериной II с помощью гвардейцев Семеновского и Преображенского полков. Попутно отметим насыщенность прохановского текста другими прецедентными феноменами, в ряд которых гармонично вписывается эта историческая метафора. Небезынтересно и то, что иллюстрация Г. В. Животова, сопровождающая в печатной версии газеты другую статью Проханова, передовицу под названием «Валдайские мудрецы», размещенную на первой странице, как нельзя кстати подходит и для иллюстрации приведенного нами отрывка (рис. 2).

Подведем итоги. Текстовая зооморфная метафора «КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ РФ КСЕНИЯ СОБЧАК — ДАМА В ШЁРСТКЕ/НОРКА» дает развернутую характеристику не только образно обозначенному в ней политику, но и картине политического мира, связанной с предвыборными событиями,

¹ Для того чтобы речь была образительной, можно использовать слова с более конкретным значением — слова, которые обозначают не род, а вид, более узкую разновидность предметов или явлений. Этот способ получил название гипонимизации (от слова «гипоним», что обозначает название вида). Выбирая более низкое в видовой иерархии слово, говорящий возбуждает в сознании слушателей более конкретные представления [Хазагеров, Лобанов 2004: 215].

иронически негативно оценивая их перспективу (необходимо отметить, что автор статьи не присоединяется к оценочному отношению А. Проханова, равно как и не опровергает его. Автор выступает лишь в роли стороннего наблюдателя, исследователя, препарирующего тексты и делающего сугубо лингвистические выводы из этого). Эта метафора акцентирована сразу на нескольких уровнях: 1) на уровне текста, где она разворачивается и подкрепляется другими метафорами, 2) на уровне заголовка, являющегося номинативным предложением метафорического характера, 3) на уровне иллюстрации, являющейся графической метафорой. Кроме того, ее метафорический потенциал дополнительно усилен как на вербальном, так и на невербальном уровне с помощью гротеска и антифразиса.

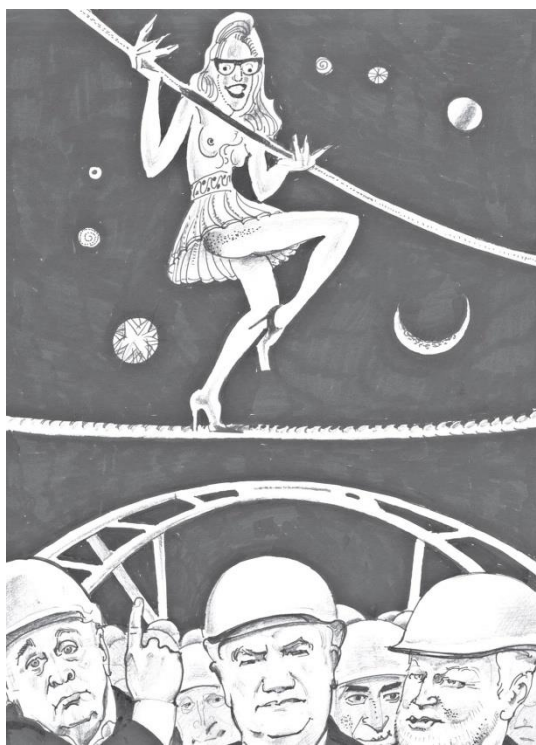

Рис. 2

Наша статья позволила продемонстрировать, что А. Проханов не боится быть гипертрофированно метафоричным, наоборот, стремится к метафорической насыщенности текста, к акцентированию метафоры на уровне заголовка, к усилению ее другими образными средствами.

Кроме того, можно констатировать, что прохановские публикации построены по всем правилам создания текстов третьего уровня с точки зрения их культурогенной значимости (классификация Дж. Лемке) и отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главной характеристикой таких текстов, по мнению В. И. Карасика, является возможность

переходов к другим семиотическим образованиям [Карасик 2011: 112].

Иллюстрации Г. В. Животова, на наш взгляд, талантливо дополняют образный вербальный ряд прохановских публикаций, углубляя и развивая их смысловые ассоциации, от чего метафорический потенциал этих публикаций значительно возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003. 128 с.
2. Ардатова Е. В. Мастер метафоры. Штрихи к речевому портрету А. А. Проханова // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. статей 2-й Междунар. науч. конф. / под ред. канд. филол. наук, доц. Д. В. Шапочкина. — Тюмень : Вектор Бук, 2015а. С. 55—62.
3. Ардатова Е. В. Особенности речевого портрета редактора газеты «Завтра» А. А. Проханова [Электронный ресурс] // Univer-sum: филология и искусствознание. 2015б. №8 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-portreta-redaktora-gazety-zavtra-a-a-prohanova> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23—24.
5. Афанасьева А. Р. Метафора в заголовках статей как прием речевого воздействия // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4 (30). С. 72—75.
6. Балышева Ю. В. А. А. Проханов-публицист как креативная языковая личность // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 187—196.
7. Беляков С. Проханов как храм Василия Блаженного [Электронный ресурс] // СвободнаяПресса. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/64798/> (дата обращения: 20.07.2018).
8. Бондаренко В. Великий русский державник // Завтра. 2018. 4 апр. № 13 (1269).
9. Виноградов В. С. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. 1994. № 1. С. 43—48.
10. Ворошилова М. Б., Пашкова А. Д. Баба ЕГЭ: креолизованная метафора как орудие дискредитации [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/baba-ege-kreolizovannaya-metaphora-kak-orudie-diskreditatsii> (дата обращения: 24.04.2018).
11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981. 140 с.
12. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Изв. ВГПУ. 2011. № 8. С. 109—115.
13. Корда О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013. 20 с.
14. Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Труды по знаковым системам. 1965. Т. 2. Вып. 181. С. 293—299.
15. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008. 21 с.
16. Милюткина М. Г., Сальнов Е. А. Метафора в креолизованном публицистическом тексте (на примере статьи А. А. Проханова «Храм и вертеп») // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 3. С. 462—470.
17. Никифоров А. Престольные игры Александра Проханова [Электронный ресурс] // Культурная эволюция. 2009. URL: <http://yarcen.ru/articles/culture/literature/prestolnye-igry-aleksandra-prokhanova-21826/> (дата обращения: 25.08.2018).
18. Попова Г. В., Цвырова И. С. Политическая метафора как маркер речевого портрета личности (на материале работ А. А. Проханова) // Новый взгляд на проблемы современного языкознания : материалы 7-й Междунар. науч. конф. школьников, студентов и аспирантов / Н. А. Боженкова (отв. ред.) [и др.]. — Курск, 2016. С. 165—171.

19. Словарь русского языка = СРЯ. В 4 т. Т. 1. А — Ы / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1985. 702 с.

20. Степанов Б. Е. Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексогоен» // Политика. 2008. № 3. С. 89—104.

M. G. Milyutina
Izhevsk, Russia

**METAPHORIZATION OF POLITICS IN PUBLICISTIC TEXTS BY A.A. PROKHANOV
(BASED ON THE ARTICLE «LADY IN FUR» / «MINK»)**

ABSTRACT. *The article analyzes a text written by a famous writer and publicist A. A. Prokhanov; the text is devoted to the presidential campaign of 2017 in Russia. One of the main characters of the text is K. A. Sobchak who is depicted by the author as a rapacious fur animal (mink). It is proved that metaphors are Prokhanov's favorite means to describe political events. They the axis of meaning and imagery of the text. Metaphors are frequently made on Matreshka principle: the dominant zoomorphic metaphor incorporates the other metaphors (in the analyzed text zoomorphic metaphor is accompanied by theatrical and monarchical ones; the second is supported by intertextual associations – it refers to the precedent historical situation of palace revolution by Ekaterina II). The dominant metaphoric model in the analyzed text is zoomorphic one. The analysis revealed that A. A. Prokhanov is not afraid of using a great number of metaphors, he, on the contrary, seeks metaphorical abundance and employs metaphors of different levels — verbal and non-verbal. Metaphorical potential of his publicistic texts increases due to the use of the means of non-verbal semiotics. It is obvious that Prokhanov's texts conform to the rules of text production of the third level from the point of view of their cultural importance (J. Lemke's typology of texts) and reflect the main features of post-modernist epoch.*

KEYWORDS: *political discourse; publicistic text; A. Prokhanov; text metaphor; graphic metaphor; title metaphor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Milyutina Marina Georgiyevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. — M. : Academia, 2003. 128 s.
2. Ardatova E. V. Master metafory. Shtrikhi k rechevomu portretu A. A. Prokhanova // Politicheskiy diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy : sb. statey 2-y Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. kand. filol. nauk, dots. D. V. Shapochkina. — Tyumen' : Vektor Buk, 2015a. S. 55—62.
3. Ardatova E. V. Osobennosti rechevogo portreta redaktora gazety «Zavtra» A. A. Prokhanova [Elektronnyy resurs] // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. 2015b. №8 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-portreta-redaktora-gazety-zavtra-a-a-prohanova> (data obrashcheniya: 10.04.2018).
4. Arno'd I. V. Znachenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta // Inostrannye yazyki v shkole. 1978. № 4. S. 23—24.
5. Afanas'eva A. R. Metafora v zagolovkakh statey kak priem rechevogo vozdeystviya // Vektor nauki TGU. 2014. № 4 (30). S. 72—75.
6. Balysheva Yu. V. A. A. Prokhanov-publitsist kak kreativnaya yazykovaya lichnost' // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 187—196.
7. Belyakov S. Prokhanov kak khram Vasiliya Blazhennogo [Elektronnyy resurs] // SvobodnayaPressa. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/64798/> (data obrashcheniya: 20.07.2018).
8. Bondarenko V. Velikiy russkiy derzhavnik // Zavtra. 2018. 4 apr. № 13 (1269).
9. Vinogradov V. S. Vyzritel'nye sredstva v parlamentskoy rechi // Russkaya rech'. 1994. № 1. S. 43—48.
10. Voroshilova M. B., Pashkova A. D. Baba EGE: kreolizovannaya metafora kak orudie diskreditatsii [Elektronnyy resurs] // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/baba-ege-kreolizovannaya-metafora-kak-orudie-diskreditatsii> (data obrashcheniya: 24.04.2018).
11. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Nauka, 1981. 140 s.
12. Karasik V. I. Yazykovaya lichnost' kak predmet izucheniya antropologicheskoy lingvistiki // Izv. VGPU. 2011. № 8. S. 109—115.

21. Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. — Ростов н/Д : Феникс, 2004. 384 с. (Сер.: Учебники, учебные пособия).

22. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008a. 256 с.

23. Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008b. № 1(24). С. 86—93.

24. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.

13. Korda O. A. Kreolizovannyy tekst v sovremennykh pechatnykh SMI: strukturno-funktsional'nye kharakteristiki : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2013. 20 s.

14. Levin Yu. I. Struktura russkoy metafory // Uch. zap. Tartusk. gos. un-ta. Trudy po znakovym sistemam. 1965. T. 2. Vyp. 181. S. 293—299.

15. Lyutaya A. A. Sovremennyy gazetnyy zagolovok: struktura, semantika, pragmatika : avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2008. 21 s.

16. Milyutina M. G., Sal'nov E. A. Metafora v kreolizovannom publitsisticheskom tekste (na primere stat'i A. A. Prokhanova «Khram i vertep») // Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Istoriya i filologiya. 2018. T. 28. Vyp. 3. S. 462—470.

17. Nikiforov A. Prestol'nye igry Aleksandra Prokhanova [Elektronnyy resurs] // Kul'turnaya evolyutsiya. 2009. URL: <http://yarcenter.ru/articles/culture/literature/prestolnye-igry-aleksandra-prokhanova-21826/> (data obrashcheniya: 25.08.2018).

18. Popova G. V., Tsvyroya I. S. Politicheskaya metafora kak marker rechevogo portreta lichnosti (na materiale rabot A. A. Prokhanova) // Novyy vzglyad na problemy sovremennogo yazykoznaneniya : materialy 7-y Mezhdunar. nauch. konf. shkol'nikov, studentov i aspirantov / N. A. Bozhenkova (otv. red.) [i dr.]. — Kursk, 2016. S. 165—171.

19. Slovar' russkogo yazyka = SRYa. V 4 t. T. 1. A — Y / РАН, Ин-т лингвистич. issledovaniy ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 3-e izd., ster. — M. : Rus. yaz., 1985. 702 s.

20. Stepanov B. E. Literaturnyy skandal i politicheskoe voobrazenie: A. Prokhanov i ego «Gospodin Geksogen» // Politika. 2008. № 3. S. 89—104.

21. Khazagerov G. G., Lobanov I. B. Ritorika. — Ростов н/Д : Феникс, 2004. 384 с. (Сер.: Учебники, учебные пособия).

22. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008a. 256 s.

23. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya metafora v nachale XXI veka // Politicheskaya lingvistika. 2008b. № 1(24). S. 86—93.

24. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.

А. П. Шумакова
Иваново, Россия

КВАЗИЛОЗУНГИ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье приводятся определения политического лозунга и квазилозунга как его людического трансформации. Рассмотрены концепты свободы и ясности как отражение французского национального мира, нашедшие свое воплощение в политических квазилозунгах. Выявлена роль интернет-ресурсов как средств общественного контроля над политической жизнью Франции. В статье представлен анализ наиболее ярких квазилозунгов, образованных во время предвыборной кампании по выборам Президента Французской Республики в 2017 году. Массовое возникновение квазилозунгов связано с тем фактом, что во время предвыборной кампании во Франции в «Twitter» и «Facebook» получил широкое распространение интернет-флешмоб с начальным словом-призывом «Corrige» («Исправь»). Пользователи участвовали в «перелицовке» предвыборных слоганов трех основных кандидатов на должность президента или размещали в Сети фото «переделок» с улиц французских городов. В статье уделено особое внимание приему языковой игры и определены характерные лингвистические средства ее реализации в квазилозунгах: каламбур, алогизм, лексические замены, усечение слова, добавление компонентов, антитеза. Анализ дополнен рассмотрением лингвистических средств, сопровождающих лозунг и создающих вместе с ним полноценный объект политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические лозунги; квазилозунг; языковая игра; каламбур; алогизм; политические плакаты; французские президенты; предвыборные кампании.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шумакова Алла Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и французского языков, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина; 153003, г. Иваново, ул. Рабфак-ковская, д. 34, к. А-301; e-mail: shumakova_alla@mail.ru.

Президентские выборы во Франции как политико-социальное явление проходят при активном участии граждан страны. Генетически и исторически это европейское государство связано с традициями свободы и демократии. В концепт «французское» ученые включают понятия: 1) вольный, свободный, живущий по собственному праву; 2) прямой, ясный, откровенный. Эти свойства — свободолюбие и ясность — французы на протяжении столетий называют отличительными чертами французского культурного мира [Кирнозе 2001:197]. Понятие «свобода», вырастающее из истории Великой Французской революции, прежде всего подразумевает *libertés politiques* — избирательное право, свободу союзов и ассоциаций, выступлений и демонстраций, свободу мысли и ее выражения. Митинги, шествия, забастовки, демонстрации — характерные приметы общественно-политической жизни во Франции на протяжении многих десятилетий.

В то же время социологи отмечают тот факт, что в настоящее время для многих избирателей политика — это то, что происходит на экране телевизора. Кроме телевидения, в жизнь человека активно вошел Интернет, ставший новым коммуникационным пространством для молодежи и людей активного возраста. Сеть Интернет и социальные группы, действующие в ней, стали играть значительную роль в социально-политической жизни общества, и роль эта постоянно возрастает. Как отмечает И. А. Быков, «с ростом его аудитории Интернет становится средством глобальной коммуникации, перешагивающим через национальные

границы и объединяющим мировые информационные ресурсы в единую систему. Всемирная сеть Интернет расценивается большинством ее посетителей как демократичная среда, источник получения объективной и правдивой информации» [Быков 2010: 7].

Одной из особенностей Интернета, отличающей его от других средств массовой информации, имеющих традиционную «вертикальную» структуру, является его «горизонтальная» ориентация. Под «горизонтальной» понимается такая структура, где каждый пользователь выступает одновременно и как потребитель, и как производитель информационного сообщения. Любой человек имеет возможность выразить себя в Интернете вербальными и невербальными способами. Политика как динамичная, быстро меняющаяся сфера не могла не подвергнуться «интернетизации». Молодое поколение избирателей не пользуется традиционными СМИ для получения информации. Они потребляют новости из Интернета и выражают свои эмоции, реакции и мнения также в Интернете. К. Великанов, описывая влияние Интернета на политические процессы в Европе, отмечает, что «европейская бюрократия не могла не отреагировать на фактическую потерю легитимности, что привело в итоге к максимальной информационной открытости, так называемому „электронному правительству“ и к появлению возможности общественного контроля над политическими и социальными процессами — через блогосферу» [Великанов 2009].

Особенно заметной становится роль социальных сетей накануне важных политических событий в жизни страны — выборов

руководства государства, принятия серьезных законопроектов. Выборы президента как значимый политический феномен вызывают немалый ажиотаж во Франции.

В 2017 г. 11 кандидатов на пост главы Французской Республики представили свои предвыборные программы. Среди них были политические «старожилы», баллотировавшиеся на этот пост неоднократно — Марин Ле Пен (Национальный фронт), Жан-Люк Меланшон («Непокорная Франция»), Филипп Путу (Новая антикапиталистическая партия), Натали Арто («Рабочая борьба»), Жак Шеминад («Солидарность и прогресс»), Никола Дюпон-Эньян («Поднять Францию»). Среди «новичков» — Эмманюэль Макрон, министр экономики, финансов и цифровой экономики Франции (2014—2016 гг.), председатель политического движения «Вперед!» (2016—2017 гг.).

Первый тур выборов был ознаменован острой конкуренцией между четырьмя кандидатами, имеющими приблизительно одинаковый рейтинг (около 20 %): Марин Ле Пен, Жаном-Люком Меланшоном, Эмманюэлем Макроном и Франсуа Фийоном. Две политические тенденции повлияли на ход выборов. Первый тур показал категорическое неприятие французами традиционных партий, которое поставило страну в неустойчивое положение, в ситуацию выбора между партиями, которые никогда прежде не были лидерами политической борьбы. Кроме того, президентская гонка была омрачена коррупционным скандалом, связанным с именем Франсуа Фийона — одного из кандидатов в президенты.

Чем более открытым и демократичным является государство, тем выше интерес к языку политики. Политический дискурс становится объектом внимания как профессиональных политиков, так и широкой публики. Одним из ведущих языковых средств политической коммуникации, служащих формированию образа политика, является лозунг (слоган). В подтверждение тождественности терминов «лозунг» и «слоган» приведем замечание Т. В. Шмелевой: «Слоганами называют и лозунги партий и кандидатов во время избирательных кампаний, таким образом этот жанр завоевывает пространство в политической сфере общения» [Шмелева 2003: 654].

«Лозунг (нем. Losung) — это вторичный речевой жанр политической сферы. Представляет собой афористическое высказывание, заключающее призыв или общую идею, связанную с актуальными проблемами социальной жизни» [Шмелева 2003: 315]. Политические лозунги — это краткие, запоми-

нающиеся фразы, выражающие главную идею и оказывающие влияние на действия агентов политики. Лозунг, как правило, содержательно коррелирует с текстами других жанров в рамках определенного коммуникативного события (политической акции) или выступает как часть совокупности лозунгов, дополняющих друг друга и нацеленных на выражение определенной политической позиции [Шейгал 2000: 345]. Как отмечают исследователи, «политическая слоганистика в большинстве случаев использует исключительно классические коммуникативные техники. Синтаксические конструкции слоганов стремятся к максимальной краткости, ритмичности, безыскусности, шаблону» [Киселев 2001:126]. Подобные формальные характеристики слоганов делают из них подходящий объект для разного рода переделок и модификаций. Укорененная в сознании французов «культура смешного», «la gaudriole» — «игривость», дух критицизма и уже упоминавшееся выше стремление к свободе мысли и ее выражения способствовали тому, что французские блогеры включились в продуцирование собственных лозунгов, квазилозунгов («quasi» — «почти, якобы, словно»), в основу которых легли самые яркие слоганы президентской кампании — 2017.

Квазилозунг — это людическая трансформация исходного политического слогана. Лозунги политических партий и их лидеров, выдвигаемые во время выборов, выступают в роли прецедентных текстов, т. е. текстов, хорошо известных носителям данной культуры и неоднократно упоминаемых в общении. По справедливому замечанию А. П. Чудинова, «в современной политической речи прецедентные высказывания часто структурно и содержательно трансформируются, в них вкладывается обновленный смысл. В качестве прецедентного высказывания могут выступать не только развернутые фразы, но отдельные слова и выражения, по которым опознается коммуникативная практика известного человека» [Чудинов 2009: 92].

Для успешного преобразования в квазилозунг прецедентный текст должен отвечать нескольким условиям. Первостепенная особенность исходного лозунга — отражение в нем «большой» идеи, возвышенной до вечной истины, — является необходимой предпосылкой процесса деструкции, при котором происходит развенчание догм и ниспровержение эталонов. Второй необходимый признак прецедентного лозунга — его известность массовому избирателю — позволяет адресату актуализировать текст, входящий в фонд общих знаний автора и читателя. Обязательным элементом восприятия явля-

ется «эффект обманутого ожидания», которому сопутствует удовольствие от языковой игры. Происходит уход от модели жесткого манипулирования сознанием реципиента (пропагандистской модели) в сторону юмора и иронии.

Языковая игра — необходимое условие возникновения квазилозунгов. В широком понимании языковая игра — это способ самовыражения человека средствами языка, языковой стиль, в котором отражаются его личность, вкусы, привычки. В более узком смысле языковая игра толкуется как индивидуальное словотворчество. Объединяя обе трактовки, С. Ж. Нухов определяет языковую игру как такую форму речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль [Нухов 1997: 101]. Языковая игра обязательно характеризуется элементами внезапности, неожиданности. Эти элементы способствуют возникновению эффекта обманутого ожидания. Обманутое ожидание определяется как «принцип построения <...> тех языковых средств, в которых имеет место наивысшая степень непредсказуемости, т. е. когда в речевой цепи возникает элемент, которого читатель (собеседник) не ждал вообще или ожидал менее всего» [Донгак 2001: 19]. Реципиент мобилизует внутренние ресурсы для осмысления нового, которое не укладывается в имеющуюся систему связей. Финальным этапом языковой игры как процесса является момент озарения и следующей за ним психической и умственной разрядки. Следовательно, в языковой игре человек, опираясь на прошлый опыт, отрицает его и получает удовольствие. Но в политическом дискурсе роль языковой игры гораздо шире, она способствует снижению градуса официальности и императивности, позволяет давать альтернативные и неформальные толкования политических событий. Использование квазилозунгов влечет за собой переструктурирование социокультурной и коммуникативной ситуаций, связанных с их употреблением. В преобразовании политических лозунгов видится возможность преодолеть безличность, авторитарность, категоричность, дидактичность и монологичность, свойственные лозунгу как агональному жанру политической афористики. Внедрение комического начала, свобода от языковых регламентов позволяют отметить для коммуникативной ситуации с использованием квазилозунгов такие характеристики, как *диалогичность, интимизация общения, эмоциональность, субъективность, антиэтикетность*.

Успех квазилозунгов объясняется сочетанием клишированности, узнаваемости, новизны, экспрессии и экономичности. Исходные слоганы в этом контексте приобретают статус фиксированных форм, служащих трафаретом для многочисленных вариантов пародийного характера. «Для языковой игры используются ресурсы всех языковых уровней, но далеко не в равной степени», — заметил В. З. Санников [Санников 2002: 38].

В нашем исследовании мы рассмотрим лингвистические и некоторые сопутствующие нелингвистические средства, которыми французское общество отреагировало на политическую ситуацию во время выборов. Источниковую базу исследования составляет подборка интернет-публикаций за март — апрель 2017 г., содержащая около 60 лозунгов-трансформов. Массовое возникновение квазилозунгов связано с тем фактом, что во время предвыборной кампании во французской версии социальных сетей «Twitter» и «Facebook» получил широкое распространение интернет-флешмоб с начальным словом-призывом «Corrige» («Исправь»). Пользователям предлагалось поучаствовать в «перелицовке» предвыборных слоганов трех основных кандидатов на должность президента Французской Республики или разместить в сети фото «переделок» с улиц французских городов. Вслед за интернет-флешмобом под названием *CorrigeTonFillon* с пародиями на слоганы Франсуа Фийона появились движения *CorrigeTaLePen* и *CorrigeTonMacron*, в рамках которых любой пользователь мог поупражняться в пародировании слоганов Марин Ле Пен и Эмманюэля Макрона.

Скандал с фиктивным трудоустройством супруги Франсуа Фийона Пенелопы и нецелевым использованием государственной казны не мог не отразиться на рейтинге кандидата в президенты от республиканцев и на политической ситуации перед выборами в целом. В связи с этим Фийон произвел «лифтинг» своего имиджа (по выражению блогеров) и вместо первоначального лозунга «Le courage de la vérité» («Смелость правды»), который вступал в противоречие с вновь открывшимися обстоятельствами, сделал в дальнейшем акцент на воле победителя в девизе «Une volonté pour la France» («Воля для Франции»). Текст этого слогана получил широкое распространение в виде пародий под хеш-тегом *CorrigeTonFillon*. Проанализируем самые яркие из получившихся текстов.

1. *Une volupté pour la France* («Наслаждение для Франции») — фонетическое сходство слов *volonté* и *volupté* (слова-

паронимы). Существительное с положительной семантикой *воля* заменяется на *наслаждение*, которое приобретает в рамках экстралингвистической ситуации отрицательное значение, в результате чего все выражение вызывает негативные ассоциации.

2. *Une volonté pour la fraude* («Воля для подлога») — замена второго имени *France* на *fraude* (слова-паронимы) эксплицитно отсылает к факту мошенничества и тем самым дискредитирует политика.

3. *Un vol pour la France* («Воровство для Франции») — усечение слова *volonté* дает существительное *vol* (*кража, воровство*).

4. *Un vol éhonté pour la France* и *Un vol honteux pour la France* («Наглое воровство для Франции» и «Позорное воровство для Франции») — сходное фонетическое звучание слова *une volonté* со словосочетаниями *un vol éhonté* и *un vol honteux* нивелирует положительную семантику исходного слова *воля*. Протест против кандидата-мошенника, выраженный языковыми средствами, очевиден.

5. *Une volonté pourrir la France* («Воля разлагать Францию») — добавление морфемы к предлогу *pour* дает глагол *pourrir* (*гноить, разлагать, портить*), который выступает одновременно и как аллюзия на факт мошенничества с казной, и как предсказание будущего Франции при новом президенте.

6. *Une volonté pour l'Fric* («Воля для денег») — замена названия страны *la France* на сленговое слово *le fric* (деньги) позволяет сблизить сферу политики и уголовный мир, тем самым дать меткую характеристику коррумпированному политику.

Новые лозунги представляют собой эксплицитную полемику, оружие борьбы с пороками, выраженными видоизмененными словами: *vol, vol éhonté, vol honteux, fraude, volupté*. В этом случае нападкам подвергается не содержание высказывания, а личность политика, чьим девизом оно является. Путем нехитрых трансформаций текст приобретает острый сатирический смысл. Наиболее поверхностные преобразования, чаще всего фонетические, являются в этой категории самыми удачными.

Марин Ле Пен вышла во второй тур с лозунгом «*Choisir la France*» («Выбрать Францию»), который позволил французским блогерам дать множество интерпретаций, где осуществляется фонетическая подверстка под образец. Именно игра с формой составляет «изюминку» таких трансформов, делает их интересными и смешными. Примером могут служить следующие квазилозунги с субституцией слова *la France* рифмующимися с ним словами:

7. *Choisir l'outrance* («Выбирать крайность»).

8. *Choisir l'intolérance* («Выбирать нетерпимость»).

9. *Choisir l'ignorance* («Выбирать невежество»).

10. *Choisir la rance* («Выбирать прогорклость»).

Эти новые лозунги имеют большой имплицитный смысл, который связан не с исходным предвыборным слоганом кандидата, а с политикой Национального фронта (FN), во главе которого стоит Марин Ле Пен. Пост лидера FN Марин унаследовала от отца Жана-Мари Ле Пена. Партия проповедует национал-консерватизм, антиглобализм и скептицизм по отношению к Евросоюзу. В связи с этим появление вместо слова *Франция* существительных *крайность, нетерпимость, невежество, прогорклость* позволяет вложить двойной смысл в квазилозунг: Марин Ле Пен как президент принесет с собой возврат ко всему архаичному, отжившему, а также отказ от общеевропейских ценностей.

Следующие трансформации касаются первого слова в лозунге Ле Пен, и снова в словах-субститутах прослеживается семантика гниения и порчи, которая встречается в лозунгах-трансформах Ф. Фийона.

11. *Moisir la France* («Покрывать плесенью Францию») — каламбур, базирующийся на фонетическом сходстве глаголов *choisir* и *moisir*, позволяет с помощью минимальной трансформации придать лозунгу актуальность и остроту.

12. *Moisir la rance* («Покрывать плесенью прогорклость») — субституция обоих слов лозунга создает удвоенную экспрессию. Комические коннотации доводят смысл прецедентного лозунга до абсурда.

13. *Détruire la France en 5 ans* («Разрушить Францию за 5 лет») — с помощью субституции и добавления компонентов автор извлекает весь возможный юмористический потенциал из исходного предложения. Возвышенная тональность исходного лозунга меняется на саркастическую.

Добавление уточняющих компонентов становится довольно распространенным приемом в трансформациях лозунгов Марин Ле Пен.

14. *Choisir la France et la Russie* («Выбрать Францию и Россию») — добавление компонентов помогает создать аллюзию на тесные отношения Марин Ле Пен с Россией и ориентацию на сохранение и развитие франко-русских отношений в ущерб отношениям с некоторыми странами Евросоюза.

15. *Choisir la France de Vichy* («Выбрать вишистскую Францию») — добавление компо-

нентов отсылает к действовавшему во Франции в годы Второй мировой войны правительству Виши, которое проводило политику коллаборационизма с фашистами. Намек на фашистов в контексте политики националистов позволяет имплицитно выразить опасения части французов по поводу будущего Франции под руководством Ле Пен.

16. *Choisir la France sang pur* («Выбрать чистокровную Францию») — добавление слов создает аллюзию на неприятие Марин Ле Пен политики протекционизма по отношению к мигрантам во Франции.

17. *Choisir la France à genoux* («Выбрать Францию на коленях») — продолжение слогана отражает стремление Ле Пен сотрудничать с сильными государствами, в чем французы усматривают опасность подчинения Франции сверхдержавам.

Таким образом, «новые» лозунги Ле Пен создаются блогерами преимущественно на формальной основе — на звуковой близости слов и на приеме добавления компонентов. Но без семантической основы комический эффект пропадает. Смысловая «увязка» двух фонетически сходных слов в первом случае и развитие мысли за счет добавления элементов с отрицательной коннотацией во втором позволяют дать оценку образу Марин Ле Пен как политика, проповедующего отжившие, антиевропейские принципы.

Самый молодой и популярный кандидат в президенты Эмманюэль Макрон вошел в первый тур с лозунгом «La France doit être une chance pour tous» («Франция должна быть шансом для каждого»). Во втором туре его лозунгом стало «Ensemble, la France!» («Франция, сплотись!»). Но не только лозунги кандидата спровоцировали волну квазислоганов, популярной фразой для трансформаций долгое время служило название движения «En marche!» («Вперед!»), лидером которого являлся Макрон.

В случае с квазилозунгами, в основу которых легли предвыборные слоганы Макрона и его партии, сложно выявить доминирующие механизмы трансформации. Чистые субституции встречаются редко, чаще всего преобразования прецедентных текстов носят комбинированный характер.

18. *En vente, la France!* («На продажу, Франция!») — субституция слов создает языковую игру, основанием которой является presupпозиция — знания о том, что Эмманюэль Макрон долгое время был инвестиционным банкиром в банке Ротшильда.

19. *En nage!* («В плавании!») — каламбур основан на паронимах *en nage* / *en marche* и сочетается с окказиональной семантической оппозицией глаголов *nager* (плавать) и *marcher*

(ходить, шагать). Это двойное противопоставление, фонетическое и семантическое, создает у читателя ощущение неуверенности и шаткости политической позиции кандидата.

20. *En marche ou Crève!* («Вперед или Подохни!») — добавление аффективной лексемы *crever* (подыхать) позволяет девальвировать образ политика в глазах избирателей, косвенно приписывая ему такие черты, как черствость, жестокость, равнодушие.

21. *En marche arrière!* («Вперед назад!») — добавление слова создает алогизм, основанный на объединении несоотносимых понятий — глагол *marcher* (шагать) предполагает движение вперед, а наречие *arrière* (назад) вступает с ним в конфликт. Алогизм призван подчеркнуть противоречивость позиции кандидата в президенты.

22. *Ensemble*, la France! *Sauf les pauvres* («Франция*, сплотись!» *Кроме бедных) — примечание (ссылка) обычно содержит дополнительную часть документа. В данном случае в дополнении дается ограничение, которое придает предыдущему тексту оттенок горькой иронии.

23. *En Marge! La France doit être une chance pour tous, sauf les chômeurs, les syndicalistes, les alcooliques, ceux qui n'ont pas de costards, les cheminots, les jeunes, les illettrés, les sans-papiers, ceux d'Ecopla, ceux d'Alstom, les salariés, les uberisés, les cégétistes, les pauvres, les retraités, ceux des quartiers.* («В сторону! Франция должна быть шансом для каждого, кроме безработных, членов профсоюза, алкоголиков, тех, у кого нет костюмов, работников железной дороги, молодежи, неграмотных, не имеющих документов, тех, кто с предприятия Экопла, тех, кто из концерна „Альстом“, наемных работников, тех, кто пользуется службой такси „Uber“, членов Всеобщей конфедерации труда, бедных, пенсионеров, жителей окраин») — сочетание средств разных уровней: добавление с перечислением, объем которого во много раз превышает объем самого слогана, а также микроскопический шрифт, выбранный для дополнения. Этот шрифт напоминает мелкий шрифт сносок к банковскому договору, где прописаны невыгодные для клиента условия — имплицитная отсылка к роду занятий Макрона. Ирония здесь носит обвинительный характер, она служит средством демонстрации презрения власть имущих к большей части своего народа, который выкинут на обочину жизни.

Каламбур, алогизм, добавление компонентов, игра со шрифтом — к таким разнообразным приемам прибегают интернет-пользователи, вступающие в заочную полемику с Эмманюэлем Макроном.

Из объекта манипуляции сознанием электората прецедентные лозунги превращаются в «сырье», которое подлежит «творческой обработке». Функция дискредитации доминирует в этих примерах. Часто эта функция соединяется с дискуссионной функцией, предполагающей оспаривание мнения, идеи, выраженной в прецедентном тексте. Эта стратегия направлена на десакрализацию всех компонентов коммуникативной ситуации политического слогана. Кроме указанных функций, значимыми становятся парольная и тренировочная функции квазилозунга. Парольная функция понимается как функция установления контакта и подтверждения принадлежности автора нового лозунга и адресата к одной интеллектуальной и политической группе. Между участниками интернет-флешмоба быстро возникает интенсивная интеракция, поскольку на реципиента возлагается задача расшифровки, домысливания высказывания. «Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и вместе с тем показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата» [Чудинов 2009: 95]. Тренировочная функция предполагает тренировку ментальных способностей и остроумия. Людическая (игровая) выступает как сопутствующая остальным функциям. Коммуникативный акт с использованием лозунгов-трансформов формирует определенный имидж его участников: это остроумные и креативные личности с общей культурной компетенцией и политическими взглядами.

К лозунговым жанрам ученые относят также транспарант, плакат, щит, листовку, скандирование, значок, граффити [Шейгал 2000: 397]. Плакат имеет важное значение в качестве средства наглядной агитации, где за счет фото и других графических средств создается дополнительный уровень сообщения. Визуальное изображение в совокупности с лозунгом создает полноценный портрет политика в конкретном коммуникативном акте, встроенном в рамки общей предвыборной стратегии. Участники флешмоба, вооружившись реальными или виртуальными ножницами, клеем и маркером, внесли коррективы в образы упомянутых политиков.

Примечательно, что, во-первых, смысловые трансформации неразрывно связаны с метаморфозами фотопортретов кандидатов в президенты. Во-вторых, экстралингвистическая ситуация, сложившаяся вокруг каждого политика на момент организации флешмоба, нашла свое отражение в доми-

нирующих символах, надписях и подрисовках.

Скандал с растратой государственных денег, связанный с именем Франсуа Фийона, нашел отражение в следующих преобразованиях.

1. *Un vol pour la France* («Воровство для Франции») — измененный слоган сопровождается портретом Фийона с бумажной маской на глазах, сделанной из газеты «Le Canard Enchaîné». Эта газета позиционирует себя как СМИ «левого» толка, и, по мнению В. Н. Аристовой, «подобное идеологическое основание, безусловно, облегчает критику властных и общественных структур с позиций сатиры» [Аристова 2016: 80]. Политик с маской, надетой на глаза, напоминает бандита, а явно читающееся название газеты призвано показать реальное отношение кандидата в президенты к критикующим его СМИ. Подобное сочетание нелингвистических и лингвистических средств создает сатирический эффект.

2. *Une volonté pour l'Fric* («Воля для денег») — сочетание трансформированного лозунга с фото политика, у которого лицо заклеено надписью «Rends le rognon» («Верни деньжата»).

Этот лейтмотив возврата украденных денег отражен на многих фотопортретах Фийона и создается с помощью лексем *voleur* (вор), *escroc* (жулик), *un emploi fictif pour tous* (фиктивные должности для всех), *rends l'argent* (верни деньги), а также графическими изображениями евро, доллара и решетки. Кроме того, среди оценочной лексики нужно упомянуть эпитеты *couillon* (придурок), *vieux con* (старый дурак), *non conforme* (некондиционный), которые выражают резко негативное отношение авторов «новых» плакатов к объекту насмешек. Как справедливо отмечает Н. Э. Гронская, «свобода слова в языке способствует не только расцвету публичности и спонтанности речи, но и выбросу агрессии и грубости. Отличительными чертами современного политического текста становятся ярко выраженная оценочность, агрессивность диалоговых интенций (особенно в адрес политических оппонентов), проникновение в текстовую ткань нелитературных элементов вплоть до нецензурной брани» [Гронская 2005: 200].

3. *Un dernier vol pour la France* («Последний полет для Франции») — видеоизменение лозунга за счет усечения слова и добавления компонента в сочетании с изображением самолета, появившимся благодаря «Фотошопу», помогают эмоционально воздействовать на потенциальный электорат, заставить его задуматься о судьбе страны.

4. *Pire que SARKO, Pas mieux que LE PEN* («Хуже, чем Саркози, не лучше, чем Ле Пен») — наблюдается конвергенция языковых и графических приемов: чужая оценочная речь вместо текста исходного слогана, фамильярное сокращение фамилии бывшего президента (Sarkozy → Sarko), синтаксическая структура без подлежащего, которое подразумевается, выделенные крупным шрифтом имена политиков, сравнительные структуры с пейоративной окраской. К ним добавляется изображение кандидата в костюме Бэтмена — супергероя и борца с преступностью. Противоречие между содержанием квазилозунга и оформлением фото позволяет достичь гротеска в создании образа одиозного политика.

С плакатами Марин Ле Пен произошли следующие вербальные и невербальные трансформации.

5. *Moisir la France* («Покрыть плесенью Францию») — лозунг сопровождается фото Марин, вместо лица которой морщинистое лицо ее отца — бывшего лидера Национального фронта Жана-Мари Ле Пена. Фонетическая трансформация наряду с фотомонтажом производит двойной эффект диффамации политика и ее обещаний.

6. *Choisir Air France* («Выбрать „Эр Франс“») — Марин Ле Пен предстает в костюме стюардессы авиакомпании «Эр Франс». Скорее всего, на подобную трансформацию блогеров натолкнуло фото Марин для предвыборной кампании в синем костюме, похожем на костюм стюардессы, и доступность трансформации *La France* в *Air France*. Изображение политика в образе обычной стюардессы призвано развенчать благоговение людей перед авторитетами, десакрализировать власть.

7. *Choisir la frange* («Выбрать челку») — на фото у Марин Ле Пен добавлена челка, что придает ее портрету сходство со школьницей. Возможно, идея подобной трансформации возникла в связи с позой Ле Пен на портрете: она непринужденно сидит на краешке стола. Каламбурная игра слов *La France/la frange* в сочетании с правкой «Фотшопом» носит юмористический, а не сатирический характер. Получается эффект игры ради игры, ради удовольствия потренировать «галльский юмор».

8. *Choisir la Francisque* («Выбрать орден Франциски»). Орден Франциски — французский орден, введенный руководителем коллаборационистского правительства Виши маршалом Филиппом Петэном. Новый слоган Марин Ле Пен сопровождается гербом ордена в виде старинного галло-франкского топора, *франциски*, и лентой со словами

«Travail, Famille, Patrie». Подобная переделка — это намек на слова депутата от FN в Региональном Совете Иль-де-Франс Беатрис Труссар, что «Свобода — равенство — братство» — это хорошо. Но «Работа — семья — Родина» мне тоже очень подходят». В связи с этим вся партия обвинялась в «вишизации» и «петэнизме».

9. *Choisir MA France* («Выбрать МОЮ Францию») — комбинация притяжательного прилагательного *моя*, заменившего нейтральный артикль, с отредактированным фото, на котором за спиной Марин видны подмигивающий Путин и ку-клукс-клановцы в балахонах, — это все та же аллюзия на влияние других держав и национал-шовинизм, проповедуемый партией кандидата в президенты.

10. *Choisir la France soumise* («Выбрать покорную Францию») — добавление оценочного определения дополнено фото с изображением Ле Пен и Путина в черных кожаных костюмах с садомазохистской атрибутикой. Происходит ниспровержение авторитета кандидата средствами «черного» юмора.

11. *Foivir la Franfe* («Фыврать Франфью») — лингвистическая пародия на исходный лозунг совершается за счет намеренного искажения слов. Она становится понятной при просмотре фотографии Ле Пен, где политик представлена в виде женщины без определенного места жительства, с недостающими зубами и синяками на лице. Карикатура на кандидата создается за счет сближения с народными жанрами карнавальской культуры.

12. *Tu recherches les femmes cougars près de chez toi?* («Ты ищешь доступных женщин поблизости?») — цитирование прямой речи, принадлежащей предположительно сутенеру. Подверстка «нового» слогана под «старую» картинку с Марин Ле Пен, сидящей на краешке стола, подчеркивает неоднозначность выбранной имиджмейкерами позы. Пародия высмеивает не исходный текст и не только конкретного политика, а политику вообще. Можно говорить и о «просвечивающем смысле», который возникает из имплицитного сравнения политики с проституцией.

«Ретушь» имиджа Эмманюэля Макрона на его предвыборных плакатах осуществлялась с помощью следующих языковых и неязыковых приемов.

13. *Encore, la France?* («Франция, опять?») — субституция слова *encore / ensemble* идет вместе с подстановкой лица Франсуа Олланда в фотопортрет Макрона, что вместе создает эффект обманутого ожидания.

14. *Ensemble, la finance!* («Финансы, сплотитесь!») — каламбур, основанный на паронимах *la France / la finance*, сопровождается

портретом Макрона с сигарой в зубах. Это намек на то, что Макрон является кандидатом олигархов, ставленником мировой финансовой элиты.

Лейтмотив Макрона — богатого банкира прослеживается и в других трансформациях. Имя, фамилия кандидата и должность, на которую он претендует, иронически обыгрываются.

15. *Macron Président* → *Macron banquier* (Макрон-банкир), *Macron parrain* (Макрон — крестный отец), *Rotschild Président* (Ротшильд-президент), *Crédit Emmanuel* (Кредит Эмманюэля) — лексические замены сопровождаются дорисованными от руки или в «Фотошопе» графическими символами долларов и атрибутами роскошной жизни — бриллиантами, сигарами, золотыми цепями. Такая театрализованная подача позволяет выразить недоверие к кандидату от мировой финансовой элиты.

16. *La France doit être une chance pour tous, même pour les financiers américains* («Франция должна быть шансом для каждого, даже для американских финансистов») — добавление разъяснительной части фразы к готовому лозунгу позволяет предположить будущую зависимость Франции от США и американских олигархов в случае выбора Э. Макрона президентом. Слоган сопровождается графическими изображениями и надписями: \$, USA, I LOVE \$. Эти визуальные знаки выступают как маркеры «чуждости» и в сочетании с текстом на французском языке вызывают субъективное ощущение противоречивости и инородности кандидата.

Основной текстообразующий прием квазилозунгов — прием языковой игры — находит характерное выражение в каламбуре, алогизме, лексических заменах, усечении слова, добавлении компонентов, антитезе. Стилистически сильным средством при создании «новых» лозунгов является использование сниженной лексики — сленга, просторечных слов и инвектив. Среди визуальных приемов трансформации плакатов кандидатов распространены добавление рисунков, символов и надписей с помощью «Фотошопа» или маркеров (на уличных плакатах), добавление фото других политиков к портрету кандидата, ухудшение качества фотопортрета за счет вымарывания/вырезания его частей, замена фото кандидата на чужое, карнавализация (переодевание в костюм киногероя). Достаточно частотны игры с графикой текста, а именно использование различных шрифтов для выделения добавленных к прецедентному лозунгу элементов. Именно конвергенция

лингвистических и нелингвистических приемов позволяет подчеркнуть и усилить пародийность и оригинальность квазилозунгов. Французские политические квазилозунги эксплицируют языковое и политическое сознание определенной части французских граждан. Вербальные и невербальные средства, участвующие в создании «новых» лозунгов и плакатов, рисуют портрет француза, наделенного такими чертами, как критицизм, неконформизм, креативность, эмоциональность, ироничность. Юмористическое обыгрывание политических лозунгов в сочетании с «перелицовкой» плакатов позволяет уйти от запрограммированного кандидатами восприятия предвыборной информации, избежать уподобления текста и аудитории. Происходит уход в игру, распрограммирование сознания, расподобление как своего рода политическое противостояние, как поединок между обществом и властью.

ИСТОЧНИКИ

1. Carrion J. La nouvelle affiche de campagne de François Fillon détournée... (et c'est très drôle) [Electronic resource] // Tele-Loisirs. 2017. 31 mars. URL: <http://www.programme-tv.net/news/evenement/election-presidentielle-2017/112895-la-nouvelle-affiche-de-campagne-de-francois-fillon-detournee-et-c-est-tres-drole> (date of access: 05.10.2018).
2. Machinot P. Les nouvelles affiches électorales de Macron et Le Pen sont déjà détournées sur les réseaux sociaux [Electronic resource] // Nice-matin. 2017. 26 Apr. URL: <https://www.nice-matin.com/politique/les-nouvelles-affiches-electorales-de-macron-et-le-pen-sont-deja-detournees-sur-les-reseaux-sociaux-132489> (date of access: 08.10.2018).
3. Oues France [Electronic resource]. URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/france/presidentielle-les-nouvelles-affiches-des-candidats-sont-arrivees-> (date of access: 08.10.2018).
4. Présidentielle. Les nouvelles affiches des candidats sont arrivées [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://mobile.twitter.com/OuestFrance/status/851373811077459969> (date of access: 05.10.2018).
5. Tele-Loisirs [Electronic resource]. URL: <http://www.programme-tv.net/news/evenement/election-presidentielle-2017> (date of access: 30.03.2018).

ЛИТЕРАТУРА

6. Аристова В. Н. Лингвистические средства создания образов политиков в современной французской сатирической прессе // Филология и человек : науч. журн. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2016. № 4.
7. Быков И. А., Мажоров Д. А., Слуцкий П. А., Филатова О. Г. Интернет-технологии в связях с общественностью : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Быков, О. Г. Филатова. — СПб. : Роза мира, 2010.
8. Великанов К. Тихая революция домоседов // Независимая газета. 2009. 25 дек. С. 1.
9. Гронская Н. Э. Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования : дис. ... д-ра полит. наук. — Н. Новгород, 2005.
10. Донгак С. Б. О содержании понятия «обманутое ожидание» // Риторика в свете современной лингвистики : тез. докл. — Смоленск : СГПУ, 2001.
11. Киризе З. И., Сокологорски И. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности: 032800 «Культурология», 032900 «Русский язык и литература», 033200 «Иностранные языки». — Н. Новгород, 2001.
12. Киселев К. В. Синтаксические характеристики предвыборных слоганов // Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. / под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Изд-во УрГСХА, 2001.

Вып. 2.

13. Нухов С. Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. — Уфа: Башкир. гос. пед. ун-т, 1997.

14. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки славянской культуры, 2002.

15. Чудинов А. П. Лексико-стилистическая организация политических текстов // Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.

A. P. Shumakova

Ivanovo, Russia

QUASISLOGANS IN FRENCH PRESIDENT'S ELECTIONS AS A LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC PHENOMENON

ABSTRACT. *The article defines the concepts of "political slogan" and "quasislogan" as gaming transformations. The concepts of freedom as the reflection of French National World, which found their embodiment in political quasislogans, have been observed. The Internet resources serve as the means of public supervision over French political life. The analysis of the most vivid quasislogans formed during the French Republic President in 2017 Election campaign is presented in the article. The mass quasislogans appearance is connected with the fact that during the Election Campaign in France the Internet flash mob with the word-call "Correct" became wide-spread on Twitter and Facebook. The users participated in the "inter-facing" of Elections slogans of the main candidates for the President post. Special attention in the article is given to the method of word play; specific linguistic means of quasislogans realization are defined (pun, alogism, lexical replacements, word shortening, addition, and antithesis). The analysis includes also non-linguistic means that accompany the studied slogans and make together with them a complex object of political situation.*

KEYWORDS: *political discourse; political slogans; quasi-slogan; word play; pun; alogism; political posters; French presidents; election campaign.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shumakova Alla Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian and French Languages Department, Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia.*

RESOURCES

1. Carrion J. La nouvelle affiche de campagne de François Fillon détournée... (et c'est très drôle) [Electronic resource] // Tele-Loisirs. 2017. 31 mars. URL: <http://www.programme-tv.net/news/evenement/election-presidentielle-2017/112895-la-nouvelle-affiche-de-campagne-de-francois-fillon-detournee-et-c-est-tres-drole> (date of access: 05.10.2018).

2. Machinot P. Les nouvelles affiches électorales de Macron et Le Pen sont déjà détournées sur les réseaux sociaux [Electronic resource] // Nice-matin. 2017. 26 Apr. URL: <https://www.nice-matin.com/politique/les-nouvelles-affiches-electorales-de-macron-et-le-pen-sont-deja-detournees-sur-les-reseaux-sociaux-132489> (date of access: 08.10.2018).

3. Oues France [Electronic resource]. URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/france/presidentielle-les-nouvelles-affiche-s-des-candidats-sont-arrivees-> (date of access: 08.10.2018).

4. Présidentielle. Les nouvelles affiches des candidats sont arrivées [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://mobile.twitter.com/OuestFrance/status/851373811077459969> (date of access: 05.10.2018).

5. Tele-Loisirs [Electronic resource]. URL: <http://www.programme-tv.net/news/evenement/election-presidentielle-2017> (date of access: 30.03.2018).

REFERENCES

6. Aristova V. N. Lingvisticheskie sredstva sozdaniya obrazov politikov v sovremennoy frantsuzskoy satiricheskoy presse // Filologiya i chelovek : nauch. zhurn. — Barnaul : Izd-vo Altaysk. gos. un-ta, 2016. № 4.

7. Bykov I. A., Mazhorov D. A., Slutskiy P. A., Filatova O. G. Internet-tehnologii v svyazyakh s obshchestvennost'yu : ucheb. posobie / otv. red. I. A. Bykov, O. G. Filatova. — SPb. : Roza mira, 2010.

16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.

17. Шмелева Т. В. Лозунг // Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева. — М. : Флинта : Наука, 2003.

18. Шмелева Т. В. Слоган // Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева. — М. : Флинта : Наука, 2003.

8. Velikanov K. Tikhaya revolyutsiya domosedov // Nezavisimaya gazeta. 2009. 25 dek. S. 1.

9. Gronskaya N. E. Politicheskii protsess i lingvisticheskie tekhnologii manipulirovaniya : dis. ... d-ra polit. nauk. — N. Novgorod, 2005.

10. Dongak S. B. O sodержanii ponyatiya «obmanutoe ozhidanie» // Ritorika v svete sovremennoy lingvistiki : tez. dokl. — Smolensk : SGPU, 2001.

11. Kirnoze Z. I., Sokologorski I. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya : ucheb. posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po spetsial'nostyam: 032800 «Kul'turologiya», 032900 «Russkiy yazyk i literatura», 033200 «Inostrannye yazyki». — N. Novgorod, 2001.

12. Kiselev K. V. Sintaksicheskie kharakteristiki predvybornykh sloganov // Diskurs-Pi : nauch.-prakt. al'm. / pod red. O. F. Rusakovoy. — Ekaterinburg : Izd-vo UrGSKhA, 2001. Vyp. 2.

13. Nukhov S. Zh. Yazykovaya igra v angliyskom slovoobrazovanii: imya sushchestvitel'noe. — Ufa : Bashkir. gos. ped. un-t, 1997.

14. Sannikov V. Z. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002.

15. Chudinov A. P. Leksiko-stilisticheskaya organizatsiya politicheskikh tekstov // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / otv. red. A. P. Chudinov; Ural. gos. ped.un-t. — Ekaterinburg, 2009.

16. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000.

17. Shmeleva T. V. Lozung // Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod obsch. ruk. L. Yu. Ivanova, A. P. Skvorodnikova, E. N. Shiryaeva. — M. : Flinta : Nauka, 2003.

18. Shmeleva T. V. Slogan // Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod obsch. ruk. L. Yu. Ivanova, A. P. Skvorodnikova, E. N. Shiryaeva. — M. : Flinta : Nauka, 2003.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.111/42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.41.21; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

А. В. Дымова
Екатеринбург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КРАСНОГО ЦВЕТА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ (на материале вербального уровня креолизованного рок-текста)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена когнитивно-дискурсивному анализу концептуального наполнения красного цвета. В статье рассмотрена метафоризация красного цвета в британском и американском английском на основе различных источников данных. Целью является сопоставление результатов анализа наполнения цвета в отношении двух рассматриваемых культур. Основным методом исследования является когнитивно-дискурсивный подход к изучению явления. Таким образом, первый этап исследования включает изучение концептуального наполнения цвета на основе психофизических, лингвокультурных, лексикографических источников британской и американской культур. По результатам этого этапа составлена сводная таблица сходств и различий концептуальных моделей красного цвета в двух исследуемых культурах. Следующий этап основывается на анализе вербального употребления красного цвета в креолизованных рок-текстах сопоставляемых культур. Главная идея этого этапа — определить наиболее часто актуализируемые значения на примере одного из возможных дискурсов. Понимание текста как креолизованного является основополагающим для статьи и собственно исследования, поскольку это позволяет охватить при анализе красного цвета не только вербальные, но и невербальные компоненты, то есть добиться комплексности анализа. На основе полученных результатов автор приводит ряд выводов, касающихся общей схожести концептуального наполнения красного цвета в британской и американской культуре, однако отмечает различия на уровне рок-дискурса. Результаты исследования могут быть полезны в рамках формирования осведомленности об исследуемых культурах, взаимодействия с этими культурами, а также для развития толерантности и понимания по отношению к ним.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; красный цвет; креолизованные тексты; английский язык; когнитивные метафоры; метафорические модели; метафорическое моделирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дымова Алена Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dym.alyna@yandex.ru.

Цвет, несмотря на то, что это иллюзорный продукт восприятия анализаторами световых волн, окружает нас повсеместно и является неотъемлемой частью повседневности. Обладая конкретным психофизическим воздействием, с древних времен он имеет свои особенные модели концептуализации. Однако, если внимание научного сообщества достаточно часто обращалось к его денотативному значению [Фрумкина 1984: 107], сигнификативное значение представляет большой интерес для современных изучений.

В пользу этого говорит тот факт, что наше понимание цвета характеризуется двумя факторами — биологическим и культурно-историческим [Elliot, Maier 2012; Болотина, Шабашева 2013: 26]. Следовательно, концептуальное наполнение цвета имеет как межкультурные, так и культурно обусловленные компоненты.

Изучение процессов концептуальной метафоризации цвета и его воплощения в языке разных культур позволяет приблизиться к пониманию бессознательных, характерных и уникальных для представителей культуры и языка моделей мышления [Фрумкина 194: 32; Achard, Niemeier 2004: 108]. В свою очередь, лучшее понимание базовых лингвокультурных моделей мышления способствует повышению осведомленности о культуре и, следовательно, формированию корректных и толерантных поведенческих стратегий во взаимодействии с изучаемыми культурами.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе изучения концептуального наполнения красного цвета в британском и американском вариантах английского языка — психофизических, лингвокультурных, лексикографических данных — сопоставить модели концептуализации красного цвета в двух разных культурах, объединенных одним языком. Также предполагается впоследствии сравнить, какие из представленных каждой культурой концептов наиболее часто актуализируются на вербальном уровне креолизованного рок-текста.

Для наибольшей полноты и разносторонности исследования цвета в той или иной культуре мы обращаемся к когнитивно-дискурсивному методу описания метафоризации. Важно, что данный подход позволяет рассматривать метафору не в отрыве от культуры, а именно в ее контексте [Кубрякова 2004: 11], т. е. на основе каких-либо конкретных установок, качеств, взглядов на явление, его роли и т. д.

В то же время применение когнитивно-дискурсивного метода позволяет не только вычлнить концептуальное наполнение цвета [Маслова 2004: 168] — все разнообразие концептов, связываемых с этим цветом, но также проанализировать доминантность значений на примере какого-либо дискурса.

Итак, исходя из тезиса, что цвета имеют универсальное психофизическое воздействие, мы можем говорить об общих данных,

привносимых в концептуальное наполнение красного цвета для британской и американской культур. Отмечается его способность стимулировать многие процессы организма [Базыма 2007: 38]: повышение кровяного давления, учащение ритма дыхания, мускульное напряжение, активизация симпатической нервной системы. Также исследования показали, что присутствие красного в одежде делает мужчин более сексуально привлекательными для женщин [Elliot 2010: 399]. Таким образом, на биологическом уровне красный цвет имеет следующие характеристики [Базыма 2007: 38]: 'энергия/активность', 'возбуждение', 'тепло'.

Родство британской и американской культур позволяет нам говорить и о некоторых схожих концептуальных значениях красного, появившихся благодаря лингвокультурным реалиям.

1. Красный — это «стоп-сигнал» (например, *светофор, дорожный знак "Stop"*). Выбор цвета в данном случае, вероятно, не случаен, а связан с психофизическим воздействием. Так, этот цвет не только легко заметен глазу, но и побуждает нас к более аккуратным поведенческим стратегиям [Gnambs http].

2. Для христианства красный цвет — это символ «греха» (например, *пролитие чьей-то крови, изображение Сатаны*) и его «искупления» (например, *пролитие крови Иисуса*).

3. Красный цвет тесно связан с понятием «национальной идентичности» в британской и американской культурах. Особенно актуально это в отношении Великобритании, так как многие ее символы окрашены в этот цвет (например, *двухэтажный автобус, телефонная будка*). Более того, красный цвет является одним из основных на Юнион Джек (флаг Великобритании) и Звездно-полосатом флаге (флаг США). Традиционно изображение красного символизирует «доблесть» и «отвагу». Однако интересно, что в американском английском красный — это не только культурная самоидентификация, но также и характеристика идентификации другой национальности, так как лексема «red» может быть использована как уничижительный термин в отношении «коренного населения Америки».

4. Также исторически красный связывается со всем, что имеет отношение к коммунизму, социализму, и в частности СССР. В словарях этот факт нередко отражается с пометами «disapproval» (см. *Collins Dictionary Online*) и «derogatory» (*Oxford Dictionary Online*), из-за сопоставления с «революционным» и «политически радикальным».

Тем не менее на уровне лингвокультурных фактов существуют и различия.

1. В Великобритании красный — это символ Лейбористской партии («социал-демократы»), а в США — Республиканской («консерваторы»). Примечательно, что если для любой социал-демократической партии красный цвет — рядовой выбор (в США — Социалистическая партия), то для консервативной — отнюдь не типичный.

2. Говоря о ткани и, в частности, одежде, в Великобритании красный цвет — атрибут 'монархии' и 'власти' (например, *красная коробка с документами, королевский штандарт*), 'статуса' (например, *Сумптуарные законы*), 'милитарности' (например, *парадный мундир, красный мак*). В военной форме США практически не представлена традиция красного мундира. Исключением является униформа почетного президентского оркестра морской пехоты США. Следовательно, последнее из вышеперечисленных значений может быть отнесено и к культуре этой страны. Важно отметить, что милитарность и в том и в другом случае (см. примеры) косвенно связана с 'торжественностью' и 'парадностью'.

Лексикографическое содержание также свидетельствует об общности концептуальных представлений о красном цвете в британском и американском английском. Анализ словарных статей британских (*Oxford Dictionary Online, Cambridge Dictionary Online, Macmillan English Dictionary Online*) и американских (*Collins Dictionary Online, The American Heritage Dictionary, Online Merriam-Webster Dictionary*) словарей показал общность изобразительных толкований: (*fresh*) *blood, fire, rubies, wine*. Примечательно то, что наиболее частая словарная ассоциация — это именно *кровь*.

Также мы отмечаем то, что некоторые психофизические и лингвострановедческие значения имеют лексическое выражение. К примеру, это относится к взаимосвязи красного цвета, нервной системы и других физических процессов. Ряд устойчивых фраз, содержащих слово «red», относится к негативным эмоциям: *to see red* ('злость'), *red-hot anger* ('сильная злость'), *a red rag to a bull* ('провоцировать злость'), *to have a red face / ears* ('смущение') и т. д. Более того, ранее упомянутое значение торжественности имеет свое отражение в следующих выражениях: *to roll out the red carpet* ('оказать особый прием'), *red-letter day* ('особый, памятный день').

Кроме уже выделенных концептуальных моделей, лексикографические данные также привносят несколько ранее не идентифицированных:

– 'противозаконность' — *to be caught red-handed* (с поличным);

Таблица 1

Результаты анализа концептуального наполнения красного цвета в британском и американском английском

Концепт	Британский	Американский
энергия, активность	+	+
возбуждение	+	+
тепло	+	+
стоп-сигнал	+	+
грех/искупление	+	+
национальная идентичность	+	+
доблесть/отвага	+	+
другая национальность	–	+
революция/радикальность	+	+
социал-демократизм	+	+
консерватизм	–	+
монархия/власть	+	–
статус	+	–
милитарность	+	+
торжественность	+	+
злость	+	+
смущение	+	+
противозаконность	+	+
обман	+	+
жестокость	+	+
финансовые трудности	+	+

– ‘обман’ — *red herring* (отвлекающий маневр);

– ‘жестокость’ — *red in tooth and claw* (свирепый, яростный);

– ‘финансовые трудности’ — *in the red* (в минусе).

По итогам исследования психофизических, лингвокультурных и лексикографических данных мы можем сделать вывод о достаточной близости концептуального наполнения красного в двух рассматриваемых культурах. Результаты анализа концептуального наполнения красного цвета в британском и американском английском представлены в таблице 1.

Следующий этап анализа заключается в том, чтобы установить, какие из значений привносятся и наиболее часто актуализируются на вербальном уровне британского и американского креолизованного рок-текста. Мы делаем акцент именно на креолизованности текста, поскольку рассматриваем эту черту как принципиально важную для исследования текста. Более того, предполагается, что креолизованный текст, включающий в себя редко или совсем не рассматриваемые прежде уровни текста, является базовым для будущих лингвистических исследований [Большакова 2008; Валгина 2003; Плотницкий 2005].

Креолизованный текст — это многоуровневое образование, представленное сочетанием и единством вербальных и невербальных информационных каналов [Анисимова 2003; Чернявская 2009]. Такое понимание текста позволяет изучать его воздействие и воздействие его концептуальных метафор на реципиента комплексно [Валгина 2003: 154], т. е. придает исследованию многогранность и полноту. Несмотря на то что в рамках данной статьи мы обращаем внимание именно на массив вербального канала, подход к тексту как к креолизованному позволяет нам также учесть его невербальную составляющую. Например, это может быть мелодический, интонационный компонент и т. д.

Ранее мы уже обращались к вопросу использования красного цвета на вербальном уровне британского креолизованного рок-текста [Дымова 2018]. Из 180 рассмотренных текстов мы смогли выделить только 9 (5 %), содержащих лексему «red», что позволяет говорить о редкости употребления. Также мы идентифицировали тенденцию к аллюзивному использованию красного и его преимущественному присутствию в рок-текстах XX в. и практически полному отсутствию в британских рок-текстах XXI в.

Исследование 9 выделенных креолизованных рок-текстов поспособствовало рас-

ширению ранее полученной нами системы концептов красного цвета для британской культуры. Сущность вычлененных концептов так или иначе связана с расплатой за проступки. Варианты воплощения концепта различаются степенью суровости расплаты: 'наказание', 'проклятие', 'кара'. Интересен тот факт, что именно эта модель концептуализации красного является доминантной на вербальном уровне британского креолизованного рок-текста.

Принципиальное отличие, наблюдаемое на вербальном уровне американского креолизованного рок-текста, — это частота употребления лексемы «red». Из 180 рассмотренных текстов мы выделили 47 (26 %), соответствующих критериям отбора. 2/3 текстов относятся к XXI в., в то время как лишь 1/3 — к XX. Однако отличаются и актуализируемые значения.

Наиболее типично метафорическое использование красного для сопровождения ситуаций, когда рок-герой испытывает злость. Причиной 'злости' могут быть разнообразные факторы, в том числе борьба с внешним миром, недовольство собственной жизнью и измена партнера, среди которых последний — самый актуальный.

(1) *I had to see this happening / He pushed himself so deep inside her clapping rang / And bounced off every wooden walled room / And that's when all went silent blank except the color red / As I walked calmly numbing paralyzed beside the bed /.../ I cocked the pistol pulled the trigger and all I saw was red / I gently stroke her arm as she lies lifeless on her back* ("The End". Blue October, 2009).

В примере (1) рок-герой воочию становится свидетелем измены. На первый взгляд, свое эмоциональное состояние после увиденного он описывает достаточно уравновешенно, используя лексемы 'отсутствия звука' (ср. *silent blank, walked calmly*) и 'отсутствия эмоций' (ср. *numbing paralyzed*). В то же время дважды упоминается, что рок-герой в состоянии видеть «только красный цвет». Принимая во внимание то, что цвет — это воплощенная эмоция [Базыма 2007: 42], а также ранее упомянутое лексическое выражение взаимосвязи красного и злости (см. *to see red*), мы можем предположить, что это метафора того, как гнев застилает глаза.

Также красный цвет играет ключевую роль при концертном исполнении данной песни (например, «Live from Texas 2015»). Он является единственным цветом освещения сцены на протяжении всей песни, заполняет собой все пространство вокруг исполнителя и главного действующего лица по совместительству. Зрителю буквально дают

возможность прочувствовать на себе исходящую от рок-героя внутреннюю цвет-эмоцию, т. е. визуализируют концептуальную метафору «красный — это злость».

Примечательно, что во втором случае употребление «red» в контексте (1), вероятно, является метонимией 'blood', поскольку в этот раз герой видит красный после убийства изменившей ему женщины. Таким образом, из разгневанной жертвы событий рок-герой трансформируется в совершившего грех преступника.

В целом красный нередко сопутствует описанию 'распутства' и 'проституции'. Например, красный цвет окружает рок-героя, находящегося в борделе.

(2) *Artificial red, smoke, poison consumed / In the house of ill repute / Is this the way I spend my days / In recovery of a fatal disease?* ("Artificial Red". Mad Season, 1995).

В примере (2) использован эвфемизм «house of ill repute» для обозначения публичного дома. Неестественный, искусственный красный, без сомнения, является освещением, характерным для таких заведений. Интересно, что красный окружен скорее негативным семантическим полем (*poison consumed, ill repute, fatal disease*), нежели значением удовольствия или эротичности. Этой идее вторит контраст между начальной тягучестью манеры исполнения и резкими выкриками вопроса (*Is this the way I spend my days?*).

Красный — это также призыв к 'протесту', к проявлению 'недовольства' политикой государства, к попыткам отбросить менталитет ведомого.

(3) *When the man cracks the whip / And you'll all shake your hips / And you'll all dance to this / Without making a fist / And I know it sounds mundane / But it's a stone cold shame / How they got you tame / And they got me tame / So go ahead put your red dress on / Days of white robes come and gone / Come and gone* ("Red Dress". TV on the Radio, 2008).

Для лучшего понимания контекста (3) и, следовательно, значения красного в данном случае стоит ознакомиться с историей создания песни. Так, по свидетельствам Дэйва Сайтека [Patel http], автора песни и участника группы, это реакция на последние 8 лет президентства Джорджа Буша, за которое музыканты лично хотели бы ударить Дика Чейни (вице-президента) в лицо. Важно понимать, что сам вице-президент не пользуется большим уважением американцев за такие вещи, как война в Ираке и содействие применению расширенных методов допроса.

Осознание пассивного отношения к собственному угнетению (*without making a fist*,

got you *tame*) и попытка его переосмыслить в примере (3) сопровождается сменой белого облачения на красное. Автор говорит о том, что времена белого одеяния и, следовательно, прежнего понимания происходящего прошли, а на смену им приходит необходимость облачиться в красный, а с ней и выражение несогласия, недовольства, протеста.

Таким образом, по итогам нашего исследования мы можем сделать вывод о том, что концептуальное наполнение красного очень близко в британском и американском английском. Так, из 21 значения, вычлененного на основе психофизических, лингвокультурных и лексикографических источников, лишь в 4 обнаружены расхождения.

В то же время использование красного на вербальном уровне британского и американского рок-дискурса имеет ряд значительных отличий. Прежде всего это касается частотности употребления — 5 % и 26 % соответственно. Наблюдаются различия и во временных рамках, к которым относится основная масса рок-текстов с использованием красного цвета — 100 % британских текстов созданы в XX в., в то время как 67 % американских текстов принадлежат XXI в. Однако к ключевым различиям также относятся типичные актуализируемые значения красного: в британской рок-лирике — ‘наказание’, ‘проклятие’, а в американской — ‘злость’, ‘распутство’, ‘протест’.

Все эти факты подтверждают идею о том, что существуют не только межкультурные, но и подсознательные ассоциации цветов с закрепленными в какой-либо культуре символами [Шалимова 2012]. Иными словами, несмотря на общий источник происхождения этих двух вариантов английского языка и на потенциальную структурную близость концептов красного цвета, культурная обусловленность имеет особое влияние на мировосприятие и актуализацию значений. Как результат, понимание этого и изучение культурно обусловленных сходств и разли-

чий позволяет нам проникать в глубинную суть самой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). — М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. — СПб.: Речь, 2007. 208 с.
3. Болотина М. А., Шабашева Е. А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестн. Балтийск. федерал. ун-та им. И. Канта. 2013. № 2. С. 21—28.
4. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2008. № 49. С. 48—51.
5. Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Дымова А. В. Красный цвет в креолизованном британском рок-тексте // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. 2018. Т. 1. С. 136—138.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. — Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
9. Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Самара, 2005. 21 с.
10. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. — М.: Наука, 1984. 175 с.
11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
12. Шалимова Л. А., Насонова Л. И. Теория изучения цвета // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 6.
13. Achard M. Cognitive Linguistics, Second Language Acquisition, and Foreign Language Teaching (Studies on Language Acquisition). — Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. 292 p.
14. Elliot A. J., Maier M. A. Color-in-Context Theory // Advances in Experimental Psychology. 2012. № 45. P. 61—125.
15. Elliot A. J., Greitemeyer T., Gramzow R. H., Kayser D. N., Lichtenfeld S., Maier M. A., Liu H. Red, Rank, and Romance in Women Viewing Men // Journ. of Experimental Psychology. 2010. № 139. P. 399—417.
16. Gnamb A. M., Oeberst A. T. Red Color and Risk-Taking Behavior in Online Environments [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0134033> (date of access: 06.09.2018).
17. Patel J. TV on the Radio Take George W. Bush and Science to Task on New LP [Electronic resource]. URL: <http://www.mtv.com/news/1595281/tv-on-the-radio-take-george-w-bush-and-science-to-task-on-new-lp/> (date of access: 25.08.2018).

A. V. Dymova
Ekaterinburg, Russia

CONCEPTUAL MODEL OF RED COLOUR IN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH (BASED ON THE VERBAL LEVEL OF CREOLIZED ROCK-TEXT)

ABSTRACT. *The article focuses on the cognitive discourse analysis of the conceptual models of red colour. It examines the metaphorization patterns of red colour in British and American English based on a variety of information sources. The aim is to compare the results of the analysis of the conceptual models of red colour in terms of the cultures under consideration. The cognitive discourse analysis approach constitutes the main method of studying this phenomenon. Thus, the first stage includes a research into the conceptual models of this colour, which have been analyzed by means of psychophysiological, linguocultural and lexicographical sources from both cultures. The results of this stage are presented in the form of a summary table giving information about similarities and differences in the conceptual models. The next stage is based on an analysis of the verbal usage of red colour in creolized rock-texts of the studied cultures. The main idea of this stage is to identify frequently used concepts on the example of one discourse. The idea of “creolized text” is constituent for both the article and research itself as it allows to include non-verbal components in the analysis, hence, makes it more complex. According to the results, the author draws a range of conclusions concerning the general proximity of the conceptual models of red colour in the studied cultures and the differences revealed in rock-discourse. The results of this research might give additional knowledge about these cultures and develop tolerance between them.*

KEYWORDS: *concepts; red color; creolized texts; English; cognitive metaphor; metaphoric models; metaphorical modeling.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dymova Alyona Vyacheslavovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya komunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). — M. : Akademiya, 2003. 128 s.
2. Bazyma B. A. Psikhologiya tsveta: teoriya i praktika. — SPb. : Rech', 2007. 208 s.
3. Bolotina M. A., Shabasheva E. A. Kognitivnyy aspekt otsenochnoy semantiki frazeologicheskikh edinit s tsvetooboznacheniyami // Vestn. Baltiysk. federal. un-ta im. I. Kanta. 2013. № 2. S. 21—28.
4. Bol'shakova L. S. O sodержanii ponyatiya «polikodovyy tekst» // Vestn. Novgorod. gos. un-ta. 2008. № 49. S. 48—51.
5. Valgina N. S. Teoriya teksta. — M. : Logos, 2003. 280 s.
6. Dymova A. V. Krasnyy tsvet v kreolizovannom britanskom rok-tekste // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh. 2018. T. 1. S. 136—138.
7. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.
8. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. — Minsk : TetraSistems, 2004. 256 s.
9. Plotnitskiy Yu. E. Lingvostilisticheskie i lingvokul'turnye kharakteristiki angloyazychnogo pesennogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Samara, 2005. 21 s.
10. Frumkina R. M. Tsvet, smysl, skhodstvo: aspekty psikholingvisticheskogo analiza. — M. : Nauka, 1984. 175 s.
11. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. — M. : LIBROKOM, 2009. 248 s.
12. Shalimova L. A., Nasonova L. I. Teoriya izucheniya tsveta // Vestn. Buryat. gos. un-ta. 2012. № 6.
13. Achard M. Cognitive Linguistics, Second Language Acquisition, and Foreign Language Teaching (Studies on Language Acquisition). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. 292 p.
14. Elliot A. J., Maier M. A. Color-in-Context Theory // Advances in Experimental Psychology. 2012. № 45. P. 61—125.
15. Elliot A. J., Greitemeyer T., Gramzow R. H., Kayser D. N., Lichtenfeld S., Maier M. A., Liu H. Red, Rank, and Romance in Women Viewing Men // Journ. of Experimental Psychology. 2010. № 139. P. 399—417.
16. Gnambs A. M., Oeberst A. T. Red Color and Risk-Taking Behavior in Online Environments [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0134033> (date of access: 06.09.2018).
17. Patel J. TV on the Radio Take George W. Bush and Science to Task on New LP [Electronic resource]. URL: <http://www.mtv.com/news/1595281/tv-on-the-radio-take-george-w-bush-and-science-to-task-on-new-lp/> (date of access: 25.08.2018).

Е. В. Ерофеева
Екатеринбург, Россия

РУССКИЕ РЕАЛИИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА А. МАРИНИНОЙ «УКРАДЕННЫЙ СОН»

АННОТАЦИЯ. В статье отражены результаты анализа произведения Александры Марининой «Украденный сон» и его перевода на испанский язык. Автором предложена предметная классификация 137 русских реалий, отобранных методом сплошной выборки из русской версии романа, и рассмотрены способы их перевода. Дается обобщенная характеристика преобладающих способов передачи реалий. Значительное внимание уделяется анализу их частотности в испанском языке и установлению закономерности при выборе того или иного способа перевода. Делается вывод о том, что при выборе способа перевода реалий переводчик руководствуется двумя основными факторами: передачей колорита или передачей смысла. Исследование показало, что абсолютным лидером стал функциональный аналог, что говорит о выборе переводчика в пользу передачи содержания. Отдельно перечисляются и рассматриваются комбинированные способы передачи реалий. Помимо общеизвестных и наиболее часто употребляющихся способов перевода реалий, в работе выявлены особые случаи перевода. Для достижения поставленных задач в данной работе основным методом изучения материала стал сопоставительный метод анализа текста оригинала и текста перевода. Также использовался описательный метод для интерпретации исследуемых реалий; применялись элементы количественного метода, метод семантического анализа и элементы этимологического анализа. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке лингвистической проблемы отбора и систематизации различных видов реалий с позиции их перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические детективы; детективный жанр; русские реалии; художественный перевод; переводная литература; испанский язык; комбинированные способы перевода; сопоставительный анализ; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, к. 465; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.

Предлагаемое исследование посвящено классификации, а также изучению способов передачи русских реалий на испанский язык на примере перевода политического детектива Александры Марининой «Украденный сон».

На сегодняшний день детективный жанр литературы достаточно популярен в России. Одним из самых читаемых отечественных авторов детективов является Александра Маринина. Отношение к творчеству А. Марининой в нашей стране неоднозначное: ее книги называют «литературным фастфудом» [Овчинников, 1999], но продолжают читать и с нетерпением ждут появления очередной книги автора. Содержание произведений А. Марининой тесно связано с реальной жизнью в России, с политическими, социальными и прочими процессами, происходящими в нашей стране последние 25 лет, а также с социалистическим прошлым нашего государства, а значит, в ее произведениях достаточно часто встречаются слова-реалии. Указанное произведение привлекло наше внимание еще и тем, что российская действительность изображена в нем изнутри, автор является подполковником милиции в отставке, т. е. человеком, знающим социальную среду, описанную в романе, не понаслышке, что безусловно усиливает эффект достоверности описываемых событий.

Проблема реалий рассматривалась в работах многих лингвистов, таких как Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, С. Я. Влахов и С. Б. Флорин, А. В. Садиков, Г. Д. Томахин, Э. А. Сорокина, М. Л. Алексеева и др. Однако

сегодня все еще не существует единого мнения о том, какие слова следует относить к этому классу лексических единиц. В работах, посвященных проблемам перевода, термин «реалия» нередко заменяется другими, близкими по значению терминами: «локализм», «лакуна», «пробел», «варваризм», «этнографизм», «экзотическая лексика», «безэквивалентная лексика», «локалоид», «слова с культурным компонентом», «бытовые слова» и некоторые другие, что зачастую приводит к сужению значения термина «реалия» (подробнее см.: [Ерофеева 2013, 2018]).

Под **реалиями** в данном исследовании мы будем понимать слова (и словосочетания), называющие объекты и явления, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, требующие особого подхода при переводе в силу отсутствия точных соответствий в других языках.

Несмотря на то что реалиям в научной литературе было посвящено большое количество работ, проблема единой классификации слов-реалий остается неразрешенной, однако в основу всех имеющихся классификаций положен предметный принцип.

В результате проведенного исследования нами было выявлено 137 русских реалий, которые мы систематизировали по предметному принципу, взяв за основу классификацию С. Влахова и С. Флорина:

А. Географические реалии (4 реалии)

1. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: **Кав-**

казские Минеральные Воды, Красная площадь, Питер, Старая площадь.

Б. Этнографические реалии (52)

1. Быт (23):

- а) пища, напитки и т. п.: *борщ, «Боржоми», варенье, водка, «Ессентуки», квас, пирожки;*
- б) одежда (включая обувь, головные уборы): *пуховик, шапка-ушанка;*
- в) жилье, мебель, посуда и другая утварь: *дача, капремонт дома, самовар, коммунальная квартира, прописка, служебное жилье;*
- г) транспорт: *«Волга», грузовики-транзитники, «Камаз», электричка;*
- д) внешний вид: *стриженные ежиком волосы, бабушка, мужик, качок.*

2. Труд (11):

- а) люди труда (профессии): *кадровик, колхозница, милиционер, оперативник, папанинцы [...], работники правоохранительных органов, розыскник, секретарь горкома партии, старший оперуполномоченный;*
- б) организация труда: *работать по лимиту, утренняя оперативка.*

3. Искусство и культура (12):

- а) фольклор: *дядька Черномор, одесский анекдот, у черта на куличках;*
- б) искусства и предметы искусств: *«Роспечать», Четвертый канал;*
- в) обычаи, ритуалы: *отчество, париться в бане, поминальные блины, поминать 40 дней, смотрины;*
- г) праздники, игры: *забивать «козла» во дворе, играть в казаки-разбойники.*

4. Этнографические объекты (4):

- а) клички (обычно шуточные или обидные): *Колобок, маменькин сынок, мент, «стрелочник».*

5. Меры и деньги (2):

- а) денежные единицы: *копейка, рубль.*

В. Общественно-политические реалии (81)

1. Административно-территориальное устройство (3):

- а) административно-территориальные единицы: *область, округ, район.*

2. Органы и носители власти (9):

- а) органы власти: *ГАИ, Гордума, Госдума, Дума, МВД, МИД, прокуратура;*
- б) носители власти: *гаишник, комитетчик.*

3. Общественно-политическая жизнь (61):

- а) политические организации и политические деятели: *ГРУ, ГУВД, Комсомол, комсомолец, КПСС, пионер;*

- б) социальные явления и движения (и их представители): *вступить в кооператив, дедовщина, диспансеризация, запой, застой, массовые чистки, невыездной, отсидка, партийные репрессии, паханы, перестройка, пионерский лагерь, самогонщица, собутыльник, стоять в очереди на жилье, субботник, указы, ЧП;*

- в) звания, степени, титулы, обращения: *доктор наук, кандидат наук;*

- г) учреждения: *вытрезвитель, главк, райком, горком, дом инвалидов и престарелых, ЖЭК, загс, ИТУ, линейный отдел милиции, милиция, МОУР, МУР, Областное управление внутренних дел, ОВИР, отдел кадров, отделение, отдел по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями, паспортная служба, Петровка, регистратура поликлиники, РУОП, Сбербанк, уголовный розыск;*

- д) учебные заведения и учебные учреждения (их слушатели): *аспирант, бестужевские барышни, Высшая школа милиции, Ленинская стипендиатка, ликбез, МГИМО, Московская школа милиции, ПТУ, слушатель московской школы, средняя школа;*

- е) сословия и касты (и их члены): *лимита, новые русские.*

4. Военные реалии (8):

- а) подразделения: *КГБ, силовики, ФСБ;*
- б) оружие: *пистолет системы «Макаров»;*

- в) военнослужащие (и командиры): *генерал-лейтенант, генерал-майор, майор, подполковник.*

Классифицировав русские реалии по предметному признаку, мы установили, что большинство из них (81) относится к общественно-политическим реалиям, широко представлены этнографические реалии (52), а географические реалии представлены мало (4). На наш взгляд, это связано с тем, что жанр источника исследовательского материала — детектив, события которого связаны с политикой.

Проблема перевода реалий продолжает привлекать внимание лингвистов и теоретиков перевода. Способам передачи реалий посвящены работы В. С. Виноградова, А. А. Реформатского, А. Д. Швейцера, И. Левого, С. Я. Влахова, С. Б. Флорина и других исследователей.

Среди трудностей, возникающих при переводе реалий, можно выделить следующие:

1) отсутствие в переводящем языке соответствия (эквивалента) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта);

2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску.

«При выборе наиболее подходящего приема перевода необходимо учитывать способ подачи реалии автором текста оригинала и средства, используемые им, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание» [Швейцер 1988: 126]. Исследователи предлагают разнообразные приемы передачи реалий при переводе: транскрипцию, транслитерацию, калькирование, введение неологизма, приблизительный и контекстуальный перевод. Предлагаемые приемы имеют свои достоинства и недостатки, знание которых помогает переводчику выбрать оптимальный способ передачи реалий в каждом конкретном случае.

Для изучения способов перевода указанных реалий мы обратились к испанской версии романа («El Sueño robado», переводчик Е. Пантелеева), из которой выбрали 141 вариант перевода.

При анализе способов перевода реалий мы взяли за основу схему, предложенную Г. Д. Томахиным [Томахин 1988: 31], дополнив ее особым случаем, который был обнаружен в ходе нашего исследования. Способы передачи реалий перечислены в том порядке, в котором они были предложены автором, что в нашем случае не соотносится с частотностью их использования: а) транскрипция — 14 реалий; б) калька — 14 реалий; в) полукалька — 11 реалий; г) описательный перевод — 23 реалии; д) родовидовая замена — 4 реалии; е) функциональный аналог — 49 реалий; ж) контекстуальный перевод — 7 реалий; з) отсутствие перевода — 1 случай; и) особые случаи — 1 реалия.

Таким образом, самым распространенным способом передачи реалий на испанский язык оказался функциональный аналог, за которым следуют калькирование, описательный перевод и транскрипция. Приведем примеры.

1. Транскрипция позволяет передать колорит реалии, но не раскрывает ее значения. Учитывая эту особенность транскрипции, автор перевода объясняют половину транскрибируемых реалий через описательный перевод или комментарий переводчика. Например: *el subotnik (sábado, día de trabajo gratuito en beneficio de la población)*. Если для

семантизации реалии не требуется широкого разъяснения, то оно приводится прямо в тексте перед транскрибируемой реалией или после нее через запятую или в скобках, если же необходимо развернутое объяснение значения реалии, переводчик выносит его в сноску во избежание «нагромождений» в тексте [Томахин 1988: 62].

2. Перевод реалий при помощи калькирования встречается так же часто, как и транскрипция. Такой прием позволяет передать колорит и национальную специфику реалии. Оно бывает полным и частичным. Кальки меньше, чем полукальки, нуждаются в объяснении, однако автор перевода часто использует комбинацию двух способов (калькирование + описательный перевод; калькирование + комментарий переводчика): *las señoritas de Bestúzhev** (*Nombre del centro más antiguo y tradicional de estudios superiores para mujeres de la época zarista). Кальками и полукальками переводятся русские реалии-сокращения, что позволяет сделать их понятными: *главк — le comité general; ИТУ — una penitenciaría de trabajos forzados*.

Переводчик использует калькирование довольно часто (кальки встречаются 14 раз, полукальки — 11 раз). Комбинированные способы, включающие калькирование, встречаются 7 раз.

3. В анализируемом нами переводе встречается как собственно **описательный перевод** реалий (23 раза), так и описательный перевод в дополнении к транскрибированию и калькированию (7 раз). Собственно описательный перевод применялся в тех случаях, когда возможно было описать реалию в нескольких словах и не требовалось, по мнению переводчика, сохранения национальной окраски: *комсомолец — un joven comunista; ГАИ — la policía de tráfico*.

Нам встретились случаи потери стилистической окраски разговорной речи при использовании описательного перевода. Такими примерами могут служить переводы следующих реалий: *забивать «козла» во дворе (jugar al dominó en el patio); самогонщица (la destiladora de la vodka)*.

4. Родо-видовая замена объединяет приемы генерализации и конкретизации. В переводе на испанский язык переводчик передал при помощи родо-видовой замены 4 реалии. При таком способе перевода теряется национальный колорит, но иногда его сохранение не играет большой роли. Так, при переводе предложения: «*Живительное солнце курортов Кавказских Минеральных Вод*» [Маринина 2007: 14] — переводчик прибегает к генерализации: «*la energía vital del sol de las playas del Cáucaso*».

Таким образом, подтверждается мнение С. Я. Влахова о том, что «перевод при помощи родо-видовой замены позволяет отказаться от транскрипции и произвести замену понятий, разница между которыми в условиях данного контекста незначительна» [Влахов 1986: 90].

5. Перевод функциональным аналогом наряду с описательным переводом и родо-видовой заменой относится к приблизительному переводу. При этом почти всегда теряется национальный колорит. Это поиск в переводящем языке понятия, которое «хоть и не совпадает полностью с исходным, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления» [Федоров 2002: 207].

В переводе на испанский язык переводчик передал этим способом наибольшее количество реалий, а именно 49 реалий. Главным образом таким способом были переданы реалии из общественно-политической жизни: звания, степени, титулы, названия учреждений, органы власти, политические организации. Преобладание такого способа передачи реалий, как функциональный аналог, нам представляется возможным объяснить следующим образом: переводчики работают с политическим детективом, стиль которого не претендует на высокую художественность текста, и поэтому главной задачей для переводчика становится передача смысла, а не сохранение национального колорита, хотя в меру возможностей переданы и национально-специфические черты русской жизни.

Перевод функциональным аналогом всегда чреват искажением коннотативного смысла. Принцип временного деления реалий предполагает наличие реалий современных и исторических, где последние обозначают понятия, характерные для прошлого определенной социальной группы. Так, например, в испанском варианте реалии *милиция* и *милиционер* были переданы переводчиком при помощи функциональной замены: *la policía (un policía)*, что, на наш взгляд, не отражает реалию-советизм, поскольку слово *милиция* (изначально нерусского происхождения) расширило свое значение и получило яркую национальную окраску в эпоху СССР.

Неудачной попыткой использования функционального аналога следует признать испанский вариант *un militante* для передачи реалии *комитетчик*.

6. Контекстуальный перевод в испанской версии используется 7 раз. Этот способ предполагает трансформацию синтаксической структуры предложения и лексические

замены. Примером может послужить перевод реалии *невъездной*:

– **русский**: ...он стал *невъездным* [Маринина 2007: 399];

– **испанский**: *le cancelaron el visado de salida del país* [Marinina http].

Лексические замены при переводе:

– **русский**: ...*хотите одного меня сделать стрелочником?* [Маринина 2007: 259];

– **испанский**: — *¿O le basta con tenerme a mí de **cabeza de turco**?* [Marinina http].

7. Следует отметить, что изменение структуры предложения происходит также в результате **опущения реалий**. Наше исследование не выявило таких случаев. Стоит только оговориться, что в испанской версии без каких-либо очевидных причин в тексте перевода отсутствовал один абзац, не влияющий на общее содержание романа, но содержащий одну реалию: *поминальные блины*.

8. К особым случаям перевода реалий в рамках данного исследования мы предлагаем отнести перевод реалий на испанский язык с расширением существующего значения слова переводящего языка. Так, реалия *пионеры* была переведена как *pioneros*. Согласно словарю иностранных слов, слово *пионер* произошло от французского слова *pionnier* и имело до 1917 г. в русском языке следующие значения: 1) тот, кто первым пришел и поселился в новой неисследованной стране, регионе, области; 2) тот, кто прокладывает новые пути в какой-либо области деятельности; 3) в некоторых странах Европы и в России 18—19 вв. — то же, что и сапер [БИСИС 2004: 598]. Во времена СССР слово *пионер* приобрело новое значение (член детской коммунистической организации) и яркую национальную окраску, поэтому в этом значении оно является реалией-советизмом. Реалия *пионер* имеет постоянное соответствие в испанском языке *el pionero*. Таким образом, при описании советской действительности испанское слово приобретает новое значение: *ребенок или подросток в СССР, принадлежащий к детской политической организации, контролируемой государством*, т. е. советизм *пионер* переводится при помощи расширения существующего значения испанского слова.

Четыре реалии переводятся на страницах романа двумя разными способами, одним из которых всегда является функциональный аналог. Стоит отметить, что эти реалии относятся к бытовым: *вытрезвитель* — *el ensobrecedor, el calabozo*; *дача* — *la dacha, el campo*; *качок* — *el tarzán, tres «tíos cachas»*; *мужик* — *el mujic, el tío*.

Наш исследовательский материал обнаружил следующие **комбинации** перечислен-

ных способов перевода реалий.

Комбинированные способы перевода реалий на испанский язык (17):

- а) транскрипция + описательный перевод — 6;
- б) калька + комментарий переводчика — 4;
- в) транскрипция + комментарий переводчика — 2;

- г) полукалька + описательный перевод — 1;
- д) калька + контекстуальный перевод — 1;
- е) полукалька + комментарий переводчика — 1;
- ж) функциональный аналог + транскрипция — 1;
- з) описательный перевод + комментарий переводчика — 1.

Таблица 1. Русские реалии, переведенные комбинированными способами

Русская реалия	Перевод на испанский язык
транскрипция + описательный перевод	
«Боржоми»	<i>el agua borzhomi</i>
горком	<i>Gorkom, comité municipal</i>
ГРУ	<i>GRU (el Departamento de inteligencia General)</i>
«Ессентуки»	<i>el agua Esentuki</i>
силовики	<i>los siloviki (ejército de las fuerzas de Seguridad)</i>
субботник	<i>el subotnik (sábado, día de trabajo gratuito en beneficio de la población)</i>
полукалька + описательный перевод	
Секретарь горкома партии	<i>el secretario del partido comunista</i>
транскрипция + комментарий переводчика	
папанинцы, челюскинцы, чкаловы, ляпидевские, громовы	<i>todos los niños soñaban con seguir los pasos de Papanin, Cheliuskin, Chkátlov, Lapidevsky y Grómov* (*héroes de la guerra civil y de la segunda guerra mundial)</i>
Питер	<i>Pítter* (*nombre coloquial de San Petersburgo)</i>
калька + комментарий переводчика	
бестужевские барышни	<i>las señoritas de Bestúzhev* (*Nombre del centro más antiguo y tradicional de estudios superiores para mujeres de la época zarista)</i>
коммунальная квартира	<i>un piso comunal* (*Piso, habitualmente de construcción antigua y muy espacioso, en el que por escasez de vivienda varias familias compartiendo la cocina, el baño, recibidor, despensas, pasillos, etc., disputándose cada centímetro de estos espacios comunes y repartiendo los quemadores y los turnos para el uso de la bañera)</i>
одесский анекдот	<i>un chiste de Odesa* (*el subgénero de «chistes de Odesa» es comparable a los de Lepe en España, o los des Belgas en Francia)</i>
Старая площадь	<i>La Plaza Vieja* *Antigua sede del Comité Central del PCUS</i>
полукалька + комментарий переводчика	
Дядька Черномор	<i>su padrino Chernomor* (*Fortachón malvado a la cabeza de un ejército de forajidos, protagonista de un cuento de inspiración folklórica de A.S.Pushkin, quizá más conocido en Occidente en su versión operística, Ruslán y Ludmila de M. Glinka)</i>
функциональный аналог + транскрипция	
пистолет системы «Макаров»	<i>una pistola de marca Makárov</i>
калька + контекстуальный перевод	
дедовщина (процветала)	<i>los «abuelos» tuvieron un poder absoluto</i>
описательный перевод + комментарий переводчика	
поминать 40 дней	<i>celebraron el funeral de los 40 días* (*Según la tradición ortodoxa el alma del difunto permanece en este mundo durante 40 días después del fallecimiento, y al transcurrir este tiempo se celebra un segundo funeral. La tradición se probó tan arraigada que sigue siendo la única aue respeta la totalidad de la población rusa, incluidos los ateos más recalcitrantes)</i>

Исследование показало, что переводчик довольно часто прибегает к сочетанию двух приемов — транскрибированию/калькированию и описательному переводу, давая последний в сноске или комментарии. Одновременное использование двух способов перевода реалий дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственных транскрипции и кальке, с раскрытием семантики данной единицы, достигаемым через описательный перевод.

Исследовательский материал позволил выявить частотность способов перевода реалий на испанский язык (см. табл. 2).

Основываясь на результатах проделанной работы, можно сделать вывод о том, что переводчик часто использует все способы перевода реалий: транскрипцию (10%), калькирование (17,7%), функциональный аналог (34,7%), описательный перевод (16,3%). Достаточно редко переводчик прибегает к контекстуальному переводу (5%) и родо-видовой замене (2,9%).

Транскрипция использовалась при переводе реалий, зафиксированных в словарях, и зачастую не сопровождалась другим способом перевода. Переводчик использовал одну транскрипцию только в подобных случаях, а если транскрибировались незафиксированные в словарях реалии, то транскрипция сопровождалась описательным переводом либо комментарием переводчика.

При выборе того или иного способа перевода реалий автор руководствовался двумя основными факторами: передачи колорита или передачи смысла. В нашем исследовании абсолютным лидером стал функциональный аналог, что говорит о выборе переводчика в пользу передачи содержания. Немалую долю в исследуемом материале занимают комбинированные способы перевода (12%), среди которых преобладают транскрипция + описательный перевод, калькирование + комментарий переводчика, в результате чего переводчику удалось одновременно передать читателю и

национальную окраску, и значение русской реалии.

Что касается использования того или иного способа перевода в зависимости от вида реалий, то можно сделать следующие выводы. Транскрипция сохраняет высокую частотность при передаче реалий быта, обозначающих жилище, имущество, пищу, напитки, одежду, внешний вид (5%); денежных единиц (1,4%); общественно-политических реалий, обозначающих названия политических организаций и социальных учреждений (1,4%). Следует отметить, что также встречались случаи совмещения транскрипции и описательного перевода или комментария переводчика, транскрипции и калькирования. Такими способами переданы реалии, которые, по мнению переводчика, могли бы вызвать затруднения у читателя. Эти реалии представляют собой реалии быта (1,4%), трудовой (0,7%) и общественно-политической жизни (2,12%), а также названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью (0,7%).

Калькирование — способ, используемый переводчиком при передаче практически всех категорий реалий. Наиболее часто при помощи этого способа передаются реалии общественно-политической жизни, относящиеся к социальным явлениям, званиям, учреждениям (12%). Стоит отметить, что нами не найдено реалий быта, которые переводились бы на испанский язык при помощи калькирования.

Перевод функциональным аналогом, в рамках нашего исследовательского материала, широко используется при передаче реалий быта (6,38%), труда (4,25%), фольклора, обычаев, ритуалов (1,4%), а также реалий общественно-политической жизни (13,47%).

Реалии искусства и культуры, кроме функционального аналога, передаются также при помощи описательного перевода (2,12%) и калькирования с комментарием переводчика (1,4%).

Таблица 2. Частотность способов перевода

Способ перевода	Использование данных способов в переводе на испанский язык, %
Транскрипция	10
Калькирование	17,7
Описательный перевод	16,3
Родо-видовая замена	2,9
Функциональный аналог	34,7
Контекстуальный перевод	5
Отсутствие перевода	0,7
Особые случаи перевода	0,7
Комбинированные способы перевода	12

Анализ способов перевода аббревиатур показал, что переводчик чаще прибегает к описательному переводу (3,5 %), затем использует функциональный аналог (2,8 %) и калькирование (2,8 %), а также транскрипцию + описательный перевод (0,7 %).

На выбор переводчиком описательного перевода и перевода при помощи функционального аналога повлияли следующие факторы:

1) большинство реалий являются для читателя перевода малознакомыми, и некоторые из них постепенно выходят из употребления в языке источника;

2) некоторые реалии менее значимы по сравнению с другими видами реалий, например слова, обозначающие денежные единицы, пищу, напитки и т. д.

Изучение способов перевода русских реалий из романа А. Марининой «Украденный сон» на испанский язык позволило сделать вывод, что выбор способа перевода зависит от следующих предпосылок:

- известности/неизвестности реалии в переводящем языке;
- значимости реалии в контексте;
- словообразовательных возможностей языка;
- замысла переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. Л. Использование приема замены контекстуальным аналогом при передаче русских реалий на немецкий язык // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 17. С. 9—17.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Международные отношения, 1975. 198 с.

E. V. Erofeeva
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN REALIA IN SPANISH VERSION OF THE POLITICAL DETECTIVE STORY “THE STOLEN DREAM” WRITTEN BY A. MARININA

ABSTRACT. *The article describes the results of the analysis of the detective story written by Alexandra Marinina “Stolen Dream” and its Spanish version. The author has introduced the subject classification of 137 Russian realities collected by the method of continuous selection from the Russian version of the detective story. The article provides a generalized characteristic of predominant ways of conveying the realities. Considerable attention is paid to analysis of their frequency rate in the Spanish language, and to setting the pattern in choosing this or that way of translation. The conclusion is made that the translator’s choice of realia translation is guided by two main factors: the transfer of national color and the transfer of meaning. The research shows that the functional analogue is the absolute leader that indicates the translator’s choice in favor of transferring the content. Combined methods of translating realia are listed and analyzed. Besides the well-known and most frequently used ways of translating realia, special cases of translation are revealed. The contrastive method of analysis of the original text and the target text was the main method to investigate the objectives within this research. The descriptive method of realia interpretation, the elements of the quantitative method, the method of semantic analysis, and elements of etymological analysis were also applied. The theoretical significance of the research consists in setting the linguistic selection problem and systematization of different kinds of realia from the perspective of their translation.*

KEYWORDS: *political detective story; detective story; Russian realia; translation of fiction; translated literature; Spanish; combined kinds of translation; comparative analysis; Russian literature; Russian writers; writing.*

ABOUT THE AUTHOR: *Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romanic Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseeva M. L. Ispol'zovanie priema zameny kontekstual'nym analogom pri peredache russkikh realiy na nemetskiy yazyk // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. 2009. Vyp. 17. S. 9—17.

3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / Е. А. Гришина. — М.: Русские словари. Астель. АСТ, 2004. 957 с.

4. Большой испанско-русский и русско-испанский словарь / Е. С. Ершова. — М.: Дом славянской книги, 2010. 928 с.

5. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. — М.: Университет, 2006. 235 с.

6. Влахов С. Я., Флорин С. Б. Непереводимое в переводе. — М.: ВШ, 1986. 416 с.

7. Ерофеева Е. В. Сопоставительный анализ способов передачи русских реалий на французский и испанский языки // Филологический класс: науч.-метод. журн. 2018. Вып. 2 (52). С. 102—108.

8. Ерофеева Е. В. Способы передачи русских реалий в переводах детективов А. Марининой на французский язык // Перевод и сопоставительная лингвистика: период. науч. журн. 2013. Вып. 9. С. 30—34.

9. Левый И. Искусство перевода. — М.: Прогресс, 1974. 397 с.

10. Маринина А. Б. Украденный сон. — М.: Эксмо, 2007. 397 с.

11. Овчинников И. Маятник Марининой [Электронный ресурс] // Русский журнал. 1999. 4 марта. URL: <http://www.russ.ru/journal/krug/99-03-04/ovchin.html> (дата обращения: 10.10.2018).

12. Официальный сайт А. Марининой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marinina.ru> (дата обращения: 10.10.2018).

13. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: Аспектпресс, 2001. 536 с.

14. Садиков А. В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте // Тетради переводчика. — М.: ВШ, 1984. Вып. 21. С. 77—88.

15. Сорокина Э. А. Теория перевода (история отечественного перевода). — М.: Академия, 2008. 168 с.

16. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. — М.: ВШ, 1988. 238 с.

17. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М.: Филология Три, 2002. 416 с.

18. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). — М.: Наука, 1988. 125 с.

19. Marinina Alexandra. El Sueño robado [Электронный ресурс] // Бесплатная электронная библиотека. URL: <http://royallib.ru/>.

20. Usual. Gran Diccionario de la Lengua Española. — Barcelona: Larousse Editorial, 2009. 1856 p.

2. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. — М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 198 s.

3. Bol'shoy illyustrirovanny slovar' inostrannykh slov / E. A. Grishina. — М.: Russkie slovari. Astel'. AST, 2004. 957 s.

4. Bol'shoy ispansko-russkiy i russko-ispanskiy slovar' / E. S. Er-

- shova. — М. : Dom slavyanskoy knigi, 2010. 928 s.
5. Vinogradov V. S. *Perevod: obshchie i leksicheskie voprosy*. — М. : Universitet, 2006. 235 s.
6. Vlahov S. Ya., Florin S. B. *Neperevodimoe v perevode*. — М. : VSh, 1986. 416 s.
7. Erofeeva E. V. *Sopostavitel'nyy analiz sposobov peredachi russkikh realiy na frantsuzskiy i ispanskiy yazyki // Filologicheskiy klass : nauch.-metod. zhurn. 2018. Vyp. 2 (52). S. 102—108.*
8. Erofeeva E. V. *Sposoby peredachi russkikh realiy v perevodakh detektivov A. Marininoy na frantsuzskiy yazyk // Perevod i sopostavitel'naya lingvistika: period. nauch. zhurn. 2013. Vyp. 9. S. 30—34.*
9. Levyy I. *Iskusstvo perevoda*. — М. : Progress, 1974. 397 s.
10. Marinina A. B. *Ukradenny son*. — М. : Eksmo, 2007. 397 s.
11. Ovchinnikov I. *Mayatnik Marininoy [Elektronnyy resurs] // Russkiy zhurnal. 1999. 4 marta. URL: <http://www.russ.ru/journal/krug/99-03-04/ovchin.html> (data obrashcheniya: 10.10.2018).*
12. *Ofitsial'nyy sayt A. Marininoy [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.marinina.ru> (data obrashcheniya: 10.10.2018).*
13. *Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykovedenie*. — М. : Aspektpress, 2001. 536 s.
14. *Sadikov A. V. Problema perevoda sovetskikh realiy v ee pragmaticheskom aspekte // Tetradi perevodchika*. — М. : VSh, 1984. Vyp. 21. S. 77—88.
15. *Sorokina E. A. Teoriya perevoda (istoriya otechestvennogo perevoda)*. — М. : Akademiya, 2008. 168 s.
16. *Tomakhin G. D. Realii-amerikanizmy*. — М. : VSh, 1988. 238 s.
17. *Fedorov A. V. Osnovy obshchey teorii perevoda*. — М. : Filologiya Tri, 2002. 416 s.
18. *Shveytser A. D. Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty)*. — М. : Nauka, 1988. 125 s.
19. *Marinina Alexandra. El Sueño robado [Elektronnyy resurs] // Besplatnaya elektronnyaya biblioteka. URL: <http://royallib.ru/>.*
20. *Usual. Gran Diccionario de la Lengua Española*. — Barcelona : Larousse Editorial, 2009. 1856 p.

Р. А. Полончук
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале китайских периодических военно-политических изданий)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу особенностей перевода фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) с китайского на русский язык. В качестве материала исследования используются китайские периодические военно-политические издания. Раскрывается сущность ФЕВТ, дается их определение и описывается сфера употребления. На основе комплексного анализа работ китайских и отечественных лингвистов обосновывается необходимость выработки единого подхода к переводу ФЕВТ с китайского на русский язык как одного из неразрешенных вопросов теории перевода. Проводится анализ наиболее полных классификаций переводческих преобразований, приводимых авторитетными зарубежными и отечественными лингвистами, и различных видов перевода, отбираемых в зависимости от совокупности объективных и субъективных факторов. Раскрываются способы перевода китайских ФЕ на русский язык, которые были предложены В. Ф. Щичко, требующие учитывать прежде всего тип самой фразеологической единицы: чэньюй, яньюй, гуньюй, сехоуэй, цзинцзюй. Анализируются переводы ФЕВТ из китайских периодических военно-политических изданий, которые в силу своей специфики представляют не только вооруженные силы (военный дискурс), но и политический, социальный, экономический аспекты. На основе работ китайских и отечественных лингвистов-синологов выявляются способы перевода на лексико-фразеологическом уровне ФЕВТ с китайского языка на русский.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайский язык; фразеологические единицы; фразеологизмы; теория перевода; фразеология китайского языка; русский язык; политический дискурс; военный дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Полончук Руслан Андреевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; преподаватель кафедры дальневосточных языков, Военный университет Министерства обороны (г. Москва); 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: Rus_MGS@mail.ru.

Перевод с китайского языка на русский представляет самостоятельный аспект теории перевода и характеризуется наличием специфических трудностей: работа с иероглифическим текстом и необходимость понимания культурных особенностей китайского этноса. Полноценная деятельность переводчика китайского языка невозможна без систематизированных знаний страноведческого характера в области истории, традиций, литературы, искусства, нравов и обычаев, особенностей восприятия китайским этносом окружающего мира.

Р. К. Миньяр-Белоручев отмечал, что «перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует» [Миньяр-Белоручев 1996: 13]. Представляется возможным согласиться с его утверждением, которое особенно злободневно в ситуациях, когда необходимо осуществить перевод фразеологических единиц (ФЕ) с китайского языка на русский, поскольку их адекватная передача возможна только в случае наличия у переводчика основательной страноведческой подготовки.

Китайские и отечественные лингвисты в своих работах до сих пор считают одним из неразрешенных вопросов теории перевода необходимость выработки единого подхода к переводу фразеологических единиц военной тематики (ФЕВТ) с китайского на русский язык. Так, отечественные лингвисты отмечают, что переводчик без достаточных познаний в военной сфере способен допустить значительные неточности при переводе [Ростовцев 1977: 45]. Китайские лингвисты признают, что ФЕВТ «представляют кладовую

богатства языка, являются хранителями китайских воинских традиций, а их изучение невозможно полноценно без сопутствующих исторических и культурных значений» [Ван Дэ 2010: 21].

По оценкам китайских лингвистов, к ФЕВТ целесообразно относить прежде всего ФЕ, связанные с военно-политическими и военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием в государстве теории применения вооруженных сил, наращиванием возможностей вооружения и военной техники. В эту группу также включаются фразеологизмы, пришедшие из речи военнослужащих, высказываний военных, политических и государственных деятелей [Ван Фэй 2009: 5].

Вместе с тем исследование китайских источников показывает, что употребление ФЕВТ не ограничивается рамками только одной военной сферы. Используя ранее только представителями армейской субкультуры (военный дискурс) ФЕВТ по разным причинам вышли за ее рамки и могут употребляться в любой другой сфере, чаще всего в политической (политический дискурс). Например, в русском языке военная тематика может быть представлена в различных ситуациях, в том числе и в политическом дискурсе, следующими ФЕ: *попасть в цель, мобилизовать все ресурсы, выйти из строя, тяжелая артиллерия, на взводе, взять на пушку, взять в штаны, резерв сил, между двух огней, разбить наголову, не понюхать и пороху*.

Анализ научной литературы по различным вопросам фразеологии китайского языка показал, что комплексному изучению

ФЕВТ китайские и отечественные лингвисты уделили незначительное внимание, по теме исследования отсутствуют специализированные периодические издания, а имеющиеся немногочисленные публикации отечественных и китайских авторов носят несистемный и фрагментарный характер.

Исследование показало, что изучением ФЕВТ занимались китайские лингвисты Ван Дэ (王德) и Ван Фэй (王菲), которые в своих работах изучили и систематизировали источники происхождения ФЕВТ китайского языка. К сожалению, их работы не затрагивают особенности перевода ФЕВТ с китайского языка на русский. В то же время отечественные лингвисты-китаеведы И. Д. Клеинин, В. Ф. Щичко, В. В. Ткачук в своих работах рассмотрели особенности перевода фразеологизмов с китайского языка на русский и дали рекомендации для переводчиков. Однако ФЕВТ китайского языка в их ра-

ботах не являлись объектом лингвистического исследования.

Лингвисты Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев в своих работах отмечают, что перевод ФЕ с одного языка на другой возможен с помощью различных видов перевода, отбираемых в зависимости от совокупности объективных и субъективных факторов [Войцехович 2002: 93]. Анализ наиболее полных классификаций переводческих преобразований, приведенных авторитетными лингвистами (табл. 1), позволяет утверждать, что большинство переводческих операций повторяются во всех классификациях, различаясь лишь взаимной соотносительностью, распределением по классам, а в некоторых случаях и терминологией. Почти все классификации (за исключением предложенной Р. К. Миньяр-Белоручевым) опираются на одни и те же основы — уровни языковой системы.

Таблица 1. Сравнительный анализ переводческих преобразований

Я. И. Рецкер	Л. С. Бархударов	В. Н. Комиссаров	Р. К. Миньяр-Белоручев
I. Лексические трансформации:	I. Перестановки	I. Лексические трансформации:	Приемы перевода:
1. Дифференциация	II. Замены:	а) Формальные:	Описательный перевод
2. Конкретизация	а) Грамматические замены:	1. Транскрипция/транслитерация	Конкретизация понятий
3. Генерализация	1. Замены форм слова	2. Калькирование	Генерализация понятий
4. Смысловое развитие	2. Замены частей речи	б) Лексико-семантические замены:	Логическое развитие понятий
5. Антонимический перевод	3. Замены членов предложения	1. Конкретизация	Антонимический перевод
6. Целостное преобразование	4. Синтаксические замены в сложном предложении	2. Генерализация	
7. Компенсация потерь в процессе перевода	б) Лексические замены	3. Модуляция (смысловое развитие)	
II. Грамматические трансформации	1. Конкретизация	II. Грамматические трансформации:	
1. Полные	2. Генерализация	а) Дословный перевод (нулевая трансформация)	
2. Частичные	3. Замена следствия причиной	б) Членение предложений	
	в) Антонимический перевод	в) Объединение предложений	
	г) Компенсация	г) Грамматические замены:	
	III. Добавления	1. Грамматической категории	
	IV. Опушения	2. Части речи	
		3. Члена предложения	
		4. Предложения определенного типа	
		III. Лексико-грамматические трансформации:	
		а) Антонимический перевод	
		б) Описательный перевод	
		в) Компенсация	

Изучение приведенных в таблице данных позволяет утверждать, что указанные переводческие операции могут быть применены практически ко всему спектру существующих языков ввиду их концептуального характера, однако в большей степени они апробированы на материале европейских языков. В то же время разработанность проблемы перевода на материале восточных языков крайне мала. Китайский язык здесь не является исключением. Стоит отметить, что на настоящий момент основы теории перевода с китайского языка раскрываются только в работах нескольких авторов.

Так, В. А. Ростовцев и В. Ф. Щичко в своих работах предложили способы перевода ФЕ китайского языка на лексико-фразеологическом уровне. В. А. Ростовцев предложил при переводе ФЕ китайского языка на русский использовать способы, описанные Р. К. Миньяр-Белоручевым (табл. 1), которые были адаптированы с учетом специфики китайского языка.

В. Ф. Щичко предложил способы перевода китайских ФЕ на русский язык, требующие прежде всего учета типа самой фразеологической единицы: чэньюй, яньюй, гуаньюньюй, сехоуяй, цзинцзюй. Наиболее соответствующим целям настоящего исследования мы считаем подход В. Ф. Щичко, поскольку предложенные им способы перевода адаптированы под китайский язык, их описание сопровождается комплексными комментариями, которые рассматривают значительное количество исключений, встречающихся при переводе китайских ФЕ. Далее рассмотрим возможность применения выбранного подхода на примере перевода ФЕВТ с китайского языка на русский.

В качестве источников ФЕВТ современного китайского языка нами были выбраны следующие китайские периодические военно-политические издания: «海陆空天惯性世界, 亚太防务杂志» («Азиатско-Тихоокеанский оборонный журнал»), «现代军事» (Современные вооруженные силы), «汉和防务评论» («Военное обозрение») и «解放军画报» («Иллюстрированный журнал Народно-освободительной армии Китая»). Содержательно данные издания не только описывают вооруженные силы (военный дискурс), но и затрагивают политический, социальный, экономический аспекты. Анализ содержания данных изданий за 2018 г. позволяет выявить ФЕ, которые употребляются в китайском военном и политическом дискурсе и могут быть отнесены к военной тематике. Вслед за В. Ф. Щичко нами был применен подход к переводу ФЕВТ, который учитывает

тип самой ФЕ. Рассмотрим последовательно выявленные особенности перевода китайских ФЕВТ на русский язык.

Перевод чэньюев. Большая часть чэньюев (成语; «готовое выражение») представлена четырехсложными образованиями, выстроенными по правилам древнекитайского языка. По внутренней структуре они делятся на две группы: чэньюи параллельной и непараллельной конструкции. Для их перевода необходимо учитывать виды чэньюев с точки зрения соотношения их прямого и переносного значения. Проиллюстрируем эти виды на материале ФЕВТ китайского языка.

1. Совпадение образной основы и переносного значения: 拔出剑来 («обнажить меч»), 前后受敌 «попасть между двух огней» (досл. «подвергнуться нападению спереди и сзади»), 外强中干 «снаружи сильный, внутри слабый» / «быть колоссом на глиняных ногах» (досл. «внешне казаться сильным, внутри быть слабым»), 手无寸铁 «быть невооруженным» (досл. «ни вершка железа в руках»), 赤手空拳 «голыми руками» (досл. «голые руки и пустые кулаки»).

В данных примерах образное и переносное значение и в китайском и в русском языках совпадают, поэтому перевод этих чэньюев не представляет особой сложности. Однако следует иметь в виду, что иногда при одинаковой образной основе переносные значения в двух языках могут быть различными.

2. Сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог): 兵不厌诈 «на войне все средства хороши» (досл. «используя армию, нельзя пренебрегать хитростью»), 秣马厉兵 «готовиться к войне» (досл. «кормить лошадей и точить оружие»), 白刃相见 «скрестить мечи» (досл. «встреча обнаженных клинков»).

3. Перевод чэньюя без образной основы фразеологизмом с образной основой в русском языке: 兵挫地削 «полное поражение» (досл. «армия разбита, территория отнята»), 按甲寝兵 «закопать топор войны» (досл. «отложить латы и дать отдых оружию»).

4. Описательный перевод при отсутствии аналога чэньюя в русском языке: 攻心为上 — «подорвать волю противника морально — это лучшая мера». ФЕВТ происходит из книги «Троецарствие», где говорится: 用兵之道, 攻心为上, 攻城为下, 心战为上, 兵战为下 — «Суть использования армии состоит в том, чтобы сначала психологически покорить врага, а затем взять его

город. Психологическая война — это лучшее средство, а использование войск — это неверный путь».

5. Перевод парных образований по типу чэньюя простыми словами и словосочетаниями русского языка — не фразеологизмами: 百战百胜 «всепобеждающий» (досл. «из ста сражений сто побед»), 千军万马 «могучая армия» (досл. «тысячи солдат и десятки тысяч лошадей»).

Для перевода чэньюев важно учитывать контекст употребления. В словарях для них обычно приводится несколько эквивалентов, поэтому задача переводчика состоит в подборе подходящих для данного контекста соответствий или выработке своего варианта перевода.

Перевод яньюй. При переводе яньюй (颜语; поговорки) могут использоваться те же способы, что и при переводе чэньюев. Так, некоторые поговорки могут переводиться *дословно*, например: 好铁不打钉, 好人不成兵 — «хорошее железо не идет на гвозди, хорошие парни не идут в солдаты», 战则两伤, 合则两利 — «война приносит обеим (сторонам) вред, мир приносит обеим (сторонам) пользу».

Для других поговорок дословный перевод может не подойти, поскольку образная основа поговорки может быть непонятной русскому читателю, а также в русском языке может отсутствовать аналогичная ФЕ, поэтому необходим *описательный перевод*, например: 爱兵如子, 用兵如山 — «любите солдат как сыновей своих, используйте их как горы», т. е. если в мирное время с любовью заботиться о своей армии, в час войны она будет смело и искусно сражаться (ср.: «народ, который не кормит свою армию, обязательно будет кормить чужую»).

Третий способ перевода поговорок представляет собой *функциональную замену (функциональный аналог)*, например: 兵不可一日无将 — «кто часто проверяет, ничего не теряет» (досл. «солдату ни дня не обойтись без генерала»); 一日干戈动, 十年不太平 — «худой мир лучше доброй ссоры» (досл. «один день войны влечет за собой десять лет беспокойной жизни»).

Перевод гуаньюньюев. Гуаньюньюй (惯用语) представляют собой устойчивые трехсложные словосочетания, обладающие целостностью и единством в смысловом и структурном отношении и построенные по схеме «глагол — объект» или по атрибутивной структуре. Например: 烟幕弹 — «дымовая завеса» (досл. «дымовой снаряд»), 马后炮 — «после драки махать кулаками» /

«предпринять запоздалые действия» (досл. «пушка позади коня»). В приведенных примерах использован описательный перевод, поскольку некоторые специфические китайские метафоры непонятны русскому читателю, их смысл приходится раскрывать описательно.

Перевод сехоюев. Сехоюй (歇后语; недоговорки-иносказания) — двучленные изречения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая — его раскрытие. Данный тип китайских ФЕ не имеет аналогов в других языках, поскольку обозначает специфические для китайского языка и культуры единицы. Данные ФЕ малоизучены за пределами Китая, однако в процессе межкультурной коммуникации они приобретают все большую популярность. Такая форма выражения мысли отражает национальную черту характера, свидетельствуя о желании выразить свое мнение завуалированно. При их передаче на русский язык целесообразно применять функциональную замену. Например: 余太君挂帅 — 马到成功 — «сходу добиться полной победы» (досл. «Ше Тайцзюнь назначен главнокомандующим — желаю вам скорейшего успеха!»).

Перевод афоризмов. Несмотря на то что большинство афоризмов происходит из памятников древней литературы, они довольно широко употребляются в настоящее время как в письменной, так и в разговорной речи. Особенностью данных ФЕ является архаичность их структуры и компонентов, которые сохранились до наших дней в том виде, в котором они впервые были зафиксированы в древнекитайском литературном произведении. Так, например, в трактате о военной стратегии «Искусство войны» Суньцзы (孙子) можно встретить популярные в настоящее время афоризмы: 不可勝在己, 可勝在敵 — «непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике»; 是故百戰百勝, 非善之善也; 不戰而屈人之兵, 善之善者也 — «сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь».

Перевод афоризмов довольно редко дается в современных китайско-русских словарях, поэтому необходимо уметь пользоваться комментариями китайских толковых словарей. Как правило, афоризмы переводятся дословно. Их количество не остается неизменным, постепенно их фонд увеличивается за счет новых, относительно недавно появившихся афоризмов, созданных авторитетными писателями. Недавнее происхож-

дение имеет и любимое изречение маршала Пэн Дэхуая: (彭德怀) 一时胜负在于力, 千古负在于理 — «один раз можно победить и силой, но чтобы побеждать, нужен ум».

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что перевод ФЕВТ из китайских периодических военно-политических изданий на русский язык может осуществляться с помощью различных способов. Их выбор зависит от целого ряда факторов. При переводе ФЕВТ с китайского языка на русский в обязательном порядке должен учитываться контекст и подтекст высказывания, что позволит точно и в полной мере передать семантику фразеологизма с применением подходящего для данного контекста соответствия или специально выработанный вариант перевода.

Анализ приведенных способов перевода на материале ФЕВТ современного китайского языка позволяет сделать вывод о целесообразности применения подхода, предложенного В. Ф. Щичко, к переводу ФЕ китайского языка, поскольку именно этот подход в полной мере позволяет произвести перевод китайских ФЕВТ с учетом типа самой ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. — М. : Академия, 2004. 352 с.
2. Ван Дэ. Источники происхождения военной фразеологии // Доклады Народного университета Внутренней Монголии : общественно-научное издание. 2010. № 6. 157 с. (王德, 2010. № 6. 157 с.)

R. A. Polonchuk
Moscow, Russia

TRANSLATION OF MILITARY PHRASEOLOGY FROM CHINESE INTO RUSSIAN (based on Chinese military political periodicals)

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of ways of translation of military phraseological units (further referred to as MPU) from Chinese into Russian. Chinese military-political periodicals are used as the research material. The essence of MPU is revealed, their definition is given and the scope of use is described. On the basis of a comprehensive analysis of the works of Chinese and domestic linguists, the need to develop a unified approach to translating the MPUs from Chinese into Russian as one of the unresolved issues of translation theory is justified. The analysis of the most complete classifications of translational transformations carried out by reputable foreign and domestic linguists and various types of translation, selected depending on the combination of objective and subjective factors, are carried out. The ways of translating Chinese phraseological units into Russian, which were proposed by V.F. Shchichko, where, above all, the type of the phraseological unit itself are taken into account: chengyuy, yanyuy, gunyuyuy, sekhoyuyuy, jingyuyuy. Translation of the MPUs Chinese military-political periodicals, which not only describe the armed forces (military discourse), but also the political, social, and economic aspects, is analyzed. On the basis of the works of Chinese and Russian linguistic sinologists, the ways of translating the MPUs from Chinese into Russian at the lexical and phraseological level are identified.*

KEYWORDS: *Chinese; phraseological unit; phraseology; translation theory; Chinese phraseology; Russian; political discourse; military discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Polonchuk Ruslan Andreevich, Post-graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Lecturer department of Far Eastern Languages, Military University of the Ministry of defense, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie : ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy. — M. : Akademiya, 2004. 352 s.
2. Van De. Istochniki proiskhozhdeniya voennoy frazeologii // Doklady Narodnogo universiteta Vnutrenney Mongolii : obshchestvenno-nauchnoe izdanie. 2010. № 6. 157 s.
3. Van Fey. Issledovanie kitayskikh frazeologizmov voennoy sfery. — Tsyufu : Izd-vo Ped. un-ta, 2009. 145 s.
4. Voytsekhovich I. V. Kitayskiy yazyk: obshchestvenno-politicheskiy perevod. — M. : Muravey, 2002. 325 s.

军事熟语的来源 «内蒙古民族大学学报: 社会科学版» 2010年第6期, 157页).

3. Ван Фей. Исследование китайских фразеологизмов военной сферы. — Цюфу : Изд-во Пед. ун-та, 2009. 145 с. (王菲, 汉语军事成语研究 «曲阜师范大学出版社», 2009年, 145页).
4. Войцехович И. В. Китайский язык: общественно-политический перевод. — М. : Муравей, 2002. 325 с.
5. Волкова Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 158—165.
6. Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. — М. : Восточная книга, 2013. 272 с.
7. Князева Е. Г. Экспериментальные практики перевода // Язык. Коммуникация. Перевод : военно-гуманитарный альманах / отв. ред. Н. В. Иванов. 2016. С. 323—333.
8. Курбакова С. Н., Мурог И. А. Использование приемов фонетической игры в военной рекламе (на примере англоязычных текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 111—115.
9. Курбакова С. Н., Хабаров А. А. Роль пресуппозиций в формулировании высказывания в речи (на материале китайского языка) // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 108—112.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М. : Московский лицей, 1996. 298 с.
11. Мухин М. Ю., Ян И. Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 23—31.
12. Ростовцев В. А. Теория перевода китайского языка. — М. : Военный институт, 1977. 201 с.
13. Ткачук В. В., Абдрахимов Л. Г., Радус Л. А. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь. — М. : Восточная книга, 2014. 120 с.
14. Цзюньхуэй Фэй. Анализ концептуальной метафоры в китайском политическом тексте (на материале ежегодных передовых статей газеты «Жэньминь жибао» от 1 января) // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 102—105.
15. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Восточная книга, 2013. 224 с.

9. Kurbakova S. N., Khabarov A. A. Rol' presuppozitsiy v formulirovaniy vyskazyvaniya v rechi (na materiale kitayskogo yazyka) // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 4. S. 108—112.
10. Min'yar-Beloruhev R. K. Teoriya i metody perevoda. — M. : Moskovskiy litsey, 1996. 298 s.
11. Mukhin M. Yu., Yan I. Proekt sozdaniya kitaysko-russkogo parallelnogo korpusa ofitsial'no-delovykh tekstov s dis-kursivno-strukturnoy razmetkoy // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 13. № 4. S. 23—31.
12. Rostovtsev V. A. Teoriya perevoda kitayskogo yazyka. — M. : Voennyi institut, 1977. 201 s.
13. Tkachuk V. V., Abdrakhimov L. G., Radus L. A. Voennaya tematika v kitayskikh poslovitsakh i pogovorkakh. Kitaysko-kitayskiy tematicheskiy slovar'. — M. : Vostochnaya kniga, 2014. 120 s.
14. Tszyun'khuey Fey. Analiz kontseptual'noy metafory v kitayskom politicheskom tekste (na materiale ezhegodnykh pere-dovykh statey gazety «Zhen'min' zhibao» ot 1 yanvarya) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 3 (63). S. 102—105.
15. Shchichko V. F. Kitayskiy yazyk. Teoriya i praktika perevoda. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Vostochnaya kniga, 2013. 224 s.

А. В. Раздубев
Пятигорск, Россия

З. У. Хакиева
Грозный, Россия

Т. А. Чепракова
Нальчик, Россия

АДАПТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале терминосистем сфер нанотехнологий и политологии)

АННОТАЦИЯ. Анализируются закономерности адаптации английских терминов в достаточно «молодых» и динамично развивающихся русскоязычных терминосистемах нанотехнологий и политологии. Материалом для исследования послужила сплошная выборка русско- и англоязычных терминологических единиц сфер нанотехнологий (2000 единиц) и политологии (1000 единиц), отобранных из научных статей, монографий, учебников, справочников, словарей и глоссариев. Любая лексическая единица одного языка, попадая в другой язык, не остается без изменений, а подвергается определенной адаптации. Перечисляются причины заимствования терминологических единиц из английского языка в русский в указанных сферах: экстралингвистические (активные социокультурные, экономические, научно-производственные и политические связи между Россией и англоговорящими странами, быстрый обмен социально-политической и научно-технической информацией, усиление процессов интернационализации, престижность английского языка в мире) и собственно лингвистические (потребность в номинации посредством термина нового специального объекта, процесса или явления; отсутствие в заимствующем языке готовой терминоединицы для обозначения нового понятия; языковая экономия — использование заимствованного однокомпонентного термина вместо громоздкого многокомпонентного термина в принимающем языке; стремление к устранению полисемии/омонимии). Рассматриваются различные виды адаптации: фонетическая (например, изменение согласных по твердости/мягкости), графическая (отступление от принципов транслитерации), грамматическая, семантическая (расширение/сужение значения, изменение стилистической окраски), словообразовательная (использование эквивалентных суффиксов). При заимствовании терминологические единицы обеих сфер могут подвергаться адаптации нескольких видов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термины; терминосистемы; терминология; политология; нанотехнологии; английский язык; русский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Раздубев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западно-европейских языков и культур, Институт переводоведения и многоязычия, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: arazduev@bk.ru.

Хакиева Залиха Усмановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Чеченский государственный университет; 364024, Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32; e-mail: Zalikha_Khakiyeva@mail.ru.

Чепракова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова; 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; e-mail: dissovzet2012@mail.ru.

Феномен миграции терминологических единиц из одного языка в другой неоднократно исследовался в терминоведении [Шахрай 1961; Крысин 1968; Медетова 1989; Крысин 1991; Шагалова 1996; Богословская 2003; Карапетьян 2007 и др.], теории перевода [Пронина 1986; Судовцев 1989; Бреус 2007; Анисимова 2008 и др.], в теоретической и прикладной лексикографии [Комарова 1991; Семенов 1994; Герд 1996; Герд 2005 и др.]. Общие закономерности заимствования терминоединиц достаточно хорошо изучены, однако не до конца понятным остается то, какими именно факторами определяется *интенсивность* межъязыковой миграции терминов, которая варьируется от терминосистемы к терминосистеме. Нам представляется, что одним из подобных факторов может выступать возраст конкретного корпу-

са терминов [см. также: Алимуратов и др. 2012 и др.].

В настоящей статье мы проанализируем закономерности адаптации английских терминов в достаточно «молодых» и динамично развивающихся русскоязычных терминосистемах нанотехнологий и политологии.

Нанотехнологии, имеющие дело с объектами и процессами чрезвычайно малого масштаба (10^{-9} м), — это инновационное научно-техническое направление, особенно активно развивающееся в последние несколько десятилетий [Аржанцев 2008; Абрамчук и др. 2009; Гусев 2009; Суздалев 2017 и др.]. Данный вид технологии базируется не на каком-то одиночном открытии или технологическом решении; в нанотехнологиях используется целый набор физических объектов, квантовых процессов и явлений

Публикация выполнена в рамках проектов «Терминология нанотехнологий в дискурсивном аспекте: изучение сочетаемости терминов, их вариативности и уточнение принципов стандартизации» по гранту Президента РФ (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект № 14.Z56.17.1274-МК, науч. рук. — канд. филол. наук, доц. А. В. Раздубев) и «Разработка лингвистических принципов проектирования и создание экспертной системы представления элементов научного знания на основе конструирования терминологических семантических сетей» по проектной части Гос. задания Министерства образования и науки РФ (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект № 34.3234.2017/ПЧ, науч. рук. — канд. филол. наук, проф. М. Н. Лату).

© Раздубев А. В., Хакиева З. У., Чепракова Т. А., 2018

(с учетом размерных эффектов) в качестве инструментов, методов, приемов в рамках различных, но взаимоскоррелирующих научных дисциплин и сфер жизнедеятельности человека [Фостер 2008].

В свою очередь, политология занимает особое место среди наук об обществе, так как в ее рамках решаются вопросы, которые затрагивают интересы каждого человека: проблемы геополитики, оптимизации и модернизации политического устройства, развития демократических институтов, рассматривается феномен политической власти, изучаются различные виды государственного устройства [Сирота 2009; Алимуратов, Хребина 2010] и т. д. В связи с этим проблемы политики никогда не теряли и в настоящее время не утрачивают своего значения для значительной части общества.

Материалом для исследования послужила сплошная выборка русско- и англоязычных терминологических единиц сфер нанотехнологий (2000 единиц) и политологии (1000 единиц), отобранных из научных статей, монографий, учебников, справочников, словарей и глоссариев.

Ни для кого не секрет, что языки не существуют изолированно друг от друга: языковые контакты и различного рода заимствования дают значительный толчок для развития лексических подсистем контактирующих языков. Любая лексическая единица одного языка, попадая в другой язык, не остается без изменений, а со временем подвергается определенной *адаптации* [см.: Блумфилд 1968; Хухуни 2003]. По мнению С. В. Гринева-Гриневича, данный процесс предполагает усвоение языком заимствуемой лексики путем максимального приближения ее фонетических, графических, грамматических и лексико-семантических характеристик к соответствующим нормам принимающего языка [Гринева-Гриневич 2008: 156; см. также: Крысин 1991: 74—75; Борисова 2009: 7 и др.]. Таким образом, полагаем, что можно говорить о следующих видах адаптации в русском языке англоязычных терминологических заимствований в сферах нанотехнологий и политологии: фонетическая, графическая, семантическая, грамматическая и словообразовательная адаптация. В рамках глобализационных процессов заимствования из британского и американского вариантов английского языка рассматриваются в целом как положительное явление, которое значительно облегчает межъязыковую коммуникацию в рамках международного сотрудничества [Шумайлова 2010: 118].

Начнем с краткого обзора причин заимствования терминологических единиц из ан-

глийского языка в русский в сферах нанотехнологий и политологии. Среди *экстралингвистических причин* можно назвать активные социокультурные, экономические, научно-производственные и политические связи между Россией и англоговорящими странами, быстрый обмен социально-политической и научно-технической информацией, усиление процессов интернационализации, престижность английского языка в мире (как языка-источника заимствований по сравнению с русским языком, зачастую выступающим в качестве языка-рецептора). *Лингвистические причины* заимствования включают потребность в номинации посредством термина нового специального объекта, процесса или явления; отсутствие в заимствующем языке готовой терминоединицы для обозначения нового понятия (лакунарность одного из языков) или необходимость замены существующего терминологического наименования в силу его архаичности, семантической непрозрачности или утраты семантической системности; тенденцию к языковой экономии — использованию заимствованного однокомпонентного термина вместо громоздкого многокомпонентного термина в принимающем языке; стремление к устранению в заимствующем языке полисемии/омонимии, в том числе их межотраслевых разновидностей. Среди лингвистических причин заимствования терминоединиц следует упомянуть и необходимость специализации понятий определенной профессиональной сферы для тех или иных целей; потребность в уточнении лексического значения, необходимости разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся между собой понятия (соответственно, возникает необходимость в заимствованной лексической единице, которая конкретизировала бы семантику уже существующих в русском языке терминов); невозможность использования русскоязычных терминологических элементов в качестве опорных при создании многокомпонентных терминов [Гринева 1993: 161; Крысин 1968; Брейтер 1997 и др.] и т. д.

Англоязычные термины сфер нанотехнологий и политологии проникают в русский язык и, изменяясь и адаптируясь в той или иной степени к соответствующей языковой системе, становятся ее неотъемлемой частью. Одним из значимых частных процессов является *фонетическая адаптация* англоязычных терминологических единиц к системе русского языка: в ходе данного процесса происходит замена отсутствующих в данной системе звуков на более близкие в акустическом или артикуляционном отноше-

нии. Например, изначально мягкие согласные звуки, употребляемые в определенных позициях перед гласным звуком в языке-источнике, могут становиться твердыми в русском языке: *ак[т]уатор* (*actuator*), *[к]убит* (*qubit*), *нанокап[с]ула* (*nanocapsula*); *кон[сэ]нсус* (*консенсус* — *consensus*), *бэк[бэ]нчер* (*бэкбенчер* — *backbencher*) (*заднескамеечник*) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов http; Словарь основных политологических понятий и терминов http; Словарь политических терминов http; АБВУ Lingvo Live http и др.] и т. д.

Помимо фонетических изменений, англоязычные нанотехнологические и политические термины подвергаются **графической адаптации** (тесно связанной с фонетической), в результате которой с помощью средств русского языка строится графическая оболочка заимствованного слова. Например, происходит озвончение: *адгезия* (*adhesion*), *десорбция* (*desorption*), *золь* (*sol*), *транзистор* (*transistor*), *гомозпитаксия* (*гомоепитаксия*), *гетерозпитаксия* (*heteroeptaxu*), *дизинтегратор* (*disintegrator*); *гуманизм* (*humanism*); следование словообразовательной традиции: *абляция* (*ablation*), *коагуляция* (*coagulation*), *перколяция* (*percolation*); (*политическая*) *изоляция* ((*political*) *isolation*), *изоляциянизм* (*isolationism*), *хемосорбция* (*chemisorption*); транскрибирование: *букибол* (*buckyball*), *нанодомен* (*nanodomain*), *нанодисплей* (*nanodisplay*), *анархизм* (*anarchism*), *спикер* (*speaker*), *брифинг* (*briefing*), (*политический*) *дефолт* ((*political*) *default*), *автономия* (*autonomy*), *имидж* (*image*), *бюрократия* (*bureaucracy*) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов http; Словарь основных политологических понятий и терминов http; Словарь политических терминов http и др.] и т. д. Как видим, фонетическая и графическая адаптация практически в равной степени свойственна обеим рассматриваемым сферам.

Активное взаимодействие языков приводит к образованию *терминов-интернационализмов*, которые имеют греческое (например, в политической сфере: *демократия* / англ. *democracy* / исп. *democracia*; *демагог* / англ. *demagogue* / исп. *demagogo*; *гегемония* / англ. *hegemony* / исп. *hegemonía*; *политика* / англ. *politics* / исп. *política*) или латинское происхождение (например, *конституция* / англ. *constitution* / исп. *constitución*; *электорат* / англ. *electorate* / исп. *electorado*; *легитимность* / англ. *legitimacy* / исп. *legitimidad*; *референдум* / англ. *referendum* / исп. *referéndum* / *referendo*; *республика* / англ. *republic* /

исп. *república*; *вето* / англ. *veto* / исп. *veto*) или построены на основе греко-латинских элементов, например, префиксов *амби-*, *анти-*, *де-*, *нано-*, *супер-* (*супра-*) и др.: *антимколониализм* / англ. *anti-colonialism* / исп. *anti-colonialismo*; *дегуманизация* / англ. *dehumanization* / исп. *deshumanización*; *амбигель* / англ. *ambigel* / исп. *ambigel*; *наноробот* / англ. *nanorobot* / исп. *nanorobot*; *нанокристалл* / англ. *nanocrystal* / исп. *nanocristal*; *супермолекула* / англ. *supermolecule* / исп. *supermolécula* [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов http; Nanodic.com http; Словарь политических терминов http; Словарь основных политологических понятий и терминов http; АБВУ Lingvo Live http и др.] и т. д. Среди преобладающих в количественном плане заимствованных аффиксальных терминов-элементов в сфере нанотехнологий необходимо отметить префикс *нано-* (*нано-*), который также является системообразующим.

Очевидно, что английский и русский языки не являются близкородственными, что подтверждается различиями в их структуре и грамматике. Соответственно, **грамматическая адаптация** — это утрата или приобретение иностранным словом (в нашем случае — заимствованным термином) различных грамматических категорий и парадигм, характерных для слов соответствующей части речи заимствующего (русского) языка. Так, например, нанотехнологические термины *таргетинг* (*targeting*), *импринтинг* (*imprinting*), политические термины *митинг* (*meeting*), *брифинг* (*briefing*) при вхождении в лексико-грамматическую систему русского языка приобрели грамматическую категорию мужского рода, которой не было у английских существительных, а также всю парадигму склонения существительных мужского рода.

Следует отметить, что данные термины в русском языке являются скорее *непроизводными* (концовка *-инг* пока еще не оформилась в качестве суффикса), т. е. заимствуются целиком, несмотря на тот факт, что в английском языке они являются суффиксатами (*target* + *-ing* / *im-* + *print* + *-ing* / *meet* + *-ing* / *brief* + *-ing*).

Несколько более сложным и многоэтапным процессом является **семантическая адаптация** англоязычных терминов сфер нанотехнологий и политологии, при которой семантика иноязычного слова меняется при их попадании в иноязычную лингвокультурную среду [см.: Алимуратов 2008; Лату 2010 и др.]. При заимствовании термина происходит его проникновение в принимающий язык и последующая дифференциация значения на фоне существующих синонимичных ему

исконных единиц (при их наличии). Параллельно с этим наблюдаются различные семантические сдвиги, проявляющиеся в расширении или сужении значения, изменения стилистической окраски заимствованных терминологических единиц [Крысин 1991: 74—75; Юхмина 2009]. Например, такой политический термин, как «омбудсмен» (*ombudsman*), ведущий свою историю с 1950-х гг., когда он был заимствован из шведского языка в английский («законный представитель»), имеет следующие значения в англоязычном дискурсе: «*an official appointed to investigate individuals' complaints against a company or organization, especially a public authority; (the Ombudsman) informal term for Parliamentary Commissioner for Administration (Oxford dictionary) [Ombudsman. English Oxford Living Dictionaries http]* (должностное лицо, назначенное расследовать жалобы граждан на действия компании или организации, особенно органов государственной власти; неформальный термин, обозначающий парламентского уполномоченного по административным делам (в Великобритании)). Приведем значение из другого толкового словаря английского языка: *The ombudsman is an independent official who has been appointed to investigate complaints that people make against the government or public organizations (Collins dictionary) (Омбудсмен — независимое должностное лицо, назначенное расследовать жалобы, которые люди высказывают против правительства или общественных организаций) [Ombudsman. Collins English Dictionary http]*. В рамках русского языка мы встречаем не только подобную дефиницию: «*в некоторых государствах должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц*», но и адаптацию семантики к русскоязычной действительности: «*В Российской Федерации эти функции возложены на уполномоченного по правам человека, назначаемого Государственной думой*» [Санжаревский 2010; Коновалов 2010].

Политический термин *impeachment* в английском языке имеет несколько более широкую семантику, чем *импичмент* в русском языке: в ряде стран, в частности в США, Великобритании, Японии, он обозначает процедуру привлечения к ответственности и возможного отстранения от должности и судебного преследования высших должностных лиц государства, а также сомнение, недоверие; оспаривание; умаление, пренебрежение, недооценку [Impeachment. Cambridge Dictionary http; Impeachment. Dictionary.com

http; Словарь политических терминов http и др.]. При заимствовании в русский язык с конца XX в. произошло сужение значения до наименования процедуры привлечения к ответственности высших должностных лиц государства, в частности, президента, губернаторов [Импичмент. Энциклопедия Кругосвет http]. В соответствии со статьей 93 Конституции РФ отрешение от должности президента возможно только в случае совершения им государственной измены или тяжкого преступления, при этом решение должно быть принято Советом Федерации в трехмесячный срок на основании выдвинутого Государственной думой и подтвержденного заключением Верховного суда РФ обвинения [Статья 93 Конституции РФ http].

В рамках нанотехнологий в связи с их научно-технической спецификой при заимствовании не наблюдается настолько сильной семантической адаптации, однако в дефинициях англоязычных и русскоязычных терминов все же возникают некоторые различия. В частности, приведем для сравнения дефиниции терминов *nanorobot* и *наноробот*: *A computer-controlled robotic device constructed of nanometer-scale components to molecular precision, usually microscopic in size (often abbreviated as «nanobot»)* [Nanodic.com http] (Контролируемый компьютером робот, собранный из наноразмерных компонентов с молекулярной точностью, обычно микроскопического размера (обычно сокращается до «нанобот»)). *Наноробот (нанобот). Роботы, созданные из наноматериалов и размером сопоставимые с молекулой (менее 10 нм), обладающие функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ* [Арсланов 2009: 180]. *Нанобот (наноробот). Программно управляемое наноразмерное устройство, созданное посредством молекулярной технологии и обладающее достаточной автономностью* [Арсланов 2009: 156—157]. В приведенных научных определениях есть как общие (например, то, что это тип наноразмерного робота, способного исполнять определенные компьютерные программы), так и различные семы (например, автономность, способность передавать информацию и т. д.).

Производные термины-заимствования связаны еще с одним видом адаптации — **словообразовательной адаптацией**, которая предполагает не только перенос конкретных способов и моделей терминологической адаптации из английского языка как языка-источника в русский язык, при котором происходит изменение морфологической и семантической структуры уже существующих в языке-реципиенте специальных лексем под влия-

нием аналогичных процессов в языке-источнике, но и последующее морфологическое и семантическое приспособление заимствованного термина к новым условиям его функционирования [Ипполитова 2003; Ваганова 2005; Юхмина 2009 и др.]. В частности, в том, что касается словообразовательной адаптации имен существительных и некоторых других частей речи при заимствовании терминов, наблюдается передача английских аффиксов (суффиксов) соответствующими русскими словообразовательными формантами, например, суффикс *-tion / -sion / -су* передается как *-(а/я)ция / -ия*; суффикс *-or / -er / -yst* как *-ор / -атор; -ing* в некоторых случаях как *-ование / -ия* и т. д.: *адгез-ия* (< *adhesion*), *анод-ир-ова-ние* (< *anodising / anodizing*), *агломер-ация* (< *agglomeration*), *коагул-ация* (< *coagulation*), *крио-конденсация* (< *cryococondensation*), *био-инженер-ия* (< *bioengineering*), *нано-катализ-атор* (< *nanocatalyst*), *хиральн-ость* (< *chirality*), *хроматограф-ия* (< *chromatography*), *дисперс-ность* (< *dispersity / dispersion*), *эллипсо-метр-ия* (< *ellipsometry*), *нано-био-техн-олог-ия* (< *nanobiotechnology*), *нано-фармако-лог-ия* (< *nanopharmacology*), *нано-тверд-ость* (< *nanohardness*), *нано-пол-яр-из-атор* (< *nanopolarizer*), *амфифиль-ный* (< *amphiphilic*), *нано-структур-ир-ова-нный* (< *nanostuctured*); *консолид-ация* (< *consolidation*), *диверс-ифик-ация* (< *diversification*), *дикт-ат-ура* (< *dictatorship*); адаптированы в соответствии со словообразовательной традицией также термины *эскалация (конфликта)* ((*conflict*) *escalation*), *инаугурация* (*inauguration*) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [http; Nanodic.com](http://Nanodic.com) [http; Словарь основных политологических понятий и терминов](http://Словарь основных политологических понятий и терминов) [http; Разбор слова по составу](http://Разбор слова по составу) [http; Карта слов и выражений русского языка](http://Карта слов и выражений русского языка) [http; ABBY Lingvo Live](http://ABBY Lingvo Live) [http и др.; ср.: Алимурадов и др. 2015; Лату 2015](http://Алимурадов и др. 2015; Лату 2015)] и т. д. Следует отметить тот факт, что при образовании нанотехнологических и политических терминов основными словообразовательными функциями в обоих рассматриваемых языках являются номинативная (называние специального объекта, процесса или явления), конструктивная (построение, изменение и усложнение морфолого-синтаксической структуры терминов) и компресивная (сокращение, аббревиация, основанные на принципе речевой экономии). При этом эмоционально-экспрессивная функция не свойственна терминам. Словообразовательная адаптация является одним из самых активных процессов приспособления англоязычной терминологии к русскому языку в сферах нанотехнологий и политологии.

Кроме заимствований, переданных посредством транскрипции/транслитерации, таких как *амбигель* (*ambigel*), *био칩* (*biochip*), *кантилевер* (*cantilever*), *нанокластер* (*nanocluster*), *дендример* (*dendrimer*), *фонон* (*phonon*), *олигомер* (*oligomer*), *плазмон* (*plasmon*), *сурфактант* (*surfactant*), *темплат* (*template*), *препрег* (*pregreg*); *саммит* (*summit*), *брифинг* (*briefing*), *дефолт* (*default*), *бойкот* (*boycott*), *блокада* (*blockade*), *спикер* (*speaker*), *консенсус* (*consensus*), *электорат* (*electorate*), *импичмент* (*impeachment*) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [http; Nanodic.com](http://Nanodic.com) [http; Словарь политических терминов](http://Словарь политических терминов) [http; ABBY Lingvo Live](http://ABBY Lingvo Live) [http; Словарь основных политологических понятий и терминов](http://Словарь основных политологических понятий и терминов) [http и др.](http://и др.)] и т. д., в терминологической выборке наличествуют производные заимствования — *полные* и *частичные кальки*, подразумевающие замену иноязычных морфем и целых слов и словосочетаний на аналогичные из русского языка. Приведем примеры калькированных единиц из обеих рассматриваемых сфер: *волновод* (*waveguide*), *атлас износа* (*wear atlas*), *карта износа* (*wear map*), *самосборка* (*self-assembly*), *полупроводник* (*semiconductor*), *quantum chemistry* (*квантовая химия*), *квантовая точка* (*quantum dot*), *квантовая яма* (*quantum well*), *квантовая проволока* (*quantum wire*), *наноразмерный объект* (*nanoscale object*); *белый дом* (*white house*), *электронное правительство* (*electronic government*), *электронное управление* (*electronic management*), *заднескамеечник* (*backbencher*) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [http; Nanodic.com](http://Nanodic.com) [http; Словарь политических терминов](http://Словарь политических терминов) [http; ABBY Lingvo Live](http://ABBY Lingvo Live) [http; Словарь основных политологических понятий и терминов](http://Словарь основных политологических понятий и терминов) [http и др.](http://и др.)] и т. д.

К производным заимствованным единицам мы также относим аббревиатуры [см.: Алимурадов, Шлепкина 2010], которые являются весьма частотными в сфере нанотехнологий. При этом инициальные аббревиатуры при заимствовании могут переводиться или транскрибироваться / транслитерироваться (в случае с акронимами), например: *(метод) БЭТ* < *(метод) Брунауэра, Эммета и Тейлора* (*BET (method)* < *Brunauer, Emmet and Teller (method)*), *ДНК-зонд* (*DNA probe*), *ДНК-(микро)чип* (*DNA chip*), *РНК-интерференция* < *RNA interference*, *МАЛДИ* < *масс-спектрометрия с лазерной десорбцией и ионизацией* (*MALDI < laser desorbition/ionization mass spectrometry*), *МЭМС* < *микроэлектромеханические системы* (*MEMS < microelectromechanical systems*), *НЭМС* <

нанозлектромеханические системы (NEMS < *nanoelectromechanical systems*), СТМ < сканирующая туннельная микроскопия / сканирующий туннельный микроскоп (STM < *Scanning Tunneling Microscopy / Scanning Tunneling Microscope*); выражаться другим типом сокращения или сложносокращенным термином: углепластик — CFRP (*carbon fibre reinforced plastics*); расшифровываться: бактериохлорофилл — BChl (*bacteriochlorophyll*), хлорофилл — Chl (*chlorophyll*), полевой транзистор — FET (*field-effect transistor*) (возможны варианты: JFET; MESFET; MOSFET; HEMT; MODFET; FREDFET; ISFET; DNAFET; ChemFET; HFET); оставаться в изначальном варианте написания без перевода, т. е. не адаптироваться к русскому языку, например: (метод) ВЈН < *Barrett-Joyner-Halenda (method)*, (метод) CVD < *chemical vapour deposition (method)* (метод химического осаждения из паровой фазы), (метод) PVD < *physical vapour deposition (method)* (метод вакуумного напыления), (метод) ALD < *atomic layer deposition (method)* (метод атомно-слоевого осаждения) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [http; Nanodic.com](http://Nanodic.com) [http; ABYY Lingvo Live](http://ABYY.Lingvo.Live) [http](http://)] и т. д.

Следует отметить, что адаптация англоязычных нанотехнологических и политических терминов в русском языке может происходить не полностью, по особым моделям терминологической номинации, по пути варваризации, когда в русскоязычном тексте остается англоязычное сокращение или аббревиатура, в том числе с цифровой информацией, например: CVD-метод, CVD-процесс, CVD-технология, PECVD-технология, PVD-метод, PVD-технология, ALD-метод; 0D-наноматериал (0D *nanomaterial*), 1D-наноматериал (1D *nanomaterial*), 2D-наноматериал (2D *nanomaterial*), 3D-наноматериал (3D *nanomaterial*), 3D-наноструктура (3D *nanostructure*), 3D-биопринтер (3D *bioprinter*), 3D биопринтинг (3D *bioprinting*); e-правительство (e-*government*), e-управление (e-*governance / e-management*) (e- = *electronic* — электронный) [Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [http; Nanodic.com](http://Nanodic.com) [http; Бестолкова 2017](http://Бестолкова.2017) и др.] и т. д.

Термины-эпонимы адаптируются по трем разным моделям, одна из которых предполагает транскрибирование/транслитерирование имени собственного и в грамматическом плане использование родительного падежа у термиозлемента — имени собственного (например, барьер Эрлиха — Швобеля — *Ehrlich-Schwoebel barrier*, линза Френеля — *Fresnel lens*, механизм роста Франка — *Van der Merwe* — *Frank-van der Merve growth*

mode); другая — транскрибирование/транслитерирование имени собственного в составе термина (например, Фурье-спектрокопия — *Fourier-transformed spectroscopy*, электронная Оже-спектрокопия — *Auger electron spectroscopy*); в третьем случае помимо транскрибирования/транслитерирования происходит также словообразовательная адаптация (например, вандерваальс-овы силы — *Van der Waals forces*, вандерваальсов радиус — *Van der Waals radius*, ферстеров-ский перенос энергии — *Förster resonance energy transfer*, джозефсон-ов-ский переход — *Josephson junction*). Таким образом, в плане терминологических заимствований в сферах нанотехнологий и политологии встречаются частично адаптированные единицы, представляющие собой термины в русском языке, у которых сохраняются иноязычные вкрапления в виде термиозэлементов — сокращений и аббревиатур. Адаптация терминов-эпонимов предполагает главным образом использование транскрипции/транслитерации, в некоторых случаях в сочетании с элементами грамматической и словообразовательной адаптации.

Заимствование англоязычных нанотехнологических и политических терминов русским языком — это сложный и многоэтапный процесс, при котором наш язык не пассивно усваивает иноязычные единицы, а изменяет, адаптирует их под свою систему, изменяя их отдельные свойства. Самыми важными признаками адаптации англоязычного термина в русском языке являются фонетико-графические изменения, семантические сдвиги (сужение или расширение значения), приобретение грамматических свойств, а также словообразовательной активности данного термина. Зачастую при заимствовании терминологические единицы проходят несколько видов адаптации. Несмотря на нерядоположенность сфер нанотехнологий и политологии, в ходе работы были выявлены не только различия (например, больший объем и несколько большее разнообразие типов заимствований из английского языка в сфере нанотехнологий по сравнению со сферой политологии), но и некоторые общие черты (например, присутствие в обеих рассматриваемых сферах терминологических единиц, адаптированных сходным образом в фонетическом, графическом, словообразовательном планах). Среди перспектив исследования необходимо отметить выявление типов и степени адаптации нанотехнологических и политических терминов в русском языке, в том числе на основе проведения свободного ассоциативного эксперимента с разновозрастными группами респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А. Кластерная теория референции и семантика имен: краткие заметки на полях // *Филология и человек*. 2008. № 1. С. 42—50.
2. Алимуратов О. А., Кожеватова Д. С., Раздубев А. В. Некоторые структурно-словообразовательные модели англоязычной юридической терминологии // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2015. № 4 (20). С. 44—55.
3. Алимуратов О. А., Лату М. Н., Раздубев А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) // *Международный журнал экспериментального образования*. 2012. № 2. С. 86—88.
4. Алимуратов О. А., Хребина С. В. Политическая компонента постиндустриального общества // *Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та*. 2010. № 4. С. 320—321.
5. Алимуратов О. А., Шлепкина М. А. Инновационные лексические процессы в системе стереотипных конструкций современного англоязычного делового дискурса: аббревиация и сокращение // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2010. № 1-1 (5). С. 20—29.
6. Алисинова А. Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. — М.: Университетская книга, 2008. 240 с.
7. Арсланов В. В. Толковый англо-русский словарь по нанотехнологии. — М., 2009. 261 с.
8. Белая книга по нанотехнологиям: исследования в области наночастиц, наноструктур и нанокompозитов в Российской Федерации: по материалам Первого Всерос. совещания ученых, инженеров и производителей в области нанотехнологий / сост. В. И. Аржанцев [и др.]. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 344 с.
9. Бестолкова Г. В. Государственные электронные услуги: виды и особенности // *Государственное управление: электрон. вестн.* 2017. № 65. С. 23—44.
10. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. 608 с.
11. Богословская В. Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: на материале спортивной лексики английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003. 201 с.
12. Борисова О. С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятии носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Кемерово, 2009. 25 с.
13. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. — Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. 155 с.
14. Бреус Е. В. Курс перевода с английского языка на русский. — М., 2007. 320 с.
15. Ваганова Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX — начала XXI века в современном русском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Н. Новгород, 2005. 280 с.
16. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологией слов). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 69 с.
17. Герд А. С. Прикладная лингвистика. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 266 с.
18. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Моск. лицей, 1993. 304 с.
19. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издат. центр «Академия», 2008. 304 с.
20. Гусев А. И. Наноматериалы, наноструктуры, нанотехнологии. Изд. 2-е, испр. — М.: Физматлит, 2009. 416 с.
21. Импишмент. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/impiachment> (дата обращения: 01.09.2018).
22. Ипполитова Л. В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имен существительных с суффиксом -ёр): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2003. 260 с.
23. Кабанова И. Н. Основы лексикологии английского языка для студентов V курса заочного отделения. Изд. 2-е, доп. — Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. 168 с.
24. Карапетян А. Э. Заимствование терминов и понятий танца как разновидность деривации // *Науч. журн. КубГАУ*. 2007. № 31 (7). С. 4—5.
25. Карта слов и выражений русского языка. Kartaslov.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 01.09.2018).
26. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.
27. Коновалов В. Н. Политология: словарь. — М.: РГУ, 2010. 290 с.
28. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968. 208 с.
29. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // *Русский язык в школе*. 1991. № 2. С. 74—78.
30. Лату М. Н. Информационные блоки и характер системных связей в определениях политических терминов // *Политическая лингвистика*. 2017. № 5 (65). С. 100—104.
31. Лату М. Н. К вопросу об объеме репрезентации когнитивных знаний в структуре семантики лексических единиц в динамике их развития // *Когнитивные исследования языка*. 2010. № 6. С. 318—321.
32. Лату М. Н. Особенности возникновения и функционирования однокомпонентных и многокомпонентных терминов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 1-1 (43). С. 104—108.
33. Медетова М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке (на материале терминологии спортивных игр) // *Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция*. — Алма-Ата, 1989. С. 84—89.
34. Нанотехнологии. Азбука для всех / Н. С. Абрамчук [и др.]; под ред. Ю. Д. Третьякова. — М.: Физматлит, 2009. 368 с.
35. Пронина Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы. — М.: Высшая школа, 1986. 175 с.
36. Разбор слова по составу [Электронный ресурс]. URL: <http://morphemeonline.ru> (дата обращения: 01.09.2018).
37. Санжаревский И. И. Политическая наука: словарь-справочник. — М.: Политология: РГУ, 2010. 745 с.
38. Семенов А. П. Проблемы формирования и лексикографического описания терминологии новейших предметных областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994. 16 с.
39. Сирота Н. М. Политология. — СПб.: НОУР, 2009. 113 с.
40. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.rusnano.com/> (дата обращения: 01.09.2018).
41. Словарь основных политологических понятий и терминов [Электронный ресурс]. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html (дата обращения: 01.09.2018).
42. Словарь политических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit-slovar.ru> (дата обращения: 01.09.2018).
43. Статья 93 Конституции РФ [Электронный ресурс] // Конституция РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-4/st-93-krf> (дата обращения: 01.09.2018).
44. Судовцев В. А. Научно-техническая информация и перевод: пособие по английскому языку. — М.: Высшая школа, 1989. 231 с.
45. Суздалев И. П. Нанотехнология: физико-химия нанокластеров, наноструктур и наноматериалов. № 25. Изд. стер. — М.: URSS, 2017. 592 с.
46. Фостер Л. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности. Мир материалов и технологий. — М.: Техносфера, 2008. 352 с.
47. Хухуни Г. Т., Валуцьева И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. — М.: Прометей, 2003. 170 с.
48. Шагалова Е. Н. Новейшие заимствования: терминология спорта // *Лексикология, лексикография, грамматика*. — СПб., 1996. С. 138—148.
49. Шахрай О. Б. К проблемам классификации заимствованной лексики // *Русский язык*. 1961. № 2. С. 53—58.
50. Шумайлова М. С. Причины заимствования англоамериканских терминов и их ассимиляция в немецкой терминологии Интернета // *Омский науч. вестн.* 2010. № 5(91). С. 118—121.
51. Юхмина Е. А. Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Челябинск, 2009. 237 с.
52. ABBYY Lingvo Live [Electronic resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (date of access: 01.09.2018).

53. Impeachment. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/impeachment> (date of access: 01.09.2018).

54. Impeachment. Dictionary.com [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/impeachment> (date of access: 01.09.2018).

55. Nanodic.com. All about nano [Electronic resource]. URL: <http://nanodic.com/> (date of access: 01.09.2018).

56. Ombudsman. Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ombudsman> (date of access: 01.09.2018).

57. Ombudsman. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ombudsman> (date of access: 01.09.2018).

A. V. Razduyev
Pyatigorsk, Russia

Z. U. Khakieva
Grozny, Russia

T. A. Cherpakova
Nalchik, Russia

ADAPTATION OF ENGLISH TERMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF TERM SYSTEMS OF NANOTECHNOLOGIES AND POLITICAL SCIENCE)

ABSTRACT. *The article describes patterns of adaptation of English terms by the relatively “new” and quickly developing term systems of nanotechnologies and political science in the Russian language. The material for this research is built of continuous sampling of Russian and English terms belonging to the spheres of nanotechnologies (2000 terms) and political science (1000 terms) found in scientific papers, monographs, textbooks, reference guides, dictionaries and glossaries. Any lexical unit of a language when borrowed by another language is adapted to the target language in a certain way. The causes of borrowing of terms from English into Russian are listed: extralinguistic causes (active socio-cultural, economic, scientific and political relations between Russian and the English-speaking world, quick exchange of socio-political and scientific and technological information, processes of internationalization, prestige of English in the world) and linguistic causes (the need for special term for a new object, process or phenomenon; the absence of a necessary term for a new concept in the language; language economy - the use of the borrowed one-word term instead of a phrase in the native language; the need for elimination of polysemy or homonymy). Different types of adaptation are described: phonetic (soft/hard consonants transfer), graphic (violation of transliteration principles), grammatical, semantic (broadening/narrowing of meaning, change of stylistic coloring), word-formation (the use of equivalent suffixes). Terms of both spheres may undergo adaptation of several types.*

KEYWORDS: *terms; term system; terminology; political science; nanotechnologies; English; Russian.*

ABOUT THE AUTHORS: *Razduyev Alexey Valerievich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of West European Languages and Cultures, Institute of Translation Studies and Multilingualism, Senior Research Officer of Scientific Educational Centre “Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguo-cognitive Technologies”, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

Khakieva Zalikha Usmanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, Chechen State University, Grozny, Russia.

Cherpakova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

REFERENCES

1. Alimuradov O. A. Klaster'naya teoriya referentsii i semantika imen: kratkie zametki na polyakh // *Filologiya i chelovek*. 2008. № 1. S. 42—50.
2. Alimuradov O. A., Kozhevato D. S., Razduev A. V. Nekotorye strukturno-slovoobrazovatel'nye modeli angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2015. № 4 (20). S. 44—55.
3. Alimuradov O. A., Latu M. N., Razduev A. V. Osobennosti struktury i funktsionirovaniya otraslevykh terminosistem (na primere terminosistem nanotekhnologii) // *Mezhdunar. zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2012. № 2. S. 86—88.
4. Alimuradov O. A., Khrebina S. V. Politicheskaya komponenta postindustrial'nogo obshchestva // *Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta*. 2010. № 4. S. 320—321.
5. Alimuradov O. A., Shlepkin M. A. Innovatsionnye leksicheskie protsessy v sisteme stereotipnykh konstruksiy sovremen-nogo angloyazychnogo delovogo diskursa: abbreviatsiya i sokras-hchenie // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2010. № 1-1 (5). S. 20—29.
6. Anisimova A. G. Teoriya i praktika perevoda terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk. — M.: Universitetskaya kniga, 2008. 240 s.
7. Arslanov V. V. Tolkovyy anglo-russkiy slovar' po nano-tekhnologii. — M., 2009. 261 s.
8. Belaya kniga po nanotekhnologiyam: issledovaniya v oblasti nanochastits, nanostruktur i nanokompozitov v Rossiyskoy Federatsii: po materialam Pervogo Vseros. soveshaniya uchenykh, inzhenerov i proizvoditeley v oblasti nanotekhnologii / sost. V. I. Arzhantsev [i dr.]. — M.: Izd-vo LKI, 2008. 344 s.
9. Bestolkova G. V. Gosudarstvennye elektronnye uslugi: vidy i osobennosti // *Gosudarstvennoe upravlenie: elektron. vestn.* 2017. № 65. S. 23—44.

10. Blumfeld L. *Yazyk*. — M.: Progress, 1968. 608 s.
11. Bogoslovskaya V. R. Strukturno-semanticheskaya i funktsional'naya adaptatsiya zaimstvovaniy: na materiale sportivnoy leksiki angliyskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2003. 201 s.
12. Borisova O. S. Adaptatsiya inoyazychnoy leksiki v sisteme yazyka i vospriyatii nositeley: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. — Kemerovo, 2009. 25 s.
13. Breyter M. A. Anglitsizm v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov. — Vladivostok: Dialog-MGU, 1997. 155 s.
14. Breus E. V. Kurs perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy. — M., 2007. 320 s.
15. Vaganova N. V. Sovremennye zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka: semantiko-slovoobrazovatel'nyy aspekt (na materiale anglitsizmov kontsa XX — nachala XXI veka v sovremen-nom russkom yazyke): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. — N. Novgorod, 2005. 280 s.
16. Gerd A. S. Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii (kak rabotat' nad terminologiyey slov). — L.: Izd-vo LGU, 1986. 69 s.
17. Gerd A. S. *Prikladnaya lingvistika*. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 266 s.
18. Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie*. — M.: Mosk. litsey, 1993. 304 s.
19. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy*. — M.: Izdat. tsentr «Akademiya», 2008. 304 s.
20. Gusev A. I. *Nanomaterialy, nanostruktury, nanotekhnologii*. Izd. 2-e, ispr. — M.: Fizmatlit, 2009. 416 s.
21. Impichment. *Entsiklopediya Krugosvet* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/im-pichment> (data obrashcheniya: 01.09.2018).

22. Ippolitova L. V. Slovoobrazovatel'naya adaptatsiya zaimstvovannoy leksiki i problema zaimstvovaniya morfem (na materiale imen sushchestvitel'nykh s suffiksom -er) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — M., 2003. 260 s.
23. Kabanova I. N. Osnovy leksikologii angliyskogo yazyka dlya studentov V kursa zaonchnogo otdeleniya. Izd. 2-e, dop. — N. Novgorod : FGBOU VPO «NGLU», 2013. 168 s.
24. Karapet'yan A. E. Zaimstvovanie terminov i ponyatiy tantsa kak raznovidnost' derivatsii // Nauch. zhurn. KubGAU. 2007. № 31 (7). S. 4—5.
25. Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka. Kartaslov.ru [Elektronnyy resurs]. URL: <https://kartaslov.ru/> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
26. Komarova Z. I. Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1991. 156 s.
27. Kononov V. N. Politologiya : slovar'. — M. : RGU, 2010. 290 s.
28. Krysina L. P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. — M. : Nauka, 1968. 208 s.
29. Krysina L. P. Etapy osvoeniya inoyazychnogo slova // Russkiy yazyk v shkole. 1991. № 2. S. 74—78.
30. Latu M. N. Informatsionnye bloki i kharakter sistemnykh svyazey v opredeleniyakh politicheskikh terminov // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 100—104.
31. Latu M. N. K voprosu ob ob'eme reprezentatsii kognitivnykh znaniy v strukture semantiki leksicheskikh edinits v dinamike ikh razvitiya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2010. № 6. S. 318—321.
32. Latu M. N. Osobennosti vozniknoveniya i funktsionirovaniya odnokomponentnykh i mnogokomponentnykh terminov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 1-1 (43). S. 104—108.
33. Medetova M. E. Inoyazychnye zaimstvovaniya v russkom yazyke (na materiale terminologii sportivnykh igr) // Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie yazykov i interferentsiya. — Alma-Ata, 1989. S. 84—89.
34. Nanotekhnologii. Azbuka dlya vsekh / N. S. Abramchuk [i dr.] ; pod red. Yu. D. Tret'yakova. — M. : Fizmatlit, 2009. 368 s.
35. Pronina R. F. Perevod angliyskoy nauchno-tehnicheskoy literatury. — M. : Vysshaya shkola, 1986. 175 s.
36. Razbor slova po sostavu [Elektronnyy resurs]. URL: <http://morphemeonline.ru> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
37. Sanzharevskiy I. I. Politicheskaya nauka : slovar'-spravochnik. — M. : Politologiya : RGU, 2010. 745 s.
38. Semenov A. P. Problemy formirovaniya i leksikograficheskogo opisaniya terminologii noveyshikh predmetnykh oblastey : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1994. 16 s.
39. Sirota N. M. Politologiya. — SPb. : NOUR, 2009. 113 s.
40. Slovar' nanotekhnologicheskikh i svyazannykh s nanotekhnologiyami terminov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://thesaurus.rusnano.com/> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
41. Slovar' osnovnykh politologicheskikh ponyatiy i terminov [Elektronnyy resurs]. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html (data obrashcheniya: 01.09.2018).
42. Slovar' politicheskikh terminov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.polit-slovar.ru> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
43. Stat'ya 93 Konstitutsii RF [Elektronnyy resurs] // Konstitutsiya RF. Poslednyaya deystvuyushchaya redaktsiya s Kommentariyami. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-4/st-93-krf> (data obrashcheniya: 01.09.2018).
44. Sudovtsev V. A. Nauchno-tehnicheskaya informatsiya i perevod : posobie po angliyskomu yazyku. — M. : Vysshaya shkola, 1989. 231 s.
45. Suzdalev I. P. Nanotekhnologiya: fiziko-khimiya nanoklas-terov, nanostruktur i nanomaterialov. № 25. Izd. ster. — M. : URSS, 2017. 592 s.
46. Foster L. Nanotekhnologii. Nauka, innovatsii i vozmozhnosti. Mir materialov i tekhnologiy. — M. : Tekhnosfera, 2008. 352 s.
47. Khukhuni G. T., Valuytseva I. I. Mezkul'turnaya adaptatsiya khudozhestvennogo teksta. — M. : Prometey, 2003. 170 s.
48. Shagalova E. N. Noveyshie zaimstvovaniya: terminologiya sporta // Leksikologiya, leksikografiya, grammatika. — SPb., 1996. S. 138—148.
49. Shakhrai O. B. K problemam klassifikatsii zaimstvovannoy leksiki // Russkiy yazyk. 1961. № 2. S. 53—58.
50. Shumaylova M. S. Prichiny zaimstvovaniya anglo-amerikanskikh terminov i ikh assimilyatsiya v nemetskoy terminologii Interneta // Omskiy nauch. vestn. 2010. № 5(91). S. 118—121.
51. Yukhmina E. A. Adaptatsiya angloyazychnykh kompyuternykh terminov k leksicheskoy sisteme russkogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. — Chelyabinsk, 2009. 237 s.
52. ABBYY Lingvo Live [Electronic resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (date of access: 01.09.2018).
53. Impeachment. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionaries.com/browse/impeachment> (date of access: 01.09.2018).
54. Impeachment. Dictionary.com [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionaries.com/browse/impeachment> (date of access: 01.09.2018).
55. Nanodic.com. All about nano [Electronic resource]. URL: <http://nanodic.com/> (date of access: 01.09.2018).
56. Ombudsman. Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ombudsman> (date of access: 01.09.2018).
57. Ombudsman. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ombudsman> (date of access: 01.09.2018).

Л. А. Шашок
Москва, Россия

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА
(на материале работ отечественных лингвистов)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу характерных особенностей военного дискурса. На основе работ отечественных лингвистов выявляются основные компоненты, характеризующие военный дискурс как отдельную категорию. Выделяются составляющие военного дискурса, отражающие речевую организацию картины мира военнослужащих. Описываются критерии формирования военного дискурса. Выделяются присущие военному дискурсу характеристики. Выявляются институциональные характеристики, влияющие на формирование военного дискурса в вооруженных силах как отдельной социальной группе. Рассматриваются статусно-ролевые характеристики личности военнослужащих. Анализируется соотношение статусного и личностного компонентов военного дискурса. Выделяется ряд жанров военного дискурса, предлагается их классификация. Описываются компоненты военного дискурса с междискурсивным статусом. Рассматривается присутствие элементов военного дискурса в научной, технической и информационной сферах, а также в художественной литературе и публицике. Выявляются центральные и периферийные жанры в рамках профессиональной коммуникации военнослужащих. Анализируются различные линии коммуникативного взаимодействия в рамках военного дискурса. Рассматривается возможность интегрального взаимодействия военного дискурса с другими типами институционального дискурса. Анализируется функциональное предназначение текстов военной сферы. Обосновывается необходимость дальнейших исследований, направленных на выявление характерных структурных особенностей военного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военный дискурс; военные тексты; вооруженные силы; военнослужащие; структурные особенности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шашок Лариса Александровна, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва; 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6; e-mail: Larishashok@yandex.ru.

На протяжении истории человечества армия являлась одним из главных социальных институтов для большинства государств. Развязывание вооруженных конфликтов, захват территорий, уступки и перемирия — все события, происходящие на том или ином театре военных действий, предполагают использование определенных коммуникативных стратегий в рамках языка, специфика которого продиктована особенностью армейской социальной группы.

Текущая геополитическая ситуация, для которой характерны постоянно сменяющиеся друг друга военные конфликты, способствует усилению присутствия в современных реалиях так называемой дуалистической милитаристской модели бытия, которая понимается как пребывание общества в постоянной борьбе, противопоставленной короткому периоду неконфликтного состояния [Олянич 2004: 121]. Следовательно, постоянное присутствие милитаристских реалий в повседневности определяет актуальность исследования понятия «военный дискурс» и выявления его характерных структурных особенностей.

Военный дискурс (далее — ВД) представляет собой «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотнесенность с речевой милитарной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической милитарной хронотопностью; интенциональностью; целостностью

используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [Уланов 2014: 31].

Специфику ВД обуславливает принадлежность его субъектов к отдельному социальному институту. Здесь следует вспомнить одну из наиболее известных типологий дискурса, предложенную В. И. Карасиком [Карасик 2002: 56]. В ней автор предлагает подразделять дискурс на *личный* и *институциональный* в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения. Институциональный тип дискурса, таким образом, включает в себя политический, военный, дипломатический, юридический, административный, религиозный и др.

Рассмотрим также перечень характерных критериев, на основе которых, по мнению В. И. Карасика, формируются типы институционального дискурса. К их числу относятся такие составляющие, как участники, цели, хронотоп, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [Карасик 2000: 6—7]. Перечисленные компоненты целиком находят отражение в ВД, что мы проиллюстрировали в таблице 1.

Таблица 1. Критерии формирования военного дискурса

Компонент	Военный дискурс
Участники	Сотрудники военных и силовых ведомств всех должностей и званий
Хронотоп	Закрытые и открытые совещания военных ведомств; воинские части; военные базы; армейские коллективы и др.
Цели	Выполнение поставленных задач, в том числе осуществление военных действий и одержание победы над противником
Ценности	Апелляция к качествам, необходимым для ведения войны: дисциплинированность, дальновидность, уважение старших по званию (субординация), соблюдение воинских традиций, честь, мужество, отвага
Стратегии	Стратегия презентации
Тематика	Военный конфликт, принципы и тактики ведения войны, субординация (взаимоотношения «начальник — подчиненный»)
Разновидности и жанры	Приказы, распоряжения, постановления, указания, директивы, рекомендации и др.
Прецедентные тексты	Уставные документы, а также документы, регламентирующие прохождение военной службы
Дискуссионные формы	«Сухой» язык, в котором преобладают клише и уставные формулировки, общепринятые команды и др.

Характерными особенностями вооруженных сил как отдельного социального института являются четкая вертикаль, а именно субординация всех органов военных ведомств и личного состава, а также авторитарность, действие в рамках жесткого регламента, централизация руководства и ответственность должностных лиц. Отсюда следует, что для ВД как инструмента доведения больших объемов информации, а также постановки четких целей и задач в условиях постоянно меняющейся обстановки характерны такие черты, как императивность, четкость и логичность излагаемой мысли, стандартизированные прототипические модели построения текста и коммуникативная напряженность.

Рассматривая жанры ВД, следует отметить, что отечественными учеными предлагаются различные классификации. Так, анализируя функциональное предназначение текстов военной сферы, Г. М. Стрелковский выделяет две основные разновидности: тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил (уставы, приказы, распоряжения, донесения, сводки и др.), и тексты информационного содержания (военно-научные, военно-технические, военно-информационные и военно-публицистические) [Стрелковский 1979: 21]. Первая группа военных текстов относится к формальному регистру, что, согласно таксономии, предполагает упорядоченную структуру текста, активное использование терминов, клише, низкую контекстуальность, отсутствие эмотивности и оценочности. Данные качества, характерные для «формального» военного дискурса, в очередной раз указывают на его институциональность.

Особый интерес среди текстов данной группы вызывают военные документы. Так,

Ю. Ю. Дуброва выделяет ряд особенностей данного жанра ВД: продуцент текста военного документа абстрагирован, в то время как адресат, напротив, всегда четко определен — это связано с тем, что права и обязанности военнослужащего подчиняются четкой регламентации. Для военных документов также характерна высокая степень стандартизации, информационной насыщенности и компрессивности информации, среди которой преобладают факты. Также для данной категории текстов характерна эксплицитность и пониженная контекстуальность информации. Вместе с тем исследователь указывает на высокую степень интертекстуальности и низкую степень интердискурсивности военных документов [Дуброва 2015: 13].

Не все специалисты готовы согласиться с отнесением текстов информационного содержания к собственно военному дискурсу, так как они затрагивают научную, техническую и информационную сферы. Однако мы полагаем, что рассмотрение относящихся к данным областям реалий происходит в текстах информационного содержания строго в контексте военной тематики, а следовательно, они имеют прямое отношение к военному дискурсу.

Наряду с текстами, относящимися к формальному и неформальному дискурсу, выделяются так называемые тексты с промежуточным, «междискурсивным статусом». Так, Т. С. Юсупова выносит в отдельную группу военно-художественную литературу, военную публицистику и военно-политические материалы [Юсупова 2009: 1056]. Таким образом, мы можем отметить, что ВД содержит в себе интегральные составляющие, которые, несмотря на жесткий характер применяемой системы, позволяют ему про-

являть гибкость и взаимодействовать с другими типами институционального дискурса.

Представляется целесообразным разделение жанров военного дискурса на два типа: те, что составляют «ядро» профессиональной коммуникации военнослужащих, и периферийные жанры, в которых наблюдается переход от статусно ориентированного к личностно ориентированному общению. В первом случае субъект военного дискурса выступает как представитель определенного социального института, действующий в рамках регламентированных статусно-ролевых отношений. При этом Е. И. Шейгал отмечает, что в рамках общественно-институциональной коммуникации могут быть представлены две линии взаимодействия: «институт — общество» и «общество — институт» [Шейгал 2004: 265].

В рамках указанных линий взаимодействия коммуникация по линии «*военный институт — общество*» может быть осуществлена через жанры, которые представляют различные обезличенные «высказывания институтам» (к ним мы относим принятую в государстве военную доктрину, законодательные инициативы военного института), а также через высказывания отдельных представителей военного института (публичные выступления руководителей военного ведомства по ключевым вопросам военной политики государства).

Коммуникация по линии «*общество — военный институт*» может быть реализована через жанры, функционирующие в массмедийном пространстве. Стоит отметить, что именно через СМИ (прессу, радио, телевидение и Интернет) общество вступает в разговор, дискуссию, а в некоторых случаях и в полемику с военным институтом. Тем самым оно выражает свою субъективную оценку деятельности, проводимой военной организацией государства. Сюда же целесообразно отнести такое направление, как взаимодействие различных общественных объединений и организаций с военным институтом, которое воплощается в следующих жанрах: заявления, призывы, обращения, совместно проводимые акции.

На основе проведенного анализа работ отечественных лингвистов представляется возможным утверждать, что происходит и коммуникация по линии «*гражданин — военный институт*», которая может осуществляться через жанр военной присяги и письменные обращения конкретных граждан в органы военного управления — самостоятельно или через СМИ.

Как отмечает В. И. Карасик в своей работе, «для каждого вида институционально-

го дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [Карасик 2000: 8]. Нельзя сказать, что доля личностного компонента в военном дискурсе велика, но его жанры могут функционировать в сфере не только статусно ориентированного, но и личностно ориентированного общения.

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что специфику ВД обусловливает принадлежность его субъектов к военному социальному институту. Характерные критерии, формирующие типы институционального дискурса, в полной мере реализуемы и для ВД. Для военного дискурса характерны императивность, четкость и логичность излагаемой мысли, стандартизированные прототипические модели построения текста и коммуникативная напряженность. К жанрам ВД целесообразно относить тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил, и тексты информационного содержания.

Таким образом, представляется возможным отметить, что ВД содержит в себе интегральные составляющие, которые, несмотря на жесткий характер применяемой системы, позволяют ему проявлять гибкость и взаимодействовать с другими типами институционального дискурса. Проведенное исследование показывает актуальность дальнейшего изучения понятия «военный дискурс», а также выявления его характерных структурных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балканов И. В. Теория и практика военной лексикографии первой половины XX века (на материале англо-русских военных словарей) // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 124—128.
2. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М. : Военный ун-т, 2009. 56 с.
3. Дуброва Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Дуброва Юлия Юрьевна. — М., 2015. 24 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. 216 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. 331 с.
6. Лупанова Е. В. Образность фразеологических единиц в языковой картине мира представителей англо-американской военной субкультуры // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 100—104.
7. Олянич А. В. Презентационные стратегии в военнополитическом дискурсе // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. 2003—2004. Вып. 3. 256 с.
8. Романов А. С. Эпидейктический жанр тоста как языковое средство экспликации этнических стереотипов армейского языкового коллектива США // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 217—221.
9. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры : моногр. — М. : Военный ун-т, 2017. 231 с. ISBN 978-5-600-01942-3.

10. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. — М. : Воениздат, 1979. 272 с.
11. Уланов А. В. Региональные особенности русского военного дискурса XIX — начала XX веков // Омск. науч. вестн. 2014. № 3 (129). С. 115—118.
12. Уланов А. В. Элементы деловой речи в русском военном дискурсе XIX — начала XX веков // История регионального текста: жанр, стиль, язык : моногр. — Омск : Вариант — Омск, 2012. С. 25—37.

L. A. Shashok
Moscow, Russia

**PECULIARITIES OF MILITARY DISCOURSE
(ON THE BASIS OF LINGUISTIC RESEARCH DONE BY RUSSIAN SCHOLARS)**

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the key features of military discourse. Based on the works of domestic linguists, the article identifies the main components that characterize military discourse as a separate category. The components of military discourse that reflect the speech organization of the servicemen are highlighted. Criteria for the formation of military discourse are described. The characteristics of military discourse are distinguished. Institutional characteristics that influence the formation of military discourse in the armed forces as a separate social group are identified. Status-role characteristics of the personality of servicemen are considered. The connection between the status and personality components of military discourse is analyzed. A number of military discourse genres and their classification are highlighted. The components of military discourse with an interdiscourse status are described. The presence of elements of military discourse in the scientific, technical and information fields, as well as in fiction and journalism, is considered. The central and peripheral genres are identified within the framework of professional communication of military personnel. Various lines of communicative interaction in the framework of military discourse are analyzed. The possibility of integrating military discourse with other types of institutional discourse is considered. The functional purpose of the texts of the military sphere is analyzed. The necessity of further studies aimed at identifying specific structural features of military discourse is substantiated.*

KEYWORDS: *military discourse; military texts; army; servicemen; structural features.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shashok Larisa Aleksandrovna, Post-graduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Balkanov I. V. Teoriya i praktika voennoy leksikografii pervoy poloviny XX veka (na materiale anglo-russkikh voennykh slovarey) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4. S. 124—128.
2. Boyko B. L. Osnovy teorii sotsial'no-gruppovykh dialektov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — М. : Voen-nyy un-t, 2009. 56 s.
3. Dubrova Yu. Yu. Strukturno-soderzhatel'naya spetsifika mnogokomponentnykh terminov v voennom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Dubrova Yuliya Yur'evna. — М., 2015. 24 s.
4. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyĭ i personal'nyĭ diskurs : sb. nauch. tr. — Volgograd, 2000. 216 s.
5. Karasik V. I. Yazykovoĭ krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002. 331 s.
6. Lupanova E. V. Obraznost' frazeologicheskikh edinitv v yazykovoy kartine mira predstaviteley anglo-amerikanskoĭ voennoy subkul'tury // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 100—104.
7. Olyanich A. V. Prezentatsionnye strategii v voenno-politicheskom diskurse // Vestn. VolGU. Ser. 2. 2003—2004. Vyp. 3. 256 s.

13. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция : дис. ... д-ра филол. наук. — Омск, 2014. 494 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 325 с.
15. Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 1055—1057.

8. Romanov A. S. Epideykticheskiy zhanr tosta kak yazykovoe sredstvo eksplikatsii etnicheskikh stereotipov armeyskogo yazykovogo kollektiva SShA // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 217—221.
9. Romanov A. S. Etnicheskie stereotipy armeyskoy subkul'turnoy sredy SShA v znakakh yazyka i kul'tury : monogr. — М. : Voenny un-t, 2017. 231 s. ISBN 978-5-600-01942-3.
10. Strelkovskii G. M. Teoriya i praktika voennogo perevoda: nemetskii yazyk. — М. : Voenizdat, 1979. 272 s.
11. Ulanov A. V. Regional'nye osobennosti russkogo voennogo diskursa XIX — nachala XX vekov // Омск. науч. вестн. 2014. № 3 (129). S. 115—118.
12. Ulanov A. V. Elementy delovoy rechi v russkom voennom diskurse XIX — nachala XX vekov // Istoriya regional'nogo teksta: zhanr, stil', yazyk : monogr. — Омск : Variant — Омск, 2012. S. 25—37.
13. Ulanov A. V. Russkii voennyĭ diskurs XIX — nachala XX veka: struktura, spetsifika, evolyutsiya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Омск, 2014. 494 s.
14. Sheĭgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М. : Gnozis, 2004. 325 s.
15. Yusupova T. S. Strukturnye osobennosti voennogo diskursa // Izv. Samar. nauch. tsentra Ros. akad. nauk. 2009. Т. 11. Vyp. 4. S. 1055—1057.

Е. Н. Шилова
Екатеринбург, Россия

ТЕАТРАЛЬНЫЕ И ТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА ПОЛИТИЗАЦИИ В ПЬЕСЕ КЭРИЛ ЧЕРЧИЛЛ «ЭТО СТУЛЬ»

АННОТАЦИЯ. Под политической пьесой в творчестве известного британского драматурга Кэрил Черчилл часто понимается произведение, являющееся реакцией автора на острую проблему, некое общественное потрясение. Однако художественное своеобразие драмы «Это стул» К. Черчилл заключается в другом. Пьеса достаточно абстрактно проблематизирует отсутствие обоснованной позиции по важным политическим вопросам у среднего человека. Произведение состоит из ряда сцен-эпизодов с трудноуловимыми микросюжетами, которые не связаны друг с другом. Восприятие драмы строится на контрасте между заявленной в заголовках сцен политической проблематикой и отсутствием у героев малейшей заинтересованности в политике. Весомый вклад в оформление послания Черчилл вносит «эллиптический» характер драмы, языковое решение произведения. Реплики, которыми обмениваются персонажи, редко представляют собой предложения, в них не присутствует необходимая для понимания синтаксическая полнота. Герои общаются либо фрагментами фраз, либо неполными предложениями, что в соответствии с замыслом драматурга осложняет восприятие сюжета пьесы. Как правило, чем большую политическую направленность приобретает беседа действующих лиц, тем обрывочнее становятся реплики. Сумбурное представление обывателей о событиях, происходящих за пределами их уютного мирка, метафорически выражается в неполноте, недостаточности используемых средств языкового общения. Художественная манера, разработанная автором в пьесе «Это стул», является некомфортной для общества, бросает ему интеллектуальный вызов. Элементы, берущие начало в брехтовской драматической школе (монтаж и принцип очуждения), аскетичное языковое решение произведения, наиболее вероятно, призваны препятствовать возникновению чувства эмпатии, эмоциональной вовлеченности аудитории в перипетии сюжета. «Очуждение» от происходящих в драме событий настолько велико, что буквально требует от зрителя самостоятельного аналитического восприятия постановки. Поход в театр превращается из рекреационного мероприятия в совместную работу драматурга, режиссера, актерской труппы и зрителя по приданию происходящему на сцене смысла. Значимость зрителя как члена общества, то есть потенциально активного политического субъекта, особенно подчеркивает беспрецедентная лаконичность последнего эпизода пьесы «Это стул», состоящего только из собственного названия. Аудитория словно получает приглашение поучаствовать в написании сценария истории страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая драматургия; политическое самосознание; эллиптичность; языковой аскетизм; британская драматургия; британские драматурги; пьесы; литературное творчество.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шилова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 368; e-mail: enshilova2012@yandex.ru.

Кэрил Черчилл (род. 1938) на сегодняшний день является одним из самых титулованных и известных драматургов Великобритании: писатель стала многократным обладателем престижных международных премий, в том числе и премии Оби за выдающийся вклад в искусство (Obie Sustained Achievement Award, 2001). Премьеры Черчилл вот уже несколько десятилетий пользуются неизменным успехом в главном экспериментальном театре Великобритании «Ройял Корт» (the Royal Court Theatre). С 2010 г. имя автора занимает почетное место в Зале славы Американского театра (American Theater Hall of Fame). Сегодня о театральных постановках по пьесам драматурга пишут британские и американские издания, среди них — «The Daily Mail», «The Guardian», «The New York Times» и «Washington Post».

Начавшись еще в студенческие годы, карьера Черчилл является одной из самых продолжительных и успешных в современной британской драматургии. Удивительно, но творчество драматурга так или иначе соприкасалось практически со всеми традициями и тенденциями, освоенными английским театром во второй половине XX и первое десятилетие XXI в.: пьесам Черчилл не чуж-

ды политические (в том числе социалистические), исторические, феминистские мотивы, черты эпического театра, постмодернистской экспериментальной драмы и так называемой «постдрамы».

Неоспоримо актуальными для многих пьес драматурга являются политические мотивы (как современные, так и исторические). Параметры «статус-кво», против которых выступает К. Черчилл как «политический» драматург, самые разнообразные: государственные механизмы подавления личности, распределение капитала и владение собственностью, гендерная политика, положение человека в глобальном мире, война и общественные потрясения. Следствием этого является достаточно большое количество определений, которыми критики атрибутируют творчество автора: Черчилл называют политическим, феминистским, социалистическим, брехтовским драматургом и писателем, «готовым к сотрудничеству», коллаборационистом (collaborative playwright).

В театре Кэрил Черчилл под политической пьесой часто понимается произведение, являющееся творческим ответом автора на острую проблему, некое общественное потрясение. Так, революция 1989 г. в Румынии стала толчком для создания пьесы

«Безумный лес» (*Mad Forest*, 1990), произведение «Там вдали» (*Far Away*, 2000) связано с военным конфликтом в Боснии, а в драме «Семь еврейских детей» (*Seven Jewish Children*, 2009) речь идет о вооруженном противостоянии на Ближнем Востоке. Однако, как выдающийся художник, Черчилл решает идеологические задачи своего театра в высшей степени оригинально — в политических произведениях автора доминантой является не тематика, а экспериментальная драматическая форма. Это позволяет драматургу разнообразно выстраивать взаимодействие художественной реальности и жизненных фактов, а также налаживать интеллектуальную «обратную связь» с аудиторией.

Огромное влияние на политический театр Британии 1980—1990-х гг. оказывали творческие изобретения и театральные находки Б. Брехта [Брехт 2004; Brecht, Willett 1964]. К. Черчилл можно справедливо отнести к «брехтианским» драматургам, однако ее политическая драматургия не ограничивается влиянием одной традиции, но динамично развивается, предлагая собственные формы. Одним из любимых приемов Черчилл, позаимствованным еще театром Брехта у искусства кино, является «монтажность» драмы. Характер монтажа в творчестве Кэрил Черчилл меняется от пьесы к пьесе и реализует, по нашему мнению, важную цель. Высокая степень монтажности придает актуальным политическим пьесам драматурга дополнительную остроту и оставляет театральному режиссеру удивительно много пространства для маневров, делая каждую постановку уникальной.

Важную художественную роль играет монтаж, в частности, в драме К. Черчилл «Это стул» (*This Is A Chair*, 1997). Пьеса фокусируется не на конкретном политическом событии, а на абстрактной проблеме из сферы политики: на противоречивости восприятия важных мировых событий обывательским сознанием. Произведение характеризует важный этап в эволюции Черчилл как писателя. Об этом, в частности, пишут И. Эстон и Э. Даймонд в предисловии к книге, посвященной творчеству автора: «Для Черчилл насущным политическим театральным вопросом стала трансформация личности в демократическом русле при отсутствии какой-либо идеологической базы, позволяющей бросить вызов статус-кво. <...> Черчилл обращается к так называемым стратегиям не-идентификации с образом жизни, диктуемым усиливающим свои позиции транснациональным капитализмом. <...> Она настойчиво выводит на сцену пугающие, ужасающие и вредные характеристики

современного мира, несущегося к экономическому и экологическому процветанию <...> и состоянию постоянного глобального ужаса» [Aston, Diamond 2009: 6].

Существенным для этой стратегии переоценки ценностей моментом является необходимость решить, какие события заслуживают внимания каждого отдельно взятого человека, ведь в повседневной жизни часто не считается нужным сформировать четкое представление о политической картине мира и состоянии дел, но мелким личным заботам придается гигантское значение.

Произведение с нестандартным названием «Это стул» призвано, на наш взгляд, выполнить нелегкую задачу — помочь «человеку с улицы» соотнести каждодневные тривиальные тревоги и волнения с событиями более крупного масштаба, которые определяют вектор развития мирового сообщества. По справедливому замечанию обозревателя лондонского театра «Кэмден Фриндж», «„Это стул“ заставит вас оглянуться и озадачиться размышлениями по поводу того, являетесь ли вы участником жизни или нет» [The Camden Fringe Press Release <http://>]. Такая направленность произведения невольно вызывает ассоциации с лозунгом феминисток 1970—1980-х гг. «Личное есть политическое» («The personal is political»). Кэрил Черчилл в течение нескольких десятилетий плодотворной деятельности не раз обращалась к проблемам женщин в современном обществе и была «флагманом» феминистского театра в Великобритании последней четверти XX в., но в работе «Это стул» феминистская тематика почти не затрагивается.

Суть пьесы (о сюжете в данном случае вряд ли можно говорить: степень монтажности произведения крайне высока) никоим образом не связана со стулом как предметом мебели. Более того, первоначально читателя может несколько сбить с толку обложка официального издания, на которой крупным планом изображена курительная трубка. Ситуация проясняется только при обращении к метатекстовому полю, существующему вокруг произведения (см. рис. 1).

Фактически умело выполненное изображение трубки оказывается известной картиной бельгийского сюрреалиста Рене Магритта, входящей в серию работ художника «Вероломство образов». Этой картине с изображением трубки и аккуратно прорисованной противоречивой подписью «Это не трубка» (рис. 2) посвящено одноименное философское эссе французского философа, мыслителя и историка идей Мишеля Фуко (1973). Важно подчеркнуть, что данная отсылка к трудам М. Фуко к настоящему моменту яв-

ляется для творчества К. Черчилл последней. До этого обращение к литературному наследию философа представлялось если не частотным, то знаковым для как минимум двух пьес Черчилл: «Нежные копы» (описание способов полицейского контроля и наказаний преступников в книге Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы») и «Полный рот птиц» (именно Фуко открывает, переводит, снабжает предисловием мемуары гермафродита Абея Барбен, одного из значимых персонажей произведения). Возможно, финальной на сегодняшний день апелляцией к знаковой фигуре постмодернизма драматург обозначает некое подведение итогов собственной постмодернистской линии в драматургии.

Эссе Фуко «Это не трубка» раскрывает многое из того, что делает картину Магритта шедевром. Так, изображение трубки и противоречащая изображению подпись являются эмблемой для важных проблем последней трети XX в. — соотношения чувственно воспринимаемого и действительности, наджности языка как посредника в общении, соотношения между сутью вещей и словом с его грамматическими характеристиками и фонетической формой. Философ делится важным наблюдением относительно «вдвойне парадоксального текста»: «Слова, которые я теперь хочу прочесть под рисунком, сами являются нарисованными словами — изображения слов, которые художник поместил вне трубки, но внутри общего (и, впрочем, неопределимого) периметра своего рисунка. Из каллиграфического прошлого <...> слова сохранили свою принадлежность рисунку и свое состояние нарисованной вещи: так, что я вынужден читать их как накладывающиеся сами на себя; это слова, рисующие слова же; они образуют на поверхности изображе-

ния отсветов фразы, говорящей, что это не трубка. Текст в изображении» [Фуко <http>].

Глядя на картину, зритель может безостановочно задаваться вопросами: является ли изображение текста текстом или его знаком? Является ли изображение трубки трубкой или знаком, отсылающим нас к слову «трубка»? Как соотносится слово «трубка» и реальный предмет? — и т. д. Ясно одно: «Магритт называет свои картины (почти как та анонимная рука, что сопроводила трубку высказыванием „Это не трубка“) из уважения к именованию. Но в этом расколоте и сдвинутом пространстве завязываются странные отношения: там происходят вторжения, внезапные разрушительные набеги, падения образов в гущу слов, вербальные вспышки, бороздящие рисунки и заставляющие их разлетаться вдребезги» [Там же]. Как в итоге соотносится картина Магритта и драматическое произведение Кэрил Черчилл?

Взаимосвязь, существующая между этими двумя произведениями искусства, не является прямолинейной. Американский литературовед Л. Уорпел приводит в одной из статей любопытное наблюдение Э. Х. Критцер, признанного специалиста в области современного театра: «Критцер полагает, что название „Это стул“ призвано подчеркнуть, что стул как предмет не представляет для пьесы интереса. „Chair“ скорее относится к значению лексемы „согласие заниматься определенным кругом вопросов и, в более широком смысле, выполнение функций лидера“ <...> Это важно при дискуссионном противопоставлении личного и политического. Черчилл обыгрывает базовое представление о стуле и политическую ассоциацию, размывая границу между двумя мирами» [Worpel 2010: 380].

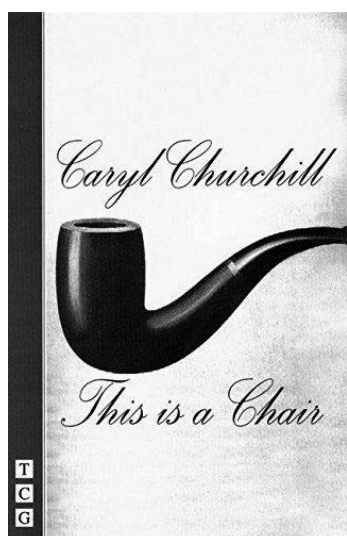

Рис. 1

Рис. 2

Таким образом, пьесу драматурга и картину сюрреалиста объединяет, к примеру, тот факт, что название каждой сцены драматического произведения противоречит сути происходящего на сцене. Однако если у Магритта название картины вступало с изображением в отношения антагонизма, то действие пьесы «Это стул» не соотносится с названиями эпизодов вообще: так, первая сцена носит название «Война в Боснии», но перед зрителями появляется девушка, которая опрометчиво назначила свидание молодому человеку, забыв, что в это же самое время должна идти на концерт; второй эпизод называется «Порнография и цензура», но на сцене появляются только родители, которые уговорами и угрозами пытаются заставить дочь съесть обед. Практически независимо от названия «каждая сцена словно „транслирует“ какую-то непривлекательную черту человеческой натуры» [Ibid: 377].

Последняя же часть пьесы под названием «Влияние капитализма на бывший Советский Союз» начисто лишена и микросюжета, и персонажей, и, соответственно, действия — зрительская аудитория слышит (или видит проецируемым на экран) лишь название.

Пытливый ум зрителя или критика при желании мог бы установить логические или метафорические связи между названием эпизода и его действием. «Возможно, при должном усердии мы могли бы провести аналогию между войной в Боснии и событиями в этом эпизоде <...>, но более вероятно намеренная непоследовательность, а не идеологический подтекст» [Jernigan 2004: 32—33], — комментирует Д. Джерниган. С нашей точки зрения, пьеса действительно достаточно абстрактно проблематизирует соотношение личного и политического в жизни обывателя, «пропасть между насильем и злом „там вдали“ и защищенным, хоть и не лишенным волнений, „здесь“» [Aston, Diamond 2009: 6—7]. Каждый из заголовков сцен представляет собой артикулированный глобальный вопрос, но по ходу действия спектакля герои заняты привычными и обыденными задачами: ходят на свидания, готовятся ко сну, ссорятся, собираются пройти медицинское обследование. Вызов брошен и эпистемологическим основам зрительского восприятия, привычным способам получения и обработки информации (традиционно название картины предполагает некоторое объяснение предмета изображения, название сцены — краткое изложение темы или хода действия и т. п.). «Просмотр пьесы вызывает навязчивое ощущение городского отчуждения, увлеченности самим собой и напряжением, аккумулирующимся в пред-

дверии нового тысячелетия», — полагает театральный критик Ч. Спенсер [Spencer 1997 http].

При всей своей абстрактной политико-эпистемологической направленности произведение задействует монтаж и принцип «очуждения» несколько не меньше, чем политические пьесы автора, созданные «для конкретного случая». В частности, заголовки каждой из сцен, в соответствии с указаниями драматурга в предисловии к тексту, в брехтовской манере должны объявляться актером или быть ясно спроецированы на экран. Прием может оказывать двоякое действие на аудиторию. Во-первых, такое решение способно воодушевить зрителя и заставить почувствовать желание сделать что-то для решения обозначенных в заголовках проблем. Или все это может быть воспринято как попытка навязать обсуждение политических вопросов. Подобный эффект имеет ретрансляция последствий катастроф в программах новостей. Слишком подробное освещение разрушительных событий, которое преследует современного человека, часто переполняет чашу терпения аудитории и заставляет воспринимать плохие новости отчужденно. Точно так же и заголовки могут потерять для зрителей всякое значение.

Наверное, наиболее доступный для анализа случай противопоставления глобальных политических коллизий и мелких каждодневных интересов, а также их непропорциональной роли в жизни среднестатистического человека представлен в эпизоде с интригующим названием «Генная инженерия». О модификации генов в этой сцене речь предсказуемо не идет, но потенциально в сцене присутствует какой-то вооруженный конфликт, разворачивающийся прямо за окнами помещения, где разговаривают герои (орфография и пунктуация автора сохранены):

Эрик и Мэдди собираются идти спать.

Мэдди. Что это было? Неужели бомба взорвалась, но скорее всего

Эрик. нет скорее всего

Мэдди. больше похоже на обрушение здания или какой-то конструкции

Эрик. снос

Мэдди. какого-то здания <...>

Эрик. Ну что ж, уже почти половина двенадцатого.

Мэдди. Я иду спать [Churchill 2009: 56—57].

Очевидно, персонажи по ходу действия эпизода менее чем за минуту «спускаются» с обсуждения политических вопросов до уровня беседы о домашних «ритуалах»: «Хотя они и отказываются от этой идеи

[о взрыве. — *Е. Ш.*] и приходят к выводу, что, должно быть, произошло что-то другое, удивляет тот факт, что они могут просто пойти спать. Естественнее было бы выказать больший интерес и обеспокоенность. Это может обличать характерную для человечества тенденцию принимать крупные проблемы за незначительные. Процесс подготовки персонажей ко сну и обсуждение принятия ванны может быть одним из способов, изобретенных драматургом, для того, чтобы „разбудить“ тех, кто спит, окруженный гигантскими проблемами» [Worpel 2010: 377].

При анализе пьесы важно учитывать, что повседневные заботы, которые практически безраздельно властвуют над сознанием персонажей, далеко не всегда приносят героям ощущение безмятежности и спокойствия. Люди в пьесе взволнованы, обижены или ссорятся. В ряде сцен присутствуют самодеструктивные мотивы (например, в эпизоде с молодой женщиной, которой во время медицинских процедур предстоит проглотить зонд и которая рассуждает, не проще ли будет на время проведения процедуры обеспечить себе анестезию с помощью наркотиков; прием наркотиков также становится темой одной из частей, в которой два брата угрожали молодому человеку своей сестры (и, возможно, убили его). «Все это предполагает, что тела персонажей получают плохое питание, им наносится вред, их отравляют. В метафорическом плане описанное можно интерпретировать так: слишком большая концентрация на себе самом может стать вредной для нас и для нашей жизни, которая не получает больше социальной и политической подпитки», — отмечает И. Эстон [Aston 2001: 112—113].

Добавим, что несоответствие масштаба обсуждаемой проблемы и места, которое отводится ей в жизни персонажей, подчеркнуто драматургом с помощью некой «условности общения» героев. Эллиптические конструкции, обрывки фраз, из которых состоит беседа Эрика и Мэдди о том, что же могло потревожить их мирную жизнь, позволяют зрителю или читателю получить лишь примерное представление о природе догадок персонажей и их аргументов. В противоположность вышесказанному, когда речь заходит о необходимости принять ванну, о деталях этого ритуала, предложения в первый раз в данной сцене становятся полными и ясными — персонажи как будто бы осуществляют переход из сумрачной и опасной области большой политики в ту сферу, где предсказуемость будущего оказывает приятный успокаивающий эффект, который приходится разделять и зрителям.

Эта же условность общения создается драматургом и в другой сцене, носящей название «Гонконг» и описывающей ссору двух молодых людей, предположительно нетрадиционной сексуальной ориентации, которые состоят в близких отношениях. И снова присутствует лишь намек на причину достаточно бурного выяснения отношений — все высказывания синтаксически неполны (и степень этой неполноты нарастает по мере того, как увеличивается эмоциональный накал сцены), не являясь, по существу, предложениями:

Том. Как ты мог так поступить ты лгал мне да нет я не хочу слушать

Лео. забавно мне все равно мне все равно что ты

Том. вполне достаточно

Лео. а ты, я полагаю, никогда не?

Том. почему бы нам просто почему бы нам просто подожди минуту

Лео. терпеть этого не могу не могу [Churchill 2009: 49].

Произведение «Это стул» занимает в печатных изданиях не более 15 страниц, но смело и широко задействует потенциал кинематографической монтажности драматического произведения, который открыл и описал Б. Брехт. Нельзя с уверенностью сказать, как меняется локализация действия в каждой сцене, но состав персонажей обновляется всякий раз — практически в любом эпизоде пьесы на сцену выходят персонажи, еще неизвестные зрителям, и разыгрывают совершенно самостоятельные микросюжеты. Последние, как уже отмечалось выше, находятся в противоречивых отношениях с заголовком сцены, который объявляется вслух или проецируется на экран. Большую степень дезинтеграции эпизодов сложно представить. Фрагментарная организация действия произведения, как и экспериментальное языковое решение некоторых сцен, а также небольшой объем произведения в целом (тем более отдельных эпизодов), на наш взгляд, позволяют вполне справедливо охарактеризовать данное произведение Черчилл как «эллиптическую политическую пьесу» [Aston 2009: 158].

Монтажность и «игровое» сюжетное решение в произведении «Это стул» создают сложности для идентификации зрителя с героями, не дают в полной мере сочувствовать происходящему. Д. Ребеллато усматривает в применении монтажа возможность для осуществления метатеатральной рефлексии Черчилл-драматурга: «Пьеса „Это стул“ с ее крошечными домашними драмами и претенциозными названиями сцен созда-

вала ощущение политической сублимации, так как разум и чувства зрителя пытались связать одно с другим. Пьеса как таковая также являлась рефлексией на тему неспособности театра прямо обращаться к политическим темам» [Rebellato 2009: 176].

Степень смысловой незавершенности пьесы иногда доходит до абсурдного — последний эпизод «Влияние капитализма на бывший Советский Союз» состоит только из названия и знаменует окончание театрального представления. Исследователь Л. Уорпел предлагает вероятную интерпретацию необычной концовки. Ученый считает, что роль голоса в произведении заслуживает особого внимания. Черчилл, по мысли исследователя, напоминает обществу о наличии у него собственного «голоса» тем, что не наделяет репликами некоторых персонажей (таких, как Мюриэл, девочка, которую родители в одной из сцен пьесы пытаются заставить съесть обед). Подобным образом, лишив последнюю сцену диалога в принципе, автор словно оставляет пространство для самостоятельного политического высказывания аудитории.

Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что именно эпизод с тихой, но непокорной Мюриэл разыгрывается на сцене теми же актерами дважды. Меняется только название анализируемой части пьесы: «Порнография и цензура» в первый раз и «Процесс заключения перемирия с Северной Ирландией» — во второй. Когда речь идет об анализе одного из образцов абстрактного политического искусства, сложно утверждать что-либо с уверенностью, но, по нашему мнению, двукратное воспроизведение этого фрагмента может обозначать стремление драматурга подчеркнуть символический характер действия, происходящего на сцене, и помешать педантичному зрителю установить прямые связи между заголовками эпизода и микросюжетом.

«Обоюдоострый» характер политической пьесы был акцентирован рядом режиссеров-постановщиков с помощью особого пространственного решения театрального помещения. Так, во время постановки пьесы в Нью-Йоркском театре актеры разыгрывали спектакль на специальном помосте, сооруженном над партером, а аудитория располагалась на стульях на сцене, и в конце представления именно зрителям доставались овации актеров. «Эта постановка „задом наперед“ предполагала наличие связи между „сценической“ жизнью зрителей и повседневными проблемами, которые разыгрывались в каждой сцене — жизнью, которая, как в театре, так и вне его стен, находится в со-

вершенно другой реальности по отношению к окружающим нас глобальным конфликтам и проблемам», — делает интересный вывод И. Эстон [Aston 2001: 112].

Постдраматический театр и, в частности, театр Кэрил Черчилл, чье позднее творчество вполне можно отнести к постдраматической сфере, продолжают перерабатывать и выводить на новый уровень брехтианские идеи. «Очуждение» от происходящего на сцене настолько велико, что буквально *требуем* от зрителя самостоятельного аналитического восприятия постановки. Поход в театр превращается из рекреационного мероприятия в совместную работу драматурга, режиссера, актерской труппы и зрителя по приданию происходящему на сцене смысла. Вместе с тем именно формально-стилистический аскетизм и монтаж позволяют поставить сразу несколько глобальных вопросов перед современным обществом. «Редукция структуры пьес Черчилл, кажется, укрупняет проблематику драмы», — делится своими наблюдениями критик Э. Диксон [Dickson 2015 [http](http://)].

Весомый вклад в оформление политического послания драматурга вносит «эллиптический» характер драмы, языковое решение произведения. Реплики, которыми обмениваются персонажи, редко представляют собой предложения, в них не присутствует необходимая для понимания синтаксическая полнота. Герои общаются либо обрывками фраз, либо неполными предложениями, в соответствии с замыслом драматурга осложняя восприятие микросюжетов пьесы. Как правило, чем большую политическую направленность приобретает беседа действующих лиц, тем обрывочнее становятся реплики. Сумбурное представление обывателей о событиях, происходящих за пределами их уютного мирка, метафорически выражается в неполноте, недостаточности используемых средств языкового общения.

Художественная манера, разработанная автором в пьесе «Это стул», является некомфортной для общества, бросает ему интеллектуальный вызов. Элементы, берущие начало в брехтианской драматической школе (монтаж и принцип очуждения), аскетичное языковое решение драмы, наиболее вероятно, призваны препятствовать возникновению чувства эмпатии, эмоциональной вовлеченности аудитории в перипетии сюжета. Значимость зрителя как члена общества, т. е. потенциально активного политического субъекта, особенно подчеркивает беспрецедентная лаконичность последнего эпизода пьесы «Это стул» — аудитория словно получает приглашение участвовать в написании книги истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брехт Б. Собр. избр. соч. В 2 т. Т. 1. — М.: Логос-Альтера, 2004. 224 с.
2. Доценко Е. Г. Этика, политика и лингвистика в пьесах Тома Стоппарда о коммунистическом тоталитаризме // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 145—150.
3. Фуко М. Это не трубка [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php.
4. Aston E. Caryl Churchill. Writers and Their Work. — London: Horthcote House in association with the British Council, 2001. P. 112—113.
5. Aston E. On Collaboration // The Cambridge Companion to Caryl Churchill / ed. by E. Aston and E. Diamond. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 144—162.
6. Aston E., Diamond E. Introduction: On Caryl Churchill // The Cambridge Companion to Caryl Churchill / ed. by E. Aston and E. Diamond. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 1—17.
7. Brecht B., Willett J. Brecht on Theatre / transl. by J. Willett. — London: Methuen, 1964. 352 p.
8. Churchill C. This Is a Chair // Plays: Four. — London: Nick Hern Books, 2009. P. 37—58.

9. Dickson A. Caryl Churchill's Prophetic Drama [Electronic resource] // The New Yorker. 2015. 18 Nov. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/caryl-churchills-prophetic-drama>.
10. Gobert R. D. The Theatre of Caryl Churchill. — London: Bloomsbury, 2014. 308 p.
11. Jernigan D. "Traps", "Softcops", "Blue Heart", and "This Is a Chair": Tracking Epistemological Upheaval in Caryl Churchill's Shorter Plays // Modern Drama. 2004. Spring. Vol. 47. Iss. 1. P. 32—33.
12. Rebellato D. On Churchill's Influences // The Cambridge Companion to Caryl Churchill. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 163—179.
13. Spencer Ch. A Spot of Pre-Millennial Tension [Electronic resource] // The Daily Telegraph. 1997. 28 June. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/4709460/A-spot-of-pre-millennial-tension.html>.
14. Stevens L. Anti-War Theatre After Brecht: Dialectical Aesthetics in the Twenty-First Century. — London: Palgrave Macmillan, 2016. 224 p.
15. The Camden Fringe Press Release [Electronic resource]. URL: http://www.camdenfringe.org/pressreleases/34_-_This_is_a_Chair.pdf.
16. Worpel L. Personal Versus Political Affairs in Caryl Churchill's "This Is a Chair" // Human Affairs. 2010. № 20. P. 376—382.

E. N. Shilova
Ekaterinburg, Russia

THEATRICAL AND TEXTUAL MEANS OF POLITICISING IN CARYL CHURCHILL'S PLAY "THIS IS A CHAIR"

ABSTRACT. *Political plays by the renowned contemporary British playwright Caryl Churchill fairly often present the author's reaction to a burning issue or social turmoil. "This Is A Chair" by C. Churchill is quite different in this respect. The play problematizes the absence of motivated stand concerning most relevant political questions in the life of an average person. The drama consists of several episodes with elusive micro-plots which are not connected with each other. The perception of "This Is A Chair" is based on the contrast between political issues in the titles of the episodes and utter lack of political self-awareness displayed by the characters. Linguistic peculiarities and elliptical nature of this play contribute greatly to delivering the author's message. The characters communicate by means of incomplete remarks, deficient sentences which are sometimes hard to grasp. These features complicate the perception of the plot in accordance with the writer's intent. As a rule, the more political implications are entailed by the conversation, the more fragmentary remarks are used by the dramatis personae to convey the idea. The philistines' vague idea of the events taking place outside their private worlds is metaphorically mirrored in the incomplete and deficient means of linguistic communication. The artistic manner developed by the playwright in "This Is A Chair" definitely presents an intellectual challenge to society. The elements which originated in B. Brecht's creative work (montage and principle of alienation) as well as linguistic asceticism of the play are most likely employed to prevent the audience's empathizing with the plot of the play. In fact, alienation from the events of the drama is so considerable that it absolutely requires analytical perception from the spectator. Going to the theatre turns from a leisurely event into intense work to produce meaning coordinated between the playwright, the director, the cast and the audience. The importance of the spectator as a member of the society, a potential; political agent is highlighted by the unprecedented brevity of the final episode of "This Is A Chair" which only consists of its title. The audience seems to be invited to participate in writing the book of history.*

KEYWORDS: *political playwrighting; political self-consciousness; ellipsis; language asceticism; British playwrighting; British playwrights; plays; writing.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shilova Evgeniya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Comparative Linguistics, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Brecht B. Sобр. избр. соч. В 2 т. Т. 1. — М.: Логос-Альтера, 2004. 224 с.
2. Dotsenko E. G. Этика, политика и лингвистика в п'есakh Тома Стоппарда о коммунистическом тоталитаризме // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 145—150.
3. Fuko M. Eto ne trubka [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php.
4. Aston E. Caryl Churchill. Writers and Their Work. — London: Horthcote House in association with the British Council, 2001. P. 112—113.
5. Aston E. On Collaboration // The Cambridge Companion to Caryl Churchill / ed. by E. Aston and E. Diamond. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 144—162.
6. Aston E., Diamond E. Introduction: On Caryl Churchill // The Cambridge Companion to Caryl Churchill / ed. by E. Aston and E. Diamond. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 1—17.
7. Brecht B., Willett J. Brecht on Theatre / transl. by J. Willett. — London: Methuen, 1964. 352 p.
8. Churchill C. This Is a Chair // Plays: Four. — London: Nick Hern Books, 2009. P. 37—58.

9. Dickson A. Caryl Churchill's Prophetic Drama [Electronic resource] // The New Yorker. 2015. 18 Nov. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/caryl-churchills-prophetic-drama>.
10. Gobert R. D. The Theatre of Caryl Churchill. — London: Bloomsbury, 2014. 308 p.
11. Jernigan D. "Traps", "Softcops", "Blue Heart", and "This Is a Chair": Tracking Epistemological Upheaval in Caryl Churchill's Shorter Plays // Modern Drama. 2004. Spring. Vol. 47. Iss. 1. P. 32—33.
12. Rebellato D. On Churchill's Influences // The Cambridge Companion to Caryl Churchill. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 163—179.
13. Spencer Ch. A Spot of Pre-Millennial Tension [Electronic resource] // The Daily Telegraph. 1997. 28 June. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/4709460/A-spot-of-pre-millennial-tension.html>.
14. Stevens L. Anti-War Theatre After Brecht: Dialectical Aesthetics in the Twenty-First Century. — London: Palgrave Macmillan, 2016. 224 p.
15. The Camden Fringe Press Release [Electronic resource]. URL: http://www.camdenfringe.org/pressreleases/34_-_This_is_a_Chair.pdf.
16. Worpel L. Personal Versus Political Affairs in Caryl Churchill's "This Is a Chair" // Human Affairs. 2010. № 20. P. 376—382.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.41

Код ВАК 10.02.19

Л. В. Коростелева
Нижевартовск, Россия

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ВЕРБОВКИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

АННОТАЦИЯ. Выбор темы связан с необходимостью проведения лингвистического исследования текста с целью выявления признаков вербовки как одного из видов противоправной деятельности представителей террористических организаций. Учитывая большое внимание к проблемам экстремизма и терроризма, выявление признаков вербовки в террористическую организацию, которая является противоправной деятельностью в соответствии с УК РФ, представляется актуальным. Ключевым понятием является вербовка в экстремистскую или террористическую организацию как разновидность экстремистского дискурса. Данное явление рассматривается в правовом и лингвистическом аспекте. С позиции права анализируются понятия «вербовка, склонение и вовлечение в террористическую организацию», поскольку трактовка данных терминов неоднозначна. Учитывая юридический статус вербовки как речевой деятельности, представляется возможным дать общую характеристику лингвистическим особенностям вербовки в экстремистскую или террористическую организацию. С этой точки зрения описываются лингвистические и экстралингвистические признаки, характеризующие речевое поведение вербовщика; определяются речевые жанры вербовки; обосновывается необходимость анализа такого речевого поведения в аспекте прагмалингвистики. На основе лингвоэкспертной практики анализа речевого произведения с целью выявления признаков вербовки предпринята попытка очертить круг вопросов, входящих в компетенцию лингвиста-эксперта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; экстремистский дискурс; вербовка; признаки вербовки; политический дискурс; судебная лингвистическая экспертиза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Нижевартовский государственный университет; 628624, Россия, Нижевартовск, ул. Ленина, 56; e-mail: klimovalar@inbox.ru.

Вербовка как противоправная деятельность отражена в ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», а также в статье 205.1 УК РФ «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений...», связанных с содействием экстремистской или террористической деятельности.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под «склонением, вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ (связанные с содействием террористической деятельности; комментарий в скобках наш. — Л. К.), следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» [Кудрявцев 2012: 21].

Научная юридическая литература акцентирует внимание на том, что содержание

понятий *склонение, вербовка и вовлечение* не раскрывается ни в уголовном законе, ни в нормативных актах других отраслей права, в связи с чем данные понятия определяются как оценочные и их содержание конкретизируется правоприменителем, исходя из фактических обстоятельств уголовного дела.

Формулировка статьи 205.1 УК РФ (*склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений*) приводит юристов к необходимости искать различия в семантике данных понятий. В юридической научной литературе [Бешукова 2016; Бугера 2014 и др.] понятие *вовлечение* определяется как более широкое, которое включает в себя понятия *склонение* и *вербовка*, и представляется завершенным склонением (результатом). *Вербовка* предполагает подбор людей для совершения указанных в части 1 статьи 205.1 УК РФ преступлений за плату. *Склонение* осуществляется с помощью ненадельственных методов: это методы, направленные на сознательное убеждение лица в необходимости совершить какие-либо действия путем уговоров, обещаний, просьб, предложений, апелляции к религиозным чувствам [Бугера 2014: 35—40; Бешукова 2016: 632—639].

При этом следует отметить, что при определении понятия *вербовка* этими же исследователями отмечается, что вербовка предполагает вовлечение в какую-либо противоправную деятельность путем уговоров, обмана и т. д.

Лексикографические источники (Большой толковый словарь под ред. С. Н. Кузнецова)

цова) определяют понятия *склонение* и *вовлечение* как синонимичные, которые представляют собой речевые действия, направленные на убеждение собеседника в необходимости чего-либо. Лексема *вербовка* тоже имеет значение «привлечение на свою сторону», но данное значение сопровождается стилистической пометой *неодобрительное* [БТС <http>]. Таким образом, с лингвистической точки зрения, данные понятия являются семантическими синонимами.

Итак, законодательство не дает точного определения понятиям *вербовка*, *склонение* и *вовлечение*, попытки разделить их дефиниции в юридической научной литературе также неоднозначны: некоторые исследователи пытаются развести данные понятия, некоторые отмечают их синонимичность и условность. Учитывая тот факт, что, с точки зрения лексического значения, данные слова являются синонимичными, а в речевой практике носителей русского языка понятие *вербовка* закрепилось именно в значении *привлечение на свою сторону* и ассоциируется с привлечением к экстремистской деятельности, для лингвистического исследования вербальных признаков речевого поведения, нацеленного на привлечение лица к экстремистской или террористической деятельности, мы будем использовать условное наименование *вербовка*.

Для определения признаков вербовки лингвисту-эксперту необходимо проанализировать речевое поведение говорящего. Эти признаки определяются в процессуально-правовом поле и предстают перед лингвистом в форме вопросов, ответы на которые интересуют следователя. Поскольку в лингвоэкспертной практике еще нет общепринятых вопросов для определения лингвистических признаков вербовки, представим те, которые были поставлены следователем в постановлении на лингвистическую экспертизу:

1. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций?

2. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, указывающие на участие X в деятельности террористических организаций?

3. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, побуждающие собеседника к участию в деятельности террористических организаций или их финансировании?

4. Содержатся ли в представленных материалах призывы? Если содержатся, то к совершению каких действий автор (пишущий) призывает?

Исходя из поставленных вопросов, мы

понимаем, что следственные органы интересуется, присутствуют ли в речевом произведении высказывания, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций; указывающие на участие говорящего (вербовщика) в деятельности террористических организаций; высказывания, представляющие собой речевые жанры уговора, подкупа, угрозы, убеждения, просьбы, предложения, направленные на привлечение собеседника к участию в деятельности террористических организаций или их финансировании; а также призывы, содержание которых следственные органы не конкретизируют.

На наш взгляд, профессиональная компетенция лингвиста-эксперта уже поставленных вопросов, например, лингвист не может установить, является ли какая-либо организация террористической — *террористическая организация*, так же как *экстремизм* и *терроризм*, представляют собой понятия юридические.

На наш взгляд, лингвистическая экспертиза может установить наличие:

1) высказываний, оправдывающих деятельность каких-либо организаций;

2) высказываний, направленных на привлечение собеседника (путем уговоров, подкупа, убеждения, предложения и др.) к участию в какой-либо деятельности;

3) призывов.

В научной литературе признаки вербовки рассматриваются только с юридической стороны, лингвистических исследований, посвященных данной проблеме, нет. В связи с этим мы предпримем попытку охарактеризовать лингвистические и экстралингвистические признаки, определяющие речевое поведение вербовщика, на основе материалов, представленных на лингвистическую экспертизу по делам об экстремистской деятельности.

В контексте данного исследования, основываясь на имеющихся в лингвистике определениях термина «речевое поведение» (И. А. Зимняя, 2001; В. И. Карасик, 2004; А. Е. Супрун, 1996 и др.), а также учитывая правовую сторону данного явления, под вербовкой как речевым поведением мы будем понимать систему сознательных речевых действий, не столько отражающих специфику языкового сознания вербовщика, сколько нацеленных на убеждение адресата в необходимости выполнить определенные действия, выгодные вербовщику. Вербовка может быть представлена речевыми жанрами убеждения, уговора, угрозы, обещания и другими, что определяется постановлением Пленума Верховного суда РФ. Целенаправленность и жанровая классификация вербовки совпадает с соответствующими

аспектами экстремистского дискурса [Коро-стелева 2015: 19—27], что дает нам основание считать вербовку разновидностью экстремистского дискурса.

Учитывая, что вербовка как речевое поведение носит сознательный целенаправленный характер, необходимо, на наш взгляд, проводить анализ речевых произведений в аспекте прагматических установок говорящего, поскольку интенция говорящего может не совпадать с его когнитивной позицией (его картиной мира). Другими словами, говорящий (вербовщик) может не поддерживать деятельность и идеологию определенной организации, но по каким-либо причинам его коммуникативная цель в конкретной ситуации — убедить собеседника в правильности этой деятельности и в необходимости принять участие в данной деятельности.

Чтобы понять намерение говорящего, необходимо установить его коммуникативную стратегию; для этого релевантным представляется применение приемов социолингвистического и прагматического анализа, позволяющих выделить лингвистические признаки, которые могут помочь следственным органам в решении правового вопроса о намерении говорящего привлечь собеседника к экстремистской деятельности.

Вербовщик ставит цель привлечь собеседника к своей идеологии. Эта цель может быть эксплицитной: вербовщик открыто говорит о своем намерении (напр., в одной из передач «Человек в маске», которые в 90-е гг. XX в. транслировались по телеканалу ОРТ, главный герой, представитель организации скинхедов, открыто сообщил о цели своего участия в данной передаче: *Я пришел рассказать о деятельности своей организации, чтобы привлечь к ней как можно больше молодежи*).

Цель может быть имплицитной: вербовщик не говорит открыто о своем намерении привлечь собеседника к деятельности какой-либо организации, но пытается его убедить в необходимости совершить определенные действия, аргументируя это каким-либо благом для собеседника, апеллируя к религиозным чувствам либо к нравственным ценностям. Такие тексты представляют некоторую сложность для анализа и в то же время исследовательский интерес лингвиста-эксперта, поскольку относятся к категории текстов с неявной функцией высказывания. Именно такой текст (с неявной функцией высказывания) послужил материалом для нашего исследования.

Для лингвистического анализа была представлена переписка между супругами, изъятая в ходе следствия по уголовному де-

лу об экстремистской деятельности. В Постановлении на лингвистическую экспертизу было отмечено, что следственными действиями установлена причастность одного из участников коммуникации (супруга) к деятельности в террористической организации «ИГИЛ» (запрещена в РФ) на территории Сирийской Арабской Республики, где он и находился во время переписки с супругой.

Учитывая конфиденциальность представленной на экспертизу информации, мы не можем приводить текст переписки в полном объеме, отметим только необходимые для нашего исследования высказывания.

Признаки вербовки как речевого поведения, на наш взгляд, определяются прежде всего экстралингвистическими особенностями коммуникативной ситуации, которые устанавливаются следственными действиями и предстают перед лингвистом в Постановлении на лингвистическое исследование (экспертизу) как обстоятельства дела.

Итак, собеседниками являются супруги: супруг — действительный член террористической организации «ИГИЛ», находящийся на территории Сирийской Арабской Республики; супруга, в свою очередь, живет на территории России. Их общение состоялось посредством мессенджера *WhatsApp*, соответственно представляло собой дистантное общение, рассредоточенное во времени.

Лингвистическая экспертиза представленной для анализа переписки представляет собой ответы на вопросы, поставленные следователем. Представим фрагменты составленной лингвистической экспертизы.

1. Содержатся ли в представленных материалах призывы? Если да, то к совершению каких действий автор (пишущий) призывает?

При ответе на данный вопрос нами выделен ряд высказываний, выражающих волеизъявление одного из собеседников (супруга), направленных на побуждение адресата к каким-либо действиям.

Основываясь на коммуникативном анализе сообщений, представленных на исследование, высказывания призывного характера были классифицированы с выделением следующих групп: 1) призывы к молитве (*делай дуа; не оставляй молитву*); 2) призывы уехать из России в Сирию (*делай намерение уехать; не держись за проклятое место. Тут по настоящему заживешь* — под словосочетанием «проклятое место» в контексте сообщений подразумевается Россия, местоимение «тут» указывает на то место, где находится супруг, т. е. Сирию); 3) призывы делать фальшивые документы (*делай*

фальшивый паспорт, делай документы); 4) высказывания, побуждающие супругу скрывать какую-то информацию от третьих лиц.

Учитывая установленные обстоятельства дела: супруг является членом террористической организации «ИГИЛ» и находится на территории Сирийской Арабской Республики — данные высказывания можно квалифицировать как призывы, адресованные супруге для совершения определенных действий, чтобы уехать в Сирию: 1) делать фальшивый паспорт, 2) продавать квартиру (высказывание супруга в форме утверждения: как ответ на вопрос супруги «*Что с квартирой делать продавать или сдавать кто это будет делать?*» поступило сообщение «*Продавать тут дешево*») и 3) уезжать из России.

Таким образом, в представленных на исследование материалах присутствуют высказывания супруга, призывающие супругу не оставлять молитву и решиться уехать из России в Сирию.

2. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций? Если содержатся, то каких именно?

В переписке супругов не были отмечены высказывания, в которых упоминаются наименования каких-либо организаций, однако отмечаем, что в сообщениях супруга присутствуют высказывания, сообщающие о его деятельности (участие в джихаде как вооруженной войне) на территории Сирийской Арабской Республики («*Вот с рибата не давно пришёл*»; «*Я вас очень люблю ради Аллаха, поэтому я вышел на джихад*»; «*У меня в марте было ранение сквозное живота*»; «*Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю*»).

В данных высказываниях следует отметить некоторые лексические единицы, которые отражают в речи мужчины его деятельность на территории Сирийской Арабской Республики: *рибат*, *джихад*, *кровь проливаю*, *ранение*.

Рибат (от араб. رباط — *гостиница*) первоначально означает сторожевой дом или укрепление, каких немало было во многих местах на границах области распространения ислама для их защиты. Позднее подобные сооружения использовались для защиты коммуникаций и служили центрами суфийской мистической культуры. Жители рибатов принимали активное участие в обороне исламских территорий от внешней агрессии крестоносцев, индийских язычников и участников испанской Реконксты [Ис-

лам. Энциклопедический словарь [http](http://)].

Джихад — в контексте исследуемой переписки данное понятие понимается как «священная война», «праведная война», «война на пути Аллаха», «свобода» как возможность спасения души и как путь к своего рода бессмертию [Коростелева 2017: 121—123].

Также в сообщениях супруга присутствуют высказывания, которые обосновывают необходимость его участия в джихаде (*Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю, поэтому я вышел на джихад*).

Таким образом, можно отметить, что деятельность супруга на территории Сирийской Арабской Республики связана с военной службой на границах территории «исламского государства», эта деятельность оправдывается говорящим как совершаемая для спасения души.

3. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки склонения, вербовки или иного вовлечения лица в участие в деятельности террористических организаций или их финансировании? Если содержатся, то какие именно?

В исследуемой переписке были выделены высказывания супруга, убеждающие супругу в необходимости переезда в Сирию.

Данная необходимость аргументируется: — во-первых, лучшей жизнью по сравнению с Россией;

Тут проще. Тут всяких непонятных нет. Алкоголя, наркотиков нет.

Когда приедешь, возвращаться не захочешь.

Ты поймешь что в этой России нечего делать. Там дурдом. Тут проще все.

Тут люди с семьями бегут. Там кяферы как хотят, так и делают. Тут нет беспредела. Свежие фрукты.

Вот сделаешь шаг, о котором не пожалеешь.

Тут квартиру дадут;

— во-вторых, необходимостью спасти себя и ребенка, для чего нужно покинуть страну кяферов (немусульман):

Тебе надо себя и ребенка спасти.

Не держись за проклятое место. Тут по-настоящему заживешь.

Ты не осознаешь опасность Судного дня.

А как ты будешь жить среди кяферов?

— в-третьих, одним из основных аргументов супруга являются призывы к религиозным чувствам:

Когда в судный день наши семьи поволочут лицом в Ад, тогда будут люди жалеть что не вышли на джихад (данное сообщение представляло фотографию с цита-

той из религиозного источника).

Тебе надо укреплять веру.

Цените тех, кто всегда прощал, кто всегда ждал, и надеялся на лучшее не для себя одного, а для вас вдвоем в целом (данное сообщение представляло фотографию с цитатой из религиозного источника).

Следует также отметить еще одно высказывание супруга в ответ на реплику, выражающую сомнение женщины в желании жить с ним: *«если не захочешь жить со мной, найдем здесь тебе другого мужа...»*

Данное обстоятельство дает основание предполагать, что переезд его супруги не является определенным действием для воссоединения семьи, супруг приводит всевозможные аргументы, убеждающие женщину в необходимости переезда в Сирию в любом случае.

Таким образом, сообщения супруга направлены на оказание побудительного воздействия на сознание и поведение супруги. Он пытается склонить ее к переезду в Сирию путем уговоров, апелляции к религиозным чувствам, сравнением условий жизни в России и в Сирии (в пользу последней), обещанием лучшей жизни, а также угрозами, которые основаны на религиозном мировоззрении мусульман: ответственность за свою жизнь перед Аллахом, перед Судным днем.

4. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки, указывающие на участие супруга в деятельности террористических организаций? Если содержатся, то каких именно?

В представленной на исследование переписке были отмечены сообщения, в которых супруг пишет об имеющемся у него ранении (*У меня в марте было ранение сквозное живота; Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю*) и о своем участии в джихаде (*...поэтому я вышел на джихад*). Следовательно, мы можем утверждать, что в анализируемой переписке присутствуют высказывания, подтверждающие участие супруга в джихаде (вооруженной войне) на территории Сирии. Учитывая, что он является представителем террористической организации «ИГИЛ», можно утверждать, что данные высказывания указывают на его участие в деятельности террористических организаций.

По результатам лингвистического анализа материалов были сделаны следующие выводы:

1) в представленных на исследование материалах присутствуют призывы. Призывы нацелены на побуждение собеседника не оставлять молитву и решиться уехать из России в Сирию;

2) в представленных на исследование ма-

териалах отсутствуют упоминания каких-либо организаций. Присутствуют высказывания супруга, указывающие на его участие в джихаде и оправдывающие эту деятельность;

3) в представленных на исследование материалах присутствуют высказывания супруга, которые можно расценивать как склонение собеседника к переезду на территорию Сирии путем уговоров, просьб, угроз;

4) в представленных на исследование материалах присутствуют сообщения супруга, указывающие на его участие в военных действиях на территории Сирии и оправдывающие эти действия.

Определение лингвистических признаков вербовки, на наш взгляд, основывается прежде всего на экстралингвистических особенностях коммуникативной ситуации в целом. Данные особенности устанавливаются следственными органами. Более того, предполагаем, что вывод о том, что данное речевое поведение представляет собой именно вербовку с целью вовлечения в экстремистскую или террористическую деятельность, также относится к компетенции юристов. Лингвистический анализ может определить лишь наличие в тексте высказываний, подтверждающих или указывающих на участие говорящего в экстремистской или террористической деятельности, а также высказываний, убеждающих адресата предпринять ряд действий, которые по тем или иным причинам выгодны говорящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешукова З. М. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны организации экстремистского сообщества // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 5. С. 632—639.
2. Большой толковый словарь русского языка [электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word>.
3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2009. № 7 (41). С. 35—39.
4. Бугера Н. Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 35—40. ISBN 1998-6963.
5. Зеленина О. В., Сулонов П. Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов [Электронный ресурс] : науч.-практ. пособие. — Екатеринбург, 2009. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-74503.html?page=2> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Ислам [Электронный ресурс] : энцикл. слов. // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/653/%D0%A0%D0%B8%D0%B1%D0%B0%D1%82> (дата обращения: 05.03.2017).
7. Копылов М. Н., Миняев Д. М. Преступления, относящиеся к террористической деятельности в системе норм Особенной части УК РФ, и их виды // Уголовная политика: теория и практика, общество и право. 2012. № 2 (39). С. 108—112.
8. Коростелева Л. В. Создание концептов в речевых произведениях экстремистского содержания как основа воздействующей стратегии [Электронный ресурс] // Филологиче-

ские науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 121—123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-kontseptov-v-rechevykh-proizvedeniyah-ekstremistskogo-soderzhaniya-kak-osnova-vozddeystvuyushey-strategii> (дата обращения: 16.04.2018).

9. Коростелева Л. В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюкуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. № 4. С. 19—27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika> (дата обращения: 07.05.2018).

L. V. Korosteleva
Nizhnevartovsk, Russia

DETERMINING THE SIGNS OF RECRUITMENT INTO AN EXTREMIST OR TERRORIST ORGANIZATION IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

ABSTRACT. *The topic picked for the research is determined by the need for a linguistic study of texts to identify signs of recruitment as a type of illegal activity carried out by members of terrorist organizations. The great attention to the problems of extremism and terrorism makes it crucial to identify any signs of recruitment into a terrorist organization which is an illegal activity according to the criminal code. The key key term of the research is recruitment into an extremist or terrorist organization as a form of extremist discourse. This phenomenon is considered in legal and linguistic aspects. From a legal point of view, "recruitment, inducement and involvement in a terrorist organization" concepts are analyzed, so it is possible to give a general description of the linguistic characteristics of recruitment to an extremist or terrorist organization. In this aspect we can describe linguistic and extralinguistic features of the recruiter's verbal behavior and the speech genres of recruitment. On the basis of the linguistic expert's practice of analyzing a speech fragment to identify the signs of recruitment an attempt is made to outline the range of issues within the competence of a linguistic expert.*

KEYWORDS: *extremism; extremist discourse; recruitment; signs of recruitment; political discourse; forensic linguistic expertise.*

ABOUT THE AUTHOR: *Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.*

REFERENCES

1. Beshukova Z. M. «Skлонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны организации экстремистского сообщества // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 5. С. 632—639.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [elektronnyy resurs] / gl. red. S. A. Kuznetsov. Pervoe izdanie: SPb. : Norint, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word>.
3. Brinev K. I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza spornykh rechevykh proizvedeniy, soderzhashchikh priznaki ekstremizma // Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskije nauki». 2009. № 7 (41). С. 35—39.
4. Bugera N. N. Sootnoshenie ponyatiy «vovlechenie» i «sklonenie» v ugovnom prave Rossii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2014. № 3 (29). С. 35—40. ISBN 1998-6963.
5. Zelenina O. V., Suslonov P. E. Metodika vyyavleniya priznakov ekstremizma. Protseessual'nye issledovaniya (ekspertizy) audio-, video- i pechatnykh materialov [Elektronnyy resurs] : nauch.-prakt. posobie. — Ekaterinburg, 2009. URL: <http://ru.docs.exdat.com/docs/index-74503.html?page=2> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Islam [Elektronnyy resurs] : entsikl. slov. // Slovarei entsiklopedii na Akademike. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/653/%D0%A0%D0%B8%D0%B1%D0%B0%D1%82> (дата обращения: 05.03.2017).

10. Кудрявцев В. Л. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21—25.

11. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015).

12. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — М. : Белорус. фонд Сороса, 1996. 287с. (Программа Обновление гуманитарного образования в Беларуси).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями (с изменениями на 7 марта 2011 года).

7. Kopylov M. N., Minyazev D. M. Prestupleniya, odnosyashchiesya k terroristicheskoj deyatel'nosti v sisteme norm Osobennoj chasti UK RF, i ikh vidy // Ugolovnaya politika: teoriya i praktika, obshchestvo i pravo. 2012. № 2 (39). С. 108—112.

8. Korosteleva L. V. Sozdanie kontseptov v rechevykh proizvedeniyah ekstremistskogo soderzhanija kak osnova vozdeystvuyushey strategii [Elektronnyy resurs] // Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9-1 (75). С. 121—123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-kontseptov-v-rechevykh-proizvedeniyah-ekstremistskogo-soderzhaniya-kak-osnova-vozddeystvuyushey-strategii> (дата обращения: 16.04.2018).

9. Korosteleva L. V. Ekstremistskiy diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika // Yurislingvistika. 2015. № 4. С. 19—27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika> (дата обращения: 07.05.2018).

10. Kudryavtsev V. L. «Skлонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21—25.

11. protivodeystvii ekstremistskoj deyatel'nosti : Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. ot 23.11.2015).

12. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — М. : Белорус. фонд Сороса, 1996. 287с. (Программа Обновление гуманитарного образования в Беларуси).

13. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoj Federatsii s kommentariyami (s izmeneniyami na 7 marta 2011 goda).

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 11.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Ван Сяоси, Ван Е
Далянь, Китай

ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В. В. ПУТИНА НА 70-Й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

АННОТАЦИЯ. *Использование языка всегда имеет определенную цель, часто коррелирующую с имплицитной семантикой, в связи с чем актуализируются исследования речевого воздействия, находящиеся на стыке таких наук, как лингвистика (социолингвистика, психолингвистика, теория коммуникации), психология, политология. В рамках политической лингвистики исследования речевого воздействия подразумевают рассмотрение конкретных приемов и тактик воздействия на сознание и идеологической манипуляции. Суть речевого воздействия заключается в процессе создания новых ассоциативных связей на основе фоновых знаний реципиента и передачи субъективной оценки. Классификация и анализ приемов и тактик речевого воздействия осуществляются на основе выступления В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При анализе учитывается внутри- и внешнеполитический контекст выступления. Приемы речевого воздействия предлагаются разделять на такие большие группы, как неязыковые (когнитивные, экстралингвистические) и собственно языковые (лексические, грамматические). Когнитивные приемы основаны на когнитивной базе, концептуальной конструкции, «модели мира». Приемы этой группы: апелляция к авторитету и фонду общих знаний; presupпозиции; тактика угрозы (описание антиутопических перспектив). Языковые приемы воздействия придают сообщению эмоциональную окраску, основаны на внушении реципиентам коннотативной семантики. Популярные приемы: тактики номинации (выбор нейтральной или эмоционально-оценочной лексики); использование фразеологизмов, прецедентных текстов, воспринимаемых не столь критично, как спонтанная речь; проведение исторических аналогий, придающих моральный авторитет позиции говорящего; риторические вопросы; грамматические конструкции (пассивные, неопределенно-личные предложения), указывающие на имплицитно подразумеваемого актора, несущего ответственность за определенные политические проблемы.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевое воздействие; политический дискурс; речевые тактики; речевые стратегии; приемы речевого воздействия; коннотативная семантика; эмоционально-оценочная лексика; имплицитная семантика; политическая риторика; российские президенты; политические речи.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Ван Сяоси, аспирант, Центр изучения Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков; 116044, КНР, г. Далянь, пр-т Ляйшунь Наньлу, западный квартал, 6; e-mail: wang_1986@mail.ru.*

Ван Е, аспирант, Центр изучения Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков; 116044, КНР, г. Далянь, пр-т Ляйшунь Наньлу, западный квартал, 6; e-mail: yewangchn@163.com.

Применение языка всегда имеет цели, даже если они на первый взгляд не очевидны. Сознательное употребление лингвистических ресурсов в интересах говорящего/пишущего, несомненно, усиливает возможности влияния на сознание аудитории. «Вероятно, с момента зарождения язык стал использоваться с целью воздействия и манипуляции» [Иссерс 1996: 71]. В этой связи направление, связанное с исследованием речевого воздействия, активно развивается в таких научных областях, как психология, политология, коммуникативная теория, социолингвистика, психолингвистика и т. д.

Ученые в России активно ведут исследование по таким вопросам речевого воздействия, как когнитивная база коммуникативного инструментария, механизмы осуществления, тактики и приемы речевой манипуляции и т. п. Китайская исследовательница Сунь Юйхуа, заложившая основы политической лингвистики в Китае, определила политическую лингвистику как науку, «с помощью использования языка способную исследовать законы и тактики того, как овладеть политической властью и манипулировать идеологией» [Сунь 2015: 2]. Следовательно, речевое воздействие с точки зрения политической лингвистики — это конкретные приемы и тактики манипулирования

идеологией и воздействия на сознание.

В коллективной монографии «Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации» советские ученые дали определение данному понятию в широком и узком аспектах. В широком аспекте это любое речевое общение, рассматриваемое с точки зрения его целенаправленности, целевой обусловленности; в узком аспекте это речевое общение в системе средств массовой информации или агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией [Тарасов 1990: 5]. В своей монографии «Введение в речевое воздействие» И. А. Стернин трактует данное понятие как «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2001: 51].

В. Е. Чернявская уделила большое внимание языковому манипулированию: «Мы понимаем манипуляцию как речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий...» [Чернявская 2005: 65]. И. А. Стернин определяет речевое воздействие по контрасту с манипулированием [Стернин 2001: 66]. Он утверждает, что ре-

ческое воздействие и речевое манипулирование осуществляются в речи по-разному. Речевое воздействие осуществляется сознательно и явно, а речевое манипулирование — скрытно, имплицитно.

Большинство российских ученых сходится в том, что суть речевого воздействия заключается в создании новых ассоциативных связей на основе фоновых знаний реципиента и внушении субъективной оценки описываемых событий. Основная цель речевого воздействия состоит в усилении или ослаблении влияния определенной информации на реципиента.

Ситуации, в которых манипуляция общественным мнением осуществляется в идеологических целях, объясняются политическими факторами. Впервые о «власти дискурса» заговорил французский мыслитель М. Фуко: «Многочисленные властные отношения проникают в общественный организм, характеризуют его и конституируют; они не могут ни распасться, ни установиться, ни функционировать без производства, накопления, обращения, функционирования подходящего дискурса. Нет власти без рационального использования дискурса об истине, который проявляется во власти, исходит от власти и действует посредством нее. Под влиянием власти мы обречены на производство истины и можем использовать власть только с помощью производства истины» [Фуко 1976].

В соответствии с самой сутью речевого воздействия адресанты не заставляют адресатов принимать новую информацию пассивно, а опираются на фоновые знания аудитории, на основе которых строят новые ассоциативные связи с целью передачи (трансформации) информации и изменения мнения адресатов. Как считает Р. Блакар, «всякое использование языка предполагает такой структурирующий и воздействующий эффект. Иными словами, выразиться нейтрально оказывается невозможно». Речевое воздействие неизбежно и в связи с тем, что осуществляется на основе власти языка, «каждый, кто оказывается в состоянии воздействия на кого-либо, осуществляет власть. Власть может осуществляться и через язык» [Блакар 1987: 91]. Другими словами, если кто-то в определенной общественной группе воздействует на сознание других с помощью речи и оказывает на него влияние, то он входит в группу лиц, для которых характерны мотивы дискурса власти.

Ученые, специализирующиеся на критическом анализе дискурса, тоже рассматривали манипулирование идеологией в аспекте взаимодействия дискурса и власти. Осно-

воположник соответствующего научного направления Н. Фэйрклаф (Fairclough) в своей монографии «Дискурс и власть» сформулировал ключевое положение подобных теоретических изысканий: «...с помощью повторения, деконструкции и реконструкции идеологии дискурс манипулирует сознанием людей и влияет на процесс развития общества» [Ван 2015:7].

Базовой для изучения речевого воздействия является и теория убеждения, берущая начало в Древней Греции, в размышлениях Сократа, Платона и Аристотеля. «Именно софисты сформулировали одну из главных риторических задач — по сути манипулятивную: сделать слушающих своими рабами по доброй воле, а не по принуждению» [Иссерс 2017: 10]. В Китае ученый Гун Вэньсян в прошлом веке сформулировал основы теории убеждения, практику которого проследил до доктрин Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мо-цзы, Сунь-цзы и других деятелей эпохи династии Ранняя Цинь [Гун 1994: 24].

По мнению О. С. Иссерс, «основная проблематика лингвистического анализа речевого воздействия связана с изучением стратегий говорящего и всех находящихся в его распоряжении языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели» [Иссерс 2017: 23]. Другими словами, с помощью анализа приемов и тактик речевого воздействия говорящего можно раскрывать его глубинные цели в коммуникации.

По нашим наблюдениям, классификация приемов и тактик речевого воздействия в разных традициях, в том числе национальных, происходила по разным основаниям. Так, согласно мнению некоторых ученых, с целью манипуляции общественным сознанием в политическом медиадискурсе используются коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика и коммуникативный прием [Казаков 2013: 87]. Обобщая классификацию приемов и тактик речевого воздействия из работ авторитетных в данной области исследователей [Стернин 2001; Чернявская 2006; Иссерс 2017 и т. д.], а также опираясь на эмпирический языковой материал, мы разделяем встречающиеся в дискурсе Владимира Путина приемы на неязыковые (когнитивные) и языковые приемы.

Одно из главных в карьере президента России В. В. Путина выступлений состоялось 28 сентября 2015 г., когда он произнес речь с трибуны Организации Объединенных Наций. Политическое положение, в котором оказалась Российская Федерация в то время, во многом определяло внешний контекст данного выступления. Известно, что в марте

2014 г. по результатам референдума Россия завершила присоединение Крыма, США и Евросоюз ввели ряд антироссийских санкций в области экономики и политики. В проекте «Основных направлений денежно-кредитной политики на 2016—2018 гг.», разработанном Центральным банком РФ в 2015 г., введенные против России санкции назывались в числе главных факторов, которые должны были препятствовать росту российской экономики в период 2016—2018 гг. [Википедия]. Кроме того, через три дня после опубликования указанного выступления Россия официально объявила, что будет оказывать военную поддержку Сирии. В свете этого приемы и тактики речевого воздействия, отмеченные в рассматриваемом выступлении, заслуживают особенно тщательного анализа, особенно в настоящее время, когда ситуация в Сирии и вообще международная обстановка постепенно меняется. Особую актуальность эта тема приобретает, поскольку анализ выступления В. В. Путина в 2015 г. может прояснить позицию России по ряду вопросов международной политики.

1. Когнитивные приемы

Часть исследователей считает, что суть коммуникации заключается в построении в составе когнитивной системы реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые соотносятся с «моделями мира» говорящего [Плахотная 2011: 123]. В связи с этим в процессе осуществления речевого воздействия когнитивная база реципиента является ключевым фактором для говорящего. Речевое воздействие осуществляется на основе когнитивной базы реципиента с помощью типичных приемов и тактик. Европейские ученые называют основное звено данного механизма «когнитивной конструкцией», обладающей функцией «выбора», «интерпретации» и «хранения» информации. Именно «когнитивная конструкция» определяет то, почему люди склонны с доверием принимать одну информацию и отвергать другую.

1.1. Апелляция к авторитету и фонду общих знаний

Такой прием считается одним из традиционных способов манипуляции: говорящий доказывает свое мнение ссылкой на неоспоримость суждений типа «всем известно», «современной наукой доказано», «по мнению ученых» и т. д.

(1) *Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» — все это знают — в мире возник единственный центр доминирования.*

1.2. Семантические пресуппозиции

У слов и выражений есть некоторые смысловые компоненты, которые не всегда осознаются говорящими, но легко выявляются путем дополнительных исследований (например, лингвистических) [Иссерс 2017: 66].

(2) *Кстати говоря, уважаемые коллеги, в этом же ряду и вопрос о так называемой легитимности государственной власти. Нельзя играть и манипулировать словами.*

Путин предостерег адресатов своей речи от вербального затуманивания смыслов и манипулирования терминологией, семантическая пресуппозиция здесь воплощается в том, что на международной арене такие случаи бывают.

1.3. Тактика угрозы

О. Л. Михалёва обосновывает, что «при угрозе обычно вербализуется информация о негативных последствиях, ожидающих противную сторону...» [Михалёва 2008: 52]. Приведем примеры из анализируемого текста.

(3) *Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придется. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу.*

(4) *Это будет мир, в котором вместо коллективной работы будет главенствовать эгоизм, мир, в котором будет всё больше диктата и всё меньше равноправия, меньше реальной демократии и свободы, мир, в котором вместо по-настоящему независимых государств будет множиться число фактических протекторатов, управляемых извне территорий.*

В двух процитированных контекстах Владимир Путин обрисовал худшие из возможных последствия современной политики. Восстановить государственность на Ближнем Востоке только с помощью международных организаций не получится: беженцы «захлестнут» Европу. Если ООН утратит свои функции, то в мире возобладает политика силового типа. В этом случае в мире не будет справедливости, настоящей демократии и свободы, что в первую очередь ощутят на себе страны, склонные к радикализму. Воздействие тактики угрозы усиливается синтаксическим параллелизмом в предложении.

2. Языковые приемы

В ходе речевого воздействия определенные языковые приемы позволяют говорящему выразить личное отношение к сообщаемой информации, чему способствует не только фактологическое содержание сообщений, но и использование коннотативной семантики. Чисто языковые приемы обладают значительным воздействующим потен-

циалом и включают лексические, стилистические, грамматические и иные средства.

2.1. Лексические приемы

Наиболее широкие возможности для речевого воздействия представляет лексический уровень языка, основной единицей которого является слово [Болинджер 1987: 87]. По мнению А. Р. Рюковой и Е. А. Филимоновой, «выбор слов не является нейтральным по отношению к субъекту речи, т. к. лексическое значение слова несет информацию как о предмете сообщения, так и об участниках коммуникации» [Рюкова 2016: 431]. Поэтому, хотя эмотивные семы формируются на основе предметно-логического значения, в определенных контекстуальных условиях они могут модифицировать предметно-логическую семантику.

2.1.1. Тактики номинации

Называние предметов оказывает прямое влияние на мышление и восприятие идеологических концепций. Иногда синонимическая замена слова осуществляет не чисто стилистическую функцию, но и функцию речевого воздействия.

Тактики номинации в выступлении Владимира Путина активно используются. Говоря о проблемах на Ближнем Востоке и в Северной Африке, он характеризует *вмешательство* некоторых стран как *агрессивное* и *внешнее* и регулярно заявляет о том, что решать проблемы в этих регионах необходимо только по Уставу ООН. С помощью выражения «агрессивное внешнее вмешательство» президент РФ явно критиковал незаконные поступки некоторых стран, которые предпринимают определенные действия, преследуя свои политические интересы.

Что касается гражданской войны на Украине, Владимир Путин определил ее как «кровопролитие» и раскрыл суть данного события: оно касается внутренней политики Украины, у других стран нет права вмешиваться в это политическое противостояние. Решать проблемы на Украине нужно на основе добровольного соблюдения Минского соглашения, которое было подписано 12 февраля 2015 г.

Террористов на Ближнем Востоке В. В. Путин назвал «головорезами», при этом говорящий не только указал на кровожадность террористов, но и раскритиковал недалекое поведение некоторых стран, тайно оказывавших поддержку террористам.

2.1.2. Использование фразеологизмов

Фразеологизмы делают речь образной и позволяют говорящему выйти из затруднения, когда он не хочет прямо называть те или иные особенности предметов, готов только косвенно указать на них. По мнению

И. О. Окуновой, «фразеологические обороты содержат в себе народную мудрость и воспринимаются носителями языка как некая всем известная и потому непреложная истина» [Окунева 2011: 107].

В своем выступлении президент России два раза использовал фразеологизмы. Он подчеркнул, что после «холодной войны» у некоторых стран появились амбиции по установлению своего господства в мире, и они принимают самочинные решения без учета Устава ООН, который якобы мешает решению мировых проблем, «путается под ногами».

Что касается проблем на Ближнем Востоке и в Северной Африке, Путин считает, что их причина кроется в вере некоторых стран в собственную исключительность. При этом адресант речи задает прямой вопрос: понимают ли власти некоторых стран, что «они натворили»? Однако данный вопрос «повис в воздухе». С помощью этого фразеологизма президент В. В. Путин выразил свой гнев и разочарование.

2.2. Стилистические приемы

В группу стилистических приемов входят гипербола, аллегория, ирония, аллюзия, метонимия, оксюморон и др. Стилистический прием усиливает или ослабляет воздействие информации на реципиента, выдвигает на передний план одни особенности описываемых предметов и ретуширует другие.

2.2.1. Выражения с субъективной оценкой

Типичным средством выражения субъективной оценки служит оборот «так называемый», с помощью которого говорящий ставит под сомнение статус оцениваемого объекта. Говоря об экспорте идеологии, В. В. Путин упомянул об истории СССР, об экспорте политики социальных экспериментов. Советский Союз заставлял другие страны перенимать свою идеологию и социальные порядки, точно так же как некоторые страны сегодня осуществляют экспорт так называемых «демократических» революций.

2.2.2. Прецедентные феномены

Западные страны обвиняют Россию в растущих амбициях из-за того, что она оказывала помощь ведущим борьбу с террористами странам Ближнего Востока. Владимир Путин обратился к западным странам с призывом создания коалиции, в качестве аналогии упомянув «антигитлеровскую коалицию»: президент предложил новому союзу стран помочь государствам Ближнего Востока избавиться от терроризма. «Антигитлеровская коалиция» в данном контексте является прецедентным феноменом.

Подчеркивая важность ООН, российский президент процитировал колумбийского дипломата Зулета Анхеля, работавшего пред-

седателем комиссии по подготовке сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ключевыми в цитате стали выражения «добрая воля, презрение к интригам и хитростям, дух сотрудничества».

2.2.3. Использование антонимов и синонимов

Использование антонимов также служит популярным стилистическим приемом речевого воздействия. По мнению О. С. Иссерс, «антонимические оппозиции являются средством структурирования отдельных фрагментов картины мира и вследствие этого обладают несомненным потенциалом воздействия на сознание адресата» [Иссерс 2017: 132]. Использование синонимов усиливает положительную или отрицательную эмоциональную окраску высказывания, его модальные смыслы.

(5) *Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации.*

Антонимическая пара «прогресс» и «деградация», использованная в противопоставлении, убеждает реципиентов в том, что привнесенные извне социальные эксперименты не только становились трагедиями, но и провоцировали регресс общества. Таким образом выступающий предупреждает об опасностях, таящихся в практике экспорта «демократических» революций.

(6) *Ряд стран пошли по пути закрытых эксклюзивных экономических объединений, причем переговоры об их создании идут кулуарно, втайне и от собственных граждан, от собственных деловых кругов, общественности, и от других стран.*

В предложении четыре слова — «закрытый», «эксклюзивный», «кулуарно» и «втайне» — можно считать принадлежащими к одному семантическому полю: здесь они являются либо общеязыковыми, либо контекстуальными синонимами. В таких выражениях выступающий охарактеризовал своекорыстные и непубличные действия некоторых стран в экономической сфере.

2.2.4. Антитеза

Одним из вариантов антитезы считается использование политических терминов, основанное на идеологическом противопоставлении «мы — они», когда представители категории «мы» рисуются в положительном свете, а категории «они» — в отрицательном [Добросклонская 2003: 64].

(7) *Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» — все это знают — в мире возник единственный центр домини-*

рования. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать.

Смысл противопоставления местоименный таков: «мы» — страны, соблюдающие Устав ООН, стремящиеся к справедливости на международной арене, а «они» сотворили однополярный мир, у них возник соблазн думать, что они сильные и исключительные, а значит лучше всех знают что делать, не считаясь с ООН.

2.2.5. Риторические вопросы

Частотны в политическом дискурсе риторические вопросы, посредством которых говорящий вступает в своеобразный диалог с адресатами, активизирует их мышление. По существу предполагается, что и выступающий, и аудитория разделяют постулируемую оценку событий и едины в признании определенных фактов, но их подача в форме вопроса акцентирует на них внимание и активизирует поддержку реципиентов.

(8) *Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое черное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли?*

Владимир Путин противостоит позиции некоторых стран, которые тайно оказывали финансовую поддержку террористам на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Политик призывает всех признать агрессивную сущность террористов.

2.3. Грамматические приемы

2.3.1. Пассивная конструкция

(9) *Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены.*

Отсутствие прямого указания на субъектов действия является способом избежать ответственности и обвинений в провокации. В предложении (9) пассивная (страдательная) конструкция была использована при описании процесса разрушения государственных институтов и привычного уклада жизни, причем из контекста ясно, что акторы этих акций те же самые, которые совершают «агрессивное внешнее вмешательство».

2.3.2. Неопределенно-личные предложения

(10) *Это и произошло на Украине, где использовали недовольство значительной части населения действующей властью и извне спровоцировали вооруженный переворот. В итоге вспыхнула гражданская война.*

Согласно выступлению, главной причи-

ной гражданской войны на Украине стало вмешательство других стран, которые «использовали» недовольство народа. Неопределенно-личная синтаксическая конструкция позволяет косвенно указать на их вину и становится способом избавления от необходимости отвечать на обвинения оппонентов в предвзятости, в неверной трактовке событий, неправильном выборе виновников трагических социально-политических процессов.

2.3.3. Предложения с подлежащим-инфинитивом

(11) *В такой ситуации лицемерно и безответственно **выступать** с громогласными декларациями об угрозе международного терроризма и при этом **закрывать** глаза на каналы финансирования и поддержки террористов, в том числе и за счёт наркобизнеса, нелегальной торговли нефтью, оружием, либо **пытаться** манипулировать экстремистскими группировками, **ставить** их себе на службу для достижения собственных политических целей в надежде потом как-нибудь **разобраться** с ними, а попросту говоря, **ликвидировать**.*

В опубликованном тексте выступления данное предложение занимает отдельный абзац. Подлежащими здесь служат инфинитивы, а функцию сказуемых выполняют наречия (*лицемерно, безответственно*). Особый порядок слов (наречия предшествуют инфинитивам) позволяет усилить эмоциональность высказывания. Актор, совершающий действия, охарактеризованные как безответственные, которому обращен укор, не назван, но общий контекст помогает определить, что говорящий имеет в виду ситуацию со своими политическими противниками в Сирии, которые получали поддержку с Запада. Более широкий контекст речи позволяет восстановить скрытую инвективу: субъекты международных отношений (страны Запада) заявляют о своей приверженности борьбе с терроризмом, а на самом деле оказывают террористам поддержку.

2.3.4. Грамматические контрасты

Грамматические контрасты, выступающие приемами речевого воздействия, имеют множество конкретных разновидностей: контраст единственного и множественного числа; переходного и непереходного глагола; форм времени; видов — несовершенного и совершенного — и т. д. На первый взгляд использование такого приема создает впечатление бедности лексического запаса, на самом же деле это эффективный способ привлечения внимания адресатов к сути рассматриваемых проблем.

(12) *Всё, что **делается** и **будет делаться***

в этой сфере в соответствии с нормами международного права, должно быть поддержано нашей Организацией, а всё, что противоречит Уставу ООН, — отвергнуто.

В этом предложении наблюдается контраст форм глагольных времен, за счет которого подчеркивается, что международная политика должна соответствовать Уставу ООН не только в настоящее время, но и в будущем.

В данном выступлении утверждается, что Российская Федерация как постоянный член Совета Безопасности ООН призывает все страны мира считаться с Уставом ООН и противостоять тем действиям на международной политической арене, которые этот устав нарушают. Россия активно проводит антитеррористические мероприятия на Ближнем Востоке и в Северной Африке, представители России сочувствуют страдающим от действий преступников людям этих регионов, выражается неприятие политики тех стран, которые тайно оказывали поддержку террористам. Кроме того, Россия решительно возражает против санкций, вводимых с политическими целями.

Анализ выступления Путина с точки зрения теории речевого воздействия позволяет глубже понять решимость России в изменении положения на Ближнем Востоке. Россия решительно противостоит всем эксклюзивным экономическим объединениям и считает сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» положительным примером международного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. — М. : Прогресс, 1987.
2. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. — М. : Прогресс, 1987.
3. Добросклонская Е. Н. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003.
4. Иссерс О. С. Что говорят политики своему народу, чтобы понравиться // Вестн. Омск. ун-та. 1996. № 1.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2017.
6. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3.
7. Михалёва О. Л. Политический дискурс — специфика манипулятивного воздействия. — М. : Либроком, 2008.
8. Окунева И. О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. № 4.
9. Плахотная Ю. И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4.

10. Рыкова А. Р., Филимонова Е. А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестн. Башкир. ун-та. 2016. № 2.
11. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкции_в_связи_с_украинскими_событиями_2014_года.
12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — М. : Воронеж, 2001.
13. Тарасов Е. Ф. [и др.]. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М. : Наука, 1990.
14. Фуко Мишель. Лекция от 14 января 1976 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/19250>.
15. Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. № 11.
16. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. — М. : Флинта, 2006.

Wang Xiaoxi, Wang Ye
Dalian, China

TECHNIQUES OF SPEECH MANIPULATION IN V. V. PUTIN'S ADDRESS AT THE 70TH UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY

ABSTRACT. *The use of language means always has a certain goal that often correlates with implicit semantics; that is why the study of speech manipulation might be more fruitful if achievements of several sciences are combined, such as linguistics (sociolinguistics, psycholinguistics, theory of communication), psychology and political science. In the frames of political linguistics, the analysis of speech manipulation is based on the study of certain means and tactics of mind control and ideological manipulation. The essence of speech manipulation lies in creation of new associations on the basis of background knowledge of an addressee and conveying of evaluative meaning. Classification and analysis of means and tactics of speech manipulation are carried out on the basis of V. Putin's speech at the 70th UN General Assembly. Domestic and foreign policy context is taken into account in this study. The means of speech manipulation are divided into larger groups, such as non-language means (cognitive and extralinguistic) and language means (lexical and grammatical). Cognitive means are created on the cognitive basis, conceptual structure and "model of the world". Techniques of this group include appeal to the authority and to background knowledge; presupposition; threatening (description of dystopian prospects). Language means of manipulation add emotional coloring to the message; they are based on connotative semantics. The most wide spread techniques are tactics of nomination (the choice of neutral or emotionally colored words); phraseological units and precedent text arouse less criticism than spontaneous speech; historical analogues add authority to the speaker; rhetorical questions; grammatical constructions (passive, indefinite personal sentences) that indicate a person responsible for political troubles implicitly.*

KEYWORDS: *speech manipulation; political discourse; communicative tactics; communicative strategies; ways of speech manipulation; connotative semantics; emotionally colored vocabulary; implicit semantics; political rhetoric; Russian presidents; political speeches.*

ABOUT THE AUTHORS: *Wang Xiaoxi, Post-graduate Student of North-Eastern Asia Research Center of Dalian Foreign Languages University; Dalian, China.*

Wang Ye, Post-graduate Student of North-Eastern Asia Research Center of Dalian Foreign Languages University; Dalian, China.

REFERENCES

1. Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya / sost. V. M. Sergeeva, P. B. Parshina ; obshch. red. V. V. Petrova. — M. : Progress, 1987.
2. Bolindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya / sost. V. M. Sergeeva, P. B. Parshina ; obshch. red. V. V. Petrova. — M. : Progress, 1987.
3. Dobrosklonskaya E. N. Lingvopragmaticheskie osobennosti persuzivnoy kommunikatsii (na primere sovremennoy nemetsko-yazychnoy reklamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2003.
4. Issers O. S. Chto govoryat politiki svoemu narodu, chtoby ponravit'sya // Vestn. Omsk. un-ta. 1996. № 1.
5. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2017.
6. Kazakov A. A. Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v politicheskom mediadiskurse: popytka sistematizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3.
7. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs — spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — M. : Librom, 2008.
8. Okuneva I. O. Priemy rechevogo vozdeystviya v pechatnykh SMI Rossii, Velikobritanii, SShA i Kanady // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4.
9. Prahotnaja Ju. I. Rechevoe vozdeystvie v dialogicheskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4.
10. Ryukova A. R., Filimonova E. A. Yazykovye sposoby realizatsii persuzivnosti // Vestn. Bashkir. un-ta. 2016. № 2.
11. Sanktsii v svyazi s ukrainskimi sobyitiyami 2014 goda [Elektronnyy resurs] // Vikipediya : svobodnaya entsikl. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sanktsii_v_svyazi_s_ukrainskimi_sobyitiya_mi_2014_goda.
12. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — M. : Voronezh, 2001.
13. Tarasov E. F. [i dr.]. Rechevoe vozdeystvie v sfere massovoy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1990.
14. Fuko Mishel'. Lektsiya ot 14 yanvara 1976 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://fil.wikireading.ru/19250>.
15. Chernyavskaya V. E., Loginova I. Yu. Programma politicheskoy partii kak persuzivnyy tekst // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2005. № 11.
16. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. — M. : Flinta, 2006.
17. Gun Ven'syan. Proiskhozhdenie i tendentsii razvitiya teorii ubezhdeniya // Vestn. Pekin. un-ta. Filosofiya, sotsial'nye nauki. 1994. № 3.
18. Sun Yuykhua [i dr.]. Politologiya lingvistiki vs. lingvistika politologii — teoriya i metody lingvopolitologii // Inostrannyye yazyki i obuchenie inostrannym yazykam. 2015. № 1.
19. Van Fufan. Analiz mekhanizma diskursivnogo manipulirovaniya vlast'yu i zloupotrebleniya vlast'yu — na primere ofitsial'nogo diskursa // Issledovanie inostrannykh yazykov. 2015. № 5.

Гуань Шаоян
Далянь, Китай

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА, ИЛИ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

АННОТАЦИЯ. Средства массовой информации, оказывающие влияние на формирование общественного мнения, становятся одним из популярных каналов реализации политического дискурса. Приводятся основные точки зрения на взаимосвязь понятий «язык», «речь», «текст», «дискурс». Предлагается рабочее определение термина «политический дискурс»: институционализированный вид общения, текст, обусловленный ситуацией политической коммуникации. В качестве основной функции политического дискурса указывается воздействующая. Политический дискурс связан с борьбой за власть в различных вариантах (разграничение политических групп; установление единой точки зрения на решение проблемы; манипулирование политическими деятелями, контроль за их поступками). Политическая карикатура позволяет придать политическому дискурсу экспрессивный окрас. Это гибридный, неофициальный вариант политического дискурса, характеризующийся юточной тональностью подачи материала, особыми юмористическими моделями, часто обладающими национально-культурной спецификой. Политические карикатуры выполняют рефлексивную функцию в качестве ответной реакции на высказывания и действия политиков. В подобных карикатурах прибегают к приему утрирования, гиперболизации характерных черт известных людей. Целью политической карикатуры является критика деятельности политика или института власти, сопряженная с насмешкой, осуществляемая в форме сатиры или юмора. Политические карикатуры посвящены разнообразным темам, особенно популярны конкурентная политическая борьба, поиск консенсуса в различных конфликтах, борьба с коррупцией, избирательная кампания. Основные особенности политической карикатуры — оценочность и агрессивность, эффективность, целенаправленное отставание точки зрения в политическом пространстве. Благодаря значительному воздействию на потенциал политическая карикатура приобретает особую популярность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая карикатура; политический дискурс; гибридные жанры; институционализированная коммуникация; языковая манипуляция; манипуляция сознанием; СМИ, средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуань Шаоян, аспирантка (специализация — «Политическая лингвистика»), Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Ляйшуньское шоссе, 6; e-mail: guanshaoyang@mail.ru.

Средства массовой информации влияют на все сферы нашей деятельности. Коммуникация занимает в нашей жизни особое место. В данной связи аналитики, политологи и лингвисты исследуют коммуникацию как особый механизм в интеракции с окружающим миром. Внимание к взаимовлиянию человеческой деятельности, социального развития и коммуникации приводит к появлению новых исследовательских объектов, один из которых — политический дискурс. Зарубежные и отечественные лингвисты тщательно исследуют его и выявляют его жанровую специфику [Алифанова, Сенцов 2015; Будаев, Чудинов 2006].

В настоящее время политический дискурс тесно связан с дискурсом СМИ. Результатом этого является проникновение чисто художественных приемов в политическую коммуникацию и возникновение таких гибридных жанров, как политическая карикатура, которая, с одной стороны, функционирует в СМИ, с другой — по ряду параметров относится не к публицистическим, а к художественным жанрам, приближается к произведениям искусства.

Понятия «текст» и «дискурс» рассматриваются в трудах многих лингвистов. Предлагаются разные дефиниции термина «дискурс», даже в лингвистике, откуда он пришел, нет единого мнения по данному вопросу. Во французской лингвистике особое место занимает концепция Э. Бенвениста, согласной которой под дискурсом понимается «такой пережитый опытом объект, который лингвист наблюдает в ходе процесса выска-

зывания. Отмечается влияние формальных элементов, указывающих на присвоение языка говорящим субъектом» [Будаев 2006; Воробьева 2000]. Данное описание дискурса раскрывает два полярных подхода, рассмотренных в работе Ж. Гийому и Д. Мальдидье [Гийому, Мальдидье 1999].

Во-первых, многие лингвисты рассматривают проблему дискурса с точки зрения необходимости расширения границ языка и лингвистики: «Выявление субъекта акта высказывания, следы взаимосвязи с контекстом, некоторые типы функционирования дискурса заставляют вспомнить о пределах возможностей лингвистического формализма и о трудностях, возникающих в случае применения исключительно формальных подходов к языку» [Гийому, Мальдидье 1999: 125].

Согласно второму подходу, развиваемому идеи Э. Бенвениста, термины «язык» и «дискурс» противопоставляются: соответствующие понятия относятся к двум разным, но тесно связанным друг с другом структурам [Ворошилова 2010]. Такой подход к противопоставлению данных явлений обусловлен тем, что Э. Бенвенист как последователь Ф. Соссюра в вопросе существования дихотомии язык/речь на основе последней рассматривал взаимную связь языка и дискурса. «За пределами „лингвистики как изучения языка“, занимающейся „языком как знаковой системой“, вырисовывается место для другой лингвистики, объектом которой будет „функционирование языка в живом общении“» [Гаврилова 2015; Герасименко 1998]. Таким образом, изучением дискурса

занимаются и языковеды. В определении языка и дискурса подчеркивается их тесная связь, для исследований по дискурсологии характерна ориентация на следующие цели: описание признаков и функциональных типов дискурсов, их корреляции с определенными субъектами, различными ситуациями и общественными институтами.

В. И. Карасик выделяет четыре основных подхода к пониманию сущности дискурса: 1) коммуникативный подход (атрибуция типа дискурса осуществляется с учетом средства коммуникации, дискурс рассматривается в рамках коммуникативной ситуации); 2) структурно-синтаксический подход (какая-либо часть текста является ведущей для определения типа дискурса, дискурс передает получателю речи достаточно сложный смысл, дискурс трактуется как образование выше уровня предложения); 3) структурно-стилистический подход (учитывается организация разговорной речи, структурные связи между элементами текста); 4) социально-прагматический подход (текст, текстовые структуры предстают погруженными в ситуацию общения, рассматриваются с учетом социологических и идеологических параметров) [Желтухина 2000; Жилинская, Сенцов, Трунтягин 2015]. Таким образом, дискурс — это явление, связанное с процессом общения, разговорной речью, в которой имеется имплицитная информация, декодируемая в ходе коммуникации.

С учетом объекта исследования — карикатуры — оптимальными представляются определения, раскрывающие знаковый, коммуникативный характер текста. Исходя из сущности политической коммуникации, политический дискурс представляет собой институционализированный вид общения, мы его определяем как текст, обусловленный ситуацией политической коммуникации [Ильин 2002].

Основными отличительными чертами политического дискурса являются характеристики, связанные с борьбой за власть. Они могут быть объединены в блоки на основе отношений противопоставленности или логического следования: 1) объединение и разграничение групповых агентов политики; 2) рассмотрение какой-либо проблемы и установление согласия в вопросах ее решения; 3) совершение политических действий; 4) проектирование «языковой реальности» и ее разъяснение; 5) манипулирование политическими деятелями и контроль за их действиями [Карасик 2013; Методология исследований политического дискурса... 2000].

Политика как специфическая сфера человеческой деятельности демонстрирует

сочетание различных речевых действий. Разнообразие политического дискурса обусловлено разнообразием политических институтов, в дискурсе политика принимает форму институциональной коммуникации. Тематика политического дискурса отражает установки партнеров по коммуникации на достижение конкретных целей и демонстрирует функциональность, утилитарность данного дискурса.

Экспрессивность политической интеракции может быть усилена использованием политической карикатуры. Слово «карикатура» восходит к итальянскому глаголу *caricare* — «нагружать», «преувеличивать». В английском языке название данного жанра имеет два эквивалента — *caricature* и *cartoon* [Попова 1995]. Карикатура представляет собой один из жанров изобразительного искусства, разновидность изобразительной сатиры. Работы данного жанра в юмористической или сатирической форме отражают какие-либо социальные или общечеловеческие проблемы.

Карикатура отражает явления всех сфер человеческой деятельности, служит для изображения конкретных людей, характерных типов людей или политических явлений. Сегодня последнее ярко проявляется в том, что СМИ публикуют карикатуры, связанные с политикой, и тем самым высмеивают политические действия. Следует отметить, что карикатура призвана дать альтернативный, свежий взгляд на то или иное явление, а также высмеять или осудить персонажей, их действия. В карикатурах изображаются, часто шаржированно и утрированно, характерные черты выдающихся фигур политики, их портреты и манеры; часто в связи с определенным персонажем действительные события комбинируются с прошедшими или вымышленными, возникающими по ассоциации. Большинство зарубежных исследователей при рассмотрении карикатур уделяют внимание социальному аспекту, их функциям в обществе.

Политическая карикатура, дополняющая ряд более традиционных жанров политического дискурса, преподносит информацию в шуточной форме. Эта манера подачи сведений является косвенной, юмор подчеркивает те или иные аспекты реальных событий. В данном случае следует говорить о гибридном жанре, вторичном политическом дискурсе, погруженном в смеховую, развлекательную культуру. Для такого дискурса характерно некое отступление от важной темы за счет шуточной тональности подачи материала, особых моделей юмористического выстраивания текста. Политические карикатуры создаются с

учетом национально-культурных особенностей юмора и характеризуются четкой идеологической направленностью.

Согласно концепции М. М. Бахтина, политическая карикатура также рассматривается как вторичный жанр. Вторичные жанры создаются на базе первичных параллельно с появлением новых течений в политике, изменениями в жизни общества [Чудинов 2008]. Вторичные политические жанры обладают сложной композиционной структурой и выполняют рефлексивную функцию в качестве ответной реакции на высказывания и действия политиков. Следовательно, авторы карикатур с целью привлечения максимально широкого внимания добиваются утрированного сходства своих персонажей с известными деятелями либо считываемых отсылок к определенным институтам власти. Политическая карикатура является формой критики, осуществляемой с насмешкой, сатирой и юмором.

Для политической карикатуры характерно разнообразие тем. Как правило, карикатуры затрагивают вопросы политической конкуренции, требующих поиска консенсуса конфликтных ситуаций, борьбы с коррупцией или проведения избирательных кампаний [Шейгал 2017].

Таким образом, у такого гибридного, вторичного жанра политического дискурса, как политическая карикатура, выделяются следующие основные особенности: оценочность, агрессивность, эффективность, тенденциозность (решение определенных политических задач, отстаивание конкретных политических взглядов). Политическая карикатура в силу своей популярности оказывает влияние на все сферы жизни общества. Многие политические карикатуры поднимают актуальные проблемы, наглядно демонстрируют, что основной функцией политического дискурса является воздействующая. Особо следует отметить, что тенденции к более широкому использованию языковых приемов

воздействия в политике указывают на продуктивность дальнейших исследований политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э. О некоторых особенностях политического дискурса // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1778—1780.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006.
3. Будаев Э. В. Политическая метафора в невербальных семиотических системах // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 57—66.
4. Воробьева О. А. Современное состояние политического дискурса // Теоретическая и прикладная семантика, парадигматика и синтагматика языковых единиц : сб. науч. тр. — Краснодар, 2000. С. 125—128.
5. Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 90—95.
6. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. 2015. № 3. С. 127—139.
7. Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. — М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 2. С. 20—23.
8. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла / под ред. П. Серю. — М.: Прогресс, 1999. С. 124—136.
9. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000. 250 с.
10. Жилинская А. В., Сенцов А. Э., Трутнягин А. А. Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 968—970.
11. Ильин М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. — М.: РАН, ИНИОН, Ин-т сравн. политологии, Рос. ассоц. полит. науки, 2002. № 3. С. 7—19.
12. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2013.
13. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск: БГУ, 2000. 479 с.
14. Попова Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1995. 187 с.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта : Наука, 2008.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Волгоград : Перемена, 2017. 367 с.

Guan Shaoyang
Dalian, China

POLITICAL CARTOON OR MULTIMODAL POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *Mass media influencing public opinion become one of the most popular channels of political discourse. The article analyzes the main approaches to interpretation of the concepts "language", "speech", "text" and "discourse" and their interrelation. We provide a working definition of the concept "political discourse": it is an institutional kind on interaction, a text determined by the situation of political communication. The main function of political discourse is influencing. Political discourse is connected with a race for power of different types (identification of political groups; expression of the unanimous view on problem solving; manipulation of political leaders, control of their actions). Political cartoon adds expressive coloring to political discourse. It is a hybrid, non-official type of political discourse, which is characterized by its humorous presentation of information, humoristic models with national and cultural features. Political cartoons perform reflexive function being reactions to the statements and actions of politicians. In such cartoons their authors exaggerate and hyperbolize the typical features of famous people. The aim of political cartoon is to criticize the activity of a politician or authorities, to mock it in a satirical and humorous way. Political cartoons cover different topics, the most popular are: political race, search for consensus, fight against corruption and election campaign. The main features of political cartoon are evaluativity and aggression, efficiency, defense of a point of view in political space. Due to its great manipulative potential, political cartoons have become especially popular.*

KEYWORDS: *political cartoon; political discourse; hybrid genres; institutional communication; language manipulation; mind control; mass media, media; media discourse; media texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Guan Shaoyang, Post-graduate Student of Political Linguistics, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

REFERENCES

1. Alifanova F. S., Sentsov A. E. O nekotorykh osobennostyakh politicheskogo diskursa // *Molodoy uchenyy*. 2015. № 11. S. 1778—1780.
2. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika*. — Ekaterinburg, 2006.
3. Budaev E. V. Politicheskaya metafora v neverbal'nykh semioticheskikh sistemakh // *Politicheskaya lingvistika*. 2006. № 18. S. 57—66.
4. Vorob'eva O. A. Sovremennoe sostoyanie politicheskogo diskursa // *Teoreticheskaya i prikladnaya semantika, paradigmatica i sintagmatika yazykovykh edinits* : sb. nauch. tr. — Krasnodar, 2000. S. 125—128.
5. Voroshilova M. B. Krizis skvoz' smekh: metaforicheskiy obraz mirovogo krizisa v russkoy politicheskoy karikature // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. № 1 (31). C. 90—95.
6. Gavrilova M. V. Politicheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza // *Polis*. 2015. № 3. S. 127—139.
7. Gerasimenko N. A. Informatsiya i fastsinatsiya v politicheskom diskurse // *Politicheskii diskurs v Rossii*. — M. : Dialog-MGU, 1998. Vyp. 2. S. 20—23.
8. Giyomu Zh., Mal'did'e D. O novykh priemakh interpretatsii, ili Problema smysla s tochki zreniya analiza diskursa // *Kvadratura smysla* / pod red. P.Serio. — M. : Progress, 1999. S. 124—136.
9. Zheltukhina M. R. *Komicheskoe v politicheskom diskurse* : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2000. 250 s.
10. Zhilinskaya A. V., Sentsov A. E., Truntyagin A. A. Transformatsiya ideologii v mire politiki // *Molodoy uchenyy*. 2015. № 9. S. 968—970.
11. Il'in M. V. *Politicheskii diskurs kak predmet analiza* // *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya* : sb. nauch. tr. / otv. red. i sost. V. I. Gerasimov, M. V. Il'in. — M. : RAN. INION, In-t sravn. politologii, Ros. assots. polit. nauki, 2002. № 3. S. 7—19.
12. Karasik V. I. *Struktura institutsional'nogo diskursa* // *Problemy rechevoy kommunikatsii*. — Saratov, 2013.
13. *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: aktualnye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov*. Vyp. 2 / pod. obshch. red. I. F. Ukhvanovoy-Shmygovoy. — Minsk : BGU, 2000. 479 s.
14. Popova E. A. *Kul'turno-yazykovye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gazetnykh interv'yu)* : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 1995. 187 s.
15. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* : ucheb. posobie. — 3-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2008.
16. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. — M. : Volgograd : Peremena, 2017. 367 s.

У Анна
Москва, Россия

**ХАРАКТЕРНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В РАМКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на примере современных политических выступлений)**

АННОТАЦИЯ. Вводится понятие «политической моды» — тенденция к росту популярности в течение определенного периода в политических выступлениях некоторых языковых приемов. Предлагается рассмотреть лингвополитическую моду на примере актуальных тенденций синтаксиса политического дискурса. Анализируется использование условных придаточных предложений, синтаксического параллелизма и лозунговых простых предложений в англо- и русскоязычных политических выступлениях. Материалом для исследования стали тексты речи экс-президента США, произнесенной в парке «Грант» (Чикаго), и речи президента РФ В. В. Путина на мероприятии «Молодежь-2030. Образ будущего». Лингвополитическая мода в области синтаксиса связана с арсеналом грамматических средств оформления высказывания, имеющимся в конкретном языке. Так, в английском языке возможно использование условного придаточного предложения для реализации функции общевопросительного предложения (в приведенном примере Барак Обама задает вопрос, сомневается ли кто-нибудь в политических перспективах Америки, и использованием особых грамматических конструкций подчеркивает безосновательность подобных сомнений). В русском языке условное придаточное предложение способно выражать различные модальные смыслы: так, потенциальные условные предложения используются в том случае, если говорящий уверен в последующей реализации преподносимых как потенциальные мер. В большинстве реально-условных предложений предполагаемые допущения имеют характеристики низкой сложности задачи и короткого периода выполнения. Прагматическая семантика подобных высказываний заключается в ближайшее время достичь озвученных целей. Широко используются в политических выступлениях параллельные синтаксические конструкции, позволяющие придать тексту регулярность, усилить воздействие выступления с помощью выстраивания определенного ритма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: условные предложения; синтаксический параллелизм; простые предложения; политические выступления; политический дискурс; английский язык; русский язык; сопоставительное языкознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: У Анна, аспирантка кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; e-mail: wuanna1990@gmail.com.

В текстах политических выступлений особое внимание уделяется форме, подбору языковых выражений, приобретают повышенную частотность лозунговые предложения и определенная политическая лексика. Чем шире сфера влияния руководителя, тем выше сложность решаемых им политических задач, поэтому, стремясь усилить эффект политической пропаганды и продемонстрировать широту своей власти, политики все больше внимания уделяют высказыванию как средству достижения политических целей. По мере развития политической лингвистики и углубления изучения политического дискурса формируется понятие, которое можно обозначить термином «политическая мода» — употребление в течение определенного периода определенных языковых выражений, способствующих достижению текущих политических целей и зависящих от аудитории. Как демонстрируют многие политические выступления, современная политическая мода в области синтаксиса в основном заключается в использовании условных придаточных предложений, синтаксического параллелизма и лозунговых простых предложений. В соответствии с этим в данной статье наше внимание будет сфокусировано на этих типах предложения в политических текстах, будут анализироваться грамматически аналогичные высказывания в английском и русском политических дискурсах с целью их сравнения. Данная статья делится на две части: представлены теоретические положения и анализ текстов и типов предложения.

По мнению Г. П. Грайса, язык как средство общения основан на кооперативности в коммуникации [Грайс 1985: 217]. Иначе говоря, общение зависит от двух сторон: говорящего и слушающего. Безусловно, что адресант и адресат являются наиболее важными составляющими коммуникационного треугольника. Кроме того, чтобы достичь цели высказывания, говорящий должен учитывать экстралингвистические факторы, такие как идентичность аудитории и ее социальная характеристика — все это в определенной мере влияет на степень понимания политической речи. Таким образом, ввиду ограничений, накладываемых самоидентификацией слушателей, у говорящего сужается выбор слов и предложений, которые всегда требуют адаптации к разным группам слушающих. Выбор конкретного структурного типа простого и сложного предложения из всего их многообразия обусловлен контекстом и зависит от семантических и стилистических параметров [Розенталь 2011: 353]. Более того, по мнению А. П. Чудинова, при анализе политического дискурса всегда следует учитывать конкретные условия создания и функционирования текстов [Чудинов 2007: 5]. Действительно, слова и типы предложений в тексте речи подбираются говорящим с учетом ситуации общения и аудитории, чтобы обеспечить наиболее полное понимание аудиторией содержания речи. Как отмечает Н. И. Формановская, *коммуникативная ситуация* — это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних со-

стояний общающихся, представленных в речевом произведении — высказывании, дискурсе» [Формановская 2002: 42]. Таким образом, использование разных типов предложения в политическом дискурсе обусловлено как контекстом речи, так и идентификацией аудитории. В последние годы, по мере расширения вариантов самоидентификации адресатов политического дискурса и общего повышения уровня образования, формы языкового выражения в политических выступлениях также становятся все более разнообразными, особое внимание уделяется навыкам профессионального выступления и эффективным риторическим средствам воздействия.

Со структурной точки зрения в публицистическом стиле, особенно в политическом дискурсе, так же как в научном стиле, широко используются сложные синтаксические конструкции. Это связано с тем, что подобные конструкции не только дают возможность полно сформулировать какой-либо тезис, но и помогают развертыванию необходимой аргументации. По нашим наблюдениям, в настоящий момент в текстах политических речей частотное использование условных придаточных предложений и предложений с синтаксическим параллелизмом, а также нарочито простых лозунговых предложений. Обычно условные придаточные предложения в политическом дискурсе демонстрируют стремление адресанта получить от адресатов положительную запланированную реакцию; кроме того, такие высказывания проявляют умения говорящего прогнозировать развитие политических процессов.

Ввиду ограничения условиями, на которые нет возможности повлиять, т. е. идентификацией и моделями поведения аудитории, говорящий старается активнее корректировать контекст с помощью средств выражения, таких как условные предложения, параллельные синтаксические конструкции и другие, чтобы контролировать ситуацию в ходе выступления и обеспечить эффективность речи.

Следует отметить, что в англоязычном политическом дискурсе существует особый случай использования условного придаточного предложения — для реализации функции общевопросительного предложения. Так, когда говорящий намерен усилить эффект выступления за счет демонстрации обратной связи с аудиторией, он использует условное придаточное предложение вместо общевопросительного, как бы спрашивая, реальна ли некая цель, предполагая, что эта цель достижима, и выстраивает дальнейшую логику текста через данное средство выра-

жения. Если синтаксическая структура придаточной части условного предложения усложнена, тем самым говорящий указывает на то, что условия достижения постулируемой им цели сложны или существует несколько целей. Приведем соответствующий пример из выступления Б. Обамы.

1) *If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if the dream of our founders is alive in our time; who still questions the power of our democracy, tonight is your answer* (Б. Обама) [«Выступление Б. Обамы в парке Грант Чикаго», 04.11.2008].

Прочитанное сложноподчиненное предложение было произнесено в самом начале выступления. Выделяется условное предложение и три определительных придаточных, используется стилистическая фигура синтаксического параллелизма, следовательно, намерение субъекта явно выражено и подчеркнуто. Стилистический анализ свидетельствует о том, что слово «*anyone*» связано с параллельными пропозициями трех придаточных предложений с соединительным словом «*who*», а использование синтаксического параллелизма направлено на детализацию и описание упомянутых групп или классов явлений, кроме того, очерчивает сферу действия объекта-референта и четко выражает намерение говорящего. Хотя семантика слова «*anyone*» модифицируется в соответствии с содержанием всего высказывания, данное местоимение употреблено в условном придаточном предложении с союзом «*if*». «*If*» сигнализирует о том, что нечто принято в качестве предварительного условия, так что смысл предложения состоит в отрицании, нереальности описываемого положения дел, т. е. адресанту не хочется, чтобы появились противоположные группы референтных объектов или объектов, которые имеют противоположные интересы.

Подобные синтаксические приемы свойственны и русскому языку, но в специфическом виде. В. В. Путин в своей речи на сессии форума «Молодежь-2030. Образ будущего» тоже употребил условные предложения, и анализ позволяет на этом материале продемонстрировать различия его дискурса и речи американского политика. В Русской грамматике 1980 г. выделяется три типа условных предложений, представляющих действие: 1) как реальное (соответствующее действительности), 2) нереальное (не соответствующее действительности) и 3) потенциальное (соответствие и несоответствие действительности допустимы в равной мере) [Русская грамматика 1980: 566]. Семантические нюансы предложения со

значением потенциальной обусловленности зависят от конкретного контекста [Русская грамматика 1980: 573]. Приведем пример:

2) *Если мы хотим, чтобы эти технологии приобрели массовый характер и чтобы мы реально влияли на сохранение окружающей среды, то нужно, используя все возможности современных технологий и завтрашних, может быть, все-таки делать эту энергию конкурентоспособной* (В. В. Путин) [Сессия «Молодежь-2030. Образ будущего» [http](http://)].

В данном высказывании использовано потенциальное условное придаточное с союзом «если», также употреблены две параллельные синтаксические конструкции с союзом «чтобы». Хотя корреляты «если» и «то» не имеют специальной семантической нагрузки, высокочастотны и употребляются как стилистически нейтральные, в данном отрывке с их помощью была выражена надежда говорящего, т. е. предполагаемое В. В. Путиным должно быть достигнуто или реализовано в определенное время и при определенных условиях. Таким образом, условное придаточное действительно является потенциальным условным, хотя очевидно, что президент возлагает надежды на новые технологии в энергетике и в то же время надеется, что эти новые технологии будут способствовать экономическому росту, т. е. говорящий имеет уверенность в последующей реализации своего высказывания.

В большинстве реально-условных предложений предполагаемые допущения описывают не самую сложную задачу с коротким периодом выполнения. В политическом дискурсе реально-условные придаточные предложения используются для того, чтобы выделить вполне выполнимую политическую цель. Такое употребление позволяет в определенной степени повысить доверие к правительству со стороны как спонсоров политических партий, так и населения, т. е. данный тип условного придаточного предложения имеет четкую прагматическую направленность, явно выражает субъективное намерение.

Кроме того, стоит учесть, что В. В. Путин в выступлении подчеркивает важность охраны окружающей среды и поиска новых источников энергии. Помимо прочего, стремление самого говорящего и всего общества к улучшению состояния окружающей среды отображает конструкция «мы хотим». Более того, использованы два придаточных предложения с союзом «чтобы», что на семантическом уровне указывает на двойное обязательство Путина в области охраны окружающей среды. Первое предложение со «чтобы» призвано подчеркнуть необходимость

заботы об экологии на национальном уровне путем широкого применения новых энергетических технологий в России. С точки зрения экологии, В. В. Путин выразил желание добиться охраны окружающей среды посредством технического совершенствования, т. е. второе предложение со «чтобы» употребляется для подчеркивания того, что Президент РФ в качестве защитника окружающей среды призывает к недифференцированной и всеобщей защите окружающей среды во имя интересов всего человечества, подчеркивая, что улучшение состояния окружающей среды является конечной и очень важной целью. Таким образом, данное высказывание полезно с точки зрения увеличения политической поддержки В. Путина, в то же время оно может привести к политическому сопротивлению со стороны российских бизнесменов, контролирующей традиционную энергетику.

Итак, различные условные придаточные предложения относятся к одному из частотных в политических выступлениях типов. Приведем примеры:

3) *For if we don't create opportunity for all people, the disaffection and division that has stalled our progress will only sharpen in years to come* (Б. Обама) [Read the full transcript of President Obama's farewell speech [http](http://)].

4) *If I had told you eight years ago that America would reverse a great recession, reboot our auto industry, and unleash the longest stretch of job creation in our history — if I had told you that we would open up a new chapter with the Cuban people, shut down Iran's nuclear weapons program without firing a shot, take out the mastermind of 9-11 — if I had told you that we would win marriage equality and secure the right to health insurance for another 20 million of our fellow citizens — if I had told you all that, you might have said our sights were set a little too high* (Б. Обама) [Read the full transcript of President Obama's farewell speech [http](http://)].

5) *Генная инженерия, которая безусловно даст нам потрясающие возможности в области фармакологии, новых лекарств, изменения человеческого кода, если человек страдает генетическими заболеваниями* (В. В. Путин) [«Молодежь-2030. Образ будущего», 21.10.2017].

6) *И понятно, что если такие сверхзадачи, сверхамбициозные цели формулируются, то можно заранее быть уверенным в том, что чего-то, может быть, и не удастся сделать* (В. В. Путин) [Съезд партии «Единая Россия» [http](http://)].

Что касается параллельных синтаксических конструкций в политическом дискурсе, то они нацелены на структуризацию текста,

на то, чтобы средствами регулярного ритма и интонации повысить эффективность влияния выступления на слушателей. В экстралингвистическом плане необходимо отметить увеличение политической эффективности речей с данным приемом. Кроме того, параллельные конструкции заставляют аудиторию фиксировать свое внимание на каждой озвучиваемой идее, за счет чего можно добиться политического пропагандистского эффекта, превышающего ожидания самого политика.

Параллельные конструкции широко используются в политических выступлениях. Приведем примеры:

7) *И очень здорово, что нам в России удалось провести — это мероприятие ещё не закончилось, но завершается, правда, — фестиваль. Очень здорово, что удалось провести такое совещание, такую встречу, скажу, почему* (В. В. Путин) [«Молодежь-2030. Образ будущего», 21.10.2017].

8) *Это значит, что человек приобретает возможность влезать в генетический код, созданный или природой, или, люди с религиозными взглядами говорят, Господом Богом. Практические последствия какие из этого могут наступить? Это значит, уже можно это представить, даже не очень теоретически, уже можно практически представить, что человек может создавать человека с заданными характеристиками* (В. В. Путин) [«Молодежь-2030. Образ будущего», 21.10.2017].

9) *It grew strength from the young people who rejected the myth of their generation's apathy, who left their homes and their families for jobs that offered little pay and less sleep; from the not-so-young people who braved the bitter cold and scorching heat to knock on doors of perfect strangers; and from the millions of Americans who volunteered and organised and proved that more than two centuries later a government of the people, by the people, and for the people has not perished from the Earth* (Б. Обама) [«Выступление Б. Обамы в парке Грант Чикаго», 04.11.2008].

10) *I know you didn't do this just to win an election and I know you didn't do it for me* (Б. Обама) [«Выступление Б. Обамы в парке Грант Чикаго», 04.11.2008].

При обсуждении языковой моды на определенные синтаксические конструкции необходимо сказать и об использовании особых простых предложений, которые можно обозначить как лозунгово-императивные. Такие предложения также частотны в выступлениях современных политиков. Отличительные черты таких единиц: краткость, емкость, в ряде случаев запоминаемость,

простая и сжатая структура и грамматическая неполнота, наличие большого числа эмоционально окрашенных слов. Кроме того, поскольку интонация политических выступлений часто повышается к концу, в них нередко встречается декларативное по смыслу восклицательное предложение, отличающееся от обычного декларативного предложения тем, что в большей степени выражает потребность говорящего в поддержке или выражении собственного стремления. Как считает исследователь Б. Аартс [Aarts 2016: 60—61], иногда подобные предложения нельзя переводить буквально, так как, несмотря на императивную форму, они выражают не только жесткую позицию политика, но и его желания и просьбы. Приведем пример:

11) *Yes, we can* (Б. Обама) [«Выступление Б. Обамы в парке Грант Чикаго», 04.11.2008].

Это предложение является названием яркой речи и много раз употреблялось во время соответствующего выступления. Использование модальной частицы «yes» прямо превращает это предложение в слоган в разговорном стиле. Очевидно, что это высказывание за счет краткости и энергичности, а также неоднократного повторения на протяжении речи прямо выражает поощрение целевой аудитории со стороны Б. Обамы и утверждает позитивный статус государственной власти, что направлено на завоевание политического доверия и поддержки. Множественное число местоимения первого лица, используемого в данном высказывании как подлежащее, выбрано не случайно: оно объединяет говорящего со слушателями и в то же время показывает, что в администрации президента царит единство и готовность работать всей командой на решение каких-либо проблем. Б. Обама предлагает лозунг в качестве нового президента, подчеркивая превосходство своего руководства и эффективно формируя собственный политический имидж.

В данном предложении предикатом является слово «can» — субъективный модальный глагол, подчеркивающий позитивный настрой и непреклонную решимость достичь цели. Следует учесть и то, что степень его модальности (возможность) сильнее, чем у глагола «could» или других модальных глаголов. С точки зрения смысла предложения и прагматики, слово «can» намеренно используется без объекта (подразумевается: «мы можем всё»), так что хотя данное предложение и является кратким и простым, даже грамматически недостаточным, содержательно оно сложно, так что демонстрирует идеальное сочетание богатства содержания

и простоты формы в речи. Более того, в предложении проявлена потенциальная объективность, также достигнута комбинация субъективности и объективности (посредством использования местоимения *we*).

Сравним вышеприведенный отрывок с фрагментом речи президента РФ В. В. Путина:

12) *Вместе возьмемся за большую, масштабную работу во имя России* (В. В. Путин) [Владимир Путин выступил на митинге на Манежной площади в Москве <http://kremlin.ru/events/president/news/57084>].

Данное предложение является последним в выступлении В. В. Путина после победы на выборах президента в 2018 г. Отмечается множественное число первого лица глагола «возьмемся», здесь же подчеркнуто, что В. В. Путин с народом всегда вместе: глагол «возьмемся» в качестве субъектов действия подразумевает «я и вы», т. е. адресанта и всех слушателей. Кроме того, несмотря на то что словосочетание «во имя России» коротко, оно является сильным и цельным, позволяет В. В. Путину передать высокие чувства, в то же время воздействует на эмоции аудитории, вызывая воодушевление от призыва ко всем (не только присутствующим на митинге) работать на благо общей Родины.

Итак, в данной статье было проанализировано использование условных предложений, параллельных конструкций и особых простых лозунговых предложений в сегодняшних политических дискурсах РФ и США. Доказано, что при выборе, какие простые и сложные предложения использовать, цель высказывания коррелирует с оказываемым им эффектом, находящимся под влиянием таких переменных, как контекст и аудитория. Чтобы

добиться планируемых эффектов высказывания, в политическом дискурсе при отборе и употреблении средств выразительности необходимо учитывать все эти факторы.

ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Путин выступил на митинге на Манежной площади в Москве [Электронный ресурс] // Президент России. 2018. 18 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57084> (дата обращения: 18.03.2018).
2. Сессия «Молодёжь-2030. Образ будущего» [Электронный ресурс] // Президент России. 2017. 21 окт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (дата обращения: 21.10.2017).
3. Съезд партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Президент России. 2017. 23 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56478> (дата обращения: 23.12.2017).
4. Выступление Б. Обамы в парке Грант Чикаго. The full text of Barack Obama's victory speech [Electronic resource] // Independent. 2008. 5 Nov. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/the-full-text-of-barack-obamas-victory-speech-993008.html> (date of access: 05.11.2008).
5. Read the full transcript of President Obama's farewell speech [Electronic resource] // Los Angeles Times. 2011. 10 Jan. URL: <http://www.latimes.com/politics/la-pol-obama-farewell-speech-transcript-20170110-story.html> (date of access: 10.01.2011).

ЛИТЕРАТУРА

6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
7. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. Изд. 3-е. — М.: URSS, 2012. 232 с.
8. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. — М.: Оникс: Мир и образование: Астрель», 2011. 416 с.
9. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. — М.: Наука, 1980.
10. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
11. Хазагеров Г. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
12. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2007. 254 с.
14. Aarts B. English Syntax and Argumentation. — Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Pr., 2016.

Wu Anna

Moscow, Russia

SYNTACTIC PECULIARITIES OF STATEMENTS IN THE FRAMEWORK OF THE ENGLISH-RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (based on contemporary political speeches)

ABSTRACT. *The concept of "political fashion" is introduced, which is defined as the tendency of some language means to become popular in political speeches at a certain period of time. It is proposed to study linguo-political fashion on the basis of the current syntactical trends found in political discourse. Conditional sentences, syntactical parallelism and simple sentences in political speeches in English and in Russian are analyzed. The material for this research consists of the speech in Grant Park (Chicago) by the US ex-president B. Obama and address "Youth 2030. The Image of the Future" pronounced by the Russian President V.V. Putin. Linguo-political fashion in syntax is connected with grammatical means of expression existing in a given language. For instance, in English it is possible to use conditional clause in the function of a general question (Barak Obama asks a question if someone doubts political prospects of the USA and using certain grammatical constructions he underlines futility of such views). In Russian conditional clause may convey different modal meanings: thus potentially conditional sentences are used if the speaker is sure in the fulfillment of the proposed projects. In the majority of conditional sentences assumptions may be interpreted as easy tasks quickly fulfilled. Pragmatic semantics of such statements is in the desire to reach the goals in the nearest future. Parallel syntactic constructions are widely used in political texts; they build regular patterns of such texts and enhance their influence on the listeners with the help of a certain rhythm.*

KEYWORDS: *conditional sentences; syntactic parallelism; simple sentence; political speeches; political discourse; English; Russian; comparative linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Wu Anna, Post-graduate Student of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; Moscow, Russia.*

RESOURCES

1. Vladimir Putin vystupil na mitinge na Manezhnoy ploschadi v Moskve [Elektronnyy resurs] // Prezident Rossii. 2018. 18 marta. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57084> (data obrashcheniya: 18.03.2018).
2. Sessiya «Molodezh'-2030. Obraz budushchego» [Elektronnyy resurs] // Prezident Rossii. 2017. 21 okt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (data obrashcheniya: 21.10.2017).
3. S'ezd partii «Edinaya Rossiya» [Elektronnyy resurs] // Prezident Rossii. 2017. 23 dek. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56478> (data obrashcheniya: 23.12.2017).
4. The full text of Barack Obama's victory speech [Electronic resource] // Independent. 2008. 5 Nov. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/the-full-text-of-barack-obamas-victory-speech-993008.html> (date of access: 05.11.2008).
5. Read the full transcript of President Obama's farewell speech [Electronic resource] // Los Angeles Times. 2011. 10 Jan. URL: <http://www.latimes.com/politics/la-pol-obama-farewell-speech-transcript-20170110-story.html> (date of access: 10.01.2011).

REFERENCES

6. Grays G. P. Logika i rechevoe obshchenie // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. — M. : Pro-gress, 1985. Vyp. 16 : *Lingvisticheskaya pragmatika*. S. 217—237.
7. Parshina O. N. *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika*. Izd. 3-e. — M. : URSS, 2012. 232 s.
8. Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika*. — M. : Oniks : Mir i obrazovanie : Astrel', 2011. 416 s.
9. *Russkaya grammatika*. T. 2. Sintaksis. — M. : Nauka, 1980.
10. Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod*. — M. : Rus. yaz., 2002. 216 c.
11. Khazagerov G. G., Shirina L. S. *Obshchaya ritorika*. — Rostov n/D : Feniks, 1999. 320 s.
12. Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod*. — M. : Rus. yaz., 2002. 216 c.
13. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie*. — M. : Flinta, 2007. 254 s.
14. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. — Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Pr., 2016.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27; 16.31.02

Код ВАК 10.02.19

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**О V МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО»
(Г. ПЕНЗА, 22—25 МАЯ 2018 Г.): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

АННОТАЦИЯ. *Отзыв о состоявшейся 22—25 мая в Пензенском государственном университете V Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество». Цель проведения конференции — консолидировать усилия ученых, законодателей, государственных служащих, представителей судебной власти, экспертов в поиске путей решения конкретных проблем, связанных с профессиональной деятельностью специалистов и возникающих в контексте правовой коммуникации в современном государстве и обществе. На конференции были представлены доклады по следующим проблемам: лингвистическая экспертиза текстов различных функциональных типов; рекламный текст как объект лингвистического исследования и правового регулирования; лингвистические аспекты юридической техники и толкования правовых актов; проблема правовых дефиниций юридических терминов; проблемы межкультурной коммуникации и перевода юридических текстов; юридико-лингвистические аспекты функционирования государственного языка; лингвоправовые аспекты речевой манипуляции в СМИ; роль художественной литературы и массовой культуры в формировании общественного правового сознания; формирование лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов. Рабочими языками конференции традиционно были русский и английский, был организован последовательный перевод выступлений участников. К участию в мероприятии были приглашены не только ученые-исследователи, но и практики — государственные служащие, законодатели, работники судебной системы, эксперты. В отечественной юрислингвистике как науке, по общему мнению участников конференции, наступает такой этап развития, который требует теоретического обобщения накопленного исследователями и экспертами научного и практического опыта в сфере изучения юридического дискурса как культурного феномена; языка права, в частности процессов юридизации и деюридизации лексики; функционирования языка как объекта правового регулирования.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *юридическая лингвистика; языковая политика; информационная война; межкультурная коммуникация; лингвистическая судебная экспертиза; манипуляции сознанием; общественное мнение; международные конференции.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, заведующий лабораторией прикладной и юридической лингвистики, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40, 1 корп., к. 201; e-mail: olphil@mail.ru.*

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра риторики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного, исполняющий обязанности директора Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282; e-mail: shinkari@mail.ru.

22—25 мая в Пензенском государственном университете состоялась V Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество», организованная Научно-исследовательским институтом фундаментальных и прикладных исследований ПГУ при участии Законодательного собрания Пензенской области и УФАС России по Пензенской области, Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург, Россия) и Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария). Конференция проводилась в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ.

Цель V Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» — консолидировать усилия ученых, законодателей, государственных служащих, представителей судебной власти, экспертов в поиске путей решения конкретных проблем, связанных с профессиональной деятельностью специалистов и возникающих в контексте правовой коммуникации в современном государстве и обществе. Многоаспектность указанных проблем нашла отражение в широком

спектре тематических направлений конференции, соответствующих ее рабочим секциям.

1. Лингвистическая экспертиза текстов различных функциональных типов.

2. Рекламный текст как объект лингвистического исследования и правового регулирования. Проблемы государственного контроля в сфере рекламы.

3. Язык права как язык для специальных целей. Лингвистические аспекты юридической техники и толкования правовых актов.

4. Юридический термин. Проблема правовых дефиниций.

5. Проблемы межкультурной коммуникации и перевода юридических текстов.

6. Язык и право в контексте языковой политики. Государственный язык: юридико-лингвистические аспекты функционирования.

7. Речевые манипуляции в СМИ: лингвоправовые аспекты.

8. Язык и правовая коммуникация. Юридический дискурс как культурный феномен.

9. Роль художественной литературы и массовой культуры в формировании общественного правового сознания.

© Барабаш О. В., Ворошилова М. Б., 2018

10. Формирование лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов.

Научная программа конференции включала также пленарное заседание, круглый стол и гостевые лекции ведущих российских и зарубежных ученых. Данные формы работы позволили расширить круг участников мероприятия, привлечь студентов, аспирантов и всех тех, кто интересуется актуальными проблемами юрислингвистики.

Рабочими языками конференции традиционно были русский и английский. С целью эффективного научного взаимодействия был организован последовательный перевод выступлений участников. Докладчики, выступающие в режиме видео-конференц-связи, были обеспечены возможностью участия в дискуссии на протяжении всего времени проведения конференции.

В торжественном открытии конференции приняла участие руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области Оксана Николаевна Кузнецова, подчеркнувшая в приветственном обращении к участникам конференции важность и перспективность взаимодействия ученых и представителей органов государственного управления в решении многообразных вопросов, возникающих на пересечении языка и права.

На пленарном заседании с докладом «Злоупотребление правом как лингвистический феномен» выступил известный российский лингвист д-р филол. наук, профессор Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, профессор Высшей школы экономики Анатолий Николаевич Баранов (г. Москва, Россия). Ученый отметил, что в настоящее время в публичной коммуникации появляются тексты, обнаруживающие «признаки того, что можно было бы назвать злоупотреблением языком (*abuse of language*) в попытке уйти от правовых санкций» [Баранов 2018: 8]. А. Н. Баранов обращается к «собственно лингвистическим аспектам проблемы, которая действительно возникла и требует лингвистического анализа в рамках лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации» [Баранов 2018: 8]. В качестве ориентиров, позволяющих выявлять в тексте лингвистические аспекты злоупотребления правом, А. Н. Баранов предложил применять критерий частоты, семантический критерий и критерий метатекста. Так, высокая частотность в тексте эксплицитных маркеров выражения мнения, предположения, оценки, возможности и т. п. позволяет, по мнению ученого, отнести публикацию к П-дискурсу («погромному» дискурсу). Семантический

критерий заключается в выявлении специфических ошибок: включение предположения в сферу действия модальности факта, а мнения — в сферу действия нереализованного условия; чрезмерная детализация гипотетической ситуации; ложная антиэмпатия; использование будущего времени с целью избегания возможности проверки сведений на соответствие действительности; искусственная модификация иллокутивной семантики (см. подробнее в работе: [Баранов 2018: 7—10]).

В пленарном докладе доктора философии, профессора переводоведения Университета Тампере Михаила Николаевича Михайлова (г. Тампере, Финляндия) был представлен опыт создания финско-русского банка данных по юридической терминологии — LATTER (*фин.* Lakitermien termipankki — Терминологический банк юридических терминов). Разрабатываемый коллективом ученых из Финляндии ресурс адресован переводчикам юридических текстов с финского языка на русский, а также устным переводчикам (прежде всего судебным) и направлен на создание условий наиболее корректного употребления терминологии при переводе специальных текстов. Кроме того, как отметил М. Н. Михайлов, предполагается использовать банк данных в преподавании письменного перевода в университетах Финляндии (см. подробнее: [Михайлов 2018 : 209—213]).

Пленарный доклад старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета Ольги Владимировны Барабаш (г. Пенза, Россия) был посвящен рассмотрению ключевых номинаций субъектов коррупционного деяния в русском и болгарском языках. Были показаны сходства и различия в концептуализации субъектов коррупции в родственных языках, обусловленные как историей развития языков, формирования их лексического состава, так и спецификой правовых систем в России и Болгарии. В докладе О. В. Барабаш были приведены результаты осуществленного в России и в Болгарии параллельного опроса, демонстрирующие динамику восприятия значения номинаций «взяточник» и «рушветчия» в русском и болгарском языках соответственно. Исследователь приходит к выводу, что в настоящее время наметилось некоторое смещение в восприятии семантики указанных номинаций, и это смещение можно охарактеризовать как «стремление к уравниванию позиций субъектов коррупционных отношений» [Барабаш 2018: 186].

В режиме видео-конференц-связи прозвучал доклад доктора философии, профессора кафедры английского языка и литературы Анноуса Самера Абдулхамида (г. Триполи, Ливан) на тему «Lebanese Identity and Linguistic Landscape in Lebanon». С. Анноус рассказал о «неофициальной» политике многоязычия в Ливане и охарактеризовал лингвистический ландшафт второго по величине ливанского города Триполи. Материалом исследования послужили вывески магазинов, расположенных на главной торговой улице города. Ученый пришел к выводу о том, что доминирующую позицию занимают моноязычные английские, двуязычные англо-арабские и моноязычные арабские наименования. При этом французский язык является наименее употребимым, и это свидетельствует, по мнению докладчика, о том, что франкофония в Ливане теряет свой исторический статус и силу. Как отметил С. Анноус, «this small scale study is a good indicator on how the Lebanese people construct and negotiate their identities through language» («это небольшое исследование хорошо демонстрирует, как ливанский народ строит и выражает свою идентичность с помощью языка»).

Важные проблемы, связанные с процессами юридизации языка, были подняты в открытой гостевой лекции на тему «Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроектов», с которой 23 мая выступил перед участниками и гостями конференции, студентами и преподавателями ПГУ ведущий российский лингвист д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, председатель правления Ассоциации лингвистов-экспертов «Лексис» Николай Данилович Голев (г. Кемерово, Россия). Исследуя юридические термины, следует учитывать, по мысли Н. Д. Голева, что терминологические единицы, функционирующие в правовом дискурсе, так или иначе «несут шлейф исторического развития» и различаются по степени юридизации («от потенциальной и опциональной до узальной, если такое употребление начинает обнаруживать признаки воспроизводимости»), поэтому на практике возникает потребность трактовать слова, еще не ставшие терминами, но приобретающие в юридической парадигме специфическую значимость, отдаляющую их от общенародных значений. Такие слова чаще других становятся объектом лингвистических конфликтов, суть которых — в расхождении юридических значимостей и общенародных значений [Голев <http>].

На секционных заседаниях прозвучали

доклады российских и зарубежных ученых, посвященные актуальным проблемам юрлингвистики. Одной из наиболее крупных по количеству участников и многоаспектной по содержанию оказалась секция № 1 «Лингвистическая экспертиза текстов различных функциональных типов». Результаты своих исследований представили как опытные, так и молодые ученые, разрабатывающие методологию лингвистической экспертизы. В свою очередь, специалисты-эксперты охарактеризовали проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в ходе проведения лингвистических экспертиз. Особое внимание докладчики уделили анализу экстремистских материалов. Обобщая экспертную практику, исследователи сформулировали признаки, позволяющие зафиксировать проявление экстремизма (см., например: [Борисова 2018: 20—22; Доронина 2018: 39—42]); определили «контуры когнитивно-дискурсивной модели вовлечения в деятельность радикальных организаций» [Катышев 2018: 43—46]; обозначили проблемы мониторинга и экспертной оценки исламского дискурса в контексте дел о религиозном экстремизме [Месропян 2018: 66—68]. В докладах и публикациях ставился вопрос о квалификационных и профессиональных требованиях к эксперту по судебной лингвистической экспертизе [Галяшина 2018: 27—32], были проанализированы особенности автороведческой экспертизы (см., например: [Абрамкина 2018: 3—6; Панина 2018: 92—94; Сааков 2018: 99—102]), представлены результаты исследования лингвистических характеристик письменного текста политического дискурса с целью определения пола автора [Огорелков 2018: 88—91], обозначены возможности применения в судебной лингвистической экспертизе результатов исследования феномена неискренности [Плотникова 2018: 99—102]. В докладе канд. филол. наук, доцента кафедры риторики, межкультурной коммуникации и РКИ, начальника Управления научно-образовательной деятельности Уральского государственного педагогического университета Марии Борисовны Ворошиловой (г. Екатеринбург, Россия) был рассмотрен вопрос о правомерности анализа значения метафоры при выполнении лингвистической экспертизы. М. Б. Ворошилова представила описание функционала метафоры, актуального с точки зрения экспертной деятельности (создание негативного образа, оскорбление, утверждение о факте), а также предложила основные принципы анализа метафоры в рамках судебной экспертизы (контекстуальность, дискурсивность и взаимопроверяемость).

М. Б. Ворошилова показала, что «метафоричность высказывания не освобождает автора от ответственности за его содержание, а сама по себе образная форма не может служить признаком того, что соответствующая информация представлена в форме мнения, а не в виде утверждения о факте» [Ворошилова 2018: 26].

Секция № 2 «Рекламный текст как объект лингвистического исследования и правового регулирования. Проблемы государственного контроля в сфере рекламы» была представлена рядом докладов и публикаций, затрагивающих различные аспекты конструирования социальной реальности средствами рекламы [Кушнерук 2018: 146—148], в том числе в сопоставительном аспекте [Балашова 2018: 136—138]; также рассматривались актуальные для правоприменительной практики вопросы функционирования рекламных текстов в современном медиaprостранстве [Кузнецова, Демидова 2018: 142—145; Надеина, Чубина 2018: 155—159; Айтмагамбетова 2018: 132—135]. Так, канд. пед. наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Елена Александровна Чубина (г. Москва, Россия) в своем докладе рассмотрела проблемы, связанные с оценкой достоверности и доказательности использования слов «быстро» и «долго» в рекламе лекарственных средств, а также с необходимостью разграничения содержания понятий «гарантия положительного действия» и «указание на лечебные свойства», которые на практике зачастую смешиваются (см. подробнее: [Чубина 2018: 155—159]).

Конференция показала, что по-прежнему актуальными остаются вопросы юридической техники и толкования правовых актов, проблемы правовых дефиниций. В докладе д-ра юрид. наук, доц., профессора кафедры философии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя Натальи Федоровны Медушевской (г. Москва, Россия) язык права был рассмотрен в контексте специфики правового менталитета российского общества. По мнению исследователя, именно «сложность, непонятность и недоступность языка права формируют в массовом правовом сознании представление о желании власти подготовить почву для возможных злоупотреблений и принять несправедливые законы» [Медушевская 2018: 324—327]. В докладах участников конференции были рассмотрены теоретические аспекты изучения русской, белорусской, болгарской, английской юридической терминологии, а также поставлены вопросы, выходящие в сферу прагматики и связанные с использованием отдель-

ных юридических терминов в профессиональной и обыденной коммуникации. Среди причин, препятствующих однозначному толкованию норм законов, специалисты и исследователи называют размытость дефиниций ключевых правовых понятий, трудности в разграничении значения юридических терминов, образующих смежные семантические поля либо демонстрирующих родо-видовые отношения. Так, предметом исследования выступили основные категории права социального обеспечения — «социальная защита», «социальное обеспечение», «социальное страхование» [Александрова 2018: 170—173], термины «специальный правовой режим», «особый правовой режим», «чрезвычайный режим» [Корнева 2018: 205—208], «контроль» и «надзор» [Агамагомедова 2018: 167—169] и др.

Были выявлены особенности функционирования правовых терминов в юридическом дискурсе и за его пределами; определены признаки системности юридической терминологии [Туранин 2018: 232—235]. Исследователи охарактеризовали лексические и грамматические особенности языка права как языка для специальных целей [Гомес 2018: 253—254; Туктарова 2018: 271].

Лингвоправовые аспекты определения коррупции в болгарском и российском законодательстве были представлены в докладе канд. филол. наук, преподавателя русского языка кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства Антонии Ивановой Пенчевой (г. София, Республика Болгария).

Обострение международной обстановки способствует ожесточению информационных войн. В связи с этим в центре внимания ученых оказались вопросы политической лингвистики, манипулятивных возможностей языка в общественно-политической коммуникации. Так, д-р филол. наук, доц., заведующий кафедрой английского языка Пензенского государственного университета Татьяна Викторовна Дубровская (г. Пенза, Россия) в своем докладе рассказала о стратегиях дискурса международных отношений в российских печатных СМИ (на примере российско-итальянских отношений) [Дубровская 2018: 358—362]. Выступление канд. филол. наук, доцента кафедры печатных СМИ Таджикского национального университета Кутбиддина Мухтори (г. Душанбе, Республика Таджикистан) было посвящено вопросам манипулирования общественным мнением в таджикской печати периода межтаджикского перемирия 1997 г. [Мухтори 2018: 369—371]. Особенности функционирования прецедент-

ных феноменов со сферой-источником «Культура» в российском националистическом дискурсе проанализированы в докладе аспиранта кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета Марины Рашиотовны Бабиковой (г. Екатеринбург, Россия) [Бабикова 2018: 345—350].

Одной из центральных, особенно для многонациональных государств, в настоящее время является проблема языковой политики. Так, научно-методологическое обеспечение правовой политики поддержки и развития русского языка при его использовании в функции государственного языка Российской Федерации стало предметом обсуждения в докладе канд. юрид. наук, доцента, доцента кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Марии Александровны Капустиной (г. Санкт-Петербург, Россия) [Капустина 2018: 379—382]. Вопросы языковой политики в современных США, состояние федерального законодательства и законодательства штатов, в частности обеспечение гарантий прав языковых меньшинств в сфере избирательного права, поднимались в выступлении канд. ист. наук, доцента, доцента кафедры уголовного права Пензенского государственного университета Бориса Викторовича Николаева [Николаев 2018: 383—385]. Английский и испанский языки в контексте государственной политики США стали предметом исследования в работе канд. пед. наук, доц., зав. кафедрой иностранных языков Пензенского государственного университета Наталии Анатольевны Павловой (г. Пенза, Россия) [Павлова 2018: 386—388]. Положение и статус русского, английского и китайского языков в Монголии, а также факторы, влияющие на языковую политику в этой стране, были проанализированы в совместном докладе канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка Монгольского государственного университета образования Цолмон Ширнэн и магистра, начальника отдела образовательных программ Монгольского государственного университета образования Гундалай Агиймаа (г. Улан-Батор, Монголия) [Цолмон, Агиймаа 2018: 393—394].

Важное значение в выстраивании эффективного межкультурного диалога в сфере правовой коммуникации имеет качественный перевод международных юридических актов. В докладах отечественных и зарубежных специалистов были проанализированы особенности осуществления перевода правовых документов на иностранные

языки — азербайджанский, английский, арабский, белорусский, болгарский, грузинский, казахский, русский, финский и др. (см.: [Новрузов 2018: 297—298; Хънгов 2018: 303—309] и др.). Были выявлены обусловленные культурными различиями и спецификой правовых систем трудности в переводческой деятельности [Арошидзе 2018: 279—282], намечены пути их преодоления применительно к конкретному языку и конкретному словоупотреблению [Арсениев 2018: 283—285; Наср 2018: 293—296]; обозначены возможности использования компьютерных методов и информационных технологий в исследовании терминологии и создании терминологических банков.

Кроме того, участники конференции обсудили основные направления формирования лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов, поделились своими методическими наработками в этом направлении; показали роль художественной литературы и массовой культуры в формировании правового общественного сознания. Так, ученый из Ливана — канд. филол. наук, профессор-ассистент кафедры английского языка и литературы Баламандского университета Ольга Флеонова (г. Триполи, Ливан) выступила с докладом «Semantic changes in the meaning of the word 'homeland' and its synonyms in Soviet and post-Soviet official discourse and mass culture» [Флеонова 2018: 435—438].

24 мая студенты и преподаватели юридического и историко-филологического факультетов ПГУ, а также участники конференции посетили открытые гостевые лекции известных российских лингвистов. С темой «Исследование метафоры в рамках судебной экспертизы» выступил д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, эксперт Федеральной службы по надзору в сфере образования Анатолий Прокопьевич Чудинов (г. Екатеринбург, Россия). Лекция на тему «Анализ динамического изображения в лингвистической экспертизе» была прочитана д-ром филол. наук, профессором кафедры лингвистической семантики, заведующим отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, профессором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Анатолием Николаевичем Барановым (г. Москва, Россия).

Известный болгарский лингвист, специалист в сфере художественного и делового перевода, канд. филол. наук, преподаватель

русского языка кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства Антония Иванова Пенчева (г. София, Болгария) выступила перед участниками и гостями конференции с лекцией на тему «Интертекстуальность в романах Виктора Пелевина — проблемы перевода (на примере романа „Любовь к трем цукербринам“»).

В соответствии с программой конференции в конференц-зале Законодательного собрания Пензенской области состоялся круглый стол «Юридический термин вне правового дискурса: статус, проблемы функционирования», на заседание которого были приглашены специалисты в сфере законотворческой деятельности. Участников конференции приветствовал председатель Законодательного собрания Пензенской области Валерий Кузьмич Лидин, подчеркнувший важность междисциплинарного — юриколингвистического — подхода к изучению и обсуждению проблем законотворчества.

С докладами на круглом столе выступили канд. пед. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета Галина Ивановна Канакина (г. Пенза, Россия); канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин Уральского института коммерции и права Наталья Сергеевна Громова (г. Екатеринбург, Россия). Участники круглого стола обсудили особенности процесса деюридизации терминов права, выявили проблемы интерпретации юридических терминов в обыденной коммуникации.

В конференции приняли участие около 150 человек, в том числе ученые из стран дальнего и ближнего зарубежья (Финляндия, Республика Болгария, Ливан, Монголия, Куба, США, Республика Беларусь, Украина, Азербайджан, Грузия, Таджикистан, Казахстан). К участию в мероприятии были приглашены не только ученые-исследователи, но и практики — государственные служащие, законодатели, работники судебной системы, эксперты. Так, выступали с докладами и участвовали в дискуссиях представители Законодательного собрания Пензенской области, УФАС России по Пензенской области, Первомайского районного суда г. Пензы, Арбитражного суда Пензенской области, отдела лингвистических исследований ГБУ «Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы, экспертных организаций из разных регионов страны. Подобная междисциплинарная

научно-практическая направленность конференции «Язык. Право. Общество» дала возможность участникам подойти к анализу одних и тех же явлений правовой коммуникации с разных сторон: ученые смогли представить результаты теоретических исследований и наработок, а практики (эксперты, законодатели, работники судебной системы) — поделиться опытом, рассказать о наиболее острых проблемах, с которыми им приходится сталкиваться в сфере профессиональной деятельности. В связи с этим важным результатом конференции можно считать коллегиально выработанные участниками мероприятия конкретные рекомендации в теории и практике законотворчества и правотолкования, правовой и лингвистической экспертизы, юридического перевода, формирования юрислингвистической компетенции специалистов. Многоаспектное теоретическое осмысление специфики функционирования естественного языка в юридической сфере представляется значимым как для теории юрислингвистики, так и для теории языка. Наблюдения и выводы, представленные в статьях, вошедших в сборник материалов конференции, могут быть учтены при совершенствовании действующего законодательства соответствующих стран.

Отечественная юрислингвистика как наука, по общему мнению участников конференции, вступает в такой период развития, который требует теоретического обобщения накопленного исследователями и экспертами научного и практического опыта в сфере изучения юридического дискурса как культурного феномена; языка права, в частности процессов юридизации и деюридизации лексики; функционирования языка как объекта правового регулирования. Иными словами, назрела необходимость в систематизации имеющейся у научного сообщества информации в данной сфере, что представляется перспективной задачей.

Участники конференции высказали удовлетворение плодотворной работой: конференция дала возможность не только обсудить проблемы и поделиться опытом, но и наметить пути дальнейшего сотрудничества ученых из разных регионов страны, высказать идеи по реализации будущих международных проектов.

Оргкомитет конференции выражает признательность Российскому фонду фундаментальных исследований, руководству Пензенского государственного университета, организаторам конференции, а также всем участникам!

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамкина // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Между-

нар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 3—6.

2. Агамагомедова С. А. «Контроль» и «надзор» в административно-правовой характеристике контрольно-надзорной деятельности: проблема разграничения понятий // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 167—169.

3. Айтмагамбетова М. Б. Вербальные и невербальные средства в аудиовизуальной рекламе Казахстана: этический и правовой аспекты // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 132—135.

4. Арошидзе М. В., Арошидзе Н. Ю. Речи Ф. Н. Плевако как лингвокультурный феномен и проблемы их перевода на английский и грузинский языки // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 279—282.

5. Арсениев С. В. Особенности перевода термина «груб строеж» на русский язык // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 283—285.

6. Бабикина М. Р. Особенности функционирования прецедентных феноменов со сферой-источником «культура» в российском националистическом дискурсе // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 345—350.

7. Балашова Г. В. Язык рекламы и маркетинга (на примере немецкой прессы) // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 136—138.

8. Барабаш О. В. Ключевые номинации субъектов коррупционного деяния в русском и болгарском языках // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 182—187.

9. Баранов А. Н. Злоупотребление правом как лингвистический феномен // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 7—10.

10. Борисова Е. Г. Что возбуждает ненависть? Лингвистические основы экстремистской коммуникации // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 20—22.

11. Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Имеем ли мы право на развитие? Эволюция методов лингвистической экспертизы // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 22—26.

12. Галяшина Е. И. Квалификационные и профессиональные требования к эксперту по видам судебной лингвистической экспертизы: лингвист-эксперт или эксперт-лингвист // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская,

А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 27—32.

13. Голев Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроектов [Электронный ресурс] : лекция на конференции «Язык. Право. Общество» — 2018. URL: https://youtu.be/daYok_TMS0s.

14. Гомес К. К., Ароча Р. О., Прето Г. Й. Morpho-syntaxes and semantics of legal texts // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 253—254.

15. Доронина С. В. Типы экстремистского дискурса и вопросы его экспертного анализа // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 39—42.

16. Дубровская Т. В. Стратегии дискурса международных отношений в российских печатных СМИ (на примере российско-итальянских отношений) // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 358—362.

17. Капустина М. А. Язык и право: научно-методологическое обеспечение правовой политики поддержки и развития русского языка при его использовании в функции государственного языка Российской Федерации // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 379—382.

18. Катышев П. А. Когнитивно-дискурсивная модель вовлечения в деятельность радикальных организаций (на материале судебных лингвистических экспертиз) // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 43—46.

19. Кузнецова О. Н., Демидова Е. Н. Практика реализации государственного контроля рекламы в Пензенской области // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 142—145.

20. Кушнерук С. Л. Миромоделирующий потенциал знаний в рекламном дискурсе: разновидности текстовых миров // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 146—148.

21. Медушевская Н. Ф. Язык права в контексте специфики правового менталитета российского общества // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 324—327.

22. Месропян Л. М. Материалы по делам о религиозном экстремизме: проблемы мониторинга и экспертной оценки исламского дискурса // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 66—68.

23. Михайлов М. Н., Кудашев И. С., Соума Ю. В. LATTE — финско-русский банк данных по юридической терминологии // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 209—213.

24. Мухтори К. Манипулирование общественным мнением в таджикской печати периода межтаджикского перемирия

1997 года // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 369—371.

25. Надеина Т. М., Чубина Е. А. «Гарантия положительного результата» или «указание на терапевтический эффект»: споры вокруг рекламы лекарственных средств // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 155—159.

26. Напр М. Translating legal texts from English to Arabic: Constraints, Cultural Differences and problem solving // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 293—296.

27. Николаев Б. В. Языковые права и избирательное законодательство: проблема двуязычных бюллетеней // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 383—385.

28. Новрузов Р. Лингвистическая экспертиза текста и переводный текст // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 297—298.

29. Павлова Н. А. Английский и испанский языки: языковое взаимодействие и государственная политика в США // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 386—388.

30. Панина Н. А. Современное состояние судебной авторо-ведческой экспертизы в России и за рубежом // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова,

Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 92—94.

31. Сааков Т. А. К вопросу о понятии демографических характеристик автора в судебной авторо-ведческой экспертизе // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 99—102.

32. Туктарова Г. М. Язык права как язык для специальных целей в татарском языкознании: специфика функционирования терминов-европеизмов во вторичном (переведенном) юридическом тексте // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 269—271.

33. Туралин В. Ю. Системность юридической терминологии в пределах и вне правового дискурса // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 232—235.

34. Флеонова О. Л. Semantic changes in the meaning of the word 'homeland' and its synonyms in Soviet and post-Soviet official discourse and mass culture // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 435—438.

35. Хънтов В. С. Перевод типовых и особых названий населенных пунктов в России и в Болгарии с русского на болгарский и с болгарского на русский язык // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 303—309.

36. Цолмон Ш., Агиймаа Г. Factors Affecting Language Policy in Mongolia // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. С. 393—394.

O. V. Barabash

Penza, Russia

M. B. Voroshilova

Ekaterinburg, Russia

THE VTH INTERNATIONAL CONFERENCE “LANGUAGE. LAW. SOCIETY” (PENZA, MAY 22—25, 2018): RESULTS AND PROSPECTS

ABSTRACT. *This is a review of the Fifth International Conference “Language. Law. Society” held in Penza State University in May, 2018. The aim of the conference was to unite scholars, legislators, public officers, officers of justice and experts to search for solution of definite problems connected with professional duties of specialists that arise in the context of legal communication in the state and society. The following topics were discussed: linguistic expertise of texts of different functional types; advertising text as an object of linguistic research and legal control; linguistic aspects of legal interpretation of legislation; the problem of defining legal terms in jurisprudence; problems of intercultural communication and translation of legal texts; juridical and linguistic aspects of the state language functioning; linguistic aspects of speech manipulation in mass media; the role of fiction and mass culture in the development of the public legal opinion; formation of linguistic competence when teaching future lawyers. The languages of the conference were Russian and English; there was consecutive translation of speeches and presentations. The conference was attended not only by scholars, but also by public officers, legislators, officers of justice and experts. Russian legal linguistics as a science is living through a period of rapid development and thus it requires synthesis of theoretical and practical knowledge gathered by researchers and experts in the sphere of legal discourse as a cultural phenomenon; language of law, especially juridification and de-juridification of terms; functioning of language as an object of legal control.*

KEYWORDS: *legal linguistics; language policy; information warfare; intercultural communication; forensic linguistic expertise; mind control; public opinion; international conference.*

ABOUT THE AUTHORS: *Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Research Officer Scientific and Research Institute of Fundamental and Applied Research, Head of Laboratory of Applied and Legal Linguistics, Penza State University, Penza, Russia.*

Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Rhetoric, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Acting Director of Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Abramkina // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 3—6.
2. Agamagomedova S. A. «Kontrol'» i «nadzor» v administrativno-pravovoy kharakteristike kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: problema razgranicheniya ponyatiy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 167—169.
3. Aytmagambetova M. B. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva v audiovizual'noy reklame Kazakhstana: eticheskij i pravovoy aspekty // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 132—135.
4. Aroshidze M. V., Aroshidze N. Yu. Rechi F. N. Plevako kak lingvokul'turnyy fenomen i problemy ikh perevoda na angliyskiy i gruzinskiy yazyki // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 279—282.
5. Arseniev S. V. Osobennosti perevoda termina «grub stroezh» na russkiy yazyk // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 283—285.
6. Babikova M. R. Osobennosti funktsionirovaniya pretседentnykh fenomenov so sfery istochnikom «kul'tura» v rossiyskom natsionalisticheskom diskurse // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 345—350.
7. Balashova G. V. Yazyk reklamy i marketinga (na primere nemetskoj pressy) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 136—138.
8. Barabash O. V. Klyucheveye nominatsii sub'ektov korruptsionnogo deyaniya v rusском i bolgarskom yazykakh // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 182—187.
9. Baranov A. N. Zloupotreblenie pravom kak lingvisticheskiy fenomen // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 7—10.
10. Borisova E. G. Chto vzbuzhdaet nenavist'? Lingvisticheskie osnovy ekstremistskoy kommunikatsii // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 20—22.
11. Voroshilova M. B., Chudinov A. P. Imeem li my pravo na razvitie? Evolyutsiya metodov lingvisticheskoy ekspertizy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 22—26.
12. Galyashina E. I. Kvalifikatsionnye i professional'nye trebovaniya k ekspertu po vidam sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: lingvist-ekspert ili ekspert-lingvist // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 27—32.
13. Golev N. D. Yazyk zakona i lingvisticheskaya ekspertiza zakonoproektov [Elektronnyy resurs] : lektsiya na konferentsii «Yazyk. Pravo. Obshchestvo» — 2018. URL: https://youtu.be/daYok_TMS0s.
14. Gomes K. K., Arocha R. O., Preto G. Y. Morpho-syntaxes and semantics of legal texts // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 253—254.
15. Doronina S. V. Tipy ekstremistskogo diskursa i voprosy ego ekspertnogo analiza // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 39—42.
16. Dubrovskaya T. V. Strategii diskursa mezhdunarodnykh otnosheniy v rossiyskikh pechatnykh SMI (na primere rossiyskoital'yanskikh otnosheniy) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 358—362.
17. Kapustina M. A. Yazyk i pravo: nauchno-metodologicheskoe obespechenie pravovoy politiki podderzhki i razvitiya russkogo yazyka pri ego ispol'zovanii v funktsii gosudarstvennogo yazyka Rossiyskoy Federatsii // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 379—382.
18. Katyshev P. A. Kognitivno-diskursivnaya model' vovlecheniya v deyatel'nost' radikal'nykh organizatsiy (na materiale sudebnykh lingvisticheskikh ekspertiz) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 43—46.
19. Kuznetsova O. N., Demidova E. N. Praktika realizatsii gosudarstvennogo kontrolya reklamy v Penzenskoy oblasti // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 142—145.
20. Kushneruk S. L. Miromodeliruyushchiy potentsial znaniy v reklamnom diskurse: raznovidnosti tekstovykh mirov // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 146—148.
21. Medushevskaya N. F. Yazyk prava v kontekste spetsifiki pravovogo mentaliteta rossiyskogo obshchestva // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 324—327.
22. Mesropyan L. M. Materialy po delam o religioznom ekstremizme: problemy monitoringa i ekspertnoy otsenki islamskogo diskursa // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 66—68.
23. Mikhaylov M. N., Kudashev I. S., Souma Yu. V. LATTER — finsko-russkiy bank dannykh po yuridicheskoy terminologii // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 209—213.
24. Mukhtori K. Manipulirovanie obshchestvennym mneniem v tadhikskoy pechati perioda mezhtadhikskogo peremiriya 1997 goda // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-

- prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 369—371.
25. Nadeina T. M., Chubina E. A. «Garantiya polozhitel'nogo rezultata» ili «ukazanie na terapevicheskiy effekt»: spory vokrug reklamy lekarstvennykh sredstv // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 155—159.
26. Nasr M. Translating legal texts from English to Arabic: Constraints, Cultural Differences and problem solving // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 293—296.
27. Nikolaev B. V. Yazykovye prava i izbiratel'noe zakonodatel'stvo: problema dvuyazychnykh byulleteney // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 383—385.
28. Novruzov R. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta i perevodnyy tekst // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 297—298.
29. Pavlova N. A. Angliyskiy i ispanskiy yazyki: yazykovoe vzaimodeystvie i gosudarstvennaya politika v SShA // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 386—388.
30. Panina N. A. Sovremennoe sostoyanie sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertizy v Rossii i za rubezhom // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 92—94.
31. Saakov T. A. K voprosu o ponyatii demograficheskikh kharakteristik avtora v sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertize // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 99—102.
32. Tuktarova G. M. Yazyk prava kak yazyk dlya spetsialnykh tseley v tatarskom yazykoznanii: spetsifika funktsionirovaniya terminov-evropeizmov vo vtorichnom (perevedennom) yuridicheskom tekste // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 269—271.
33. Turanin V. Yu. Sistemnost' yuridicheskoy terminologii v predelakh i vne pravovogo diskursa // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 232—235.
34. Fleonova O. L. Semantic changes in the meaning of the word 'homeland' and its synonyms in Soviet and post-Soviet official discourse and mass culture // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 435—438.
35. Kh"ntov V. S. Perevod tipovykh i osobykh nazvaniy naseleennykh punktov v Rossii i v Bolgarii s russkogo na bolgarskiy i s bolgarskogo na russkiy yazyk // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 303—309.
36. Tsolmon Sh., Agiymaa G. Factors Affecting Language Policy in Mongolia // Yazyk. Pravo. Obschestvo : sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 22—25 maya 2018 g.) / pod obsh. red. O. V. Barabash ; redkollegiya: M. B. Voroshilova, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova. — Penza : Izd-vo PGU, 2018. S. 393—394.

О. Л. Соколова, Л. В. Скопова
Екатеринбург, Россия

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой обзор нескольких научных трудов доктора филологических наук Ю. В. Богоявленской, в которых отражены результаты научных исследований, выполненных ей лично и ее коллегами-единомышленниками в рамках актуального направления современной лингвистики, а именно когнитивно-семиотического анализа парцелляции в русском и французском языках на материале текстов печатных средств массовой информации. Принципиально новый подход к сопоставительному изучению парцелляции заключается в разработке новаторской собственной методологии корпусного исследования с многоступенчатой процедурой верификации достоверности результатов, в использовании запатентованной компьютерной программы «Linguistica». Ю. В. Богоявленская вносит важные дополнения в лингвистическую терминологию, уточняет суть явления парцелляции, анализирует парцелляцию в русском и французском языке с использованием широкого контекста. Предлагаются перспективы использования разработанной методологии для исследования различных лингвистических корпусов в других языках. Уточняется роль и значение пунктуационных знаков для фиксации и смещения аттенционального фокуса в сопоставляемых языках. Делаются выводы о сходствах и расхождениях сопоставляемых языков по критериям количества парцеллятов, их локализации, протяженности парцеллята, его удаленности от основы. Анализируются механизмы конвергенции парцелляции и фигур интертекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительное языкознание; парцелляция; когнитивная лингвистика; корпусные исследования; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; русский язык; французский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Соколова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62 / Народной Воли, 45; e-mail: Sokolova_olga@usue.ru.

Скопова Людмила Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62 / Народной Воли, 45; e-mail: l-skopova@mail.ru.

Ряд работ Ю. В. Богоявленской, рассматриваемых в данной статье, посвящен актуальной лингвистической проблеме, а именно когнитивно-семиотическому корпусному анализу парцелляции в русском и французском языках. Как справедливо отмечает автор, в традиционной лингвистике явление парцелляции достаточно подробно изучено с позиций синтаксического, риторико-стилистического и прагматического подходов. В частности, во французской лингвистической науке отмечается два периода всплеска интереса к парцелляции: в 50—60-х г. XX и в начале XXI в. Отметим также, что в исследованиях последнего десятилетия французские лингвисты используют весьма емкий термин «добавление после точки», к которому причисляются разнообразные парцелляты и смежные образования, находящиеся в постпозиции [Богоявленская 2018: 202—204]. Также в научной литературе описаны дискурсивные функции, когнитивные особенности и диахроническая динамика парцелляции [Богоявленская 2016: 3].

Исследование, много лет проводимое Ю. В. Богоявленской, демонстрирует принципиально новый подход к изучению парцелляции. Новизна заключается прежде всего в сопоставительном аспекте исследования. Анализ межъязыковых сходств и различий, описание национальных особенностей парцелляции затрагивается в работах Э. А. Зоидзе, О. П. Каркошко и Е. С. Зверевой. Исследуя парцелляцию в аналитическом тексте на примере русского и английского язы-

ков, Э. А. Зоидзе приходит к выводу о большей распространенности парцелляции в русском аналитическом тексте, которую она объясняет «общей тенденцией к упрощению синтаксиса публицистики, общей установкой на создание живой, звучащей речи на страницах российских газет, стремлением адаптировать газетную аналитику — жанр довольно сложный для восприятия — для максимально широкого круга читателей. Что касается экспрессивных и прагматических функций парцелляции, то они схожи в обоих языках» [Зоидзе 2012: 71]. О. П. Каркошко делает попытку исследовать парцелляцию в сопоставлении русского языка с немецким. Однако ограничивается лишь уточнением понятий и анализом семантики и структуры парцелляции в сопоставляемых языках, без четкой формулировки, в чем именно заключаются сходства и расхождения [Каркошко 2011: 6—7]. Е. С. Зверева исследует парцелляцию в поэтических текстах в русском языке в сопоставлении с украинским и, как и следовало ожидать от сопоставления близкородственных языков, обнаруживает больше сходств, нежели различий [Зверева 1998: 5—7]. Как справедливо отмечает автор, именно сопоставительный характер исследования способствовал выявлению и исчерпывающему описанию природы парцелляции, невозможному при исследовании на материале отдельно взятых языков.

Когнитивно-семиотический подход к исследованию парцелляции позволил Ю. В. Богоявленской подкрепить результаты лингви-

стического исследования данными экспериментальной и когнитивной психологии. На наш взгляд, привлечение корпусной методологии и применение компьютерных методов анализа позволили Ю. В. Богоявленской обработать значительный объем текстового материала, выделить корпус единиц исследования из максимально широкого, свободного и естественного контекста (в двух языках автор проанализировал более 600 текстов, около 500 000 словоупотреблений и более 2500 парцеллем) [Богоявленская 2016: 5], а предложенный автором тщательно продуманный алгоритм обработки материала обеспечил объективные, достоверные и убедительные результаты исследования.

В работе использован понятийно-терминологический аппарат, представляющий явление парцелляции во всем его разнообразии и полноте. Ю. В. Богоявленская обогатила научный метаязык терминами-неологизмами: парцеллема (языковой синтаксический знак, при помощи которого субъект конструирует образ референтной ситуации), парцеллографема (графический знак, регулирующий локализацию аттенционального фокуса и создающий специфический графический рельеф), парцеллянтная сетка (совокупность парцеллографем и постпарцеллянтных знаков), парцеллянтная конвергентная зона (сосредоточение в парцеллянте равноуровневых языковых средств, взаимодействующих в дискурсе для выполнения единой функции).

Теоретическая значимость исследования Ю. В. Богоявленской связана, помимо вышечисленного, с разработкой новаторской методологии. В рамках исследования разработана концепция формирования объектно ориентированного корпуса, разработана и запатентована компьютерная программа «Linguistica», позволяющая создавать и индексировать лингвистические корпуса с учетом заданных критериев. Ю. В. Богоявленская уже указывала на недостатки существующих методик и приемов, применяемых в корпусной лингвистике: влияние языковой личности на результаты, неопределенность понятия репрезентативности и необходимо-достаточного количества текстов [Богоявленская, 2016: 163—164], а также ограниченный доступ к контексту и гетерогенность текстов-источников (разный объем, структура корпусных массивов, время создания и типы текстовых документов) [Богоявленская 2017: 9]. Учитывая эти особенности, Ю. В. Богоявленская предлагает собственную методику верификации достоверности результатов исследования, способную распознавать и фиксировать стати-

стические изменения в исследуемом корпусе, а также четырехступенчатый алгоритм сопоставительно-параметрического анализа корпуса. Данные находки могут быть успешно применены для решения ряда практических задач, в частности, для установления авторства текста, для проведения лингвокриминалогических экспертиз и т. д., что убедительно свидетельствует в пользу практической ценности рецензируемого исследования.

Первая глава диссертационного исследования Ю. В. Богоявленской представляет собой критический анализ российской и зарубежной научной литературы по проблеме исследования в диахроническом аспекте, а также представляет современные тенденции в исследовании парцелляции в лингвистике и, опосредованно, в других науках. Отсутствие общей терминологической базы, терминологическая асимметрия, несовпадение объема значения лингвистических терминов и полярное отношение к роли парцелляции явились серьезным препятствием для создания международно признанной научной теории и привели к тому, что парцелляция долгие годы изучалась изолированно в рамках различных национальных лингвистических школ. Тем не менее отмечается сходство в подходах в российской и французской лингвистической традиции в вопросах определения сущности парцелляции и разграничения ее со смежными явлениями (присоединение, эллипсис, номинативное предложение и т. д.) На современном этапе развития лингвистической науки, к сожалению, по-прежнему преобладают попытки рассматривать парцелляцию лишь на уровне предложения, в то время как функционирование парцелляции в различных типах дискурса остается малоизученным. Актуальное направление в исследовании парцелляции на современном этапе, вероятнее всего, связано с использованием междисциплинарной методологии, интегрирующей когнитивно-семиотический, сопоставительный и корпусный подходы [Богоявленская 2016: 14]. Ю. В. Богоявленской удалось глубоко и всесторонне осветить широкий круг проблем, уточнить и упорядочить терминологию, наглядно и убедительно представить внушительный объем лингвистического знания относительно парцелляции в языках различных групп (романских, германских, славянских) и семей (алтайской, абхазо-адыгейской, уральской), что, несомненно, позволило глубже понять универсальное и специфическое в парцелляции, несмотря на недостаточность серьезных исследований парцелляции в сопоставительном аспекте.

Вторая глава посвящена описанию методологии исследования. Прежде всего следует упомянуть оптимизацию процедуры лингвистического анализа, обращение к междисциплинарной методологии в исследовании парцелляции, включающей в себя идеи когнитивистики и лингвосомиотики. Возможность использования междисциплинарного подхода к исследованию парцелляции основывается, по мнению автора, на близости объектов, исследовательских интересов, метода и методик анализа многогранной действительности языка, антропоцентричности, интерпретационизме и экпланаторности [Богоявленская 2016: 15].

Отдельный параграф посвящен статусу и функциям пунктуационных знаков, в том числе в сопоставлении русского и французского языков. Как известно, во французском языке есть некоторые особенности употребления пунктуационных знаков. В частности, Ф. С. Андросова писала о синонимичности точки, запятой, многоточия во французском языке как одним из способов создания экспрессивной парцелляции в современных литературных текстах [Андросова 2015: 17]. Принимая во внимание эти различия — ориентированность преимущественно на формально-грамматический принцип в русском языке и выполнение коммуникативно-прагматических задач во французском языке — Ю. В. Богоявленская выдвигает гипотезу о более высокой частоте использования парцеллирующих синграфем во французском языке. Высказанная гипотеза подтверждается в ходе дальнейшего исследования.

Междисциплинарный подход сделал возможным применение достижений психологии и лингвокогнитологии для исследования парцелляции. Действительно, целесообразность употребления парцеллированных конструкций тесно связана с аттенциальностью, и, таким образом, для исследования парцелляции могут и должны быть применены категории, понятия и методики, связанные с оценкой распределения внимания, такие как фон, фигура, салиентность, точка обзора, фокусирование и дефокусирование. Салиентность в данном контексте, по всей видимости, стоит понимать как способность нашего сознания выделять разные аспекты конструируемого образа, «осознанный и контролируемый говорящими отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации о референте или коммуникативном событии» [Ирисханова 2014: 29].

В третьей главе Ю. В. Богоявленская представляет потенциал корпусной методологии. Лингвистический корпус рассматривается как представительная коллекция тек-

стов, снабженных разметкой и специальной системой поиска [Богоявленская 2016: 16]. Формирование лингвистического корпуса должно учитывать принципы репрезентативности, сбалансированности, сопоставимости, обозреваемости. Далее автор предлагает весьма детализованную четырехступенчатую процедуру верификации достоверности результатов, включающую фиксацию относительных показателей после нескольких итераций и вычисление среднего индекса. Предложенная процедура является весьма трудоемкой, но обеспечивает достоверность количественных и качественных показателей.

В четвертой главе Ю. В. Богоявленская анализирует парцеллированные структуры в русском и французском языках в сопоставительном аспекте, выявляет межъязыковые сходства и расхождения. Автор наглядно и убедительно показывает функции и роль парцеллированных конструкций. Удачным представляется прием, при котором автор трансформирует фразы оригинала, изменяя пунктуацию и синтаксическую структуру и превращая таким образом парцеллированную конструкцию в единое распространенное предложение. Ю. В. Богоявленская справедливо отмечает, что в случае с парцелляцией читатель сталкивается с когнитивным парадоксом: создается иллюзия смысловой и синтаксической законченности предложения, которая разрушается при появлении парцеллята. Таким образом, аттенциальный фокус смещается в соответствии с замыслом говорящего, текст обретает интригу и специфическую рельефность, адресат получает сообщение, соответствующее намерениям и видению отражаемого фрагмента действительности говорящего [Богоявленская 2016: 22—23]. Способность парцеллированных конструкций к созданию и смещению аттенциального фокуса неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Отметим, в частности, работу Е. М. Александровой и О. А. Астафьевой, которые исследуют комический эффект, создаваемый при помощи парцелляции в коротких анекдотах (парцеллирование однородных членов предложения, частей сложноподчиненного предложения и т. д.) [Богоявленская 2015: 15—16]. В более широком смысле парадоксальные семантические отношения между основой и парцеллятом, разделенными пунктуационными знаками, схожи с эффектом обманутого ожидания при восприятии демотиваторов, представляющих собой более явный конфликт между вербальным и визуальным компонентами [Ворошилова, Адясова 2016: 168].

Далее Ю. В. Богоявленская анализирует материал по ряду следующих параметров: локализация парцеллята по отношению к основе, протяженность парцеллята, удаленность от основы, количество парцеллятов. Выводы о сходстве и расхождении в сопоставляемых языках приводятся отдельно по каждому параметру, что лишний раз доказывает глубину исследования и достоверность результатов. Автор приходит к выводам, что, во-первых, французскому языку более свойственны перспективные и перспективно-ретроспективные парцелляты, а русскому — ретроспективные. Во-вторых, во французском языке заметно выше частотность парцеллятов значительной протяженности, в то время как в русском языке выше частотность равнопротяженных парцеллятов. Также в русском языке значительно чаще встречаются парцелляты разной протяженности. По третьему параметру в сопоставляемых языках выявлено сходство, а именно: преобладание примыкающих и малая частотность дистантных парцеллятов. Четвертый критерий также позволил автору сделать вывод о сходстве сопоставляемой пары языков: в русском и французском языках безусловно преобладают однопарцеллятные структуры, двухпарцеллятные присутствуют в ограниченном количестве. Количество полипарцеллятных структур в сопоставляемых языках невелико, однако в русском языке их количество значительно выше, чем во французском языке [Богоявленская 2016: 25—28].

Анализ семантических отношений между основой и парцеллятом позволил автору открыть новые грани исследуемого явления в сопоставляемых языках. Прежде всего в исследовании выявлено 17 групп асимметрических и 22 группы симметрических парцеллятов, реализующих разнообразные семантико-синтаксические программы. В асимметрических парцеллятах аттенциальный фокус выделяет, как правило, каузальный аспект конструируемой ситуации, чуть реже — темпоральную характеристику, цель, следствие и уступку. Среди симметрических парцеллятов значительно преобладают координативные (объектные — во французском языке и предикативные — в русском языке). Автор точно и скрупулезно фиксирует соотношение частотности всех групп парцеллятов в сопоставляемых языках. Однако, за исключением явного преобладания, количественные характеристики разнятся весьма незначительно, и, по нашему мнению, некоторыми незначительными различиями можно пренебречь и не рассматривать их как расхождения.

В пятой, заключительной главе Ю. В. Богоявленская представляет когнитивно-дис-

курсивный анализ парцеллем в русском и французском языках. В сопоставляемых языках преобладают внутриабзацные парцеллемы, в то время как частотность финальноабзацных, начальнабзацных и полноабзацных парцеллем ниже и приблизительно сопоставима в русском и французском языках. Отличительной чертой русского языка является наличие разноабзацных парцеллем, во французском языке такой чертой является наличие парцеллем, продолжающихся через подзаголовков [Богоявленская 2016: 36].

Отдельный раздел посвящен конвергентному потенциалу парцелляции, где под конвергенцией понимается «стремление различных разноуровневых языковых средств к сближению и взаимодействию в дискурсе для выполнения единой функции» [Богоявленская 2016: 36]. Исследование показывает, что парцелляция эффективно взаимодействует с повтором, градацией, антитезой, синтаксическим параллелизмом, метафорой. В частности, аттенциальный фокус значительно усиливается при конвергенции парцелляции и зооморфной метафоры, что убедительно показано в работе Ю. В. Богоявленской и А. П. Чудинова. «Парцелляция находится с метафорой в отношениях взаимной поддержки. Совместно они регулируют распределение внимания в формате лексем и предложения, „наводят“ аттенциальный фокус на существенные, приоритетные для продуцента элементы, имеющие когнитивно-дискурсивную значимость. Парцелляция способствует выносу на первый план информации, находящейся вне фокуса внимания на вербальном, эксплицитном уровне» [Богоявленская, Чудинов 2018: 35]. К сожалению, Ю. В. Богоявленская оставляет за скобками сопоставительный аспект исследования данной частной проблемы. Отметим также, что для анализа понимания метафоры адресатом необходимо использовать комплекс методов, в том числе нейрокогнитивных и психолингвистических, поскольку восприятие метафоры, по мнению Э. В. Будаева, требует взаимодействия с когнитивными установками адресата, т. е. его эмоциональным отношением к метафорическому выражению и расстановкой приоритетов в системе социальных ценностей [Будаев 2016: 23].

Исследование механизмов конвергенции продолжается в следующем разделе, посвященном парцелляции, антономазии и фигурам интертекста. Автор справедливо утверждает: «Конвергенция парцелляции и фигур интертекста является эффективным средством активизации внимания читателя и

оптимизации аттрактивных свойств публикации» [Богоявленская 2016: 40]. Антономазию автор определяет как гибридную семиотическую сущность, совмещающую индексальную и культурно-символическую знаковые функции. Конвергенция антономазии и парцелляции позволяет направить аттенциальный фокус на конкретные дискурсивные смыслы, снимая, «перетягивая» фокус с других.

Работы Ю. В. Богоявленской представляют собой глубокий и подробный анализ актуальной лингвистической проблемы. Предложенная автором методология, разработанная специальная компьютерная программа «Linguistica» дают возможность создавать лингвистические корпуса и исследовать широкий спектр лингвистических явлений в различных языках. В частности, элементы методики были успешно применены при изучении абсолютных причастных конструкций во французском и испанском языках и т. д. [Нелюбина, Богоявленская 2016: 33], что дает основания полагать, что предложенная методология и расширенный и уточненный терминологический аппарат станут основой для многочисленных исследований в области актуальных проблем лингвистики и смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, Е. М., Астафьева, О. А. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический прием расчленения текста (на материале коротких анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1 (48).

O. L. Sokolova, L. V. Skopova
Ekaterinburg, Russia

PARCELLING IN RUSSIAN AND FRENCH MEDIATEXT: CORPUS ANALYSIS

ABSTRACT. *The article is a review of several scientific works of Doctor of Philology U. V. Bogoyavlenskaya, reflecting the results of research performed by her personally and her like-minded colleagues within the framework of the relevant directions of modern Linguistics, namely cognitive-semiotic analysis of parceling in Russian and French in mass-media. A fundamentally new approach to the comparative study of parceling is to develop innovative methodologies of its own case study with multi-stage procedure for verification of the reliability of the results, using patented computer program Linguistica. U. V. Bogoyavlenskaya makes a serious contribution to linguistic terminology, clarifies the phenomenon of parceling, analyzes parceling in Russian and French languages using a broad context. Prospects for development of methodology to research various linguistic corpora in other languages are proposed. The author clarifies the role and importance of punctuation marks for fixing and removal of attention focus in compared languages. Conclusions are made about the similarities and differences of the analyzed languages from the point of view of the number of parceling units, their place, length and remoteness from the base. The convergence mechanisms of parceling and intertext figures are analyzed.*

KEYWORDS: *comparative linguistics; parceling; cognitive linguistics; corpus study; media linguistics; media discourse; media texts; Russian, French.*

ABOUT THE AUTHORS: *Sokolova Olga Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

Skopova Ludmila Valentinovna, Candidate of Pedagogy Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Александрова, Е. М., Астафьева, О. А. Partsellyatsiya kak ekspressivno-sintaksicheskiy priem raschleneniya teksta (na materiale korotkikh anekdotov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 6-1 (48).
2. Androsova F. S. Punktatsionnye znaki v partsellirovannykh konstruksiyakh // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2015. № 4 (64) T. 4.

2. Androsova F. S. Punktatsionnye znaki v partsellirovannykh konstruksiyakh // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2015. № 4 (64) T. 4.

3. Богоявленская Ю. В. Теория и методология когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016.

4. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58).

5. Богоявленская Ю. В. Проблемы парцелляции во французской лингвистике: этапы и направления исследований // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67).

6. Богоявленская Ю. В. Сопоставительный объектно-ориентированный корпус: определение понятия и принципы формирования // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. № 9.

7. Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенциального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсах // Язык и культура. 2018. № 41.

8. Будаев Э. В. Нейрокогнитивный и психолингвистический подходы к анализу политических метафор // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14.

9. Ворошилова М. Б., Адясова О. А. Когнитивный конфликт как основа демотиватора // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66).

10. Зверева Е. С. Функционирование парцелированных конструкций в современной русской поэтической речи (в сопоставлении с украинской) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1998.

11. Зондзе Э. А. Роль парцелированных конструкций в аналитическом газетном тексте (на материале русского и английского языков) // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. 2012. № 5.

12. Ирисханова О. К. Интерсубъектность конструирования событий в полимодальном дискурсе // Vestn. MGLU. 2014. № 17.

13. Каркошко О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2011.

14. Нелюбина М. С., Богоявленская Ю. В. Абсолютная причастная конструкция и смежные явления во французском языке // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 3 (41).

3. Bogoyavlenskaya Yu. V. Teoriya i metodologiya kognitivno-semioticheskogo korpusnogo issledovaniya partsellyatsii vo frantsuzskikh i russkikh pechatnykh SMI : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016.

4. Bogoyavlenskaya Yu. V. Rerezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannyykh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58).

5. Bogoyavlenskaya Yu. V. Problemy partsellyatsii vo frantsuzskoy lingvistike: etapy i napravleniya issledovaniy // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67).
6. Bogoyavlenskaya Yu. V. Sopostavitel'nyy ob"ektno-orientirovannyi korpus: opredelenie ponyatiya i printsipy formirovaniya // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. 2017. № 9.
7. Bogoyavlenskaya Yu. V., Chudinov A. P. Vzaimodeystvie partsellyatsii i metafory kak sredstv attentsial'nogo fokusirovaniya v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskursakh // Yazyk i kul'tura. 2018. № 41.
8. Budaev E. V. Neyrokognitivnyy i psikholingvisticheskiy podkhody k analizu politicheskikh metafor // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2016. № 14.
9. Voroshilova M. B., Adyasova O. A. Kognitivnyy konflikt kak osnova demotivatora // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66).
10. Zvereva E. S. Funktsionirovanie partsellirovannykh konstruktsey v sovremennoy russkoy poeticheskoy rechi (v sopostavlenii s ukrainskoy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kiev, 1998.
11. Zoidze E. A. Rol' partsellirovannykh konstruktsey v analiticheskom gazetnom tekste (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. 2012. № 5.
12. Iriskhanova O. K. Intersub"ektnost' konstruirovaniya sobyitiy v polimodal'nom diskurse // Vestn. MGLU. 2014. № 17.
13. Karkoshko O. P. Partsellyatsiya: struktura, semantika, funktsiya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Maykop, 2011.
14. Nelyubina M. S., Bogoyavlenskaya Yu. V. Absolyutnaya prichastnaya konstruktsey i smezhnye yavleniya vo frantsuzskom yazyke // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 3 (41).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2018. ВЫПУСК 6 (72)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 27.12.2018. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 19,2. Усл. печ. л. — 19,4. Тираж 500 экз. Заказ 5009.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me